Т. Н. Попова

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБРАЗ НАУКИ

подходы и понятия

Т. Н. ПОПОВА

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБРАЗ НАУКИ

подходы и понятия

Одесса
2019

УДК 930.2:165](100)“197/201”
ББК 63(0)6+87.22(0)
П 58

Рецензенты

С. В. Кульчицкий – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

И. И. Колесник – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

А. В. Ясь – доктор исторических наук, профессор,
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

Попова Татьяна Николаевна

П 58 Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия / Т. Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М. А., 2019. – 392 с.

ISBN 978-617-7613-91-5

В книге Т. Н. Поповой, профессора Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, рассматривается широкий круг проблем, посвященных дисциплинарной организации науки. Проанализированы основные подходы в современной социогуманитарной историографии к осмыслению феномена дисциплинарности, к оценке соотношения дисциплинарности и междисциплинарности, институционализации и дисциплинаризации; обозначены ведущие тенденции в изучении дисциплинарной истории, предложены инструментальные модели научной дисциплины и институционального анализа. «Дисциплинарный поворот» рассматривается как очередной в плеяде многочисленных «поворотов», отражающих эпистемологические поиски ученых на протяжении последней трети XX в. – первых десятилетий 2000-х гг.

УДК 930.2:165](100)“197/201”
ББК 63(0)6+87.22(0)

Книга рассчитана в первую очередь на специалистов-историографов и на профессиональных историков, а также на всех, кто интересуется проблемами дисциплинарной организации науки и дисциплинарной историей.

ISBN 978-617-7613-91-5

© Т. Н. Попова, 2019

Содержание

Заметки предваряющие *(4)*
Mini – преамбула: О «монстре» дисциплинарности (10)

I.
Современная наука в пространстве *поворотов*
К истории изучения науки: абрис (13)
О «поворотах» и дисциплинах (54)
Концепт «поворот» и другие понятия (75)

II.
Дисциплина и дисциплинарность
К поискам определения дисциплины и дисциплинарности: контур (90)
О старых идеях и новых подходах (113)

III.
Категории и модели
О «дисциплинарном» и «проблемном» образах науки (154)
О дисциплинарном научном сообществе (162)
Об институционализации и дисциплинаризации (197)
О дисциплинарной истории (213)
О дисциплинарных и институциональных моделях (229)

IV.
Вариации на тему
О персональных маршрутах (253)
Биографистика (254)
Историография (266)
Бициллиеведение (322)

V.
Глоссарий
Дефиниции и экспликации (338)
Авторский словарь (366)

Заметки завершающие *(369)*

Парад имён *(377)*

Summary *(389)*

Заметки предваряющие

Я избавился от канонов, которые стали просто странными,
но я не думаю, что мы можем вообще обойтись без них.
Р. Рорти[1]

Если широкие круги читателей проявляют сегодня большой интерес к истории, к прошлому, к информации о прошедшем, то профессиональных историков должна интересовать сама наука, или *дисциплина*[2]. Тезис о *раздисциплинировании* науки еще «вчера» считался аксиоматичным, «сегодня» «…пришло время ”собирать камни” – дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению…»[3]: обращение к проблемам дисциплинарности, анализ специфики дисциплинаризации отдельных областей знания[4], интерес к дуэту дисциплинарность / междисциплинарность заявили о себе в контексте акцентуализации *дисциплинарной истории*, тем более что дисциплинарная история и история профессии по-прежнему остаются «подвижной» и не вполне «отрефлексированной» предметной областью[5]. «В эпоху потрясений устоев знаний, – писал известный французский историк Пьер Нора, – каждая дисциплина стремится проверить свои основания с помощью их ретроспективного просмотра»[6], т. е. осмыслить свой потенциал и свое право на бытие в науке.

Лозунг об «исчезновении» дисциплины как таковой и архаичности дисциплинарной организации науки оказался несколько преждевременным. Сегодня научный мир с невероятной скоростью пополняется все новыми и новыми дисциплинами, претензии на «дисциплинарный статус» заявляют представители только что образованных проблемных полей. Все эти явления требуют своего

---

[1] *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Ror_IstFil.php Автор употребляет в контексте своей статьи термин *канон* как, скорее, стиль историко-философских текстов, подход к историко-философскому дискурсу, традиции создания историко-философским работ; я позволила себе привести эту цитату в более расширительном толковании – канон как стандарт, правило, сопоставимое с дисциплинарными нормативами.

[2] См.: *Кульчицький С.* Українська історія як знаряддя легітимації пострадянського політичного устрою наприкінці 80-х років // Історія та історіографія в Європі. Збірник наукових праць / Редактори С. Стельмах, Г. Хаусман. Київ, 2004. Випуск 3. С.101.

[3] *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 550.

[4] *Дмитриев А.* Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.7-38.

[5] См.: *Медушевская О. М.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в системе гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции, Москва, 18-19 апр. 2002 г. / Отв. ред. В. А. Муравьёв. М.: РГГУ, 2002. С.20-26.

[6] *Нора Пьер.* Проблематика мест памяти // Франция-память: сб. / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С.32.

осмысления не только в границах собственного дисциплинарного пространства, но и настоятельно рекомендуют «выходить» в поли / меж / транс-дисциплинарную сферу. Для этого надо освободиться от синдрома «идиосинкразии *ино*дисциплинарности», преодолеть барьер неприятия *чужого языка*, услышать и попытаться понять, что говорят *другие* специалисты.

Дисциплинарность предстает в качестве одного из фундаментальных принципов организации поля знания. Обостренное внимание к проблемам дисциплинарности, актуализированное сегодня после определенного спада интереса к феномену междисциплинарности[1], а также к любому нарушению дисциплинарных границ – веянию, весьма модному в 1990-е годы и в начале 2000-х годов, – возможно, означает то, что *науки о человеке* в XXI веке вступают «в революционную стадию развития, период турбулентности и потрясения основ»: во втором десятилетии нового тысячелетия, после постмодернистского «натиска» культурных исследований, можно смело говорить о своеобразном *ренессансе дисциплинарного принципа*[2].

Этот «дисциплинарный поворот», спровоцированный целым спектром разнообразных факторов, – только в начале пути, его маршрутизация пока не ясна, но обозначившийся интерес к проблемам Дисциплины и проблемам организации научной деятельности заставляет нас «повернуть за поворот».

* * *

Автор книги – не науковед[3], хотя ее тематика связана с вопросами науковедческими – социологией, философией, историей науки, собственно науковедением и т. п. Мои предыдущие монографии[4] и их непростое восприятие некоторыми коллегами-историками во многом стимулировали работу над этой книгой. Дело в том, что, несмотря на лозунги о «междисциплинарности», мы все продолжаем оставаться представителями *разных* дисциплин и в силу этого имеем *свое* дисциплинарное мышление, *свой* язык, *свой стиль* текстуры – *свои* дисциплинарные стандарты и *свое* «дисциплинарное *миро*видение».

Этот факт, отражающий сохраняющееся расчленение единого научного знания, безусловно, в определенной мере негативно сказывается на развитии

---

[1] В дальнейшем этим термином будет «покрываться» вся система *меж-дисциплинарных* исследований за исключением тех случаев, когда речь будет идти о конкретных формах / типах междисциплинарности.

[2] См.: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.10-11.

[3] Это понятие покрывает все *науки о науке*: философию, социологию, историю науки, собственно науковедение и т.п.

[4] См.: *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.; *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. 456 с.

всего дисциплинарного массива, однако не считаться с этой спецификой нашей научной жизни нельзя, как и не стоит воспринимать *феномен дисциплинарности* исключительно в негативном ключе. Выход из этой ситуации – в более широком и глубоком знакомстве с работами других специалистов-социогуманитариев, с достижениями в иных сферах, включая естествознание, в стремлении внедрить инновации «общего рынка»[1] науки в свой исследовательский инструментарий.

Несмотря на то, что все мы ориентируемся на этот «общий рынок», из которого каждый в силу своих возможностей и целеполагания черпает необходимое для себя – идеи, методы, теории, стили, технологию мышления и т. п. – наш «гносеологический оптимизм», пережив период «гносеологического пессимизма / агностицизма», приобрел сегодня характер «гносеологической сдержанности». Мы уже не уверены в своей способности воссоздать «все, что было», но в бесконечных поисках эпистемологических идеалов и «рычагов для конструирования», пытаемся все-таки прорваться за пелену, скрывающую *прошлое,* а главное – усиленно ищем не только панацею от всех бед «угасающего», как говорят, историописания, но в этих поисках стремимся найти и «врага» – главную причину, препятствующую нашему исследовательскому продвижению. Среди этих «врагов» оказалась и дисциплина…

Огромный массив евроатлантического научного наследия, хлынувший с «перестроечных» времен», процесс бесконечной вереницы *поворотов* в методологическом движении в новом тысячелетии, который приобрел необратимо-перманентный характер, способствовали тому, что образовался значительный разрыв между «передним краем» науки и «дисциплинарной матрицей» (не говоря уже о состоянии второго лика дисциплины – дидактического). Все это обусловило своеобразную стрессовую ситуацию в *нашем* научном сообществе. Попытки преодоления этого разрыва имеют различные формы проявления в историографической практике:

1) *формально-конъюнктурную,* основанную на методике «цитатничества» при периодической смене «авторитетных» имен; в этом контексте справедливо замечание И. М. Савельевой о том, что «…с “авральным” овладением западным теоретическим багажом возникло много перекосов <…> Это и методологический эклектизм в рамках одного исследования, и некритические заимствования модных теорий, и использование исследовательских техник без знания соответствующих концепций, и многое другое»[2];

---

[1] См.: *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: сб. ст. / пер. с англ., нем., франц.; общ. ред. и вступит. статья И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С.116.

[2] *Савельева И.* Присутствие и отсутствие // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте*:* опыт России и Польши / под ред. Е. Аксер, И. Савельевой. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С.16. «Вестернизация» *нашей* науки (в качестве одного из своих негативных следствий**)** способствовала появлению и распространению синдрома «калькирования» (термин М. Блока).

2) *профессионально-инновационную*, которой свойственно стремление к реальному обновлению категориального аппарата и исследовательских процедур на основе рефлексии инноваций;

3) *традиционалистскую*, характеризующуюся неприятием непрерывно меняющегося облика профессиональной историографии, стремлением к сохранению привычного арсенала позитивистского академизма, консервации «эмпирио-историописания»[1].

Более столетия назад один из крупнейших ученых Генрих Риккерт заметил: «История и философия удаляются друг от друга вследствие взаимного непонимания, и это дурно отзывается на обеих науках»[2]. Эту мысль можно отнести к дуэту истории и с другими дисциплинами. Междисциплинарная тенденция современной науки настоятельно требует не только обращения к «соседям» по «ученому цеху», но и понимания проблем дисциплинарности / междисциплинарности в ситуации радикальной трансформации дисциплинарного пространства современной науки и все более углубляющейся дифференциации и специализации научного знания.

* * *

Данная книга – попытка *историка* рассказать *историкам,* о чем говорят и пишут наши коллеги из смежных областей социогуманитарного массива научного знания, рассказать на *языке,* доступном для понимания *не*философов, *не*социологов, *не*психологов и даже *не*физиков. В связи с этим данный текст с неизбежностью будет включать значительный дидактический элемент, хотя назвать эту книгу учебным пособием было бы не совсем точно.

Многие вопросы, проблемы, сюжеты имеют определенную повторяемость практически во всех частях книги, но в разных контекстах, с различной фокусировкой и оптикой рассмотрения. Этот прием «кружевного плетения» неизбежен и осознанно применим с целью более глубокого осмысления достаточно сложного тематического пространства. Формат многообразных *ремарок* и *экскурсов* (включая *курсив*) позволяет в нелинейной плоскости текстуры сое-

---

[1] Сегодня движение «назад к позитивизму» свойственно многим национальным историографиям – французской и российской, англосаксонского научного пространства. Это явление объясняют «усталостью» от постмодернизма. См.: *Лаптева М. П.* Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX-XXI веков // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 18. Однако факт «усталости», скорее, явление евроатлантической науки, нежели восточноевропейской, в которой «пройденный» Западом этап еще не освоен в достаточной мере и на исследовательском, и на дидактическом уровнях. Одновременно ряд «открытий» западной науки не представляет нечто радикально новое для отечественных ученых.

[2] *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. / Общ. ред и предисл. А. Ф. Зотова; Сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; Подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1998. С.136.

динить несоединимое – мысли, цитаты, информацию, мнения и т. п. из разных источников и разных концептуальных миров, – что невозможно сделать в рамках традиционного *линейного* историописания.

Для меня идеалом научной стилистики всегда были тексты Петра Михайловича Бицилли – с его «кружением» вокруг одной и той же темы, рассмотрением ее в разной плоскости и при разной степени увеличения[1], с его экскурсами, на первый взгляд, казалось бы, не вписывающимися в общую проблематику исследования, но на деле органично дополняющими сюжетные линии.

Позволю себе сослаться еще на одного великого историка – Фернана Броделя, который признавался в своем знаменитом труде об истории Франции в том, что наличие «неизбежных повторов», возвращение к тому, что уже было сказано в предыдущих главах, объясняется сложностью возложенной задачи, невозможностью «оставаться в заранее очерченных пределах»[2].

Разумеется, я лишь скромный подмастерье, пытающийся уловить неповторимость почерка Великих Мастеров…

Но если мой текст заслужит в какой-то мере интерес Читателя и сподвигнет его на самостоятельное прочтение той необъятной, но крайне необходимой историку, литературы, я буду считать свою миссию частично выполненной.

Заранее приношу извинения тем Авторам, которые сочтут мою интерпретацию их концепций недостаточно четкой и несколько «вольной»: моя попытка специалиста-историографа представить *чужие* мысли – повод для коллег-*не*историков услышать *язык историка / историографа*, а для коллег-историков самостоятельно заглянуть в первоисточники. Разумеется, буду признательна представителям *профессионально-инновационной* группы историков, хорошо знакомым с привлеченными в данной книге текстами, за доброжелательные уточнения в моем дискурсе.

* * *

Эта книга структурно включает пять частей и шестнадцать разделов.

В первой части «Современная наука в пространстве поворотов» предпринята попытка очертить основные тенденции в подходах к изучению современной науки с позиций анализа такого модного сейчас тренда – «поворот». В следующих двух частях («Дисциплина и дисциплинарность» и «Категории и модели») дан обзор историографии вопросов дисциплинарности с предложением авторского решения ряда дискуссионных проблем: о моделях научной дисциплины, о соотношении дисциплинарности и междисциплинарности,

---

[1] Этот подход к архитектонике текста приобрел одну из своих совершенных форм в книгах Л. Н. Гумилева: «взгляд из мышиной норы», «взгляд с пригорка», «взгляд с птичьего полета» и т. п.

[2] См.: *Бродель Ф.* Что такое Франция? / Пер. С. Н. Зенкина, В. А. Мильчиной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1. URL: http://yakov.works/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

о «переднем крае» науки в системе научной деятельности, о структуре научного сообщества, о дисциплинарной истории, о научном творчестве в дисциплинарном пространстве, о дисциплинарных и институциональных моделях и т. п. Четвертая часть – «Вариации на тему» – предлагает авторские модели «персональных маршрутов» трех областей знания: *биографистики*, *историографии* и *бициллиеведения*. Данные модели намечают типологию дисциплинарных траекторий и отражают своеобразие дисциплинарных процессов наряду с «универсалиями дисциплинарности». Пятая часть «Глоссарий» включает дефиниции и экспликацию терминологического аппарата, при этом *Авторский словарь* предлагает авторские варианты определений основных лексических единиц.

* * *

Благодарности:

Левчуку Владимиру Владимировичу – особая, глубокая признательность, поскольку без его участия данная книга не увидела бы свет.

Искренняя благодарность всем, кто помогал моей работе над этой книгой:
Голубович Инне Владимировне – за творческую солидарность и поддержку.
Кириченко Елене Ивановне – за понимание и многолетнее дружеское участие.
Моим *ученикам*:
Игорю Студенникову, Валерию Левченко, Ванечке Коновалову и Анечке Руденко – за неизменное внимание и радость встреч.
Бевзюк Елене – за плодотворное сотрудничество.
Попову Сергею Владимировичу, моему мужу, – за полезные советы и заботу.

Mini – преамбула: О «монстре» дисциплинарности

Дисциплина – это
«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй»[1].

В бесконечных поисках панацеи от всех бед профессионального историописания с 1990-х гг. особенно ярко высветилась идея «раздисциплинирования» традиционных гуманитарных предметов, идея «упразднения предписаний», которые традиционно формируются в границах дисциплинарности. Информационная эпоха атаковала «Святая Святых академического устройства» – дисциплину как контентуальный порядок и форму взаимодействия[2].

Тенденция, направленная против «дисциплинарного сепаратизма», свойственного «модерной эпохе», и ориентированная на достижение целостного знания, детерминировала в восприятии многих представителей ученого цеха и главную конфигурационную линию в организационном движении знания: Л. П. Репина акцентирует внимание на том, что само понятие *междисциплинарности* как антипод *дисциплинарности*, отражая смену эпистемологических ориентиров, меняет свое содержательное наполнение, и, собственно, *история междисциплинарности* может быть представлена как транзит: от «интердисциплинарности» – через «поли / мультидисциплинарность» – к «трансдисциплинарности»[3].

Постмодернистская парадигма – междисциплинарная по своей сути – привнесла существенную лепту в «смешение границ» не только «внутри» территории научного знания, но и обозначила проблему интеграции всех видов и форм познавательной деятельности – «научных» и «*не*научных».

Освоение новой историографической культуры – процесс не одноактный. Наше сообщество оказалось не просто между новым и старым, но между разными «дисциплинарными мирами» в то время, когда эти миры вступили в полосу кардинальной трансформации. В современной науке «передний

---

[1] Эпиграф к своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищев заимствовал, перефразировав слова В. К. Тредиаковского («Тилемахида», 1766). См.: *Эйдельман Н.* Двадцать два слова // Знание – сила. 1985. № 1. С. 34-36.

[2] См.: *Эксле Отто Герхард*. Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре // Одиссей: Человек в истории. 2003 / Гл. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 2003. С. 394, 412; *Маловичко С. И., Булыгина Т. А.* Современная историческая наука и изучение локальной истории (вступительная статья) // Новая локальная история. Выпуск 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г. Ставрополь, 2003. С.14; *Полонников А.* «Иконический поворот»: образовательные стратегии и альтернативы. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3620&level1=main&level2=articles

[3] *Репина Л. П.* Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С.6.

край» приобрел значительное ускорение в выработке новых идей, которые не успевают адаптироваться в привычных дисциплинарных арьергардах. В отечественной науке «столкновение» с западной историографией и одновременно решительное «отторжение» марксистской методологии (в основном ее «вульгаризированного» образа) детерминировало своеобразную ситуацию: «новые» термины стали использоваться как «кодовые слова», призванные засвидетельствовать «новизну» подходов того или иного автора, его «легитимацию» в новом теоретическом пространстве. В связи с этим и манифестирование «междисциплинарности» превратилось практически в обязательную декларацию передовых позиций, в методологическое клише, напоминая нечто из прежней жизни, а «монстр дисциплинарности» заставил многих отказываться от привычной корпоративности. Одновременно «когнитивную моду» на междисциплинарность рассматривают как своеобразную «академическую реакцию» на постмодернизм, с которым связана идея девальвации научно-теоретического разума: замещение этого разума «ratio serviens» («служилым разумом»), что влечет за собой гетерогенность исторического знания, идеологическую заангажированность, «околонаучный» эмфатизм[1].

В литературе уже было обращено внимание на то, что наряду с бесспорными достижениями в области междисциплинарных исследований последних десятилетий явственно обозначился своеобразный «парадокс»: вместо ожидаемой когнитивной интеграции, создания условий для обретения нового исторического синтеза появилось «много историй», процесс «фрагментации исторической науки»[2] приобрел практически необратимый характер, а ее «дисциплинарное семейство», теряющее хрестоматийных облик, стало быстро пополняться новыми проблемными полями, настоятельно стремящимися к обретению своего дисциплинарного статуса.

В то же время, вопреки «междисциплинарной риторике», академические структуры достаточно прочно сохраняют «старые» образцы организации, в связи с этим и многочисленные оценки междисциплинарных подходов испытывают «колебание» между двумя полюсами: апофеозом междисциплинарных достижений и перспектив и результатами реальной профессиональной практики.

В условиях плюралистичности и толерантности научных позиций, определенной «размытости» традиционных «дисциплинарных ландшафтов» ситуация внутри научного сообщества в целом тем не менее радикально не из-

---

[1] См.: *Пружинин Б. И.* RATIO SERVIENS? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009; *Лубский А. В.* Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // Историческое познание и историческая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С.19.

[2] Фрагментация, считает А. Мегилл, «есть неизбежное последствие интерпретирующего характера исторического исследования и исторического описания». См.: *Мегилл Алан*. Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой М., Кашаева В., Тимонина В.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С.7-8.

менилась. Можно, безусловно, говорить о значительно большей внутренней свободе отдельного исследователя, о более значительном пантеоне «титульных лидеров», о расширении «теоретического горизонта» и т. п. Но не преобладает ли декларативность над действительной победой «полифундаменталистского мышления»? И «крайне левые» (причем в большей мере – адепты, нежели отцы-основатели) – на «переднем крае» науки – не утверждают ли свои открытия в нигилистическом противостоянии с «традиционными»?

Внедрять новые идеи всегда проще, «если воспринимать их как протест против старых» (И. Валлерстайн). Однако, разворачивая флаг «новизны», стоит четче соотносить «теоретические схемы» с реальной практикой. В этом плане вряд ли уместно жестко «диахронировать» и организационные формы науки: тезис о «смене» *дисциплинарной организации науки* (т. е. архаичной формы) *проблемной организацией* чуть было не утвердился в современной науке в качестве аксиомы. И это при всей «борьбе» с «линейным» мировидением!..

«Спокойный» взгляд на ситуацию позволит ближе подойти к осознанию соотношения организационных основ научной деятельности, их эволюции, высветить болевые точки, наметить тенденции позитивных мутаций и перспективных линий в осмыслении феномена дисциплинарности. И в заключение этого маленького вступления хочу привести слова профессора Нью-Йоркского университета Джесси Принца, которого называют пророком эмпирического поворота в философии: «…изменения не могут происходить без усилий – мы должны активно содействовать диалогу, ведущемуся через границы»[1], – границы межгосударственные, междисциплинарные, межличностные.

[1] «Грядущее поколение философов устроит настоящую бурю»: Джесси Принц об эмпирическом повороте в философии. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/10078-prinz-interview

I.
Современная наука в пространстве *поворотов*

Наука многомерна и многоуровнева.
С. О. Шмидт[1]

К истории изучения науки: абрис

История наук… допускает различные точки зрения.
Макс Лауэ[2]

Историю отдельно взятых научных дисциплин нельзя понять вне контекста развития науки в целом, без осмысления специфики «тектонических сдвигов» в мире науки. Аналогично – нельзя понять историю изучения самостоятельной дисциплинарной единицы вне исследовательского контекста всего дисциплинарного массива научного знания[3]. И, наконец, хрестоматийно (sic!), – нельзя понять весь феномен Науки во всех ее ипостасях без обращения к общим линиям социокультурного развития, без анализа типов социума и интеллектуальных ситуаций[4].

XX – начало XXI вв. – период, на протяжении которого в ускоренном режиме произошла трансформация общественных форм. На смену *индустриальному обществу* пришло *постиндустриальное*. Концептуальные истоки понятий *постиндустриальное общество*, *информационное общество*, *общество знания* относятся к 1960-1970-м гг. как попытки осмысления и поиска «наименований» тех трансформационных явлений, которые сотрясали цивилизационный социум. Разработка этих понятий на протяжении второй половины XX в. и начала нового тысячелетия привела к многочисленным интерпретациям, которые можно условно разделить на два направления. Первое выдвигает идею стадиального разделения этих типов общества – их последовательную сменяемость. Второе – рассматривает информационное общество и общество знания как формы/этапы в развитии постиндустриального общества. Вне зависимости от этих трактовок информационное общество и про-

---

[1] *Шмидт С. О.* Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки / РАН, Отд-ние историко-филол. наук. Вып. 8 (126) . М.: Наука, 2005. С. 316.

[2] *Лауэ М.* История физики. М.: Изд-во «ГИ ТТЛ» [ГосИздат Технико-теоретической лит.], 1956. С.5.

[3] См.: *Кузнецова Н.* Возможна ли дисциплинарная история науки // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 99-100, 106.

[4] Автор отнюдь не претендует на раскрытие всех этих линий, задача – высветить акцентами пересечение их траекторий.

спект общества знания – знамения нашей эпохи[1].

Для информационной стадии развития характерно то, что информация становится важнейшим ресурсом, а доступность информации определяется как ключевой идеологический постулат общественного прогресса. Однако наряду со свободой доступа к информации и свободой выражения мнений в информационном обществе проявился негативный эпифеномен: четко обозначились два разрыва – цифровой (неравномерность доступа к информации и знаниям, вызванный социально-экономическими факторами) и когнитивный (дисбаланс отношения к знанию как таковому между политическими, социальными и личностными структурами), повлекшие за собой социальную разобщенность на международном и национальном уровнях, утрату устойчивости во всех сферах, возрастание роли информации малых элитных групп на массы, что позволило добавить к понятию *информационное общество* эпитет *манипуляционное*[2].

Преодоление этой разобщенности ученые усматривают в переходе от общества информационного к *обществу знания*, ориентированному на морально-этические ценности и когнитивные компетенции. По мнению Питера Друкера, которому принадлежит авторство новой формулы (1969), суть понятия *общество знания* (knowledge society) – стремление «научиться учиться»[3], поскольку информация собственно знанием не является, но выступает лишь как средство получения знаний.

Современный этап трансформации науки в массовую производительную

---

[1] См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под научн. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000; *Он же.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М: Academia, 1999; *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Там же; *Он же.* Эпоха разрыва: ориентиры для нашего быстро меняющегося общества / Перевод с англ. Б. Л. Глушакова. М.: Изд. дом «Вильямс», 2007; *Уэбстер Р.* Теории информационного общества / Перевод с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной. М.: АспектПресс, 2004; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Москва: Академия, 1999; *Он же.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. Москва: Прогресс, 1986. С. 330-342; Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знаний», Unesco's World Report «Towards Knowledge Societies». Париж: UNESCO, 2005. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0014/ и др.

[2] См.: *Варакин Л. Е.* Глобальное информационное общество: Критерии развития и социально-экономические аспекты. М.: Междунар. акад. связи, 2001; *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: Изд-во: Эксмо, 2005; *Румянцева М. Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С.7-8; *Зелинский С. А.* Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2008; *Гринин Л. Е.* Информационное общество и феномен известности // История и современность. 2009. № 2. С. 3-33; *Соловьёв Э. Г.* Информационное общество // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд. М.: Мысль, 2010; *Шендрик А. И.* Информационное общество и его культура: противоречия становления и развития // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4 и др.

[3] *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. В русскоязычных изданиях фамилия Peter Ferdinand Drucker обозначается и как Друкер и как Дракер.

силу представляет собой развертывание принципов, заложенных еще в XVII веке, и характеризуется расширением процесса «онаучивания» общества[4], что во многом способствовало реактуализации на новом историческом этапе идеи «общества знания».

Обычно выделяют три типа культурных эпох: архаическую, индустриальную, постиндустриальную – информационную, знаниевую, которым соответствуют три образовательные модели: традиционная, инструктивная и креативная/инновационная. Цель последней – перманентная способность к самообразованию и саморазвитию. «Знаниевое общество» – общество гражданское, в котором происходит существенная модификация социальных отношений: вертикаль «классовых взаимоотношений» должно заменить развитие неформальных контактов и коммуникаций с формированием рационально-консенсусной, информационной демократии, что обеспечивает переход от централизации власти к децентрализации, от бюрократии управления к организациям ситуативного характера. Знаниевая эпоха отличается интегративной культурой, диалогичностью, коммуникабельностью, конвергентностью мышления, формированием знаниевой компетенности и высоких духовных потребностей[5].

Концепция общества знания, сформулированная в Докладе ЮНЕСКО (2005), включает идеи культурного и языкового многообразия, позволяющего человеку сохранить себя в условиях глобализации, идеи структуры «сетевого общества» М. Кастельса – сетевого многообразия, множественности центров получения знаний; идеи уважения к различным национальным культурам и сохранения местных и автохтонных знаний, находящихся под угрозой исчезновения в связи с глобальным процессом нивелирующей информатизации и т. п. Феномен обучения становится ключевой ценностью и ключевым процессом, призванным «структурировать организацию времени, работы и жизни» в современную эпоху, в связи с чем повышается роль университетского образования, но на основе разнообразия университетских моделей[6], формирования устойчивой системы обучения, нацеленной на постоянное обновление личностной и профессиональной компетенции, на развитие когнитивных способностей, критического мышления, что позволит ориентироваться во все увеличивающемся потоке информации.

Ремарка-тезис. «Общество знания» – новый образ идеального общественного устройства наравне с прежними: «Обществом всеобщего благоденствия» (Просвещение), «Союзом ученых и банкиров» (классики позитивизма), коммунизмом (марксизм), гражданским обществом (либе-

[4] См.: *Стёпин В. С., Юдин Б. Г., Филатов В. П., Симонов А. Н., Голдберг Ф. И.* Наука. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6860

[5] См.: *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С.125-126, 134-135.

[6] Доклад Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию (доклад Г. Х. Брунтланда). Report of the World Summit on Environment and Development. United Nations. N.-Y.: UN, 1987. URL: // http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm.

ральная доктрина) и т. п.; все это – попытки определить гуманистический идеал социокультурной стратегии. Без подобных идеалов, как бы *идеалистичны* они ни были, социум бесплоден и человечество обречено на стагнацию.

Ремарка-цитата-агон: «На пути к знаниевому обществу происходит небывалый рост маркетинговых и рекламных составляющих продуцирования инноваций. Все это убеждает, что нет оснований представлять знаниевое общество как некое гармоничное общество тотального расцвета знаний, просвещения, науки. Скорее все-таки это суперпотребительское общество, действительно более, чем индустриальное, сориентированное на человека с его потребностями, но масштабно воздействующее на него, провоцируя, в том числе путем манипуляций сознанием, все новые и новые потребности. Причем сфера этого манипуляционного воздействия растет быстрее темпов производства»[1].

Ремарка-штрих. Концепции «информационного общества», «сетевого социума», постмодерна и т. п. описывают инновационность как атрибутивное свойство современного общества, при этом сформулированы теории, абсолютизирующие изменчивость общества, начиная с эпохи постмодерна[2].

Ремарка-мнение: Одна из тенденций в восприятии современного социального мира состоит в конструировании его образа «как неупорядоченной, нестабильной и непредсказуемой реальности, полной опасностей, неуверенности и риска»: существование относительно стабильных структур и ценностей, их «актуальное существование» не относится уже «к области очевидности»[3].

Идеи *общества знания* и попытки определить плодотворные тенденции развития человечества наряду с констатацией негативных и тупиковых явлений способствуют новым интеллектуальным «тектоническим сдвигам», осмыслению «движения» Науки.

* * *

Сегодня признание историчности самого понятия *наука* и факта одновременного «мирного сосуществования» различных концепций *научности* стало

---

[1] *Оноприенко В. И.* Потребительская цивилизация: пределы роста. URL: http://jrnl.nau.edu.ua/index.php/VisnikPK/article/viewFile/9102/11280

[2] См.: *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008 и др.

[3] *Шацкий Е.* История социологической мысли. Том 2 / Пер. с польского; общая редакция А. Васильева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.619.

аксиомой[1]. Современный (постнеклассический) этап развития науки демонстрирует разрыв между стремлением философской рефлексии свести многообразие представлений науки в единый образ и множественностью образов науки в рамках самой науки[2]. Даже в современных физических науках, где во многих областях исследования сообщества ученых договорились внутри себя о форме и типе объяснений конкретных проблем, в том случае, когда наука сама становится предметом исследования, подобное согласие отсутствует[3].

Пожалуй, одним из первых системных исследований науки стала работа Дж. Д. Бернала «Наука в истории общества» (J. D. Bernal. «Science in History», 1954), в которой наука рассматривалась как институт, как метод, как накопление традиций и знаний, как важнейший фактор развития производства и основа мировидения[4]. Карлу Попперу также свойственен многоаспектный подход к изучению науки: кроме эпистемологического, наука представляет собой и биологический и социологический феномен, и средство и инструмент, и способ производства и т. п.[5]. Согласно Карлу Ясперсу, науке присущи три «необходимых признака»: познавательные методы, достоверность и общезначимость; наука – универсальна, поскольку для нее свойственна широта обращения ко всему познаваемому, многомерность духовного интереса ко всему в мире, а также «принципиально не завершена», т. к. находится в состоянии постоянного обновления и т. п.[6].

И. Валлерстайн, анализируя современное состояние науки[7], ставит вопрос о бэконовско-ньютоновской-картезианской модели науки (которая в последние столетия – в эпоху культурного триумфа науки как познавательной деятельности, – приобрела стержневые характеристики универсализма и европоцентризма) как себя исчерпавшей. Классический образ науки проявил себя в том, что наука, потеснив философию, стала самым авторитетным методом познания. Заняв место арбитра в обществоведческих спорах, утверждая, что мир подчиняется детерминистским законам, описывающим линейные процессы, управляемые стремлением к достижению равновесия, возводя эти законы

---

[1] *Репина Л. П.* Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С.9.

[2] См.: *Куликов С. Б.* Концептуальная модель трансформации философских образов науки // Вестник ТГПУ / Томского гос. педагогического ун-та/. 2011. № 13 (115). С.169.

[3] См.: *Ньютон-Смит В.* Рациональность науки // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия. М.: Логос, 1996. С.248.

[4] См.: *Бернал Дж*. Наука в истории общества / Пер. с англ. А. М. Вязьминой и др., общ. ред. Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова. М.: Иностранная литература, 1956. С.18.

[5] См.: *Поппер К.* Логика научного исследования / Пер. с англ. М.: Республика, 2005. С.91.

[6] Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. URL: http://nitshe.ru/yaspers-17.html

[7] См.: *Валлерстайн Иммануэль.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. 209, 221-223, 229-236.

в ранг универсально обратимых уравнений, наука убедила всех в том, что ученые в силах, зная определенный набор исходных условий, определить состояние системы в любой момент времени – как прошлого, так и будущего.

Обществоведы, опираясь на классическую парадигму науки, считали себя способными открыть универсальные процессы, объясняющие поведение человека, а любые гипотезы, которые им удавалось обосновать, представлялись как сохраняющими свою актуальность независимо от времени и пространства, включая региональные особенности эмпирических реалий, а также личность исследователя, которая не имела значения, коль скоро ученые выступали в качестве аналитиков, без своих особых ценностей. Идея прогресса стала основой исследования всемирной истории и краеугольным камнем всех теорий стадиального развития: «эволюция», или «развитие», выступали скорее не как аналитические, а как предписывающие понятия. С XVII века эта модель оставалась «единственно верной» вплоть до 1970-х годов, когда зародившиеся у ученых-естествоиспытателей сомнения в ее истинности были институционализированы, и догма превратилась в проблему, требующую научного решения.

> ***Ремарка-штрих.*** Отличительной чертой «новой конфигурации социального мышления» является разрозненность и сомнение в достижимости теоретического согласия, во что верили многие предшествующие поколения ученых[1].

Альтернативная модель науки, считает И. Валлерстайн, может быть построена на основе *теорий неравновесных процессов* (И. Пригожин), в соответствии с которыми наука находится в состоянии перехода к новой форме рациональности, выходящей за рамки детерминизма и, следовательно, отрицающей предопределенность будущего. *Теория неравновесности* обнаруживает нестабильность, эволюцию и флуктуации везде, где классическая наука неизменно видела лишь повторяемость, стабильность и равновесие. При этом значение науки отнюдь не отрицается, но получает более универсальный смысл: поскольку равновесие является состоянием временным и исключительным, любая структура рано или поздно выходит из равновесного состояния. В этом ключе категория *вероятности* выступает единственной формой научной истины, поскольку проистекает из наличия неограниченного множества форм взаимодействия элементов внутри систем, что обусловливает необратимость процесса, создание новых и новых комбинаций. Такая трактовка науки заставляет ставить вопрос – существует ли хоть что-то ценностно-нейтральное?. Однако сохранение при этом «принципа реальности коммуникации» обусловливает факт того, что одни утверждения можно признавать более, а другие – менее близкими к истине.

---

[1] См.: *Валлерстайн Иммануэль.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. 209, 221-223, 229-236.

Перспективу развития науки И. Валлерстайн связывает с общественными наукам: именно из общественных наук ученые (даже естествоиспытатели), считает он, будут извлекать новые эпистемологические истины. Однако «обществоведение» как совокупность наук о социуме и человеке в нем должно измениться, т.е. признать, что:

- наука не беспристрастна и не может таковой быть, поскольку ученые – это члены общества, и они не свободны от него ни физически, ни интеллектуально;
- эмпиризм не может быть чистым, ибо он всегда предполагает некоторую априорность;
- наши истины не являются всеобщими и универсальными, и если они вообще существуют, то – сложны, противоречивы и множественны;
- наука ищет не простую, а наиболее адекватную интерпретацию сложного;
- причина нашей заинтересованности в рациональном поведении заключается в том, что оно ведет к конечной [ценностно обусловленной] цели;
- рациональность основана на совместимости политики и морали, а роль интеллектуалов заключается в том, чтобы выявлять стоящие перед нами исторические альтернативы.

Ремарка-мнение: Для современного состояния наук характерен «всеобщий отход» от моделей естественных наук к моделям, источником которых являются те или иные гуманитарные науки, что связано как с заметным смещением интересов от «базиса» к «надстройке», к явлениям, поддающимся скорее пониманию, чем объяснению, так и с тем, что «выработанные в науках о культуре методы кажутся значительно более соответствующими природе социальной реальности как царства значений и интерпретаций»[1].

Многоликость и многомерность науки обусловили разнообразие подходов к ее изучению, среди которых: логико-методологический, социально-психологический, экономико-статистический, культурологический, информационный, деятельностный, структурно-системный и целый ряд других[2], а также

[1] См.: *Шацкий Е.* История социологической мысли. Том 2 / Пер. с польского; общая редакция А. Васильева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.618.

[2] См.: *Друкер П.* Управление в обществе будущего / Пер. с англ. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007; *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2005; *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Предисл. В. С. Автономова; пер. с нем. В. С. Автономова и др.; пер. с англ. В. С. Автономова и др.]. М.: Эксмо, 2007; *Гайденко П. П.* История новоевропейской философии в её связи с наукой. М.: Университетская книга, 2000; *Лебедев С. А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический Проспект, 2008; Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005; *Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества. М.: Academia; Наука, 1998; *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003; Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В. С. Степина. М.: Канон+, 2004; *Алексеев И.С.* Концепция дополнительности: (Историко-методологический анализ) / АН СССР, Ин-т истории естествозн. и техники. М.: Наука, 1978;

формирование комплекса науковедческих дисциплин: философии, социологии, истории науки, психологии научного творчества, собственно науковедения и т. п.

Ю. А. Храмов, один из ведущих историков науки в Украине (физик по специальности), рассматривает науку в широком и узком значениях: в первом случае наука – сознательная деятельность, направленная на получение позитивных, рационально представленных знаний об окружающем мире, совокупность этих знаний, простой набор сведений, не связанных между собой. В этом смысле наукой обладала каждая цивилизация, начиная с архаичной. В узком значении наука – это секуляризованная сфера человеческой деятельности (освобожденная от религии и церковных институтов), функция которой – получение объективного знания о действительности и их теоретическая интерпретация и систематизация. В таком понимании наука появляется в Западной Европе на рубеже XVI-XVII веков, а в современную эпоху эта новоевропейская наука (как система точных знаний об окружающем мире, сфера человеческой деятельности по их получению, исторически обусловленный способ производства знаний) стала достоянием всего человечества[1].

Ремарка-info: Из истории науки. В первой половине XX в., несмотря на значительные наработки в области «наукознания», отдельные области, предметом которых выступали различные ипостаси науки – логика и методология науки (Венский кружок), историко-научные (А. Койре), философские (К. Поппер) и социологические (Р. Мертон) исследования науки – не были соединены каким-то единым проектом. Принято связывать рождение *науки о науке* с появлением программной статьи польских ученых Марии и Станислава Оссовских («Наука о науке», 1936), в которой авторы выделили пять проблемных областей науковедческого исследования: философия науки, психология науки, социология науки, практические и организационные проблемы науки, история науки, но интенсивное институциональное развитие науки о науке началось го-

---

Рубинштейн С. Л. Принципы общей психологии, М.: Педагогика, 1973; *Швырев В. С.* Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978; *Розов М. А.* Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012 и др.

[1] См.: *Храмов Ю. А.* Новый подход к построению истории фундаментальной науки // Наука и наукознавство. 2017. № 2 (95). С.112-125. Для науковедения в Украине также характерен многоаспектный подход к изучению науки. См.: Наукова та інноваційна діяльність в Україні: Стат. зб. Київ: Держкомстат, 2007; Класифікація видів економічної діяльності. Київ: Держспоживстандарт України, 2006; *Егоров И. Ю.* Наука и инновации в процессах социально-экономического развития: [монография]. Киев: [ИВЦ Госкомстата Украины], 2006; *Новіков Б. В.* Творчість як спосіб здійснення гуманізму. Монографія. Київ: Вид-ць ПАРАПАН, 2005; *Марчук М. Г.* Ціннісні потенції знання. Чернівці: Рута, 2001; *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008 и др.

раздо позднее[1] – со второй половины XX в., когда научная общественность при поддержке некоторых государственных структур выдвинула проект создания «науки о науке» (science of science), толчком к которому послужила работа Дж. Бернала, основоположника экстернализма, «Социальная функция науки» (1939). Оформление международного проекта исследований science of science произошло в 1964 г. – вышел сборник, переведенный в 1966 г. на русский язык[2]. В советской науке новое направление получило свое наименование – *науковедение*, – и уже в 1966 г. во Львове состоялся первый международный (советско-польский) симпозиум по этой проблематике, а в 1985 г. вышла коллективная монография «Основы науковедения»[3]. Однако вопрос о статусе *science of science/ науковедения* оказался весьма проблематичным. Если в СССР продолжали поддерживать идею единого науковедения, то на Западе объявили о сфере *science studies* или *science and technology studies* (*STS*)[4]. Ведущими науковедческими цетрами в СССР стали Москва, Новосибирск и Киев. Среди основоположников науковедческих исследований – Геннадий Михайлович Добров (1939-1989), основатель украинской науковедческой школы и Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки, который носит его имя[5]. В 1990-е – 2000-е гг. на «постсоветском» пространстве наметилась тенденция сосуществования двух традиций: западной – активно развиваются самостоятельные науковедческие дисциплины (философия, социология, история науки и проч.), наряду с этим происходит поиск интегральных основ для дисциплинарного оформления *науковедения* как такового.

Развитие науки и процесс обновления и осмысление этого процесса выдвигают задачи нового взгляда на «движение науки», новой оценки этого «движения». Вернадский В. И. в свое время утверждал: «Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отображение научных течений своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но

---

[1] *Шпигель-Резинг И.* Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.107.

[2] См.: Наука о науке / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966.

[3] Основы науковедения. М.: Наука, 1985.

[4] См. подробнее: *Кузнецова Н. И.* «История и философия науки» для аспирантов: пять лет спустя // Высшее образование в России. 2010. № 12. С.3-14.

[5] См.: *Добров Г. М.* Наука о науке. Введение в общее науковедение. М.: Наука, 1966; *Он же.* Наука о науке. Киев: Наукова думка, 1989 и др. См. о нем: До 70-річчя Г. М. Доброва // Наука та наукознавство. 1999. № 4. С. 3-34; Добров Геннадій Михайлович (1929 – 1989). Збірник. Друге видання, перероблене і доповнене. Київ: Фенікс, 2004. 128 с.; Добров Геннадій Михайлович // Енциклопедія історії України: у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін.; Інститут історії України НАН України. Київ: Наукова думка, 2004. Т. 2. С. 418; *Маліцький Б. А., Храмов Ю. О.* Г. М. Добров - учений та учитель (до 80-річчя від дня народження) // Наука та наукознавство, 2009, № 1. С. 3-8 и др.

обязательно переосмысливает старое, пережитое»[1]. При этом он обращал внимание на то, что историк науки должен всегда учитывать неполноту и ограниченность даваемой им картины: «…среди известного …скрыты зародыши будущих широких обобщений и глубоких явлений, зародыши, которые не могут быть им [историком. – Т. П.] поняты. В оставляемом им в стороне материале идут может быть самые важные нити великих идей, которые для него неизбежно остаются закрытыми и невидимыми. Это и понятно, так как он имеет дело с неоконченным – и может быть с бесконечным – процессом развития или раскрытия человеческого разума»[2]. Движение вперед невозможно без постоянного переосмысления собственных ценностей и результатов интеллектуальной деятельности. Британский социолог и философ науки М. Дж. Малкей, один из лидеров когнитивной социологии науки, стоявший у истоков нового направления, буквально по следам своих, казавшихся всем перспективными, открытий, писал: «Нет сомнения, что существует возможность и того, что этот пересмотренный образ науки неверен в своей основе, а вытекающие из него выводы – просто результаты несовершенного философского анализа» [3].

В западной историографии науки на протяжении второй половины XX века складывалась отчетливая тенденция, суть которой – в поиске решения проблемы на основе использования различных исследовательских подходов как взаимодополняющих[4]. Предлагая свою модель реконструкции истории физики, Макс фон Лауэ, немецкий физик, утверждал: «История может быть написана с различных точек зрения при полном сохранении достоверности; оправданной является любая точка зрения, исходя из которой, историк может открыть что-либо исторически интересное. История науки также допускает различные точки зрения» [5].

Своеобразной (пожалуй, крайней) формой выражения плюралистического подхода является принцип, выдвинутый П. Фейерабендом: наука – «анархическое предприятие» и «…единственным принципом, не препятствующим прогрессу, является принцип *допустимо все* (anything goes)»[6]. Если все-таки отрешиться от известных штампов критики, обрушившейся в свое время на этого «эпигона» (в науке) героя Ф. М. Достоевского, то в его текстах можно найти идеи, на которые стоит обратить внимание историографу:

---

[1] *Вернадский В. И.* Труды по истории науки. М.: Наука, 2002. С.173.

[2] *Вернадский В. И.* Очерки по истории современного научного мировоззрения // Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1986. С.44.

[3] *Малкей М.* Наука и социология знания / Пер. с англ. А. Л. Великовича. М.: Прогресс, 1983. С.106.

[4] См.: Science observed. Perspectives on the Social Studies of Science / Karin D. Knorr-Cetina and Michael Mulkay (eds.). London: Sage, 1983.

[5] *Лауэ М.* История физики. М.: Изд-во «ГИ ТТЛ» [ГосИздат Технико-теоретической лит.], 1956. С.5.

[6] *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С.142.

- наука «вытесняет» позитивные достижения более ранних эпох и лишает, таким образом, нашу жизнь «многих возможностей»;
- наука существует и исторически развивается в контексте разнообразных форм человеческой деятельности, и в этом «всеобъемлющем процессе» ничто не может «устанавливаться навечно» и «ничто не исчезает»;
- именно «история науки» призвана способствовать дальнейшему развитию самой науки, становясь ее «неотъемлемой частью» и придавая «содержание» теориям, которые наука включает в себя «в любой отдельный момент»[1].

Реальная история научной мысли со всеми ее сложностями не может уложиться в придуманные схемы: поиски единой картины всегда идут различными дорогами, различными направлениями мысли, и их нельзя отделить от «феномена многообразия»[2].

При всей полифонии взглядов на историко-научную реконструкцию и множества предложенных в последней трети XX века периодизационных схем историко-культурного процесса по-прежнему сохраняют свое доминантное звучание три модели:

1) периодизация эволюции форм самосознания науки;

2) этапы научной рациональности, или эволюция «образов» науки в соответствии с эволюцией научной рациональности;

3) «модерн» и «постмодерн» как стадиальные общекультурные эпохи.

В первой – критерием выступает эволюция типов внутринаучной рефлексии:

- на этапе *онтологизма* (приблизительно XVII – середина XIX вв.) рефлексия была направлена прежде всего на взаимосвязь понятий «знание-объект»; философским основанием выступал неоплатонизм И. Кеплера, материализм Ф. Бэкона, субъективный идеализм Дж. Беркли, гносеологический рационализм Рене Декарта;
- на этапе *гносеологизма* (середина XIX – середина XX вв.) рефлексия концентрировалась вокруг понятий «субъект-объект»; философским основанием перехода к этому периоду стал скептицизм Д. Юма и трансцендентальный идеализм И. Канта (что не исчерпывало многообразия философских систем в эту эпоху и их вклада в том или ином аспекте в новое «гносеологическое мышление»);
- *методологизм* – продолжение и трансформация гносеологизма: в центре самосознания науки оказывается новое распределение ролей – «субъект-знание»; если гносеологизм подчеркивает факт зависимости характера знания от субъекта, который перемещается в центр познавательной деятельности, то методологизм акцентирует взаимоопределяемость

---

[1] См.: *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С.138, 162.

[2] См.: *Овчинников Н. Ф.* Методологические принципы в истории научной мысли. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С.31, 189.

субъекта и знания. При таком подходе знания, которыми обладает субъект, в значительной мере формируют его как субъекта познания и включают в свою структуру не только то, что осознается субъектом и чем он произвольно оперирует, но и неосознаваемые им предпосылки, установки, ориентации, которые так или иначе находят отражение в получаемом знании[1].

В области *исторического познания* на этапе *онтологизма* акцент был сделан на проблемы теории исторического процесса; в центре внимания философов и историков оказались: модель исторического процесса (при этом с XVIII в. в рамках просветительской парадигмы утверждается в качестве приоритетной линейная картина истории с идеей прогресса); движущие силы истории; проблема закономерности и случайности; триада «личность-народ-государство» и проч. На втором этапе – *гносеологизма* – в области исторической рефлексии внимание переключается на проблемы теории исторического познания: специфика историко-познавательной деятельности; объект-предмет-субъект исторического познания; границы познаваемости в истории и объективность исторического знания; статус исторической науки; проблемы исторического факта и источника и проч. На этапе *методологизма* историческая рефлексия перемещает акценты на проблемы методологии и логики исторического исследования: подходы и методы исторического познания и исследования, историческое понимание и объяснение, исторический нарратив и т. п.

Последующее развитие рефлексивного компонента «наукознания» привело к акцентуализации проблем механизма получения знания, коммуникативного фактора в научно-познавательной деятельности, роли интрепретативной и конструктивной составляющей исследовательского процесса, его социокультурной контекстуальности и проч.

Вторая модель предлагает картину стадиального развития образов науки в соответствии с эволюцией научной рациональности:

1) *классическая наука* – этап классической рациональности (приблизительно XVII – XIX вв.);

2) *неклассическая наука* - этап неклассической рациональности (с конца XIX – до второй половины XX в.);

3) последняя треть XX века – *постнеклассическая наука* – переход к новому типу рациональности, который характеризуется:

- изменением проблемного поля исследований науки (акцент на проблемы социокультурной обусловленности научного познания, анализ взаимодействия науки с другими феноменами человеческой культуры, иссле-

[1] См.: *Гайденко П. П.* Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969; *Швырев В. С.* Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984; *Петров М. К.* Перед «Книгой природы»: Духовные леса и предпосылки научной революции XVII в. // Природа. 1978. № 8. С.110-122; *Юдин Б. Г.* Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986 и др.

дование познавательных процедур в контексте аксиологических и мировоззренческих ориентиров и др.);

- синтезом эпистемологии, методологии и истории науки, с одной стороны, и социологии и культурологии научного познания, с другой;
- выдвижением на первый план наряду с дисциплинарными исследованиями – междисциплинарных и проблемно-ориентированных форм исследования, в процессе которых «…сращиваются в единой системе деятельности теоретические и экспериментальные, прикладные и фундаментальные знания, интенсифицируются прямые и обратные связи между ними» и др.[1].

Третья модель – обозначение двух глобальных эпох (когнитивных, историко-культурных и проч.), чаще всего, их противопоставление («контраверза»), т. к. для них, действительно, характерна значительная «разбежность» в осознании мира и человека в нем, в стратегии познания, в лексике – в базовых категориях мировосприятия и т. п.[2] либо отказ от «оппозиции», от понимания *постмодерна* как *анти-модерна,* но как *транс-модерна*.

Сторонники второго подхода доминантной чертой *постмодерна* считают идею «принципиального плюрализма». В новом подходе к познанию мира проявляется единство когнитивных, мировоззренческих и социокультурных измерений: «постмодернизм» избегает всех форм «монизма, унификации и тоталитаризации», не признает «единой общеобязательной утопии», для него привлекательны категории «множественности и диверсивности, многообразия и конкуренции парадигм». Именно плюрализм составляет сердцевину постмодерности: «видение постмодерна – видение плюралистическое». Подобное широкое понимание постмодерна приводит к выводу о его совпадение с модерном XX столетия: то, что было «выработано модерном в высших эзотерических формах, постмодерн осуществляет на широком фронте обыденной

---

[1] См.: *Степин В. С.* Деятельностная концепция знания (дискуссии с Игорем Алексеевым) // Вопросы философии. 1991. № 8. С.132-138; *Он же.* Философская антропология и философия наук. М: Высшая школа, 1992; *Мамардашвили М. К.* Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. Москва: Изд-во «Лабиринт», 1996; *Ильин В. В.* Классика – неклассика – неоклассика: три эпохи в развитии науки // Вестник Московского университета. 1993. № 2. С.16-34; *Лукьянец В. С.* Методологическое сознание естествознания // Естественно-научное познание: изменение методологических ориентаций. Киев: Наукова Думка, 1993. С.6-26; *Кизима В. В.* Тоталлогические аллюзии // Totallogy. Постнекласичні дослідження. Київ: ЦГО НАН України, 1995. С.20-105; *Рижко В. А.* Концептуальні зрушення в науці та проблеми їх ідентифікації // Там же. С.212-229; *Кримський С. Б.* Трансформація методологічної свідомості науки // Наука та наукознавство. 1996. № 3-4; *Загороднюк В.* Класична раціональність і постнекласична наука // Генеза. 1995. № 3. С.14-28 и др.

[2] См.: *Підгаєцький В. В.* Модернізм і постмодернізм: уявне минуле чи інваріантне майбутнє? // Україна модерна. Львів, 2000. № 4-5. С.289-316; Постмодерн: новая магическая эпоха: Сборник статей / Под ред. Л. Г. Ионина. Харьков, 2002; *Колесник І.* Українська історіографія в полі інтелектуальної історії: Modern or Postmodern // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. Випуск І. С.227-245 и др.

реальности», отсюда постмодерн – это «экзотерическая повседневная форма эзотерического модерна», либо «плюралистический модерн»[1].

> ***Ремарка-штрих.*** Ф. Р. Анкерсмит, пожалуй, одним из первых предпринял попытку осмыслить проблему «модерн» / «постмодерн» в контексте истории историописания через призму оппозиции-дихотомии «историзм» / «постмодернизм». Анализ сходства и различий этих интеллектуальных систем привел его к выводу о том, что «постмодернизм есть радикализация историзма», поскольку [Ф. Р. Анкерсмит использует выражение Р. Рорти. – Т. П.] в значительной степени «теории постмодернизма зависят и даже кормятся от их модернистских двойников»; следовательно, заключает философ, «модернист-историст и постмодернист могут жить» на одной «интеллектуальной территории»[2].

Приведенные схемы интересны в одном плане: их совпадение в понимании смыслового ядра основных периодов. *Онтологизм* на этапе *классической науки* и *гносеологизм* на этапе *неклассической науки* – это *эпоха модерна*; *методологизм* на этапе *постнеклассической науки* соответствует новой эпохе – *постмодерна.* Принципиальные параметры методологизма, постнеклассической науки и постмодерной эпохи – близки и взаимодополняемы[3].

Новый этап после постмодерна был обозначен как *постпостмодерн*. В соответствии с давней традицией, обусловленной ограниченностью «адекватного языка описания актуальных изменений» в конкретную эпоху, рождающую принципиальные инновации, это нечто «новое» обычно именуют привычной, хрестоматийной терминологией с добавлением стандартных, уже апробированных обозначений. Среди сущностных характеристик постпостмодерна, выделяемых в литературе, – «трансформация информационного общества в манипуляционное»; в области исторического знания в качестве маркеров перехода от *постмодерна* к *постпостмодерну* / «пост -“post-mo”» выступает смена акцентов: от казусной/микроистории к осознаваемому конструированию

---

[1] *Вельш В.* «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь: Международный философский журнал. 1992. № 1. С.127, 129, 132-133. См. также: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна (1979) / Пер. с французского: Н. А. Шматко, «Институт экспериментальной социологии», Москва. СПб.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998; *Хабермас Ю.* Модерное сознание времени и его потребность в самоудовлетворении // Философские науки. 1997. № 2. С.46-54; *Козловски П.* Культура постмодерна. М.: Республика, 1997; *Дротянко Л. Г.* Постнекласична наука в контроверзі модерн-постмодерн // Наука та наукознавство. 1999. № 1. С.36-47; Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 3. С.3-16; *Лук'янець В.* Філософія деконструкції // Філософська думка. 1998. № 1. С.81-97; Енциклопедія постмодернізму / за ред. Чарлза Е. Вінквіста та Віктора Е. І. Тейлора. Київ: Основи, 2003 и др.

[2] См.: *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры./ пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С.424-425.

[3] Однако ассоциировать постмодерн с постнеклассической наукой, как это иногда рассматривается, вряд ли уместно: рожденные в различных научных культурах, эти понятия имеют не вполне адекватную характеристику, хотя и близки по общему вектору восприятия.

«мест памяти» и неосознаваемому поиску новой целостности, в частности – на путях полидисциплинарного синтеза [1]. В ситуации «пост – “post-mo”» происходит актуализация идеи «исторического опыта», что является фундаментальной точкой зрения для будущего исторической дисциплины[2].

Ремарка-штрих. В различных периодизационных схемах подчас происходит смещение понятий – неоднопорядковые явления воспринимаются в качестве стадиально рядоположенные этапов. Так, новое время сменяет постмодерн, информационное общество наследует постмодернизму и т. п. Вместе с тем типологии социального конструирования – индустриальное общество / постиндустриальное общество (информационное общество, общество знания) вряд ли стоит смешивать с культурно-интеллектуальными периодами: модерн / постмодерн / постпостмодерн (метамодерн) и т. п.

* * *

На протяжении XIX – XX веков произошла глобальная переориентация в характере исследования науки как культурно-исторического феномена. От изучения науки как инвариантной системы знания перешли к изучению вариативности феноменов науки. «Типологические» исследования сменились «популяционистскими»[3]. Два классических подхода к изучению науки – когнитивный и социальный – оформились в *западной науке* как оппозиционные направления практически в одно время (тридцатые годы); первый – интернализм, продержавшись на приоритетных позициях в сороковые-пятидесятые, стал уступать с середины шестидесятых годов место экстернализму для того, чтобы с семидесятых закружиться в разнообразии парных конфигураций[4].

* * *

Ремарка-экскурс-агон. В современной литературе утвердился тезис о том, что в изучении науки ныне обозначился переход – от интернализма к экстерна-

---

[1] См.: *Румянцева М. Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С.7; *Нора П.* Предисловие к русскому изданию // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 1999 [1984-1993]. С.5-7.

[2] См. подробнее: *Мегилл Алан.* Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой М., Кашаева В., Тимонина В.). М. «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С.67.

[3] См.: *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. С.217-243.

[4] Интернализму и экстернализму (при всей «оппозиционности») присуща одна общая черта: и там и здесь социокультурный контекст полагается *внешним* по отношению к логике развития познания.

лиму. Вероятно, одним из «истоков» проникновения этого тезиса в *нашу* литературу явилась публикация статьи Пола Формана[1], в которой автор утверждал, что с 1970-х гг. происходит переориентация в изучении истории науки: от истории идей / когнитивной истории (интернализм) к истории социальной (экстернализм), от концепции к контексту. Этот вывод вызвал определенную обеспокоенность российских ученых, которые, во-первых, рассматривали историю науки как «историю научных идей и историю науки как социального института» (С. Р. Микулинский)[2], во-вторых, констатировали «натиск социологии» как влияния в первую очередь «западной истории науки», следствием чего возможно «изъятие» из истории науки самой науки как истории научных идей/открытий (Н. И. Кузнецова, М. А. Розов)[3], в-третьих, настаивали на том, что реконструкцию эволюции научного знания следует осуществлять с учетом взаимозависимости когнитивных и социокультурных факторов (Е. А. Мамчур)[4]; в-четвертых, делали акцент при изучении истории науки на раскрытие нелинейного характера научного прогресса и механизмов взаимодействия теоретического знания с другими мировоззренческими структурами и формами духовной культуры с применением междисциплинарных методик (И. А. Бескова, Е. Н. Князева, И. П. Меркулов, А. В. Юревич)[5].

В советской науке на смену интерналистской, по сути, концепции филиации идей «дореволюционной эпохи» к концу 1920-х гг. пришло утверждение экстернализма в форме вульгаризированного марксизма; с рубежа 1950-1960-х гг. в первую очередь историками (М. В. Нечкина, Л. В. Черепнин, А. М. Сахаров и др.)[6] была выдвинута модель синтеза внешних и внутренних факторов развития науки, которая получила свое науковедческое обоснование в историко-научных исследованиях – произошло преодоление контраверзы интернализм/экстернализм. В постсоветский период в связи с нигилистической оценкой советского наследия и активным приобщением к западным теориям, историки восприняли «западную модель» эволюции этих течений – от интернализма к эктернализму, хотя и эта линия не вполне отвечала ведущим тенденциям западной философии и социологии науки.

В евроатлантическом научном поле *интернализм* и *экстернализм*, соз-

---

[1] См.: *Форман Пол.* К чему должна стремиться история науки? // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1990. № 1. С.4-9.

[2] *Микулинский С. Р.* По поводу статьи П. Формана // ВИЕТ. 1990. № 2. С.85-86.

[3] *Кузнецова Н. И., Розов М. А.* История науки на распутье // ВИЕТ. 1996. № 1. С.3-10.

[4] *Мамчур Е. А.* Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М.: Наука, 1987. С.3-10.

[5] Там же.

[6] В результате известной дискуссии о периодизации советской науки, которая, по сути, вылилась в дискуссию о факторах развития науки. См. подробнее: *Попова Т. Н.* Историографический процесс: к экспликации понятия // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики: Збірка наукових праць та спогадів пам‘яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Володимира Олександровича Замлинського. Число 6 (7). У двох част. / Відп.ред. М. Ф. Дмитрієнко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2001. Ч. 2. С.323-343.

дав оппонирующие «образы» науки – когнитивный и социальный, фактически разделили интеллектуальную и социальную сферы науки, определив соответственно и два *типа анализа* науки – когнитивный и социальный. Но уже в 1960-е гг. в науковедческих исследованиях четко обозначилась тенденция к переосмыслению прежних «образов науки». В этом процессе, вероятно, следует учитывать и такой фактор как становление новой интегральной области знаний, получившей в СССР самоназвание *науковедение,* а на Западе – *science of science*.

С рубежа 1960-1970-х гг. о себе заявило новое направление – когнитивная социология (M. Mulkau, R. Whitley и др.), представители которого, исходя из *социокогнитивного* образа науки, выдвинули новый подход к изучению науки – *социокогнитивный* (термин А. П. Огурцова)[1]. Эволюция на протяжении 1960-х гг. взглядов Т. Куна с переосмыслением акцентуализации ведущих категорий его теории научных революций – *парадигмы* и *научного сообщества* – стала, несмотря на восприятие самим ученым идеи единства когнитивных и социальных аспектов науки, выражением «социального поворота» в исследовании интеллектуальных движений. К рубежу XX-XXI вв. в «западной науке» все более стали утверждаться идеи о социокультурной обусловленности интеллектуальных процессов.

Одновременно три момента позволяют говорить о том, что формула о замене интернализма экстернализмом вполне оправдана: во-первых, для западной науки сосуществование диаметрально противоположных позиций – явление более чем приемлемое, во-вторых, поворот к социальным параметрам науки и «социологический штурм» действительно акцентуализировали «экстерналистские» тенденции в разработке проблем «наукознания», в-третьих, фокус на социальные параметры науки получил значительное признание и в восточноевропейском исследовательском пространстве.

* * *

Параметрический, социокогнитивный образ науки в общей тенденции утверждающейся новой «постмодерной» эпохи – соединение ранее несоединимого – решительно заявлял о своих правах. С 1970-х годов между ведущими отраслями *науки о науке* – философией, социологией и историей науки стали «исчезать» жесткие демаркационные линии. После выхода работ Томаса Куна (который сделал в итоге социологическую категорию «научное сообществе» основой своей историко-научной концепции) и Имре Лакатоса (который провозгласил: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа»[2]) исторический ракурс рассмотрения философско-соци-

[1] См.: *Огурцов А. П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура / Отв. редактор В. Ж. Келле. М., 1984. С.170.

[2] См. подробнее: *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции //

ологических проблем науки становится ведущим. Огромный массив категорий, выработанных в сфере философии и социологии науки (парадигма, исследовательская программа, научное сообщество, кластеры, институционализация, дисциплинарная матрица и т. п.), в связи с «историзацией» философско-социологических исследований получает свое «второе дыхание», одновременно поставляя новые импульсы историографии науки, в том числе - ее видовым подразделениям.

Тенденция «сближения», «соединения», «слияния» проявлялась в развитии междисциплинарных исследований, которые, сокрушая дисциплинарные барьеры, приводили к трансформации всей системы научного знания – процесса со сложным взаимодействием центробежных и центростремительных сил. Оборотной стороной всей истории науки в XX веке – истории ускоряющегося процесса появления «многих наук», «многих математик», «многих историй» и т. п. – стали поиски синтеза как на концептуальном, так и на теоретико-методологическом уровнях.

Само науковедение (в восточноевропейской традиции), превращаясь в гиперсистему, выдвинуло тезис об изучении науки в рамках единого социокультурного анализа, предполагающего, с одной стороны, «многомерность» в качестве основополагающего принципа исследования науки, а с другой – синтез различных подходов (логико-методологического, социологического, социально-психологического, культурологического и проч.). Одновременно стал набирать темпы процесс (и уже не только на уровне интеллектуального обоснования) создания новых дисциплин интегрального характера: исторического науковедения, эпистемологии истории, исторической социологии, историософии, историологии, клиологии и др.

В историко-научных исследованиях происходила эволюция основных моделей исторической реконструкции науки: кумулятивную (кумулятивистскую) модель потеснила «революционная», последнюю – ситуационные исследования (*case study*), которые получили много вариантов своего осуществления на основе различных методологических платформ. Их объединил иной ракурс «прошлого» науки: отнюдь не новая идея «уникальности» в истории, выдвинувшая идиографический метод в исторических исследованиях, приобрела новое звучание. История науки стала восприниматься как совокупность индивидуальных, частных ситуаций – *case study*, – когда одно событие из истории науки реконструируется в его целостности, уникальности и неповторимости. В работах на основе *case study* 1980-1990-х годов существенным образом трансформировалось понятие единства и непрерывности в истории: отдельное, уникальное явление стало рассматриваться как некое средоточие всеобщности: «локальность» в «тотальности» и «тотальность» сквозь призму «локальности»; мельчайший фрагмент прошлого приобретал свою самоцен-

---

Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С.203-269.

ность, а не выступал только предпосылкой настоящего; диалогичность прошлого и настоящего, общение вместо обобщений стали выходить на передний план в осмыслении истории науки. Общим фоном этого подхода становилась *микро-история*, занимающая приоритетные позиции в исследованиях различной направленности.

Вместе с тем ситуационные исследования параллельно с утверждением плюралистической методологии на общем фоне культурно-исторического «перелома» во многом способствовали распространению идеи множественности «образов» науки, которая замкнулась на идею «множественности истин», породив очередной виток бурного противостояния сторонников «модернистского» (рационалистического – так в самовосприятии) и «постмодернистского» типов мышления, гносеологических оптимистов и пессимистов-агностиков, революционеров-ниспровергателей и консерваторов-традиционалистов.

Если интеллектуальные катаклизмы рубежа XIX-XX веков привнесли в историческую науку «исчезновение объекта», то к рубежу XX-XXI веков заговорили об исчезновении самой «территории историка»: Текст заявил о своей самодостаточности, упразднив Автора, Историк-исследователь растворился в процессе историописания, а на арену рефлексивных баталий вышла рождающаяся на глазах новая цивилизация – гиперсистема дисциплинарно-институциональных нормативов (обновленная междисциплинарными конфигурациями), не только покорившая создавшее ее человечество, но и заявившая о своей приоритетной роли в формировании «людского общежития» и всех его структур, включая самого субъекта истории со всеми бесконечно многообразными сферами его деятельности, в том числе – познавательными.

«Состояние постмодерна» – понятие, введенное Ж.-Ф. Лиотаром в 1970-е гг., в качестве характеристики современного ему общества с его научными и культурными явлениями[1]. Согласно одной из историографических традиций *постмодерн* определяют как эпоху (зарождение которой приходится на 1960-1970-е гг.), связанную и во многом детерминированную эпохой модерна, в содержательной основе которой реакция на кризис модерных идей (вера в разум и прогресс, европоцентристская картина мира и т.п.), выраженная в постулате «смерть» супероснований: бога, автора, человека. Как культурный знаменатель преимущественно второй половины XX в. постмодерн выдвинул новые парадигмальные идеи: восприятие мира как хаоса, глобальный полицентризм, интерпретативное мышление и т. п.

* * *

[1] См. подробнее: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна (1979) / Пер. с французского: Н. А. Шматко, «Институт экспериментальной социологии». Москва. СПб.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998.

Экскурс: О дисциплинарных и культурных «агрессиях»

Поскольку закономерности историко-культурного процесса едины, несмотря на безусловное наличие национально-регионального «колора», подкрепляемого и политико-идеологическими мотивами, сущностные черты новой «постмодерной» эпохи органично вплелись в общий узор интеллектуального процесса в Украине и России последней трети XX – начала XXI вв. Среди них: ориентация на полифундаменталистский тип мышления, альтернативную методологию и теоретический плюрализм; соединение ранее несоединимого –научного познания и художественного, рационального мышления и интуиции, «внешних» и «внутренних» факторов и т. п.; провозглашение «третьего направления» в искусстве (в том числе – искусстве «историописания») – «нелинейное письмо», смешение стилей, гетерогенность дискурса и т. д.; трансформация дисциплинарного поля, интердисциплинарность исследовательских подходов и проч.; включение многообразия традиций в длящийся полилог культур.

Вместе с тем следует осознавать, что это только – «тенденции», которые имеют весьма широкий репертуар своего «преломления» в социальной практике, в том числе – историографической, и не исчерпывают всей многомерности современной эпохи, сохраняющей в качестве оппозиции этим тенденциям почти классический «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм» (Ж. Даррида), не говоря уже об интеллектуальной вариантности в межполярном пространстве.

Несмотря на то, что «постмодерная эпоха» вырастала из «агрессии» по отношению к «эпохе модерна», ее стержневые принципы – плюрализм и толерантность – закономерно предполагают включение в общее интеллектуальное поле элементов предшествующей стадиальности. «Левый фланг» новой эпохи – революционно-ниспровергающий – был представлен «постмодернизмом» («постмодернистской парадигмой») как одним из направлений теоретической мысли, или интеллектуальным течением, которое возникло значительно раньше наступления самой «эпохи постмодерна». «Постмодернистская парадигма» со своим стержневым «поворотом» –лингвистическим – оказала существенное влияние на всю эпоху и, можно сказать, выступила в качестве главного «стимулятора» перехода к новой стадиальности историко-культурного процесса.

> ***Ремарка-штрих.*** «Эпоха постмодерна» отнюдь не исчерпывается только этими идеями, как и «постмодернизм» – весьма многослойное явление – не замыкается в границах текста, хотя и «выталкивает» проблему Автора и Текста на поверхность «эпистемологического океана».

Ориентация на «дискурсивные практики», «микроисторию», «регионально-локальный анализ» и т. п. отнюдь не упразднили «оппонирующих» на-

правлений макроанализа[1]: новые тенденции мирового развития настоятельно выдвигали задачи написания «глобальной истории» на основе новых теорий всемирной – «миросистемной» (по И. Валлерстайну) – истории, новых версий и методик «гранд-нарратива». Сам И. Валлерстайн в подтверждении своей позиции приводил мнение Рэндалла Коллинза, который, пропагандируя сетевую теорию, тем не менее обратил внимание на то, что в интеллектуальном сообществе «престиж и власть» принадлежат сегодня [на конец 1990-х – начало 2000-х. – Т. П.] «сетевым моделям» – статичным и «локальным по уровню обобщения», однако их «аналитическая полезность» не долговременна, поэтому будущее науки – за моделями «макроисторических изменений и сетевых отношений»[2].

> ***Ремарка-штрих.*** В отличие от Р. Коллинза, уверенного в новом колебании маятника – переходе нового поколения ученых от «микроанализа» к «макроанализу», – историками-анналистами в качестве постановочной проблемы практически в это же время был сформулирован вопрос: можно ли осмыслить «макро» через «микро», исключает ли микроистория изучение макропроцессов[3].

«Кризис» рубежа XX-XXI вв. как явление, многомерно включающее перелом, переход, переворот, инвентаризацию, «чистку», «агрессию», рефлексию, выразился, наконец, в тщательном пересмотре всего наследства профессиональной историографии, истоки которой в ситуации социокультурного кризиса рубежа XVIII-XIX вв. Это было время критического переосмысления интеллектуальной практики «Века философии» и экспериментов Великой революции, что стало «питательной средой» для нового историописания, постепенно превращавшегося в профессиональную историографию, которая опиралась на три великие системы мировидения – романтизм, позитивизм и марксизм, вобравшие в себя и преломившие через себя весь предшествующий интеллектуальный опыт европейской (преимущественно) культуры.

Хотя романтизм сыграл решающую роль в утверждении идеи «историзма», выдвинув тезис о самобытности истории как науки с ее пристальным вниманием к неповторимым, преходящим, конкретным, уникальным и единичным явлениям, принято считать, что профессиональная историческая наука складывалась в основном на позитивистской платформе.

---

[1] См.: Время мира. Альманах. Вып.1: Историческая маркосоциология в XX веке; Вып.2: Структуры истории / Под ред. Н.С.Розова. Новосибирск, 1998, 2001 и др.

[2] Цит. по: *Валлерстайн Иммануил.* Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. С.10. На русский язык имя ученого - Immanuel Wallerstein - переводят как: *Иммануил* или *Иммануэль* (*Иммануэль Морис Валлерстайн*); на украинский язык преимущественно – *Іммануїл*.

[3] См. подробнее: XX век. Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и референтов: В 2 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам / Под ред. А. Л. Ястребицкой. М., 2001-2002. Ч. П. С. 52-60.

XIX век, вошедший «с легкой руки» О. Тьерри в историографию как «Век истории», представил практически одновременно (в середине столетия) две великие альтернативные модели общественного развития– позитивизм и марксизм, – давшие теоретическое обоснование практически всех его граней, компонентов и их взаимосвязей (в современной литературе, к сожалению, по-прежнему «сужают» марксизм, идентифицируя его исключительно с идей экономического детерминизма). Именно эти направления своей «агрессией» в отношении друг друга способствовали формированию теорий исторического процесса и исторического познания, которые при всей «оппозиционности» исходных концептов имели много общих черт (идея прогресса, направленность исследовательского фокуса на социальные и экономические структуры, идея закономерности, сциентизм, «открытость» исторического знания для инструментария социальных и естественных наук и проч.), и своеобразный симбиоз которых в той или иной степени и форме оказался спроецированным в методологию профессионального историописания.

Процесс профессионализации исторической науки проходил в рамках т. н. «университетской науки», сформировавшейся в результате складывания новой «классической» европейской системы университетов, для которой был характерен дисциплинарный принцип организации научно-педагогической и научно-исследовательской деятельности ученых. Университетская система XIX в. с ее дисциплинаризацией научного знания в целом сыграла роль ведущего фактора институционализации и профессионализации исторического знания.

> ***Ремарка-штрих.*** Три категории – «дисциплинаризация», «институционализация» и «профессионализация» – взаимосвязаны и определяют в конечном итоге процесс оформления научной дисциплины.

Дисциплинарность исторической науки как социокогнитивного образования предполагает наличие системы когнитивных параметров исторического знания, репрезентантами которого выступает уже научное сообщество, с четко выраженной профессиональной самоидентификацией; его деятельность осуществляется посредством определенных форм коммуникации в специализированных научных структурах в соответствии с конкретными нормативами, отражающими практику «историописания», идеологию и этос корпорации специалистов-историков, являющимися своеобразными маркерами профессионализма и признаваемыми всеми членами сообщества. Важнейшим когнитивным показателем завершения дисциплинарного процесса является формирование рефлексивного уровня в системе исторического знания – ведущих форм исторической рефлексии: теории/методологии и истории самого исторического знания. Исходя из данного концепта, завершение процесса дисциплинарности исторической науки и ее институционализация хронологически приходятся на вторую половину XIX – рубеж веков – время, когда историческая наука об-

ретает дисциплинарную доктринальность и активизируется самостоятельная «длительность» исторической рефлексии[1].

Рубеж XIX-XX вв. дал старт для очередного этапа «инвентаризации» и «агрессии» в отношении опыта профессиональной исторической науки XIX в. со стороны т.н. «новой исторической науки» XX столетия, стимулируя расширение историографической критики. Формула «Новая историческая наука» в современной литературе часто употребляется в «собирательном» смысле – для обозначения всех «интеллектуальных оппозиций» XX века по отношению к традиционному позитивизму и марксистской теории. Безусловно, применяя этот лексический оборот, следует учитывать огромнейший диапазон разнообразных «новых историй», перманентно возникавших на протяжении длительного времени – с конца XIX по 70-е гг. XX в.: каждая из них проявляла свои «пики агрессии» в отношении «традиционного» исторического знания, и эта «агрессия» была не просто связана с новыми методами познания и исследования прошлого, но сами эти методы чаще всего «привносились» иными дисциплинарными образованиями.

> ***Ремарка-справка.*** Собственно, процесс этот был не нов: в XIX в. становление профессиональной исторической науки проходило не только в размежевании «исторического поля» с иными гуманитарными «полями» – философией, филологией, но и в «агрессии» со стороны только что родившейся социологии. На рубеже веков «институционализировавшаяся» историческая наука испытала влияние психологии, социальной географии, философии. Первый виток формирования «историко-культурного образа» исторической науки также приходится на конец XIX – начало XX вв. Возможно, «интеллектуальная реакция» (И. Валлерстайн) неокантианства явилась в какой-мере попыткой утвердить дисциплинарную самобытность истории.

Новый век привнес и новые «атаки» со стороны социальных наук – «Школа Анналов», «Новая социальная история» и проч.: собственно «новая история» началась как раз с выступления против идиографических канонов – «дисциплинарного сепаратизма», господства «эмпиризма», диахронических методик и проч. С 1960-х гг. «науковедение» и историческая наука стали испытывать взаимное влияние; родилась клиометрика. Новая «агрессия» с конца 1970-х гг. шла от лингвистики и филологии, психологии и герменевтики, антропологии и культурологии; 1980-1990-е гг. привнесли новые «атаки» со стороны социологии и экономической науки; обозначился «синергетический

[1] Процесс становления профессиональной исторической науки в Украине в контексте европейской научной традиции впервые в конкретно-историографическом плане был представлен в монографии С. П. Стельмаха. См.: *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму (Х1Х – початок ХХ століття): Монографія. Київ: ВПЦ «Київський університет», 2005. 378 с.

синдром» и т. п. Философия «постмодернистов» дала «старт» не только для инвентаризации всей предшествующей профессиональной историографии, но и для ее интеллектуальных предпосылок.

Перманентная флуктуация в процессе поисков ответа на сакраментальный вопрос - «как изучать историю и как писать историю?»: замкнуться в собственном дисциплинарном пространстве, акцентуируя «историзм», «диахронизм» и «идиографизм», или в сближении с иными областями социогуманитарного знания (и не только!) постоянно расширять свой методологический арсенал, стимулировала историческую рефлексию и совершенствование историографического анализа.

Рубеж тысячелетий снова заставил переосмыслить пройденный исторической наукой путь и тем самым способствовал размаху историографических изысканий. «Эпистемологический самоконтроль» (А. Я. Гуревич) к началу XXI века не только становится главным нормативом профессионального историописания, но и предстает в качестве фундаментального стержня профессионального познания истории, критерия «профессиональной пригодности» современных ученых[1].

Ремарка-штрих. Провидения И. Валлерстайна и Р. Коллинза себя достаточно быстро оправдали – интерес к *инновационно*-новой форме «гранд-исследований» превратил сегодня (на второе десятилетие 2000-х) *глобальную историю* в самое приоритетное направлении мировой историографии.

Ремарка-цитата: «На рубеже XX-XXI вв., в условиях предельной фрагментации исторического знания, наряду с расцветом микроисторических исследований, возникла острая потребность в масштабном взгляде на многовековую историю человечества и вновь вырос интерес к исторической макроперспективе, ориентированной на изучение многообразных последствий развития глобальных взаимосвязей, что подразумевало качественное обновление теоретико-методологических оснований и концептуального аппарата самой макроистории»[2].

* * *

Ремарка-мнение. Постмодернистская парадигма (если можно даже условно применить данное понятие к тому развернутому во времени – от

---

[1] См. подробнее: *Попова Т.* Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Історіографічні дослідження в Україні. Випуск 19. Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. С.42-72.

[2] См.: Вместо введения. Преодолевая границы государств и цивилизаций: макроисторические опыты современной историографии // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С.9.

10-х гг. XX в. до XXI в. – и пространстве / европейский, американский континенты плюс.../ явлению, бесконечно варьируемому и своими создателями, и своими сторонниками, поклонниками, противниками), безусловно, открыла новые возможности для понимания историографического историописания. Несмотря на глобальный массив «постмодернистско-ведческой» литературы. вряд ли существует *цельный*/*всеобъемлющий* историографический анализ такого явления (таких явлений?) как «постмодерн»/«постмодернизм»/ «постмодо». Этот феномен называли эпохой (культурной, когнитивной, даже – социокультурной), философской идеей/программой, стилем мышления и стилем в искусстве, интеллектуальным течением, «состоянием» культуры и проч., выстраивали генетическую типологию («постмодернизм – 1», «постмодернизм – 2»); образовывали сообщества апологетов и оппонентов; обвиняли в отсутствии инноваций и оригинальности; снисходительно-раздраженно констатировали (с точки зрения конкретно-дисциплинарных позиций) «тривиальность» суждений; восторгались революционной ломкой традиционализма, упивались целым блоком лексических новаций… Можно ли говорить, что первоначальные «страсти» (их хронология и география неоднозначна) улеглись, даже у нас – на «окраине Европы»?..

Помнится, из почти забытого, – есть закон революции: она всегда заходит дальше своих целей и откатывается назад для того, чтобы занять соответствующее ее содержанию место. Есть ли закон «продвижения» знаний, в соответствии с которым каждая новая идея сначала получает гипертрофированное звучание, для того, чтобы со временем обрести свой «нормальный» (?) статус в истории идей?.. Возможно, сама полемика вокруг идеи становится «фактором детонации»? Что в этом процессе главное? – Попытка понять смысл того, что называют «постмодо», и тем самым понять себя и свое время, «связь времен»? Или «приобщение» к полемике превращается в некий «код» (по Ж. Бодрийяру)? И мы все с предельным ускорением погружаемся в воронку «новой магической эпохи»?..

Несмотря на то, что «постмодерная область» интеллектуальной истории – труды по истории философии, истории познания (опускаю специальную терминологию!), истории литературной, социологической, исторической, географической (и проч.) мысли, историко-научные исследования – пополнилась за последние десятилетия сотнями (?) наименований, вряд ли современное научное сообщество уже готово навести лоск хрестоматийности на этот конгломерат учености, хотя многие из очередных «новаторов» уже записали (не без основания!) явление постмодернизма/постмодерна – в «классику».

В то же время, факт появления глобальной историографии «постмодерна» и особенно изданий, претендующих на «энциклопедизм» (без негативной ироничности!), т. е. – дидактическую определенность – не свидетельствует ли о том, что «процесс дисциплинарности» – «насилия», «исключений» – «за-

прета» – в действии? И сам М. Фуко уже стал исчезать под покровом «дискурса-Фуко»?.. С этим связано и другое (в принципе, стандартное) явление: вместо того, чтобы обращаться к текстам «первичным», расширяется практика жонглирования текстами «вторичными» (со своей многоуровневой иерархией) – текстами, которые подчинены тем же играм формотворчества и «безгранично-ограниченной» интерпретационной фантазии. Однако, несмотря на все предостережения теоретиков «постмодо», эти «вторичные» тексты в наших глазах чаще всего приобретают статус «узаконенной истины» (так ли далеко «убежали» мы от пресловутой модернистской ментальности?..)[1].

Ремарка-цитата: «Множество первичных текстов теряется и исчезает, и комментарии порой занимают их место»[2].

Ремарка-позиция: «Постмодернизм» рассматривают как собирательный термин для обозначения: деконструктивизма, нового историзма, семиотики, которые наряду с другими течениями в современной науке, в свою очередь, придают философскую достоверность и легитимность таким движениям, как феминизм и мультикультурализм». Аналог «постмодернизма» – «постсовременность»: речь идет о той практически «ушедшей» современности, которую постмодернисты воспринимают по образу и подобию Просвещения – всего того, что в европейской мысли в XIX и XX веках стало продолжением и применением его идей. В этом плане современность – это «формация», в которой господствуют: рационалистический фундаментализм, универсализм, абсолютизация познаваемой истины, оптимизм и наивная вера в прогресс, обожествление науки и техники, строгое разграничение объекта и субъекта познания, представление об автономном субъекте, элитарность, разнообразные «метанаррации», «великие повествования», приписывающие миру внутренний порядок, а «линейной истории» – смысл и «логику», а также ограничения, нетерпимость и интеллектуальное насилие [3].

* * *

Возвращаясь назад: постмодернизм как интеллектуальное течение эпохи постмодерна[4] наряду с бесспорными достижениями в области осмысления проблем Текста, дискурсивных практик, культурно-эпистемологических филь-

---

[1] См. подробнее: *Попова Т. Н.* Читаем «постмодо»: с позиций неискушенности (ремарки историографические и прочие) // Харківський історіографічний збірник. Випуск 8. Харків: Вид-во НУА, 2006. С.57-72.

[2] *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С.60.

[3] См.: *Шацкий Е.* История социологической мысли. Том 2 / Пер. с польского; общая редакция А. Васильева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.573-576.

[4] Среди интерпретаций этих понятий: «постмодерн» - период, наступающий после «модерна»; «постмодернизм» - самосознание культуры на данном историческом этапе.

тров в интерпретационных процедурах и проч. поставил под сомнение главные постулаты историографии: само понятие исторической реальности, идентичность историка, его профессиональный суверенитет; критерии достоверности источников; веру в возможности самого исторического познания[1].

Постмодернизм с неизбежностью совпал с очередным витком в проявлении «гносеологического пессимизма», крайние формы которого и в наши дни не исчерпали своего негативного потенциала. Истоки этого перманентно возникающего явления – в смене эпох, в закономерном в переломной исторической и историографической ситуации радикальном «гештальт-переключении». «Вызов» постмодернистской критики, которая наглядно показала т. н. слабые места историописания, провозгласив право историка лишь на интерпретацию, допускающую множество ответов на один и тот же вопрос, не только расстроил ряды «гносеологических оптимистов», подрывая их веру в рациональность собственного профессионального поприща, но, что важнее, заставил специалистов в очередной раз задуматься о границах научной познавательной деятельности, о *свободе* исследовательского поиска и его выражения, об укреплении позиций здравого «умеренного релятивизма»[2].

Переход к новому этапу, условно обозначенному в литературе как *постпостмодернизм,* или *метамодернизм*, был обусловлен реакцией на крайний агностицизм предшествующего[3]. В результате бурной полемики между «постмодернистами» и «реалистами» явно обозначилась «третья позиция», или «средняя платформа», согласно которой историки, в частности, в своей познавательной деятельности исходят из тезиса о существовании независимой от наших представлений реальности – реальности вне дискурса[4].

Поиски новой исследовательской парадигмы шли в русле становления таких взаимосвязанных направлений как *критический реализм*, *прагматический поворот*, *третья/средняя платформа/позиция*.

Осмысливая плодотворные идеи постмодернизма, сторонники критического реализма выдвинули идею *конструктивного реализма*, суть которой в попытках преодолеть оппозицию реализма (признание как исторической реальности, так и возможности ее адекватного описания) и конструктивизма (историческая

---

[1] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.122.

[2] См. подробнее: *Яковенко Н.* Ранньомодерна українська історія: спірні питання опису й методології // Сучасна Українська історіографія: проблеми методології та термінології: Матеріали Всеукраїнського науково-методологічного семінару (Київ, 17 червня 2004 р.). Київ, 2005. С.77.

[3] См.: *Маньковская Н. Б.* От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм // Коллаж. М.: ИФ РАН, 1998; *Эпштейн М.* Прото-, или конец постмодернизма // Знамя, 1996, №3 и др.

[4] См.: *Репина Л. П.* Проблема методологического синтеза и новые версии социальной истории // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2004. С.23-31; *Она же.* Историческая теория после «культурного поворота // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. Выпуск 20. С.5-13.

конструкция – лишь образ исторической реальности): факт наличия конструктивистского начала в научном познании в границах определенного культурно-эпистемологического контекста не отрицает сопоставимость исследовательской конструкции с исторической действительностью в той или иной степени.

Среди ученых все более приобретает популярность этот новый методологический подход, согласуемый с синергетикой, – *умеренный конструктивизм*, или *конструктивный реализм,* в соответствии с которым природа научных онтологий определяется как конструктивно-деятельностная, поскольку в онтологических моделях сохраняются реалистические установки. Любая конструкция предполагает существование некой реальности, знание о которой конструируется субъектом, обладающим проектно-конструктивным началом, способствующим развитию знаний о реальности. Сама формула «построение теории», а не открытие теории, свидетельствует о «сконструированности знания», и в этой теории все дано не только от человека, но и от реальности, которая невидимо в ней присутствует: представители синергетической методологии рассматривают мир в качестве «сотворца познания»[1].

В западной литературе идеи *конструктивного реализма* имеют определенное разнообразие, которое все-таки достаточно близко по подходам.

1. Так, понятие реализм заменяется понятием референция, поскольку целью ученых является обнаружение некоего референта, существующего независимо от познающего субъекта.

2. Признание реальности мира не исключает того факта, что его постижение («grasping») связано с интерпретированием/толкованием.

3. Научные описания являются результатом человеческого восприятия реальности, которое всегда ограничено определенными рамками, в итоге происходит не постижение действительности (как она есть на самом деле), но лишь изображение ее фрагментов[2].

---

[1] См.: *Степин В. С.* Конструктивные основания научной картины мира // Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. М.*:* ИФРАН, 2008. С. 4-31; *Лекторский В. А.* Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Там же. С. 31-43; Философия*,* познание*,* культура. М.*:* Канон+, 2012; *Швырев В. С.* От классического к современному конструктивизму // Философские науки. 2008. № 3. С. 10-21; *Розов М. А.* Познание и инженерное проектирование // Философские науки, 2008. № 3. С. 21-35; *Аршинов В. И., Буданов В. Г.* Синергетика как методология коммуникативного конструктивизма // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. акад. РАН В. А. Лекторский. М.*:* Канон+, 2009. С. 241–274; *Пружинин Б., Щедрина Т.* Конструктивный реализм или как возможна культурно-историческая реальность? // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С.27-53 и др.

[2] См.: *Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 94-103; *Lenk H.* Towards a technology- and action-oriented methodology of constructive realism // After Cognitivism. A Reassessment of Cognitive science and Philosophy. Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer + Business Media, 2009. P. 3-22; *Gadenne V.* The construction of realism // Constructivist Foundations: e-journal. URL: http://www.univie.ac.at/constructivism/journal/articles/3/3/153. gadenne. pdf ; *Giere R. N.* Cognitive Models of Science // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. 1992. Vol. 15 и др.

«Мир во фрагментах»[1] становится новой картиной мира.

Ремарка: мнения. «Метафора “фрагментация”, – очень точно заметил С. И. Посохов, – стала созвучна переходному периоду в историописании, когда традиции пошатнулись, а новации еще не укрепились»[2]. В этой ситуации и отношение к этому явлению весьма неоднозначно.

1. Согласно Алану Мегиллу, «…фрагментация появилась потому, что возникли и вошли в конфликт друг с другом различные интерпретирующие перспективы <…> фрагментация есть неизбежное последствие интерпретирующего характера исторического исследования и исторического описания»; позиция ученого: «…эпистемологически ответственной историографии следует, скорее, идти в ногу с такой фрагментацией»[3]. С этой позицией созвучна точка зрения Рольфа Тоштендаля, который определяет «фрагментацию» как одну из тенденций в развитии современной исторической науки – «центробежную силу», проявляющуюся в процессе дифференциации науки: создании новых областей знания, изменяющих структуру общепризнанных нормативов. Для него «…фрагментация заключается не только в отвлетвлении новых дисциплин от общего древа истории, но и в изменении приоритетов среди историков, которые хотят оставаться профессионалами»[4].

2. Для А. В. Лубского методологическая ситуация в современной исторической науке проявляется в особом состоянии методологического сознания, для которого характерна фрагментарность и разорванность: конкуренция между собой множества познавательных парадигм приводит к «плюралистически дискретному монизму», породившему интеллектуальный сепаратизм; вследствие этого современная историческая наука стала «ярмаркой идей», превратившись «в мультипарадигмальную научную дисциплину, а историческое познание в когнитивное поле многообразных мнений и интеллектуальных “языковых игр”, в результате которых историческая реальность растворяется во многообразии теоретических конструктов и ценностных концептов, смысловых миров и метафорических значений»[5].

3. С. И. Посохов, используя введенную им терминологическую новацию

---

[1] *Савельева И. М.* Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории**.** М.: Ин-т истории РАН, 2012. Вып. 38. С.39.

[2] *Посохов С. И.* «Фрагментация» как историографический диагноз // ПРОФЕССИЯ – ИСТОРИК (к юбилею Л. П. Репиной) / Отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С.161.

[3] *Мегилл Алан.* Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой М., Кашаева В., Тимонина В.). М. «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С.7-8.

[4] См.: *Тоштендаль Р.* Профессионализм историка и историческое знание / Пер. с англ. А. Ю. Серегиной. М.: Новый хронограф, 2014. С.5-6.

[5] См.: *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. С. 45, 57; *Мальковская И. А.* Россиеведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 78.

«историографический диагноз», ставит свой диагноз метафоре «фрагментация», учитывая особенности проекции этого явления на различные «ипостаси» дисциплины историографии – *науковедческую, литературоведческую, культурологическую* – и исходя из специфики объекта, предмета и методов, характерных для каждого из этих «ликов» историографии. В науковедческой проекции фрагментация представлена как дифференциация наук, в литературоведческой – как сущностная характеристика гипертекста (любого текста, произведенного из предшествующего текста путем прямой или непрямой трансформации), в культурологической – как множественность образов прошлого, обусловленная социокультурным контекстом историописания. Понимая неизбежность этих процессов (проявлений «фрагментации»), С. И. Посохов, опираясь на тезис К. Ясперса – «мы не хотим, чтобы история распалась для нас на ряд случайностей», – акцентирует внимание на метафорические (условно) антонимы термина «фрагментация»: «солидарность» / «кооперация»/ «взаимодействие»[6].

> ***Ремарка-штрих.*** Согласно И. Валерстайну, *индивидуация* – термин, который он использует как синоним «фрагментированности», или «разобщенности», – ведет к гетрогенности как в обществе, так и в науке, что нарушает принцип гомогенности в поисках истины и единства мировосприятия[7].

Прагматический поворот – это многообразные концепции «практики» в социальных науках. В рамках этого «поворота» происходит переориентация исследовательского фокуса – с изучения структур на изучение *деятельности*. «Теории практики» акцентируют внимание на действии «исторических акторов в их локальной ситуации», в контексте социальных структур, которые как создают возможности для действия, так и ограничивают их, осуществляя «структурное принуждение». Сторонники прагматического поворота занимают *третью платформу*, ориентируясь на поиск т. н. «третьего пути» в создании теоретической модели социальной реальности как синтеза объективизма системно-структурного подхода и субъективизма феноменологии и выдвигая идею социального конструктивизма, который соединяет сознание и деятельность индивидов с социальной средой их взаимодействия. «Умеренные» признали существование реальности вне дискурса и одновременно невозможность ее прямого восприятия, что, впрочем, не означает полного произвола ученого в ее конструировании. Несмотря на определенную общность парадигмальных установок, предоставленных этими направлениями для социогуманитарного знания, каждая дисциплина имеет свой способ включения данных понятий в исследовательскую традицию и собственный способ концептуализации, при-

---

[6] См.: *Посохов С. И.* «Фрагментация» как историографический диагноз // ПРОФЕССИЯ – ИСТОРИК (к юбилею Л. П. Репиной) /Отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С.152-177.

[7] См.: *Валлерстайн Иммануэль.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С.210.

чем даже в границах одной дисциплины исследовательские стратегии и способы концептуализации могут быть различны.

В качестве разновидности конструктивного реализма было предложено понятие *конструктивистский альтернативизм*, согласно которому историческая реальность может получать различные интерпретации на основе конструктивных альтернатив, или моделей исторического познания. Под влиянием идей конструктивного альтернативизма, считает А. В. Лубский, происходит становление «нового типа методологического сознания», основанного на интегральной *неоклассической модели* исторического исследования. Этот тип методологического сознания выдвигает тезис «о субъективном "мире" исторического знания, в котором обнаруживает себя объективный "мир" исторической действительности»: поскольку реальность истории представлена ученому в разных «ипостасях» – объектах познания, постольку в результате исследовательского процесса эта реальность трансформируется в разнообразные «картины», из которых ни одна не может быть признана единственно верной. Историческое знание приобретает «онтологическую скромность», превращаясь во множество конструкций, созданных в соответствии с определенным «познавательным контекстом». «Множественность познавательных контекстов» создает «многозначную» историческую реальность, что предполагает бесконечность процесса написания «книги» о «реальности прошлого» в языках различных эпох и культур [1].

> ***Ремарка-тезис.*** Таким образом, перманентный процесс «переписывания истории» (или пересмотр теорий, ставших «классическими» /«навечно правильными») – процесс закономерный, обусловленный неисчерпаемостью реальности и неспособностью субъекта охватить ее целиком в одноактном порыве познавательного энтузиазма.

Экскурс: О полифундаментальности

На перекрестке множества дорог в поисках «истины» возникает проблема дихотомии редукции и дополнительности. Редукция, как известно, – универсальный методологический прием, суть которого в процессе «упрощения» (задач, проблем, содержания понятий, объяснения сложных явлений с целью их понимания и проч.). Один из распространенных вариантов проявления редукции – стремление свести все многообразие явлений к какой-либо одной

[1] См. подробнее: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.141-146; *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю. Г Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. С. 86; *Он же.* Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // Историческое познание и историческая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С.12-14; *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб.: Изд-во. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С.12-17.

единственной «формуле» (шире – сведение социального бытия к абстрактным схемам и т. п.) – рождает т. н. *редукционизм,* который создает базу для практического и философского догматизма. В качестве примеров подобного «срастания» редукционизма с догматизмом выступают: советский марксизм, американский социологический позитивизм, французский структурализм и проч. Идея дополнительности проявляет себя в сохранении многообразия в процессе поисков объединяющих оснований в общей картине явлений[1]. Проблемы редукции (редукционизма) и дополнительности опосредованы *конраверзой* «фундаментализм/полифундаментальность».

В XIX веке профессионально закрепилось представление о том, что успехи науки во всех ее областях своей основой имеют единство теоретического фундамента – фундаментализм. Переход к постнеклассической методологии науки стал периодом «больших парадигм»: главным содержанием этой «интеллектуальной революции» явились изменения в логическом фундаменте научного мышления, суть которых в формировании антифундаменталистского видения мира, в переходе «от фундаментализма к полифундаментальности (многомерности) в категориальном строе и способе мышления, в его методологическом и мировоззренческом базисе»[2].

Логика многомерности детерминирует онтологическую многомерность объекта изучения, т. е. его полифундаментальность, «неодносущностный» характер, множественность его «ипостасей». Поэтому каждая конкретная теория «как единая система знания со своими исходными принципами и исследовательской программой раскрывает определенное сущностное измерение целого, строит его базисную модель, картину и т. п.»[3].

С позиций полифундаменталистского видения объекта речь не идет о том, что его альтернативные описания раскрывают какой-то один из аспектов целого (именно в этом смысле обычно оперируют термином «многомерность» – т. е. «многоаспектность»). В данном случае имеется в виду то, что каждая теория «описывает именно целое, а не его часть». Но поскольку каждая теоретическая система вырабатывает собственную модель целого, которая не в состоянии исчерпать всех сущностных характеристик объекта, постольку ни одна из альтернативных теорий не может претендовать на то, что только она является истинной и, таким образом, фактически, «снимается» проблема создания «единственно верного учения» – главного стержня и «ахиллесовой пяты» фундаменталистского мышления.

---

[1] См.: Современный философский словарь. Москва-Бешкек-Екатеринбург, 1996. С.404-405; *Овчинников Н. Ф.* Методологические принципы в истории научной мысли. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С.189.

[2] См.: *Абрамова Н. Т.* Границы фундаменталистского идеала и новый образ науки // Философские науки. 1989. № 11; *Алтухов В. Л.* Философия многомерного мира // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С.92.

[3] *Алтухов В. Л.* Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С.97.

Признание того, что ни одного из альтернативных описаний объекта недостаточно для охвата всей его многомерной реальности, требует рассматривать эти альтернативные теории не в контексте конфронтационного дискурса, а с позиций принципа дополнительности, который позволяет сохранять самостоятельность, теоретический статус каждого описания и в то же время воспринимать их в определенной системе, единстве («сложная ипостась»), раскрывать базисные отношения соответствующих описаний, способ, каким они могут быть объединены для целостного восприятия многосущностного объекта исследования[1].

Таким образом, «многомерная методология» с ее принципами полифундаментальности, дополнительности и плюрализма должна способствовать преодолению традиций «борьбы на уничтожение», рожденных конфронтационной логикой фундаментализма в научном мышлении, созданию основы для диалога, достижения консенсуса, компромиссов в решении различных научных (и *не*научных) проблем.

Последняя треть XX века предложила разнообразные концепции многомерности: «перспективную» (Х. Ортега-и-Гассет), «синергетическую» (И. Пригожин, И. Стенгерс), «голографическую» (С. Гроф, Д. Бом), «кентавристики» (Д. Данин), «интервальную» (Ф. В. Лазарев и др.), «ипостасную» (В. Л. Алтухов), «модельно-резонансную» (М. А. Дрюк) и др. Все они в том или ином плане выразили оппозицию фундаменталистскому типу сознания и конфронтационной логике мышления. Принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором, раздвинул границы своего применения, приобретая статус универсального, и лег в основу новой рациональной критики; возник и новый тип моделирования, при котором в сами модели стали входить, казалось бы, взаимно несовместимые, «дополнительные образы» исследуемого объекта[2].

* * *

Ремарка-info: О «дополнительности». Признано, что понятие «дополнительности» в методологию квантовой физики впервые было введено Нильсом Бором в 1927 г. на международном конгрессе в Италии. Суть *принципа дополнительности* в том, что воспроизведение целостности исследуемого объекта требует применения взаимоисключающих, но дополнительных друг к другу понятий: «…нужно отказаться от представления всех сторон явления посредством одного и того же рода наблюдения

---

[1] См.: *Алтухов В. Л.* Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С.98-99.

[2] См.: *Дрюк М. А.* Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2002. №. 2. С.30-46; *Овчинников Н. Ф.* Методологические принципы в истории научной мысли. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 208; *Цехмистро И. З.* Холистическая философия науки. Сумы: ИТД «Университетская книга», 2002. С.196-202.

и одной и той же системы понятий», – писал коллега Н. Бора, известный физик М. Борн[1]. Исходя из того, что «…расширение системы понятий не только восстанавливает порядок внутри соответствующей области знаний, но еще и раскрывает аналогии в других областях»[2], Н. Бор высказал идею о возможном расширении сферы применимости принципа дополнительности с целью постижения *целостности* явлений. Он был убежден в том, что «…цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также и человеческих культур представляют черты целостности, отображение которых требует типично дополнительного способа описания»[3]. Новое понимание целостностности было не тождественно интегративной (или суммативной) целостности, но явилось совершенно новым подходом к познанию действительности, не известным классической науке: новое «неклассическое» видение мира постепенно утверждалось в научном мировоззрении.

В исторической науке переакцентирование внимания с объекта на роль субъекта и применяемые им методы в исследовании во многом было связано с выводами экспериментальной физики: условия и средства эксперимента, а также личность ученого накладывают отпечаток на результат эксперимента. При изучении человеческих культур (особенно отличных от культуры ученого) исследователь, считал Н. Бор, имеет дело с особой проблемой наблюдения, которая при ближайшем рассмотрении обнаруживает много общего с атомными или психологическими проблемами: в познавательном процессе каких-либо культурных явлений всегда следует учитывать факт взаимодействия «между объектом и орудием измерения» – «неотделимость объективного содержания от наблюдающего субъекта»[4].

Для М. Борна дополнительность – «важное понятие, ибо оно проясняет многое и за пределами физики»[5]. В гносеологическом и мировоззренческом контексте истоки дополнительности коренятся в исходном тезисе о взаимной дополнительности понятий множества и целого, в описании природы, свойств мира как единства и многообразия – неделимого и неразложимого целого. Так называмые «дополнительные пары» – рациональное/иррациональное, мысли/чувства, наука/искусство, количество/качество, логика/интуиция, дискрет-

---

[1] *Борн М.* Моя жизнь и взгляды / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. С.463.

[2] *Бор Н.* Единство знаний // Бор Нильс. Избранные научные труды. Т. II. М.: Наука, 1971. С. 481-496. URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_06.html

[3] *Бор Н.* Квантовая физика и философия // Бор Нильс. Избранные научные труды. Т. II. М.: Наука, 1971. С. 526-532. URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_10.html

[4] См.: *Бор Н.* Философия естествознания и культуры народов // Бор Нильс. Избранные научные труды. Т. II. М.: Наука, 1971. С. 280-288. URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_04.html

[5] *Борн М.* Границы физической картины мира // Борн М. Физика в жизни моего поколения. Сборник статей / Под. общ. ред. Суворов С.Г. М.: Издательство иностранной литературы. 1963. С.431

ность/непрерывность, эйдосы/материя (Платон), материя/форма (Аристотель) и подобные «феномены двойственности» во всех сферах реальности всегда антиподо-взаимодополнительны.

Принципиально новая идея чаще всего получает гипертрофированное восприятие, стремясь к статусу универсальности. Так и принцип дополнительности попытались превратить в философский эпистемологический принцип, распространяющий свои полномочия на все явления действительности. Однако сам Нильс Бор, признавая возможность использования принципа дополнительности при изучении мира человека – его организма, психики, сознания и поведения, – предостерегал от аналогии между физическими и гуманитарными проблемами: при решении последних принцип дополнительности «имеет, однако, ограниченный размах»[1].

Если в области физики, химии, биологии, психологии и других науках речь шла об изучении противоположных явлений – «дополнительных пар» – на основе альтернативных средств их познания/описания, то при изучении культуры (при всем том, что человеческие культуры, развившиеся при разных условиях жизни и имеющие значительные контрасты в традициях и общественном строе, могут восприниматься «в известном смысле дополнительными») ученый анализирует не взаимно исключающие друг друга черты, подобные тем, с которыми имеет дело при объективном описании общих проблем физика и психология, но лишь с различиями во взглядах, мировоззрении, традициях[2]. Об этом же писал ученик и последователь Нильса Бора – Вернер Гейзенберг, один из создателей квантовой теории и «неклассического» стиля мышления, предостерегая против применения «физических понятий в областях, к которым они не принадлежат»[3].

По воспоминаниям В. Гейзенберга, Нильс Бор говорил: «Нельзя смешивать в одну кучу разные вопросы, которые, по-моему, относятся к различным способам рассмотрения, находящимися между собой в отношении дополнительности», для него принцип дополнительности проявлялся в том, что «… разные способы рассмотрения обязаны в конечном счете совпасть, т. е. должна обнаружиться их непротиворечивая принадлежность к одной и той же действительности…»: даже взаимно исключая друг друга, разные способы описания «не обязательно противоречат друг другу»[4]. Ученые, изучая духовные и культурные ценности, не должны забывать о проблемах теории познания, которые связаны «с правильным балансом между нашим стремлением к всеобъемлю-

---

[1] *Бор Н.* Философия естествознания и культуры народов // Бор Нильс. Избранные научные труды. Т. II. М.: Наука, 1971. С. 280-288.URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_04.html

[2] См.: *Бор Н.* Атомы и человеческое познание // Бор Нильс. Избранные научные труды. Т. II. М.: Наука, 1971. С. 504-514. URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_08.html

[3] См.: *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое: Пер. с нем. М.: Наука, 1989. С.126.

[4] См.: Там же.

щему взгляду на жизнь во всем ее многообразии и нашими возможностями выражать свои мысли логически связным образом»[1].

* * *

Среди новых понятий, содержательно оппозиционных постмодернистской платформе, – *перформативность*, *перформанс, перформативный поворот*. Имея своим истоком исследования Й. Хейзинги («Homo Ludens», 1938), М. М. Бахтина («Франсуа Рабле в истории реализма», 1940 г.), В. Тернера («От ритуала к театру: антропология перформанса», 1982), Ги Дебора («Общество спектакля», 1967)[2] о феноменах перформанса и карнавала, театрализованности общественной жизни и сущности ритуалов, новый поворот, заявивший о себе на рубеже XX-XXI вв., затронул широкое междисциплинарное поле гуманитарного знания[3]. Этот «новомодный тренд» (Л. П. Репина) / один из симптомов заката лингвистического, или дискурсивного, поворота в социально-гуманитарном знании 1970-1980-х гг./, стремящийся подорвать авторитет как канонического академического знания (с его жесткими дисциплинарными конвенциями), так и наследие постмодернизма (всеобъемлюшая идея Текста сменяется столько же всеобъемлющей идеей перформативности), конструирует образ мира как совокупность множественных информативных актов и действий: в широком смысле – это повседневная практика общественной жизни, проявляющаяся в различных формах, преимущественно ритуально-театрализованного характера.

Перформативный поворот («окказионалистский», по П. Берку) фокусирует внимание на человеческом поведении в различных случайных ситуациях[4], в связи с этим категория перформанс предстает как «ключевой аспект человеческого существования», фактор коммуникации (коллективности, по Б. Латуру[5]), «локус социальной трансгрессии». Специфика перформативно-

---

[1] *Бор Н.* Единство знаний // Бор Нильс. Избранные научные труды. Т. II. М.: Наука, 1971. С. 481-496. URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_06.html

[2] *Хёйзинга Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер. с гол. Д. В. Сильвестрова. М.: Прогресс - Традиция, 1997; *Дебор Г.* Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999; *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Том 4 (1). «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2008; *Рыжакова С. И., Сироткина И. Е.* PERFORMANCE STUDIES: Концепция и исследовательские подходы // Обсерватория культуры. 2016. Т.13. № 6 и др.

[3] См.: Performance Studies: An Introduction. London: Routledge, 2002; *Доманска Э.* Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки / Отв. ред. Кукарцева М. А. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С.228.

[4] См.: *Берк Питер.* Перформативный поворот в современной историографии // Одиссей. Человек в истории. 2008. М., 2008. С.337-354.

[5] См.: *Латур Б.* Пастер: война и мир микробов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 39.

сти как особого качества действия (соотносимого в целом с более широким *деятельностным поворотом)* в том, что «перформативный субъект» своей деятельностью влечет за собой конкретные изменения реальности, восставая против этой реальности («перфомативный субъект есть своего рода возрожденный и трансформированный марксистский субъект, продукт политизации мира» /Э. Доманска/), одновременно процесс деятельности включает в себя акторов различного вида – и человека, и артефакты (вещи и неодушевленные материи), и экофакты (живые существа), таким образом, изменения в реальности происходят благодаря кооперации разных акторов.

Позитивная стратегия нового перформативного поворота имеет ряд линий: происходит переакцентирование исследовательского фокуса – с проблем интерпретации текста (мир как текст) на проблемы *практики и действия*.

> ***Ремарка-штрих.*** Не провоцирует ли акцент на *действия* очередной поворот, в частности, в биографистике – возвращение (разумеется, «не прямое») к «внешней биографии» – *жизнь как деятельность* «героя»?..

В противовес постмодернистскому тезису о «смерти Автора», постулируется идея «возвращение сильного субъекта»; перформативный синтез – междисциплинарный – иллюстрирует «деэссенциализацию» академических дисциплин; на его основе формируется новый вид эпистемологии – эмпатическая эпистемология («перформативно-чувствительный способ познания»); гуманитарные дисциплины получают возможность быстро реагировать на трансформации в мире, предлагая новые способы концептуализации возникающих проблем; перформанс выступает как символ пересечения различных интеллектуальных траекторий, как способ «стирания границ» в академическом поле и в экзистенциальном смысле.

Экскурс: О деятельностном подходе

Истоки внимания к деятельностному подходу – с эпохи Возрождения; в культуре Нового времени этот подход приобрел актуальность в изучении социально-политической сферы и не затрагивал науку, т.к. постулат классической науки исключал из контекста познания деятельность субъекта. Проблема *деятельностного подхода* была артикулирована в исследованиях науки на стадии неклассической науки и особо – в послевоенное время: одна из первых предметно-ориентированных работ в западной экономической науке – книга Людвига фон Мизеса «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории» (Human Action: A Treatise of Economics, 1949)[1].

---

[1] См.: *Мизес Л.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. 2-е испр. изд. Челябинск: Социум, 2005. 878 с. Людвиг фон Мизес (1881 – 1973) родился в Лемберге (современный Львов, Украина) в состоятельной еврейской семье, позже получившей австрийское дворянство; раннее детство провел

В советской науке теории деятельности были разработаны в 1920-1930-е гг. в творчестве известных психологов – С. Л. Рубинштейна (с 1919 г. – приват-доцент кафедры философии Новороссийского /Одесского/ университета)[1] и А. Н. Леонтьева, опиравшихся на труды Л. С. Выготского (1896-1934), основателя «культурно-исторической теории» в марксистской психологической науке. Исходные тезисы в теориях С. Л. Рубинштейна («единство сознания и деятельности») и А. Н. Леонтьева (сознание «встроено» в деятельность и с ней неразрывно)[2] стали основой многочисленных интерпретаций деятельностного подхода в последующий период.

Несмотря на значительную разработку проблемы деятельности в целом, интерпретации *деятельностного подхода* до сих пор довольно неоднозначны. Среди подходов к изучению культуры, например, выделяют эмпирический (описательный), аксиологический (оценочный) и деятельностный, с позиций которого культура предстает как специфически человеческий способ деятельности (внебиологический). Одновременно в понятие *деятельность* как целостного явления, включают биологическую жизнедеятельность человека и социокультурную, которая охватывает все стороны жизни человека, в том числе – общение. Деятельность предстает как специфическая форма общественно-исторического бытия людей, целенаправленное преобразование ими природы и социальной действительности, социально преемственное бытие, универсальная форма существования общества. Теоретическая деятельность рассматривается как социально-творческий процесс, направленный на изменение мира человеческой культуры[3]. Научно-познавательная деятельность в социокультурном контексте

в Черновцах; с 1940 г. – в США. 4 октября 2011 г. во Львове на доме № 13 по улице В. Гнатюка, где жила семья, была открыта мемориальная доска.

[1] См. подробнее: С. Л. Рубинштейн / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.:РОССПЭН, 2010; *Левченко В. В.* Сергей Леонидович Рубинштейн: грани интеллектуальной биографии одесского периода (1910-1920-е гг.) // Вісник Одеського національного університету. Бібліотекознавство. Бібліографознавство. Книгознавство. 2012. Т. 17. Вип. 2. С. 109-123.

[2] См.: *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934; *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975; *Рубинштейн С. Л.* Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии // Ученые записки МГУ. Вып. 90. Психология. М., 1945. С. 6-21; *Он же.* Принципы общей психологии, М.: Педагогика, 1973; *Он же.* Бытие и сознание. Человек и мир. М.- СПб. и др.: «Питер», 2003 и др.

[3] См.: *Алексеев И. С.* Концепция дополнительности. Историко-методологический анализ. М.: Наука, 1978; Деятельность: теории, методология, проблемы. М.: Политиздат, 1990; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978; *Швырев В. С.* Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984; *Щедровицкий Г. П.* Теория деятельности и ее проблемы // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М.: Школа культурной политики, 1997. С. 242–268. См. также работы украинских исследователей: Наукова та інноваційна діяльність в Україні: Стат. зб. Київ: Держкомстат, 2007; Класифікація видів економічної діяльності. Київ: Держспоживстандарт України, 2006; *Маковецький А. М.* Наука і наукова діяльність як цінність. Чернівці: Рута, 2002; *Егоров И. Ю.* Наука и инновации в процессах социально-экономического развития: [монография]. Киев: [ИВЦ Госкомстата Украины], 2006; *Пархоменко В. Д.* Інформаційна аналітика у сфері науково-технічної діяльності: Монографія. Київ: УкрІНТЕІ, 2006; *Новіков Б. В.* Творчість як спосіб здійснення гуманізму. Монографія. Київ: Вид-ць ПАРАПАН, 2005; *Чухно А. А.* Постіндустріальна економіка: теорія, практика та їх значення для України Київ: Логос, 2003;

выступает как творческий процесс, поскольку «мы сами творим объект нашего познания», который не дан «извне», ибо «он продукт наших рук»; *деятельностный подход* ориентирует на осмысление познания не как «отражения», но как на процесс строительства «новых видов деятельности», при этом объектом познания выступает «сама деятельность с миром»[1].

С точки зрения деятельностного подхода сознание конструирует онтологию, приписывая миру те свойства, которые как бы заданы деятельностью и/или не противоречат самой возможности предстоящей деятельности, причем те знания и представления, которыми обладает в данный момент субъект познания, формируют своего рода призму, сквозь которую «просматривается»/«формируется» в процессе деятельности реальность. Эти знания и представления детерминированы некоторыми «априорными» матрицами, сформированными в психике ученого его предшествующей и текущей деятельностью. При этом следует учитывать *целеполагание* субъекта, подчиняющее его познавательную активность определенным задачам и в соответствии с ними форматирующее систему его априорных категорий[2].

Несмотря на то, что разнообразные теории деятельности и деятельного подхода не исчезали из поля зрения исследователей[3], проблема субъекта деятельности решалась по-разному. Нельзя сказать, что марксизм и школа «Анналов» полностью «изгнали» субъекта-индивида из истории, однако особое внимание на «структуры» («анналисты»), включая такие категории марксизма как «производительные силы/отношения», весьма потеснили субъекта-человека в обществознании в целом. Однако «маятник качнулся», и в последние пятнадцать лет растущее влияние такого направления в социологии как социология действия и антропологический поворот в целом привели к тому, что человек действующий – *Актор* – все более стал привлекать внимание социогуманитариев.

> ***Ремарка-штрих.*** Определенную роль в этом процессе сыграла работа французского социолога Алена Турена «Возвращение человека действующего» (Le Retour de l'acteur, 1984).

«Возвращение человека действующего» детерминирует сегодня формирование новой парадигмы наук о человеке. Сам термин *актор* – многозначен (от лат. actor, auctor от agere – делать, вести: значимый субъект, играющий заметную роль в тех или иных условиях; влиятельное, заметное лицо, играющее

Марчук М. Г. Ціннісні потенції знання. Чернівці: Рута, 2001; *Жилінська О. І.* Науково-технична діяльність як об'єкт дослідження // Наука та наукознавство, 2011, № 1. С.3-18 и др.

[1] *Розов М. А.* Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. С. 41, 107, 129.

[2] См. подробнее: *Бажанов В. А.* Деятельностный подход и современная когнитивная наука // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 162–169.

[3] Не стоит забывать классику марксизма: «История не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», а также трафаретные определения предмета исторических знаний в XIX в. (и ранее) – «деятельность народов», «человеческие действия», «деяния» и т.п.

контролирующую роль в том или ином социальном процессе[1]), и в различных дисциплинах имеет свою специфику применения:

- в древнегреческой мифологии – имя нескольких героев;
- в политологии – субъект политики, влияющий на мировые процессы;
- в юридических науках (термин римского и немецкого права) – лицо, осуществившее какое-либо действие;
- в математике и программировании – «вычислительная сущность», программная сущность заданной структуры и механизмов взаимодействия;
- в социологии – действующий субъект (индивидуальный или коллективный); индивид, социальная группа, организация, институт, общность людей, совершающих действия, направленные на других, участник преобразований с собственными мотивациями и опытом и проч.

Социологи значительно расширили содержание этого понятия (возможно, под влиянием математики и т. п.), включив в *акторы* – не только индивида или коллектив (т. е. актор – это и субъект и социальный объект), но признав, что акторы могут иметь любую природу – не только человеческую: это фигуративный персонаж – антропоморфный или зооморфный, и персонаж, представленный *не*фигуративной репрезентацией (судьба и т. п.). Акторно-сетевая теория (Actor-network theory, ANT) явилась основой для изучения коллективных социотехнических процессов. Согласно этой теории, наука – это процесс гетерогенной инженерии, сеть гетерогенных элементов, соединенных набором разнообразных практик: социальные, технические, концептуальные и текстуальные компоненты соединены вместе и трансформированы. Люди и объекты рассматриваются как узлы гибридной сети, которая выглядит в виде совокупности агентов (людей и вещей), взаимодействующих в едином пространстве в соответствии с решением общей задачи. Такие явления, как природа, общество, субъективностью, структура, факт, вымысел и т. п., производятся в результате совместной активности/деятельности людей и «не-человеков» (nonhumans). В противоположность классическим концепциям, связывающим деятельность и интенциональность, ANT рассматривает действие как изменение информационного поля, поэтому в качестве актора может выступать любой носитель информации – артефакт, человек, институт, природный объект, научный текст и т. д.[2].

«Прагматическая парадигма», вокруг которой группируются различные «теории практики», выводят на первый план действия различных «исторических акторов» в контексте тех социокультурных структур, которые создают условия для действий этих акторов и одновременно осуществляют «структурное

---

[1] Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л. А. Пименовой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011 и др.

[2] См.: *Latour Bruno.* Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005; *Он же.* Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри сообщества / пер. с анг. К. Фёдоровой; научн. ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013; *Он же.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014 и др.

принуждение» их действиям. В этом случае в центре исследовательского поиска оказывается вопрос: каким образом акторы истории в результате своей деятельности изменяют условия своего бытия и самой деятельности? Постановка этого вопроса, в свою очередь, выдвигает проблему разработки интегральной теоретической модели, ориентированной на комбинацию микро- и макроанализа с включением механизмов индивидуального выбора[1].

* * *

Комментарии-post-пунктиром. Беглый взгляд на предлагаемые оценки современного этапа социокультурного развития и интеллектуальной/научной ситуации позволяет лапидарно обозначить предварительные выводы:

- в эпистемологических исканиях определилась достаточно четкая тенденция перехода от гносеологического нигилизма / агностицизма / к «умеренному релятивизму», к «третьей платформе, к «гносеологической сдержанности»;
- признание многомерной реальности сопровождается признанием ее сложно-ипостасного образа, исключающего эпистемологическую одномерность;
- исследовательский процесс ориентирован на многомерное конструирование объекта/предмета с позиций множественности познавательных подходов и средств;
- «лексическая революция» в науке наряду с бесспорными категориальными новациями высветила тенденцию, в соответствии с которой разнообразная терминология покрывает фактически одни и те же явления: однотипные смыслы приобретают терминологическую вариативность;
- выделенение *перформативного поворота* среди всего конгломерата поворотов свидетельствует лишь о попытке акцентировать общую линию перелома в познавательном фокусе – интерес обращен на *практики*, *деятельность*, в которую вовлечены *акторы* многовидового характера;
- определенное «смещение» эталона научности – от естественнонаучного знания к социогуманитарному – наукам о человеке;
- восприятие социального мира как «неупорядоченной, нестабильной и непредсказуемой реальности»[2], при этом – активные поиски устойчивых и гармоничных структур общественного развития («общество знания», концепции «устойчивого развития» и т. п.).

[1] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.141-142.

[2] См.: *Шацкий Е.* История социологической мысли. Том 2 / Пер. с польского; общая редакция А. Васильева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.619.

О «поворотах» и дисциплинах

Наука расчленяет действительность лишь для того,
чтобы лучше рассмотреть ее благодаря перекрестным огням,
лучи которых непрестанно сходятся и пересекаются.
Опасность возникает только с того момента,
когда каждый прожектор начинает претендовать на то,
что он один видит все, когда каждый кантон знания
воображает себя целым государством.
Марк Блок[1]

Новое тысячелетие особенно наглядно обозначило ситуацию в интеллектуальной сфере (и в миро-системе в целом), которую Иммануэль Валлерстайн назвал «концом знакомого мира»[2]. Среди характеристик нового *не*знакомого мира – появление множества *поворотов*.

В современном научном лексиконе термин *поворот* – один из наиболее распространенных. Однако в дисциплинарно ориентированной литературе вопросы о количестве поворотов, их статусе и наименованиях, очередности появления, об их значении в интеллектуальном и научном поиске нового тысячелетия получили вариативное разнообразие.

Философы называют *онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, медиальный, антропологический, риторический, нарративный, пространственный, постмодернистский, прагматический, телесный, топографический, содержательно-эстетический, биографический* повороты и др.[3].

Культурологи анализируют *интерпретативный поворот (interpretive turn), перформативный поворот (performative turn)*, *рефлексивный поворот (reflexive turn), постколониальный поворот (postcolonial turn*), *пространствен-*

[1] *Блок Марк.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. Е. М. Лысенко. Примечания и статья А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. С.82.

[2] *Валлерстайн Иммануэль.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/vallerstayn-konec_znakomogo_mira-8l.pdf

[3] См.: *Савчук В. В.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 92–108. URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2013_01/13.pdf; *Голубович И. В.* П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Curriculum Vitae. Вып.2: Творчество П. М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса: ФОП «Фрідман О. С.», 2010; *Менжулин В.* Биография философа: изучать нельзя не изучать // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013; *Артамонова Ю. Д.* Сложная конструкция простого взгляда, или о поворотах в философии XX века // Вопросы философии. Изд-во Академиздатцентр «Наука» (Москва), 2018. № 7. С. 205-211 и др.

ный (spatial turn), *иконический/пикториальный поворот (iconic/pictorial turn)*, *переводческий поворот (translational turn)*[1].

Историки констатируют – *антропологический, культурный, лингвистический, визуальный, прагматический, социоисторический, когнитивный*[2], *эпистемологический*[3], *исторический*[4], *парадигмальный*[5], *эстетический*[6], *матери-*

[1] См.: *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html

[2] См.: *Лаптева М. П.* Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX-XXI веков // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.12; *Соколов А. Б.* Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Сб. статей / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2008; *Нарский И. В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман). Челябинск: Энциклопедия, 2008; *Мазур Л.* Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 160–178; *Щербакова Е. И.* Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России - III: Пятнадцать лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 473-488 и др.

[3] См.: *Бурганова Л. А.* Эпистемологический поворот в социогуманитарном знании: от пророчества к экспертизе // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.10-12.

[4] В постнеклассической науке все шире используются методы исторических реконструкций, ранее применявшиеся исключительно в исторических науках – истории, археологии, историческом языкознании и т.д. См.: *Степин В.С.* Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки: Сборник статей / Рос. АН, Ин-т философии; [Отв. ред. Е. А. Мамчур]. М.: ИФРАН, 1992. С.12; *Е. Л. Мамчур.* Анализ структуры научного знания в отечественной философии науки: 60-90 годы // Философия естествознания: ретроспективный взгляд. М.: Институт философии РАН. 2000. С.103; *Селунская Н. Б.* «Объяснение» национальной истории в условиях «исторического поворота» // Там же. С.192-194; *Савельева И. М.* «Исторический поворот» за границами истории // Историческое познание и историческая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С.36-54; *Копосов Н.* Исторический поворот в современной мысли на «переломное время» из «переломного времени наоборот» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010/2011. Випуск 5. С.10-27.

[5] См.: *Гольцов В. И.* Методология интеллектуальной истории как способ преодоления кризиса эпистемологии // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.23-25; *Репина Л. П.* Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/1. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2008. С.6.

[6] См.: *Зверева Г. И.* Понятие «Исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. Москва, 1999. С. 104-117.

альный[1], *эмоциональный*[2], *перформативный*[3], *клиометрический (цифровой)*[4], *критический*[5], *коммуникативный*[6], *методологический*[7], *детский*[8], *аксиологический*[9], *нарративный*[10] и др.

М. П. Лаптева рассматривает *повороты* как «изменения» в методологии гуманитарных наук, которые (в условиях глобализации) объединяет «одна парадигма – идея синтеза» в качестве попытки противостояния «мощной тенденции дифференциации наук»[11]. Л. П. Репина убеждена в том, что «…сохранение

---

[1] См.: *Колесник І.* Редакційне слово. «Поворот до матеріального» як виклик української історичної науки // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 6. Київ: Інститут історії України НАН України, 2011/2012. С.8-12; *Она же.* «Очарование вещами» как поворот интеллектуальной истории // Историческое познание и историческая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С.177-197.

[2] См.: *Киселева Ю. А.* Эмоциональное маркирование в историографических текстах (на примере историографических работ В. П. Бузескула) // Харківський історіографічний збірник. 2016. Вип.15. С.90-102; *Она же.* Перспективи дослідження співтовариства істориків як «емоційного співтовариства» // Історик і влада. Колективна монографія /відповід. ред. В. Смолій; творчий кер. проекту І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2016. С.287-301; *Хмелевская Ю. Ю.* «Эмоциональная история» в современной историографической парадигме: историк, возможности и проблемы // Теория и методы исторической науки: шаг в XX1 век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.128-130; *Николаи Ф. В., Хазина А. В.* Итория эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога // Диалог со временем. М., 2015. Вып. 50. С.97-115 и др.

[3] См.: *Доманска Э.* Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки / Отв. ред. Кукарцева М.А. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С.226-235.

[4] См.: *Бородкин Л. И.* «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXП Международном Конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.). http://kleio.asu.ru/2015/3-4/hcsj-342015_56-67.pdf

[5] См.: *Юдин К. А.* «Критический поворот» в отечественной историографии на рубеже 1980-1990-х годов и перспективы организации исторического знания на постсоветском пространстве // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 1-2.URL: www.es.rae.ru/goverment/71-160

[6] См.: *Кобылин И.* «Коммуникативный поворот» и проблема универсального. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/n3-2014/24053-kommunikativnyy-povorot-i-problema-universalnogo.html

[7] См.: *Розин В. М., Швырёв В. С., Голдберг Ф. И., Бернштейн В. С.* Методология. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002 –2018. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6870 ; Методология*:* вчера*,* сегодня*,* завтра. В 3-х тт. / ред.-сост. Крылов Г. Г., Хромченко М. С. М.: Изд-во Школы Культурной Политики, 2005 и др.

[8] См.: *Сальникова А. А.* «Другое письмо»: русские детские письменные практики и их специфика // Теория и методы исторической науки: шаг в XX1 век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.46-48; *Она же.* «Детское письмо» как понятие и как явление культуры // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010/2011. Випуск 5. С.271-288.

[9] См.: *Мельник В. В.* (Київ). «Аксіологічний поворот» сучасної філософії від культури як буття до буття культури.URL: http://www.zgia.zp.ua/gazeta/gvzdia_63_209_218.pdf

[10] См.: *Лехциер В. Л.* Нарративный поворот и актуальность нарративного разума. URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2013_01/1.pdf

[11] См.: *Лаптева М. П.* Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX XX1 веков // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XУШ-XX1 веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.12.

за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без осмысления всех последствий пройденных современными историко-гуманитарными науками «методологических поворотов», без создания новых теоретических моделей и восстановления синтезирующего потенциала исторического знания на новом уровне».[1] Дорис Бахманн-Медик, культуролог, определяет «повороты» как знаменательное явление: вводя новые идеи и категории, меняя направления и модифицируя теории, они позволяют обратить внимание на внутренние условия «интеллектуального поля» и реструктурируют «научное поле» в науках о культуре и обществе в целом. Все разнообразные повороты автор ассоциирует с *cultural turns*, которые «внедряются» в *метанарратив* большого «Культурного Поворота»: «В эпоху „Cultural Turn“ люди воспринимают всё в категориях культуры»[2]. Для В. И. Менжулина, философа, *биографический поворот*, или *эскалация биографизма,* – часть более масштабных процессов, поскольку биографистика выступает как «символ развития демократии», среди главных приоритетов которой – уникальность и неповторимость жизни отдельного человека[3].

Дисциплинарные стандарты накладывают отпечаток на восприятие взаимосвязи *поворот – дисциплина*. Так, для В. В. Савчука ответ на им же поставленный вопрос «является ли поворот метафорой или же он претендует на статус terminus novus?», покрывая определенное явление, заключается в том, что каждый новый поворот в философии связан с возникновением новой философской дисциплины.

Ссылаясь на Ф. Бэкона (1561–1626), который первым использовал формулу *philosophy of x* для выделения трех сфер – devine philosophy, natural philosophy и human philosophy (философии божественной, естественной и философии человека)[4], ставшую сегодня нормативной для дисциплинарного членения корпуса философии, В. В. Савчук обращает внимание на то, что «философское начинание Бэкона явилось прообразом» для новых философских областей/дисциплин, нашедших свое отражение в названиях книг: А. Юэ (A. Ure) «Философия мануфактуры» (1835), К. Тикнор (C. Ticknor) «Философия здравого смысла» (1841), Б. Маттеус (B. Matthews) «Философия короткого рассказа» (1836), А. Т. Стилл (A. T. Still) «Философия гомеопатии» (1899),

---

[1] *Репина Л. П.* Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С.9.

[2] См.: *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре/ Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html

[3] См.: *Менжулін В. І.* Біографічний підхід у західній історико-філософській традиції: віхі становлення: Автореф. дис…докт. філософ. наук. Київ, 2011. С.1.

[4] *Бэкон Ф.* О достоинстве и преумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Второе, испр. и доп. изд. / Сост., общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина. М.: «Мысль», 1977 / 1978. Т.1. М.: «Мысль», 1977. С. 200.

Э. Гуссерль «Философия арифметики» (1891) и т.п. В соответствии с этим «философия чего-то» появляется на основе констатации «зрелости предмета», что способствует утверждению ее в ранге конкретной философской дисциплины[1].

В. В. Савчук акцентирует внимание на онтологическом содержании самого поворота, на онтологической значимости предмета исследований: в случае признания новаций действительно «поворотными», новая область изучения не просто актуализируется, но становится философской дисциплиной: философией языка, человека, образа, медиа и т. п. Изобилие поворотов («затянувшаяся серия мыслительных фуэте») философской мысли отражает факт «запроса» на конкретную тему, превращая ее в актуальную, при этом каждое такое направление «актуальной философии, каждая ее дисциплинарная институция, каждая школа, используя термин поворот, претендует на сверхважность предмета своего исследования». Среди таких «актуальных философий» – *медиафилософия*, сделавшая реальность, сформированную новыми медиа, своим основным предметом. Утверждая этот факт, В. В. Савчук сам стремится «обрисовать контуры формирования этой новой философской дисциплины, показать границы разрешимости ее методов»[2], т. е. конституировать новую философскую дисциплину, возникшую как *медиальный поворот*.

> ***Ремарка-info.*** Сторонники различения объекта науки и ее предмета исходят из того, что под объектом следует понимать определенную область реального мира, в то время как предмет представляет собой часть этой области, уже выделенной наукой и ставшей содержанием научного познания[3]. «По мере углубления знания предмет познания расширяется»: поскольку каждая сфера реального мира многообразна, она подразделяется на множество «подобластей», имеет разнообразные уровни и стороны. В силу этого «… наука в процессе своего развития постепенно распадается на множество дисциплин, каждая из которых специализируется на изучении той или иной подобласти, того или иного уровня, той или иной стороны, т.е. имеет свой собственный предмет, отличный от предметов других родственных ей субнаук»[4]. Понятие «научная дисциплина» рассматривается в разных планах: в вертикальном, горизонтальном; как структурный компонент науки, как ее конкретно-историческая

---

[1] Попытки обосновать философский статус новых философских областей привели к появлению «экзотических философий» – философии вкуса, моды, боли, войны и архитектуры и т.п.

[2] См.: *Савчук В. В.* Медиафилософия. Приступ реальности. СПб. : Изд-во РХГА, 2013. 350 с .; *Он же.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С.108. URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2013_01/13.pdf

[3] См.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.53-56.

[4] *Семенов Ю. И.* Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998. № 2. С.3.

форма или стадия в развитии и проч.[1] Одним из вариантов и выступает понятие «дисциплина» как следствие процесса структурирования родовой науки в результате «расширения» ее предметно-объектной сферы. Научная дисциплина предстает в данном случае как разновидность общего знания; ее возникновение связано с осознанием особого «фрагмента» в общем объекте родовой науки, нового направления исследований со своим предметом, формирующимся как особый «образ» объекта. Именно в таком ключе рассматривал в свое время блок теоретических дисциплин истории О. Л. Вайнштейн. По этой схеме идет Ю. И. Семенов, выстраивая комплекс научных дисциплин, составляющих этнографическую (этнологическую) науку (при этом собственно историческую науку он называет историологией). Аналогичный подход у Н. П. Ковальского, предложившего свой вариант «видов историографических наук (или дисциплин)»: собственно историография, история историографии, историология (теория исторического и историографического познания) и философия истории[2].

В отличие от В. В. Савчука и других репрезентантов идеи дисциплины как разновидности общего знания, «фрагментации» единого объекта родовой науки, «онтологичности» поворотов, Джесси Принц (философ, США) считает, что *эмпирический поворот* в философии, в частности, следует рассматривать как *методологический подход*, нацеленный на использование определенных инструментов для разработки теорий[3]**.** Эта позиция имеет своих сторонников и в разных дисциплинах приобретает собственный «окрас» интерпретативности.

Биографический поворот в философских исследованиях вызвал новые подходы к интерпретации этой формулы. Одесский философ И. В. Голубович[4] связывает понятие *биографический поворот* с «новым биографизмом», переориентация на который датируется 1970-1980-ми гг. – новым этапом биографического ренессанса. Появление формулы «новый биографизм», введенной

---

[1] См.: Дисциплинарность и взаимодействие наук / Отв. ред. Б. М. Кедров и Б. Г. Юдин. М.: Наука, 1986 и др.

[2] См.: *Вайнштейн О. Л.* Теоретические дисциплины истории // Труды Ленинградского отделения Института истории. 1967. Выпуск 10. С.7-29; *Семенов Ю. И.* Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998. № 2. С.3-17; *Ковальський М. П.* Деякі теоретичні питання української історіографії //Джерелознавчі та історіографічні проблеми історії України. Теорія та методи: Міжвуз. збірник наукових праць. Дніпропетровськ, 1995. С.5-9.

[3] «Грядущее поколение философов устроит настоящую бурю»: Джесси Принц об эмпирическом повороте в философии. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/10078-prinz-interview

[4] *Голубович И. В.* П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. С.62-80; *Она же.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа социогуманитарном знании). Монография. Одесса: ФЛП Фридман А. С., 2008. 372 с.

английской писательницей и литературоведом Кристиной Брук-Роуз, было обусловлено биографическими практиками постмодернизма. Деструкция персонажа в постмодернистских текстах побудила К. Брук-Роуз обозначить этой формулой кризисные явления биографического жанра.

В течение последующего времени формула «новый биографизм» разошлась в мультидисциплинарном пространстве, вызвав различные интерпретации, связанные, с одной стороны, с разнообразными стратегиями конструирования биографических моделей, принципиально отличных от т. н. «старого биографизма», возникшего в тенетах позитивизма с классическим «биографическим методом», с другой – с попытками выявления общих черт для этого «обновленного» биоисториописания. Среди них: переориентация фокуса с «внешней биографии» на «внутреннюю» – историю духовной жизни, на «человеческую индивидуальность»[1]; наряду с этим – «фикциональный и функциональный характер» биографических текстов, свойственный для многих вариантов стратегии «нового биографизма»[2].

Для И. В. Голубович «новый биографизм» неразрывно связан с «новым историзмом», или «поэтикой культуры», согласно которым биографический анализ/биографический подход выступает в «неразрывном единстве с текстуально-дискурсивным прочтением самой культуры в истории»; идея такого единства – в импульсах традиций «микроистории» и нарративистского направления исторической теории. Онтология «нового биографизма», базирующаяся на двух принципах: «жизнь познает жизнь» (В. Дильтей) и «история как свершение не существует вне historia-рассказа» (М. Хайдеггер), лежит «…в основании современного “биографического поворота”»[3].

Таким образом, *биографический поворот* в понимании автора можно трактовать как *направление* биографических исследований, методологически обновленное идеями «нового историзма». Одновременно «онтологическая укорененность биографизма в человеческом бытии и культуре» – как стержневая черта «нового биографизма»/биографического поворота – не является, по мнению И. В. Голубович, нечто принципиально новым: эта проблематика получила свое глубокое и многообразное воплощение в традициях философской герменевтики, экзистенциализма, структурализма, постмодернизма.

В качестве не просто предшественника/провозвестника современной гуманитаристики, но в качестве «обгоняющего» не только свое, но и наше время,

---

[1] *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.556.

[2] См.: *Бреева Т.Н.* «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С.17.

[3] *Голубович И. В.* П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. С.68; *Она же.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа социогуманитарном знании). Монография. Одесса: ФЛП Фридман А. С., 2008. 372 с.

И. В. Голубович приводит пример П. М. Бицилли (1879-1953), сторонника идиографического, индивидуализирующего подхода к изучению истории культуры. Анализируя творчество ученого, И. В. Голубович «вычленяет» идеи, методологические подходы и исследовательские приемы, которые соотносятся с проблематикой и методологическим инструментарием современного этапа *биографического поворота*:

- внимание к двум модусам автобиографического опыта – герою автобиографии и автору автобиографии: анализ трансформации «фигуры повествователя автобиографического нарратива» на протяжении жизни позволяет говорить о различных версиях автобиографической фиксации одних и тех же событий в связи с ситуативной сменой повествовательного начала;
- взаимодополнительное соотношение между двумя измерениями историко-культурной реальности: личностью и историческим процессом; реконструкция «мировоззрения и мироощущения» [терминология П. М. Бицилли. – Т. П.] – то, что с подачи школы «Анналов» будет названо «метальностью» – для решения задачи «эпоха через личность»;
- герой – «средний», «типический», «ординарный», «дюжинный», при этом в отличие от Л. П. Карсавина, сторонника «квантитативного» похода к «среднему человеку», – «квалитативно» различимый, представляющий свой мир *по-иному*, создающий собственную неповторимую конфигурацию из «общего культурного фонда эпохи» даже в актах типизации;
- выход из «заколодованного круга» – при реконструкции общих черт духовной жизни европейского средневековья (целое) через реконструкцию культурного строя одного из ее представителей (часть) необходимо базовое представление об «общем культурном фонде» – П. М. Бицилли видит в аксиоме: не приписывать своим предварительным концепциям окончательного значения;
- специфика предмета исследования диктует способы его описания: в отличие от канонов классической науки – систематизации, генерализации и упорядочивания, стройности изложения и соразмерности частей текста, П. М. Бицилли избирает, исходя из специфики источника (как он объясняет сам), неравномерность разделов, отступления в тексте, пространные примечания, дополнения к главной теме (пять экскурсов) и т. п., что нарушает *линейность* текста и становится образцом *нелинейного письма* [Т. П.].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в восприятии автора, *биографический поворот* – явление значительной длительности, стадиально различимое спецификой *биографического подхода*, который в свою очередь меняет свою теоретическую и методологическую нагруженность, не порывая, однако, с разнообразными традициями и вбирая в себя различные элементы междисциплинарного «общего рынка» (Ф. Бродель).

Провозглашение *биографического поворота*, или *эскалации биографизма*, непосредственно в философии, считает киевский философ В. И. Менжулин, – только часть более масштабных процессов, поскольку биографистика – это «настояний символ развития демократии», одним из главных приоритетов которой является уникальность и неповторимость жизни отдельного человека.

Биографический поворот, согласно В. И. Менжулину, – среди проявлений «герменевтическо-лингвистическо-прагматическо-семиотического поворота», одного из определяющих факторов развития мировой философии последних десятилетий[1]. Биографическая составляющая имеет фундаментальное значение во всех влиятельных направлениях современной философии, поэтому *биографический поворот* можно рассматривать как достаточно «респектабельное и масштабное явление», которое вызревало в довольно широком историко-философском контексте[2].

Весьма продуктивна мысль В. И. Менжулина об эволюции *биографического поворота* в аналитической философии: используя терминологию Имре Лакатоса, биографический поворот можно рассматривать в контексте логики развития научно-исследовательских программ. Сначала биография философа воспринимается представителями какой-либо философской традиции как «внешний, периферийный аспект ее истории», а затем входит в «жесткое ядро» традиции и превращается во «внутренний, фундаментальный аспект ее истории».

Практически в любой философской традиции, сколь бы сциентистской или «антибиографической» она не представлялась на первый взгляд, со временем могут начаться процессы, которые можно квалифицировать как *биографический поворот*. Его проявления В. И. Менжулин усматривает в работах корифеев послегегелевской университетской философии Германии (К. Фишер и В. Виндельбанд), в философии жизни и психоанализе, у Ф. Ницше, З. Фрейда, В. Дильтея, в границах герменевтической и экзистенционально-феноменологической философии, в «антибиографической настроенности» М. Хайдеггера, в прагматизме (Ч.-С. Пирс с его взглядом на философию как «жизненный проект индивида»), неопрагматизме Р. Рорти, в структурализме и постструктурализме и т.п. Именно значительные достижения прагматистов и неопрагматистов, считает В. И. Менжулин, способствовали появлению в наши дни такой биографически-ориентированной стратегии исторического познания как «новый историзм».

Настаивая на важности возвращения истории философии к истории философов, В. И. Менжулин тем не менее выступает против абсолютизации *био-*

---

[1] *Менжулін В. І.* Біографічний підхід у західній історико-філософській традиції: віхі становлення. Дисс…докт. філософ. наук. Київ, 2010. С.11, 311-312; *Он же.*. Біографічний підхід у західній історико-філософській традиції: віхі становлення: Автореф. дис…докт. філософ. наук. Київ, 2011; *Он же.* Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні. Київ: НаУКМА; Аграр Медіа Груп, 2010. 455 с.

[2] *Менжулін В. І.* Біографічний підхід у західній історико-філософській традиції: віхі становлення. Дисс…докт. філософ. наук. Київ, 2010. С.304.

графического подхода в истории философии и полного забвения его альтернативных направлений: «*биографический поворот* имеет смысл только как *дополнение* [курсив мой. – Т. П.] к привычным историко-философским моделям». Любой биографический материал (в том числе и психолого-психиатрический, биологический, социально-политический), убежден В. И. Менжулин, уместен в историко-философском исследовании лишь в том случае, если он используется не для *объяснения* идей философа, а для *прояснения* всей его личности, представляющей собой необычайно сложное, далеко не однонаправленное взаимодействие жизненных и теоретических факторов.

На смену двум внешне противоположным, однако в равной мере устаревшим типам *поясняющей биографистики* – «апологетической» и «развенчивающей» – должна прийти биографистика, проникнутая требованиями этики современного биографического дискурса (т. е. способная видеть в биографии философа высокое и низкое, разумное и идиосинкразическое, теоретическое и практическое, универсальное и индивидуальное), доверием к герою и читателю.

Таким образом, для В. И. Менжулина *биографический поворот* – явление значительной длительности, сопоставимое с применением *биографического подхода* (при этом *биографистика* у автора выступает как аналог *биографического подхода*) практически во всех философских традициях. *Биографический поворот/биографический подход* не имеет самостоятельного статуса: его смысловое проявление – *дополнительность* к привычным историко-философским моделям при решении задачи *прояснения* личности философа во всей ее многогранности и многомерности. Новый этап в эволюции биографического поворота В. И. Менжулин, как и И. В. Голубович, связывает с «новым историзмом» как теоретико-методологическим основанием биографического подхода в условиях эскалации биографизма в современной гуманитаристике.

Несколько иной подход у И. В. Голубович к понятию антропологический поворот (АП): она выделяет две стороны в содержании этой формулы – «культурно-цивилизационную» и научно-дисциплинарную[1].

Первая сторона *антропологического поворота* («АП-I») – это «общее состояние современной культуры, ее мировоззренческий фон, ее умонастроение, самосознание человечества». АП представляет собой «фундаментальный контекст», вне которого невозможно понять современную ситуацию с антропологией в целом, и одновременно АП следует рассматривать «наряду с другими базовыми поворотами, которые переживает современная культура, философия, наука – антиметафизическим, онтологическим, постнеклассическим, лингвистическим, коммуникативным и т. д.».

Вторая сторона *антропологического поворота* («АП-II») – это поиск ан-

[1] См.: Проблемы современной антропологии. Ч. 1. Самоопределение антропологии. Структура антропологического знания: учеб. пособ. для студентов философского ф-та / И. В. Голубович, Е. С. Петриковская, Ф. А. Тихомирова; Одесский национальный ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса: Изд-во «Акватория», 2015. 134 с.

тропологией (как бесконечно широкой области размышлений о человеке) своего *предмета*, который сегодня имеет свою специфику.

> ***Ремарка-штрих.*** Становление философской антропологии как дисциплины связывают с именем немецкого философа Макса Шелера (1874–1928), который расширил понятие личности, включив в него не только «логику разума», но – «логику сердца», человек для него – это «порыв и дух», не только творение Бога, но его «партнер» и «соавтор»[1].

Предмет антропологии зависит от дефиниции краеугольного понятия – *человек*, – и попытки систематизировать *антропологические представления* уже имеют длительную традицию, однако специализация знания о человеке и все увеличивающийся объем «человековедения» не проясняют сущность вопроса. Поскольку проекты человека не заданы, а конструируются через культурные практики (антропопрактики), постольку философская антропология, по мнению современного российского философа С. А. Смирнова, не имеет своего предмета и представляет собой не философскую дисциплину, а некий набор онтологических идей и принципов, свою оптику и ориентацию; выход из этой ситуации – не в построении «универсальной науки», а в прояснении онтологической идеи человека, самой антропологической проекции человека на мир[2].

В этом контексте И. В. Голубович и Е. С. Петриковская предпочитают говорить о новом состоянии самого антропологического знания, или шире – о новой ситуации в гуманитарном знании, в поле наук, называемых Humanities: вопрос следует ставить не только об «антропологическом повороте», но и о перспективах *антропологизации гуманитарного знания* в целом[3].

Это явление – *антропологизация гуманитарного знания* – провоцирует постановку двух методологических проблем, если говорить о поиске предметной определенности антропологии. Первая проблема заключается в том, что эволюция подходов к понятию *человек* в качестве обобщенного предмета антропологии привела на сегодняшний день к выводу: понятие *предмет-человек* опровергается практически всей традицией антропологической мысли: «наука, имеющая дело с человеком, больше не может относиться к своему предмету как к предмету». Этот тезис как квинтэссенция АП-I входит в противоречие с правилом дисциплинарной науки: «переставая опредмечивать, наука перестает быть наукой». Именно в этом «лежит корень всех недовольств “антропологическим поворотом” как якобы мертворожденным проектом». Второй про-

---

[1] См.: Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д. Ю. Дорофеев. СПб.: Алетейя, 2011. 568 с.

[2] См.: *Смирнов С. А.* Современная антропология. Аналитический обзор // Человек. 2003. № 4-5; 2004. №№ 1-4.

[3] Идея *антропологизации гуманитарного знания* детально проработана Е. С. Петриковской, одним из авторов указанного пособия.

блемный вопрос – междисциплинарность как характерная черта АП в целом.

Выход из этой проблемной ситуации Е. П. Петриковская и И. В. Голубович видят «не в разоблачении антропологии», а в переходе «на философский уровень ее рассмотрения»: в актуализации ключевой роли философии при анализе АП в социогуманитарных науках, преодолении т. н. развода/разрыва между философией и гуманитаристикой. Наиболее плодотворно взаимодействие философов и ученых на пространстве антропологии являет историческая антропология, имеющая два истока: школу «Анналов» и немецкую Историческую антропологию (К. Вульф и др.).

> ***Ремарка-info.*** По мнению *Кристофа Вульфа* – профессора Свободного университета Берлина, основателя Междисциплинарного центра Исторической антропологии и коллегии «Инсценирование тела в культуре», наиболее авторитетного представителя АП, – поворот в антропологии в Германии произошел в 1980-1990-е гг. под влиянием, с одной стороны, критики оптимистических воззрений 1970-х гг. на возможность решения глобальных общественных проблем, а также переосмысления роли цивилизации и культуры, с другой - в концентрации внимания на изучении конкретных жизненных закономерностей, что приобрело особую значимость благодаря связи с англосаксонской культурной антропологией, с фольклористикой и этнологией. В новой антропологической тематике К. Вульф выделил четыре наиболее важных аспекта: «элементарные ситуации и основной опыт, субъективность, понятие культуры и исследование частного случая»[1].

Смысл формулы *антропологизация гуманитарного знания*, соотнесенной с АП-II, заключается в том, что акценты смещаются с отдельной науки «антропология» на «антропологическую установку», или «антропологический подход», что исключает необходимость, согласно, К. Вульфу, в существовании «отдельной научной дисциплины». Суть *антропологического подхода* в гуманитарном и социальном знании – установка на раскрытие «человеческого» измерения истории, языка, переживания и т. д., при этом каждый отдельный результат, полученный в конкретно-научных исследованиях, следует понимать во взаимосвязи со всей целостностью человеческого бытия, для чего необходимо вернуть тот философский горизонт, в котором изначально пребывало познание человека.

В соответствие с этими установками исторической антропологии, в частности, отводится роль *фиксатора* «гетерогенности и несистемности», тогда как собственно *анализ этого опыта* (не подгоняя этот анализ под универсальные антропологические модели) – креатура философской или аналитической

---

[1] См.: *Вульф К.* Антропология: История, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С.63.

антропологии. Следовательно, только союз антропологически ориентированной философии с гуманитарными науками обеспечит на современной философской основе возможность заниматься рефлексией своих оснований и границ, возвращаясь к вопросу о сути понятия «человеческое» (the human)».

Пожалуй, в этом контексте можно вспомнить Г. Риккерта, который более ста лет тому назад сетовал: «История и философия удаляются друг от друга вследствие взаимного непонимания, и это дурно отзывается на обеих науках»[1].

Таким образом, согласно И. В. Голубович и Е. П. Петриковской, *антропологический поворот* – это *антропологизация современной культуры* и одновременно *антропологический подход* в социогуманитарных исследованиях.

Несмотря на определенную нюансировку в трактовках *биографического* и *антропологического поворотов*, вырисовывается некая общность: оба поворота соотносятся с понятием *подход* как некоей фокусной ориентацией, пронизывающей дисциплинарные поля социогуманитарных наук, при этом отказ в дисциплинарном статусе собственно *антропологии* (или *биографистики* у В. И. Менжулина) не исключает наличия антропологических субдисциплин – исторической антропологии, культурной антропологии, философской антропологии и т.п. (и, возможно, дальнейшей дифференциации антропологического знания с перспективой на дисциплинаризацию).

Эта позиция близка к культурологической концепции поворотов Дорис Бахманн-Медик, которая предложила лишить *культурологию* дисциплинарного статуса, превратив ее в «общедисциплинарную направляющую категорию» или выходящий за рамки одного предмета ориентир, при этом статус *поворота* определен более четко – это *методологический подход*.

Вопреки поиску онтологического статуса поворотов Дорис Бахманн-Медик предлагает отказаться от «тематических ориентаций» (как у В. В. Савчука) и «вернуть в обращение» формулу *методологические подходы*, акцентировать методическую направленности поворотов, «вырабатывающих установки восприятия, оперативные подходы и концепции, а также аналитические категории». В связи с этим Дорис Бахманн-Медик ставит почти риторический вопрос: не являются ли повороты не столько *исследовательскими парадигмами* в смысле парадигм Томаса Куна [если ассоциировать парадигму с дисциплинарной матрицей. – Т. П.], сколько *подходами*? [2].

В отличие от Томаса Куна, который в итоге соединил категории *научное сообщество* и *парадигма* как жестко взаимообусловленные и взаимоопределяемые, Дорис Бахманн-Медик обращает внимание на то, что в современной

---

[1] *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. / Общ. ред и предисл. А. Ф. Зотова; Сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; Подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1998. С.136.

[2] См.: *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html

науке теории трансформируются скорее независимо от дисциплин, игнорируя научные сообщества в образе обособленных научных групп и не нацеливаясь на «профессиональное» исследование, поскольку культурологический анализ «размечает» для себя междисциплинарное поле, *предмет* которого (здесь автор ссылается на Ролана Барта) – не принадлежит никому, т.е. *культурологический подход* избегает претензии на монопольное представительство через отдельные дисциплины. В связи с этим расширение научных сообществ за счет преодоления дисциплинарных границ характеризует современные науки о культуре, которые открывают проблематику трансдисциплинарных построений, и на которую накладываются все новые интерпретационные подходы.

«Повороты», по мнению Дорис Бахманн-Медик, в противовес куновской модели смены парадигм, скрепляющих научные сообщества, не демонстрируют своей необратимости: речь идет не о глобальном переломе целой дисциплины, но скорее «о формировании и специализации отдельных “поворотов” и новых оптик, с помощью которых отдельный предмет или исследовательский подход обретает точки соприкосновения с другими дисциплинами» – движение в этом случае направлено не к образованию новой парадигмы, заменяющей собой предыдущую, не к образованию/обоснованию новой, отдельной дисциплины, а в сторону методической плюрализации ее исследовательских установок, к методологическому плюрализму, преодолевающему дисциплинарные границы и утверждающему эклектичный взаимообмен методами, к освоению междисциплинарного исследовательского поля «по краям» дисциплин.

Дорис Бахманн-Медик не отрицает дисциплинарность как таковую: новые культурологические ориентиры «не замещают собой дисциплинарную работу», напротив, они помогают «отточить узкоспециальные компетенции» и становятся основным условием междисциплинарной работы именно благодаря тому, что «их питают и методически насыщают отдельные дисциплины». Вместе со своими трансдисциплинарными словарями и концептуальными оптиками «повороты» подвергаются «переводу» в методы отдельных дисциплин.

Под влиянием культурологических подходов, например в историографии, такие выражения, как прерывность, разрыв, порог, граница, различие и т. д., все чаще заменяют собой такие традиционные понятия когерентности, как автор, произведение, влияние, традиция, развитие, идентичность, ментальность, дух, – со значительными последствиями для совершенно нового восприятия проблемы, еще до всякого анализа и интерпретации[1].

[1] Одновременно понятия, введенные в обиход отдельными «поворотами», начинают влиять на познание, балансируя на тонкой грани между аналитической категорией и жаргонизмом. В полижанровой и полидисциплинарной литературе можно зафиксировать такие формулы как: *имперский поворот, идеологический поворот, машинный поворот*, *неометафизический, информационно-теоретический, дигитальный, информационно-коммуникативный, виртуальный, массмедиальный, архивный, трансляционный, герменевтический, рискологический, пикториальный, ресурсный* и др.

Состоявшийся поворот – результат «перехода» от предмета к аналитической категории. Структура динамики «поворотов», согласно Дорис Бахманн-Медик, включает два этапа/уровня:

1) «предметно-содержательный уровень», на котором намечаются *новые сферы* для исследования - обнаруживаются и вычленяются *новые предметные области*, на которых концентрируется исследование [курсив мой. – Т. П.];

2) второй этап/уровень - это «переход» с предметного уровня новых областей исследования на уровень аналитических категорий и концепций: «новый ракурс исследования» способствует тому, что поворот превращается из фиксатора новых объектов познания в *познавательное средство*, становится «медиумом познания» - происходит решительная *смена категориального уровня*, *концептуальный скачок* [курсив мой. – Т. П.].

Значение культурных поворотов, по мнению Дорис Бахманн-Медик, огромно: пройдя «через круг всех дисциплин», они обнаруживают не освоенные ранее исследовательские области, взламывая одновременно устоявшиеся теоретико-методологические каноны [1].

Ремарка-агон. Построения Дорис Бахманн-Медик детерминируют вопросительные размышления.

Во-первых, формула *науки о культуре* не просто применяется во множественном числе, но ставится вопрос о соотношении культурологии (как дисциплинарном остове) и появляющихся новых науках о культуре, которые в противовес традиционной культурологии своей совокупностью / «множественностью» могут обозначать некую «общедисциплинарную направляющую категорию», стягивающую вместе различные дисциплины (науки о культуре), или выходящий за рамки одного предмета ориентир, сцепление которого с различными дисциплинами оказывается непременным условием.

Во-вторых, состоявшийся «поворот» должен обладать такими элементами, как: предметная область/объект познания, категории и концепции. И хотя речь идет о трансценде́нтном превращении объекта познания в познавательное средство, в любом случае, прежде чем стать познавательным средством, предмет/объект должен быть установлен – «обнаружен» и «вычленен», – т. е. онтологически определен (пусть даже как конструкция), а это собственно означает демаркацию поля исследования, что в совокупностью с новым категориальным аппаратом и концептуальным обоснованием влечет за собой формирование новой дисциплины или, по крайней мере, studies – нового проблемного поля или нового научного направления со стремлением/тенденцией к дисциплинаризации.

---

[1] См.: *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре/ Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html

В-третьих, понятие *подход* вряд ли стоит противопоставлять понятию «парадигма»: если аналогом парадигмы выступает дисциплинарная матрица, то категория *подход,* безусловно, входит в ее структуру.

Иная позиция у А. А. Полонникова, психолога (Белорусский государственный университет), который рассматривает *поворот* как маркер ситуации «инновационного культурного изменения» в современной науке. Эпистемологический статус «поворота», считает ученый, в том, что поворот лишен «самостоятельной онтологии» и выступает как «*продукт социальной конвенции*» [курсив мой. – Т. П.], обеспечивая «социальную идентификацию и интеграцию связанных с ним сообществ». В таком ключе, считает А. А. Полонников, *поворот* сопоставим с куновской парадигмой[1].

В социологии для анализа «убегающего мира» (Э. Гидденс) сложилось направление, ориентированное не на улучшение существующего инструментария, а на создание качественно иных парадигм, основанных не на интеграции собственно социологических теорий, а на синтезе социологических подходов с другими науками. Среди таких *поворотов в социологии*, предполагающих «постдисциплинарные подходы»: лингвистический (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдье); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге); культуральный (Дж. Александер). По мнению С. А. Кравченко, социология в этих подходах не исчезает, а становится другой по содержанию и форме, вместе с тем данные «повороты, основанные на синтезе наук, сохраняют собственно социологический стержень»[2]. Таким образом, сама дисциплина социология продолжает свое бытие на основе применения полидисциплинарного синтеза в социологических исследованиях.

Историки проблему взаимосвязи *поворот-дисциплина* так же выстраивают по-разному. Например, И. В. Нарский считает, что под влиянием бесчисленных поворотов в международной гуманитаристике (лингвистического, культурного, когнитивного, нарратологического, эпистемологического, антропологического, визуального, эмоционального, детского и пр.[3]) возникают многочисленные *направления историографии* – микроистория, история повседневности, опыта, памяти, эмоций, культуры, новая персональная, интеллектуальная история и др., *в дальнейшем обобщенно именуемые культурной*

---

[1] См.: *Полонников А.* «Иконический поворот»: образовательные стратегии и альтернативы. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3620&level1=-main&level2=articles

[2] *Кравченко С. А.* Сложный социум: востребованность поворотов в социологии. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/11/1265232945/Kravchenko.pdf

[3] См.: *Зверева Г. И.* Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры // Выбор метода: изучение культуры в России 100-х годов. М., 2001. С.11-12.

историей[1]. Б. Г. Могильницкий рассматривает современную историческую науку как «своеобразный экспериментальный полигон», на котором обрабатываются различные способы реконструкции прошлого с помощью методов и данных все расширяющегося круга *смежных дисциплин*; перспектива этого процесса – «полидисциплинарная технология методологического синтеза»[2]. Для Ю. Ю. Хмелевской история эмоций, прочно заявившая о себе в современной историографии, результат не только «историзации эмоций», имевшей место на протяжении длительного времени (от XIX к началу XXI вв.), но и последствия «громкой декларации» *эмоционального поворота*, прозвучавшей в серии международных конференций[3] (2008).

Под влиянием «визуального поворота» происходит становление *визуальной антропологии*, которая превращается, по мнению исследователей, в одну из *фундаментальных научных отраслей*, объединяя культурологов, социологов, историков, философов. Это новое направление рассматривают более широко – в контексте *культурной антропологии*[4]. Визуальная антропология как *научное направление* включает в свой арсенал научные практики, основанные на анализе разнообразных изобразительных источников, формирующийся методологический аппарат, а также элементы инфраструктуры (Центр визуальной антропологии при Московском государственном университете[5]). В рамках визуальной антропологии происходит становление *нового направления – визуальной истории*, что свидетельствует о новом этапе эволюции исторической науки[6].

---

[1] См.: *Нарский И. В.* Возвращение автора: приглашение к «лирической историографии», или об одной тенденции в современном историописании // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.45-46.

[2] См.: *Могильницкий Б. Г.* Методология истории в перспективе историографической революции // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 15-16.

[3] См.: *Хмелевская Ю. Ю.* «История эмоций» в современной историографической парадигме: историк, возможности, проблемы // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С.452-453.

[4] См.: *Мазур Л.* Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 160–178; Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 398-412; Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009; *Магидов В. М.* Визуальная антропология как социокультурное явление в ретроспективе и перспективе современного исторического знания [2012]. URL: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/v_m_magido.html

[5] См. сайт Центра: http://visant.etnos.ru/about/project.php

[6] См.: Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Сб. статей / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2008; *Щербакова Е. И.* Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России — III: Пятнадцать лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 473–488; *Усманова А.* Визуальные исследования как исследовательская парадигма. URL: http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108; *Мазур Л.* Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 160–178 и др.

Л. П. Репина отмечает, что многие выделившиеся *субдисциплины* имеют общий теоретический, методологический и концептуальный арсенал, демонстрируют общее направление развития и различаются лишь по *специальной предметной области*, что в принципе создает предпосылки не только для плодотворного сотрудничества между разными внутридисциплинарными специализациями (как «старыми», так и «новыми», которые конституировались совсем недавно), но и для их последующей реинтеграции на новых эпистемологических основаниях»[7].

А. В. Лубский соединяет методологические повороты (как маркеры методологического плюрализма) со сменой парадигм – способов постановки и решения научных проблем на основе перехода «*к новым предметным полям и методам научного исследования*» [курсив мой. – Т. П.]. Методологические повороты отражают поиски в современной историографии «синтезирующего потенциала исторического знания» и обретения «холистического реванша» путем проведения кросс-дисциплинарных исследований, при этом уровень кросс-дисциплинарности соотносится с определенным поворотом: в рамках мультидисциплинарных исследований – с прагматическим поворотом, в границах интердисциплинарных – с феноменологическим, культурным и контекстуальным поворотами; трансдисциплинарных – с синергетическим, цивилизационным и концептуальным. *Смена предметных полей и методологических приоритетов* – содержательная характеристика методологических поворотов. Так, появление «гибридной дисциплины» – *исторической феноменологии* – сопоставимо с *феноменологическим поворотом*[8].

Оборотная сторона «“поворотного” феномена» в том, что каждый из поворотов нацелен на доминантный статус на переднем крае науки: «все есть язык» (лингвистический), «все есть текст» (нарративный), «все есть образ» (визуальный/ иконический), «все есть медиа» (медиальный), «все есть культура» (культурологический), «все есть antropos» (антропологический) и т. п. Ускорение в процессе появления поворотов влечет за собой ряд негативных следствий: утверждается «мода» на *новый* поворот, гипертрофируется его эвристическая ценность; отвечая на вопрос «Что есть все», представители нового исследовательского направления «возводят собственную онтологическую

---

[7] *Репина Л. П.* Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С.7.

[8] *Лубский А. В.* Повороты методологические в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.370-372; *Он же.* Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.158; *Она же.* Вместо введения. Представления о прошлом в историческом сознании // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С.9.

модель до универсального статуса»; философия, в частности, становясь т. н. «прилагательной сферой» (философией чего-то), теряет свой универсальный статус в поисках *истины* (В. В. Савчук).

Разветвление и сосуществование «поворотов» образует конфликтную ситуацию («напряжение»): в отличие от Германии, где «повороты» с самого начала оказались привязаны к академическим дисциплинам, англо-американские cultural studies способствовали смещению не только дисциплинарных границ, но и границ академического дискурса», что создало конфликт внутри общего поля наук о культуре.

> ***Ремарка-info.*** Анализ «внедрения» инноваций в область образования в американских университетах дает основания констатировать, что исторической профессии был нанесен значительный ущерб со стороны Cultural studies. Бурное развитие этого направления имело в качестве оснований – утверждение в обществе новых социальных групп и феномена политкорректности, становление массовой культуры и культурную агрессию постмодернизма. В университетах США произошли радикальные изменения в учебных планах, что обусловило значительную модификацию классической модели исторического образования: сократились собственно исторические дисциплины, исторические курсы были объединены с неисторическими, тематика курсов эволюционировала в сторону микропроблем, предметы, дававшие ранее масштабные представления о всемирной и американской истории упразднялись и т. д. В итоге в 2002 г. только 10 из 50 ведущих национальных университетов и гуманитарных колледжей включали в блок обязательных курсы по истории; уменьшились выпуски профессиональных историков[1].

Новая тенденция в развитии философии – наряду с продолжавшей действовать формулой «философия чего-то» (philosophy of x), приводящей к дроблению философского знания и отражающей своеобразный патернализм, предполагающий существование наряду с философской рефлексией конкретной области знания и опыта (как единичных случаев) наличия т. н. абстрактной – всеобщей дисциплины, – появление новой формы самоопределения философии, выразившейся в метафоре *поворот самой философии*. Феномен «поворота в философии и самой философии» символизирует стремление философов сохранить значимость и автономность своей сферы. Неизбежность появления все новых и новых поворотов – естественный процесс в эволюции философии/науки – не исключает «дисциплину мысли», которая должна быть нацелена на осознание задач, решаемых поворотами, на смысл и позитивные моменты,

---

[1] См.: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Современное общество и историческая наука: вызовы и ответы // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной: В 2 тт. Т. 2. М.: ИВИ РАН, 2007. С.162-165.

«которые привносит эта метафора в обнаружение подлинного предмета актуальной философской рефлексии»[1].

Для Дорис Бахманн-Медик проблема, волнующая В. В. Савчука, – как наряду с неизбежностью появления все новых поворотов, приводящих к дроблению философского знания («философия чего-то» / philosophy of x) и трансформирующихся в новые предметные области (конкретные философские дисциплины), сохранить «всеобщую дисциплину», значимость и автономность всей философской сферы в целом – выражена в констатации: «Великое повествование» “Культурного Поворота” подрывается дифференцирующими импульсами не менее весомых отдельных культурных поворотов». В связи с этим она формулирует аналогичный вопрос: «стоит ли разрабатывать науку о культуре в единственном числе как отдельный предмет или следует все же развивать науки о культуре во множественном – как перспективу, стягивающую вместе различные дисциплины, как «общедисциплинарную направляющую категорию»?[2].

Ремарка-info. В современной гуманитаристике, на что обращают внимание некоторые авторы, происходит смешение понятий «поворот»: в частности, что касается «Cultural Turn», то научный лексикон включает такие формулы как: «культурный поворот», «культуральный поворот», «культурологический поворот», «поворот в культуре» и т. п. Попытки «развести» эти понятия, уточнить дефиниции, представлены следующей картиной: «культуральный» – это поворот как смена методологии; «культуралистический поворот» – сопоставим с тенденцией характеризовать все социальные процессы как «культурные» – «фактически, как выражение критерия “человеческие”»[3]. Второе понятие не означает поворот как культурологический метод или трансформацию культурологических теорий, хотя оба поворота взаимосвязаны жесткими причинно-следственными связями. С. В. Никифорова определяет тенденцию использования терминов следующей траекторией: «культурный», точнее, «поворот в культуре» – это поворот в значении социальный, бытийный, человеческий; поворот в значении исследования – методологии и техники изучения собственно «культурного» поворота –

---

[1] *Савчук В. В.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С.108. URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2013_01/13.pdf

[2] *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре/ Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html

[3] См.: *Савельева М. Ю.* К вопросу о сущности «культуралистического поворота» в философии // Фундаментальные проблемы культурологии. СПб., 2008. Т. 1: Теория культуры. С. 48; *Безуглова Н. П.* «Культурный поворот» в западной культурологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2010. № 6. С. 21-27.

это «культурологический» поворот, поскольку он является следствием «первого и содержит в названии отсылку к Логосу» [1].

В построениях И. В. Нарского вырисовывается понимание соотношения новых научных направлений (появление которых «спровоцировано» каким-либо «поворотом») как «множественности» составляющих обобщенной *культурной истории*[2]. В этом случае применение понятия ***history of x***, аналогичное ***philosophy of x***, ставит вопрос о соотношении «частных историй», появившихся по влиянием культурного поворота, с мегадисциплинарной культурной историей.

Повороты для историков – прежде всего *методологические* повороты, с которыми связано появление новых подходов, методов, инструментария, но следствием состоявшихся поворотов – заявивших о себе как о действительно новаторских – является формирование новых научных отраслей, направлений, смежных дисциплин, субдисциплин.

[1] См.: *Никифорова С. В.* О «поворотах» в культуре и культурологии // Вестник СВФУ (Северо-Восто́чный федера́льный университе́т имени М. К. Аммосова). 2017. № 1 (05). Серия «Экономика. Социология. Культурология». С.63-72.

[2] См.: *Нарский И. В.* Возвращение автора: приглашение к «лирической историографии», или об одной тенденции в современном историописании // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры ХУШ-ХХ1 веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.45-46.

Концепт «поворот» и другие понятия

История науки … включает также историю понятий
В. Гейзенберг[1]

С рубежа 1980-1990-х гг. в литературе широко оперировали термином «Вызов» – тойнбианское влияние распространилось на понимание экспансии новых идей в новую эпоху. Одновременно транс-темпоральный эпитет-метафора «новая» в соответствии с уже достаточно давней традицией получил очередное «дыхание». В свое время Нильс Бор говорил: «…всякое новое знание является нам в оболочке старых понятий, приспособленной для объяснения прежнего опыта, и… всякая такая оболочка может оказаться слишком узкой для того, чтобы включить в себя новый опыт»[2]. Однако ограниченность традиционной лексики, непростой поиск неологизмов, сопровождаемый желанием сразу получить искомое понятие, обычно приводил к тиражированию привычного слова.

Одним из первых, кто ввел этот эпитет, стремясь отделить свои новации от предшественников, был Джамбаттиста Вико с его действительно новаторским трудом – «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Однако еще раньше, в XVII веке, в процессе институционализации науки, в поисках ее самонаименования, которое бы отделило науку от философии, формула «новая философия» в значении науки обрела свою легитимность. В последние десятилетия *новых философий*, *новых социологий, новых культурологий* и т. п. как новых направлений в традиционных дисциплинарных полях появилось неисчерпаемое количество.

В исторической науке значительное распространение получили формулы *новая историческая наука*, *новая биографика*, *новая культурная история, новая биографическая история, новая локальная история, новая научная история, новая социальная история, новая экономическая история* и т. п.[3]. В связи с этим явлением, Л. П. Репина отмечала: «Понятие новизны активно применяется в обозначении историографических направлений на протяжении всего XX века. Как правило, речь идет о самоназваниях. В первой четверти XX века в США историки, выступавшие с критикой идиографизма, создали школу “новой истории” (”new history”). Середина XX века отмечена борьбой “школы Анналов” против традиционной историографии за междисциплинарную методологию nouvelle histoire, и это движение в 1970-1980-е годы приобрело прак-

[1] *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. С. 235

[2] *Бор Н.* Единство знаний // Бор Нильс. Избранные научные труды. Т. II. М.: Наука, 1971. С. 481-496. URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_06.html

[3] См. об этом: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016.

тически универсальный характер в западной исторической науке. В последней трети XX столетия "новые истории" появлялись в отдельных сегментах дисциплинарного предметного поля каждую пятилетку»[1].

Сегодня этот процесс приобрел невероятную скорость, и одновременно стремительно вошел и утвердился в лексиконе представителей ученого цеха и т. н. широкой общественности новый термин – «поворот».

> ***Ремарка-info.*** Понятие *поворота* восходит к древнегреческой традиции; в латинском языке два термина обозначали суть явления: conversio (обращение вспять, возвращение, круговорот, изменение направления) и reflexio (изгиб, загибание назад, преломление, выпуклость, отклонение назад, отражение света, звуковой волны, брошенного во что-то предмета). М. Хайдеггер для обозначения радикальной смены собственной позиции избрал старое немецкое слово Die Kehre – «поворот» (извилина дороги – поворот, соскок с поворотом – гимнастика, разворот автомобиля – вираж), в основе которого – глагол kehren (обратить взор к небу, повернуть все к лучшему и одновременно – мести мусор, наводить порядок)[2]. М. Хайдеггер не стал уточнять, что на его родном наречии «поворот» (Kehre) – «это место, где серпантин горной дороги поворачивает почти назад, чтобы подобраться еще ближе к перевалу»: по воспоминаниям современников, М. Хайдеггер имел в виду поворот как перемену (судьбы и т. п.), рубеж, порог (о времени), выход наверх (борьба)[3]. Однако стало традицией связывать концепт «поворот» с именем Р. Рорти: после выхода сборника «The linguistic Turn. Essays in Philosophical Method / ed. and with Introduct. by R. Rorty» (Chicago: University of Chicago Press, 1967) *terminus novus – linguistic turn* (лингвистический поворот) утверждается в литературе; термин *turn* (в англоязычной транскрипции) становится матрицей, задающей образец для последующих поворотов, возникающих в фарватере лингвистического[4].

Появление *новых историй* обычно соотносят с постнеклассической и неоклассической наукой, с развитием междисциплинарности, с чередой методо-

---

[1] См.: *Репина Л. П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры ХУШ-ХХ1 веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.35.

[2] См.: *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с немецкого В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 253-258.

[3] См.: *Бибихин В. В.* Дело Хайдеггера // Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.5-6; *Никифорова С. В.* О «поворотах» в культуре и культурологии // Вестник СВФУ (Северо-Восто́чный федера́льный университе́т имени М. К. Аммосова). 2017. № 1 (05). Серия «Экономика. Социология. Кульурология». С.63-72.

[4] См.: *Савчук В. В.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С.93-95; *Он же.* Метафора поворота и философия // Философские науки. 2010. № 10. С. 135-150.

логических *поворотов*, что обусловило возникновение новых подходов и выделение новых предметных областей.

> ***Ремарка-мнение.*** Бесспорно, важной в данном контексте является постановка Е. Е. Савицким вопроса о «критериях новизны: если в начале XX в. главным критерием новизны была новизна источников, то последующее развитие исторической науки выдвинуло на первый план новизну исследовательских подходов. В современной науке сложилась ситуация, когда «методологическая новация не просто дополняет уже существующие знания о прошлом, но и стремится к их отрицанию…», в итоге «критерием новизны» становится «метод», противопоставляемый «знанию». В этом же контексте «обилие поворотов уже навлекло на себя насмешку сторонних наблюдателей»: их множественность и частота появления вряд ли может свидетельствовать «о действительно поворотных явлениях в историографии»[1]. Профессиональная культура историков «имеет собственную традицию, несмотря на извечно педалируемую терминологию новизны – регулярно повторяющиеся в историографии самоназвания направлений, в конструировании которых главным является слово “новая”. Именно в связи с этим постоянно возникает необходимость всестороннего анализа и четкого определения всего комплекса установок, который собственно и создает новое качество. И это, безусловно, касается не только задач и методов исторического познания, но и самого способа историописания»[2].

Как определяет *новые истории* «Терминологический словарь…»[3]? *Культурная история* – «это направление современной исторической науки» (с. 240); *новая культурная история* – автономное проблемное поле профессионального исторического знания (с. 240); *интеллекуальная история* – «предметное поле актуального исторического знания» (с. 135); *новая культурно-интеллектуальная история* – исследовательское поле (с. 136); *новая биографика* – «предметное поле современного исторического знания» (с. 334); *новая локальная история* – «предметное поле постнеклассической исторической науки» (с. 337); *новая историческая наука/новая научная исто-*

---

[1] См. *Савицкий Е. Е.* «Откуда ждать нового?» О понятии новизны в историографии // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.241-243; *Он же.* «Перформативный поворот» в историографии – другие версии. (Комментарий к статье Питера Бёрка) // Одиссей: Человек в истории. 2008. № 1. С. 355-366. URL: https://dlib.eastview.com/browse/doc/20253175

[2] *Репина Л. П.* История исторического знания: Пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. С.279.

[3] См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

рия – «одно из наиболее влиятельных и масштабных движений в неклассической исторической науке» (с. 335); *новая социальная история/социальная история/обновленная социальная история* – «направление исторической науки» (с. 461-462); *новая экономическая история/клиометрика* – «одно из ключевых направлений исследований по экономической истории», «наука», «междисциплинарное направление» (с. 214) и т. п.

Основная статусная терминология «новых историй»: *научное направление, междисциплинарное направление, движение, предметное/проблемное/исследовательское поле.*

Появившийся вначале термин «вызов» постепенно практически во всех случаях заменяется новым – «поворот»: это закономерно, т. к. «вызов» более соотносим с проблемной ситуацией, которая требует своего решения, «поворот» – не просто очерчивает проблемную ситуацию, но и ориентирует на конкретную стратегию ее разрешения, формируя новые проблемно-исследовательские поля.

Связь между *поворотами* и *новыми историями* очевидна, однако, можно ли говорить о том, что именно *поворот* влечет за собой появление соответствующей *новой истории*, и можно ли всем «новым историям» присваивать номинацию дисциплины – эти вопросы пока остаются в статусе проблематично-дискуссионных.

* * *

Суммируя применение представителями разных дисциплин метафоры *поворот*, постараюсь выделить основные подходы к определению сущностных характеристик этого явления:

***Поворот* (*в науке*):**

- *трансформация знания*, переосмысление основополагающих принципов в предметной сфере; ядро поворота способствует продуцированию новых идей и теорий; поворот в науке содержит в себе в определенной пропорции и изменение курса и возвращение назад – к известному, это – качественные изменения в системе производства, передачи и способах репрезентации научного знания; *смысл* «познавательного поворота» –не в механическом объединение методологических новаций, полезных стратегий и подходов, а *в многомерном, мультидисциплинарном подходе к изучаемому предмету, созданию полицентричной модели процесса научного познания,* в пространстве которого сосуществуют разные стратегии: интерпретативные, дискурсивные, риторические (описательные)[1];

[1] См.: *Колесник Ірина.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інституту історії України НАН України, 2013. С.111-113; *Зверева Г. И.* Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры //

- это *ситуация* «инновационного культурного изменения» в современной науке; эпистемологический статус «поворота» в том, что поворот лишен «самостоятельной онтологии» и выступает как «*продукт социальной конвенции*»; это – «символический оператор, с помощью которого конституируется образовательный порядок» [если речь идет об университетском пространстве. – Т. П.]; это – предмет веры, семиотико-семантическая конструкция, обеспечивающая социальную идентификацию и интеграцию связанных с ним сообществ; это – «результат имагинативной и коммуникативной активности социальных групп, своего рода артефакт, связанный, как и куновская парадигма, с иррациональным социальным выбором»[1];
- это terminus novus, покрывающий определенное явление: *онтологически значимый новый предмет исследования новой философской дисциплины*, появляющейся в соответствии с нормативной формулой *philosophy of x* («философия чего-то»: Ф. Бэкон) для дисциплинарного членения корпуса философии[2];
- это – *методологический подход*, нацеленный на использование определенных инструментов для разработки теорий[3]; вырабатывающий установки восприятия, оперативные подходы и концепции, вводящий новые идеи и категории, меняющий направления и модифицирующий теории, реструктурирующий «научное поле»; это – результат «перехода» с предметного уровня новых областей исследования на уровень аналитических категорий и концепций, это – *познавательное средство*, «медиум познания»[4];
- *поворот* связан со сменой парадигм, это маркер методологического плюрализма, содержание которого – *смена предметных полей и методологических приоритетов*[5];

Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. Г. И. Зверева. М.: РГГУ, 2001.

[1] См.: *Полонников А.* «Иконический поворот»: образовательные стратегии и альтернативы. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3620&level1=main&level2=articles

[2] См.: *Савчук В. В.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С.106-108. URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2013_01/13.pdf

[3] «Грядущее поколение философов устроит настоящую бурю»: Джесси Принц об эмпирическом повороте в философии. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/10078-prinz-interview

[4] См.: *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html

[5] См.: *Лубский А. В.* Повороты методологические в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.370.

- это – *«изменения»* в *методологии* гуманитарных наук, которые в условиях глобализации объединяет одна парадигма – идея синтеза в качестве попытки противостояния дифференциации наук[1];
- это – *концепт*, с помощью которого происходит *описание процессов*, происходящих в современном гуманитарном знании[2];
- это – *понятие,* которое (относительно нарративного поворота) имеет «постфактумный, констатирующий характер», это – *фиксатор* уже *сложившейся методологической конфигурации исследовательских и культурных практик*; метафора поворота по своему *концептуальному статусу* близка к куновской (тоже метафорической) *модели развития науки* (*парадигмальные революции*), а также к *лакатосовской идее* конкуренции *научно-исследовательских программ* («поскольку брендирование нового научного направления в качестве “поворота” обеспечивает ему неплохие шансы в том трансцендентальном полемосе, в который волей-неволей втянуто институционально оформленное научное мышление»)[3];
- это «*постдисциплинарный подход*», в основе которого *синтез подходов одной дисциплины,* в частности социологии, *с другими науками*, при этом собственно социологический стержень сохраняется, поэтому сама социология в этих подходах не исчезает, но становится другой по содержанию и форме[4].
- *биографический поворот* – это «новый биографизм», неразрывно связанный с «новым историзмом», или «поэтикой культуры», согласно которым биографический анализ/биографический подход выступает в «неразрывном единстве с текстуально-дискурсивным прочтением самой культуры в истории»[5];
- *биографический поворот* – это «символ развития демократии»; одно из проявлений «герменевтическо-лингвистическо-прагматическо-семиотического поворота»; один из определяющих факторов развития миро-

---

[1] См.: *Лаптева М. П.* Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX XX1 веков // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры ХУШ-XX1 веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.12.

[2] См.: *Беззубова О. В.* Понятие «поворота» в современных исследованиях визуальной культуры // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (106). С.14-17. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2016_4_02.pdf

[3] См.: *Лехциер В. Л.* Нарративный поворот и актуальность нарративного разума. URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2013_01/1.pdf

[4] *Кравченко С. А.* Сложный социум: востребованность поворотов в социологии. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/11/1265232945/Kravchenko.pdf

[5] См.: *Голубович И. В.* П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. С.67.

вой философии последних десятилетий; это – *биографический подход* (биографистика) как *дополнительная составляющая* всех историко-философских моделей [1];

- *антропологический поворот* – это антропологизация современной культуры и *антропологический подход* в социогуманитарных исследованиях[2].

В рассуждениях представителей разных дисциплин – философов, культурологов, историков, антропологов – с понятием *поворот* так же, как и с понятием *новая история*, неизбежно соседствуют такие понятия, как: *предметная область/поле, проблемная область/поле, направление, отрасль науки, смежные дисциплины, субдисциплины*, *дисциплины*, наконец, *науки, парадигмы, концепты, подходы* и проч. Все эти категории не имеют четкости и универсальности в применении не только представителями разных дисциплин, но и во внутридисциплинарном поле[3].

* * *

Комментарии-post

1. О повороте и дифференциации наук. Можно ли говорить о том, что в основе поворотов как изменений в методологии лежит «идея синтеза в качестве попытки противостояния дифференциации наук»[4], или повороты в любой области гуманитарного знания способствуют дальнейшей дифференциации родового дисциплинарного знания или образованию новых специальностей на «дисциплинарном межграничье»?

Многие исследователи подчеркивают факт дифференцирующего влияния поворотов на поле науки в целом и на дисциплинарное пространство отдельных научных дисциплин, при этом междисциплинарность, которую большинство ученых связывают с *поворотами*, в XXI веке уже не выступает в качестве безусловного генератора обновления и антипода дисциплинарной ригидности, но сама превращается в фактор новых размежеваний и дифферен-

---

[1] *Менжулін В. І.* Біографічний підхід у західній історико-філософській традиції: віхі становлення. Дисс…докт. філософ. наук. Київ, 2010. С.11, 311-312.

[2] Проблемы современной антропологии. Ч. 1. Самоопределение антропологии. Структура антропологического знания: учеб. пособ. для студентов философского ф-та / И. В. Голубович, Е. С. Петриковская, Ф. А. Тихомирова; Одесский национальный ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса: Изд-во «Акватория», 2015. 134 с.

[3] См.: Часть V. Глоссарий.

[4] См.: *Лаптева М. П.* Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX-XXI веков // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.12.

циаций[1]. В качестве таксономических единиц дифференциационно-интеграционного процесса могут выступать проблемные поля, направления, научные области, субдисциплины, наконец, дисциплины.

> ***Ремарка-мнение.*** Дифференциация – одно из ключевых морфологических понятий, которое можно применить к любой сфере деятельности; это процесс *разъединения* – в социальной, производственно-экономической, научной и т. п. сферах; хотя принято считать, что современный мир движется от Gemeinschaft (однородности) к Gesellschaft (объединению, общности) – мы, например, все «более активно прибегаем к общему концептуальному языку» и т. п. – углубление дифференциации порождает «большую специализацию ролей субъектов», открывая путь *индивидуации* (individuation) – «фрагментированности», или «разобщенности», тем самым усиливая гетерогенность в обществе и в науке[2].

В связи с «негативными» сторонами действия «поворотов» поставлен вопрос о необходимости «критического инструментария культурных поворотов», что позволит избежать превращения «инновации» в «академически-интеллектуальный конформизм» (П. Бурдье), а также бороться с типичными признаками «усталости культурологических поворотов»: плюралистическая тенденция в науках о культуре наряду с «критической авторефлексией и (меж)культурной локализацией собственных теорий» – гарантия для появления «значимых культурных поворотов как в отдельных дисциплинах, так и на их пересечениях»[3].

Неизбежность появления все новых и новых поворотов – естественный процесс в эволюции философии/науки – не исключает «дисциплину мысли», которая должна быть нацелена на осознание задач, решаемых поворотами, на смысл и позитивные моменты, «которые привносит эта метафора в обнаружение подлинного предмета актуальной философской рефлексии»[4]. Стоит обратить внимание и на вопрос, поставленный Дорис Бахманн-Медик: а что будет после «Культурного Поворота»?..

Л. П. Репина постаралась ответить на этот вопрос: культурный (или куль-

---

[1] См.: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.630.

[2] См.: *Валлерстайн Иммануэль.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С.209-210.

[3] См.: *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре/ Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html

[4] *Савчук В. В.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С.108. URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2013_01/13.pdf

турологический) поворот, во-первых, детерминировал постановку в рамках социокультурного подхода новой задачи – раскрыть культурный механизм социального взаимодействия, во-вторых, одновременно проявили себя радикальные сдвиги в концептуализации, в частности исторического знания, что фактически обусловило процесс формирования нового исторического мышления в пространстве новой исторической культуры, стержень которой – ориентация «на синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания, на адекватное воспроизведение диалектического взаимодействия объективных и субъективных компонентов деятельности исторических акторов»[1].

2. О преемственности. В последней трети XX века возник целый пласт идей и концептуальных построений, которые отнюдь не исчерпали себя до сих пор. Э. Доманска, например, задает вопрос: «Означает ли это, что перформативный поворот есть знак того, что постмодернистские тренды, такие как конструктивизм, постструктурализм, деконструкция, текстуализм и нарративизм, стали историей»? – ее ответ: «Они исчерпали себя и больше не участвуют в развитии гуманитарного знания». Фуко, Деррида, Гиртц, Сайд, Уайт выступают не как авторитеты современного исследования, но как «классики жанра»: «эти мыслители и их методология должны быть историзированы». Однако как глубокий ученый, Э. Доманска замечает: изучая подходы постмодернизма и рассматривая их авторов как «классиков жанра», не стоит отрицать их важность для сегодняшних исследований. Ведь и *перфоманс* не является новым явлением, но рассматривается как «новая парадигма познания, создавшая возможность свежего взгляда на старые проблемы». Так и любые значимые «теории имеют свойство “схватывать” главные проблемы, возникающие из текущих исследований и должны быть адекватны как интерпретативные инструменты задаче быстрого изменения мира»[2].

Отрицая неокантианскую традицию классификации/формирования наук/дисциплин *по методу*, Дорис Бахманн-Медик разрывает преемственность наук о культуре рубежа XIX-XX вв. с современным *процессом поворотов*, хотя и оговаривает, что первые повороты следует искать именно у основоположников неокантианства.

Если В. В. Савчук считает *повороты* знамением нового закономерного этапа в эволюции философии, с появлением которых стало ясно, что «рацио-

---

[1] См.: *Репина Л. П.* Проблема методологического синтеза и новые версии социальной истории // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. М.: 2004. С.23-31; *Она же.* Историческая теория после «культурного поворота // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. Выпуск 20. С.5-13.

[2] *Доманска Э.* Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки / Отв. ред. Кукарцева М. А. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С.227, 231.

нальные схемы фаустовской цивилизации, опиравшиеся на прагматику покорения окружающего мира» себя исчерпали, то Ю. Д. Артамонова[1], ссылаясь на идеи, высказанные в свое время М. Фуко, Ю. Хабермасом, а также М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьевым, В. С. Швыревым и другими учеными[2], убеждена в том, что *повороты* нельзя рассматривать как проявление собственно современной философии, имеющей дело с множественной реальностью, – *феномен поворотов* есть результат прямой преемственности современного философствования и мышления XIX-XX вв.

> ***Ремарка-цитата:*** «Европейская культура в последние годы XVIII века наметила структуру, *которая все еще не распутана* [курсив мой. – Т. П.]; из нее едва начинают разматываться несколько нитей, настолько нам еще незнакомых, что мы охотно их принимаем за удивительно новые или абсолютно архаичные, хотя на протяжении двух веков (не меньше, однако и ненамного больше) они образовывали темную, но прочную основу нашего опыта»[3].

М. Фуко выдвигает тезис, что в современности, как и в прошлом циркулируют одни и те же идеи и мысли – это явление он назвал *формацией «взгляда»*, предполагающей жесткую связь фактичности (понятие «факт» станет ключевым именно в XIX в.) и релятивизации смысла. Основное содержание дискурса «взгляда» по Фуко: «…значащие возможности наблюдаемого и его корреляции с языком в исходных формах опыта, формирование объективности, начиная с значения знака, скрытая лингвистическая структура данных, конституирующий характер телесной пространственности, значение конечности в отношении человека к истине и в обосновании этого отношения…»[4].

Именно в этой *логике взгляда* проходит познавательный процесс в наше время. Ключевыми моментами категории «взгляда» являются:

1) отказ от идеи «умственного взора», проникающего сквозь вещи и работающего на уровне законов природы, обращение к наблюдению «непроницаемой телесности» вещей;

2) попытки «объективного» описания происходящего на «поверхности» вещей для гипотетического выявления внутренних процессов (роль знака);

3) единство проблемы «постижения» реальности и проблемы множе-

---

[1] См.: *Артамонова Ю. Д.* Сложная конструкция простого взгляда, или о поворотах в философии XX века // Вопросы философии. Изд-во Академиздатцентр «Наука» (Москва), 2018. № 7. С. 205-211.

[2] См.: *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998; *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003; *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классика и современность. Две эпохи в развитии буржуазной философии. В сборнике: Философия в современном мире. М., 1972, с. 28–94. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5599 и др.

[3] *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. С.296.

[4] Там же.

ственности этих несовершенных гипотетических реконструкций[1].

Ю. Хабермас выдвигает аналогичную идею: мысль эпохи модерна не исчерпала себя – речь идет не об отрицании модерна, но о разных проектах его осмысления – в новой эпохе постмодерна происходит, по сути, переосмысление фундаментальных принципов модерна, который движется в логике постоянного самообновления: «…в каждом моменте современности, порождающей новое из себя самой, повторяется и приобретает характер непрерывности процесс зарождения новой эпохи заново, так происходит снова и снова»[2].

Рассуждения одного из основателей школы исторической антропологии Кристофа Вульфа укладываются в русло логики М. Фуко.

> ***Ремарка-цитата:*** «…после лингвистического поворота и иконического поворота 70-х и 90-х годов прошлого века, в которых были обозначены языковая и образная укорененность действия и познания, на переломе веков в культурологических науках намечается перформативный поворот, в перспективе которого культурное действие рассматривается как инсценирование и исполнение воображения. Все три “поворота” ведут к антропологическому способу рассмотрения. В первом случае речь идет о зависимости человеческих взаимодействий и познания от языка, во втором – о конституирующей роли воображаемого для культуры, и в третьем – о форме и структуре человеческого действия, фокусирующего телесность»[3].

Таким образом, «языковый/лингвистический», «иконический» «антропологический» и другие повороты выступают как вариации парадигмы «взгляда», определявшей, по М. Фуко, «единую формацию» мысли XIX и XX вв.[4]. Идеи бесконечного и несовершенного выражения смысла проблематизируют, казалось бы, ушедший тип культуры, обращение в прошлое мысли порождает ее новую интерпретацию, поэтому весь процесс взаимоотношений классики и современности имеет сложный характер, для которого свойственно «взаимораскрытие» или «взаимопрояснение»[5].

---

[1] См.: *Артамонова Ю. Д.* Сложная конструкция простого взгляда, или о поворотах в философии XX века // Вопросы философии. Изд-во Академиздатцентр «Наука» (Москва), 2018. № 7. С. 205.

[2] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. С.10-12.

[3] *Вульф К.* Антропология: История, культура, философия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С.152.

[4] *Артамонова Ю. Д.* Сложная конструкция простого взгляда, или о поворотах в философии XX века // Вопросы философии. Изд-во Академиздатцентр «Наука» (Москва), 2018. № 7. С. 211.

[5] См.: *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классика и современность. Две эпохи в развитии буржуазной философии. В сборнике: Философия в современном мире. М., 1972, с. 28–94. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5599

Л. П. Репина обращает внимание на то, что поиски новой исследовательской парадигмы привели к разработке концепций исторического развития на базе теорий «прагматического поворота», и центральный вопрос этих концепций – как действующие лица истории изменяют социокультурные условия своего бытия – исходил из методологических разработок социологических теорий еще 1980-х гг., которые определяли культуру не как детерминирующую систему символов, а как набор компетенций и инструментария, используемых индивидом в своей практической деятельности[1].

Современные украинские философы И. В. Голубович, Е. С. Петриковская и В. И. Менжулин, анализируя биографический и антропологический повороты, признают значительную длительность этих явлений, которые, по мнению ученых, можно наблюдать практически во всех философских традициях: сегодня можно говорить лишь об очередном витке/этапе этих поворотов со своей спецификой проявления [2].

3. О П. М. Бицилли. Говоря о преемственности идей, нельзя не вспомнить о блистательном ученом – Петре Михайловиче Бицилли (1879-1953), профессоре Новороссийского (Одесского) и Софийского университетов, – который одним из первых поставил проблему *антропологически ориентированного культурологического подхода* к изучению науки.

Анализируя современную ему науковедческую практику, П. М. Бицилли отмечал, что науку принято воспринимать как достаточно «замкнутый», развивающийся «сам из себя» мир. Эволюционный подход к истории науки способствовал рассмотрению каждой научной системы в качестве «звена» в общей «цепи» развития «культурного человечества», или закономерно обусловленной «ступени» в прогрессе «науки вообще». Для историка культуры этот подход абсолютно «непригоден», ибо при подобном изучении научных систем, теорий, концепций «скрываются лики их творцов»[3].

П. М. Бицилли очень точно определил сущность той научной традиции, которая утверждалась в современный ему период историографии науки: исследование внутренней логики науки, или ее «объективно-мыслительных

---

[1] См.: *Репина Л. П.* Историческая теория после «культурного поворота // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. Выпуск 20. С.6.

[2] См.: *Голубович И. В.* П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013; *Менжулін В. І.* Біографічний підхід у західній історико-філософській традиції: віхі становлення. Дисс…докт. філософ. наук. Київ, 2010; Проблемы современной антропологии. Ч. 1. Самоопределение антропологии. Структура антропологического знания: учеб. пособ. для студентов философского ф-та / И. В. Голубович, Е. С. Петриковская, Ф. А. Тихомирова; Одесский национиональный ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса: Изд-во «Акватория», 2015.

[3] *Бицилли П. М*. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 243.

образований» – идей, теорий, принципов, методов, концепций, проблем и др. В ее основе – введение всеобщего гомогенного опыта, который проявляется в «трансперсональном мировидении»[1], а знание с его «сегментами» выступает как «деперсонифицированное образование». При таком подходе акцент делался на осмысление логико-теоретических норм взаимосвязи этих «объективно-мыслительных, когнитивных структур», «сегментов» знания.

П. М. Бицилли не удовлетворял и метод, которым пользовался при изучении истории философии В. Виндельбанд: трактовка отдельных областей научной мысли как «сторон» общего «умственного движения». Историк культуры, по Бицилли, не вправе разделять сознательную и бессознательную сферы «духа», отделять «мировоззрение» от «мироощущения»: для него и философ, и естествоиспытатель, и историк – это прежде всего личности, которые творчески раскрывают себя в области «своей науки». Для историка культуры научная деятельность творческой личности является «его биографией», а научная система им созданная, – то «невыразимое», в чем воплощена «психея» ее создателя, это – «он сам»[2].

4. О подходе. При значительной разбежности в определении статуса *поворотов* – от трансформации знания, парадигмального сдвига, радикальных измененииий в методологии («фиксатора» методологических конфигураций) до концепта, нового исследовательского предмета, продукта социальной конвенции, средства познания и т.п.; онтологически значимого и лишенного самостоятельной онтологии и др. – приоритетное место принадлежит понятию *подход*: биографический, антропологический, постдисциплинарный, методологический и т.п. При этом само понятие *подход* в интерпретациях ученых приобретает свою полисемантичную нюансировку.

Категория *подход/методологический подход* неразрывно связан с базовым понятием – *методология.* Если рассматривать *методологию* в «широком» значении как интегральную область знания – учение об организации теоретико-практической, научно-познавательной деятельности, как совокупность общих установок и философских принципов[3], то *подход* в этом ключе можно трактовать в качестве *интеллектуального инструмента, фиксирующего конкретную ориентацию/направленность научного исследования, определяющего (и составляющего) специфику ракурса / фокуса исследования – общую стратегию исследовательской деятельности.*

---

[1] См.: *Барг М. А.* Эпохи и идеи. М.: «Мысль», 1987. С.14.

[2] *Бицилли П. М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 244.

[3] См.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.45; *Лаптева М. П.* Теория и методология истории: курс лекций. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. С.14-15; *Розин В. М., Швырёв В. С., Голдберг Ф. И., Бернштейн В. С.* Методология. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6870

В условиях плюралистичности интеллектуальной сферы понятие *подход* приобретает, с одной стороны, четкий вектор в соответствии с предметным полем (культурологический, антропологический, биографический, нарративный, визуальный и проч.), с другой – категориальную аморфность, требующую в каждом конкретном случае исследовательской практики создания своего собственного инструментального репертуара. В этой ситуации один и тот же *подход* (на своих трех уровнях – философско-прескриптивном, концептуально-дескриптивном и процессуально-праксеологическом[1]) может включать значительный диапазон теоретико-методологических установок.

Понятие *методологический подход* можно воспринимать в двух значениях:

- «широком» – как синоним *подхода* вообще, т. е. показателя каких-либо изменений в методологической сфере в целом, либо -
- «узком» – как разновидность первого варианта, означающего конкретно-тематическую/предметную направленность исследования в различных дисциплинах.

Например: культурологический/биографический/нарративный (и проч.) подход в исторических исследованиях; антропологический подход в философии; исторический подход в социологии и т.п., при этом актуализируется соответствующий ракурс исследования традиционного объекта в контексте поставленной задачи/проблемы (что ведет к появлению новых *проблемных полей* и т. п.) при возможной вариантности методологических оснований.

В реальной практике каждый из *поворотов* имеет свое лицо, свою генеалогию и формы проникновения в социогуманитарное поле наук, а также видовую специфику взаимодействия с конкретными дисциплинами и собственную результативность.

Исследование *феномена поворотов* требует предметного анализа на основе сочетания диахронического и синхронического подходов, с учетом взаимосвязи и взаимообусловленности различных поворотов, регионально-темпоральных особенностей их проявления, их влияния на репертуар дисциплинарных модификаций и т.п. Картография и типология *поворотов*, комплексно-системное исследование этого феномена – наиболее вероятная стратегия их изучения[2]. Анализ *поворотов* предполагает с необходимостью собственно *междисциплинарный подход* в сочетании с конкретно-дисциплинарной рефлексией.

---

[1] *Философско-прескриптивный* – совокупность идей, определяющих общую научную мировоззренческую позицию ученого; *концептуально-дескриптивный* – совокупность принципов, составляющих основу стратегии исследовательской деятельности; *процессуально-праксеологический* – совокупность способов, приемов, процедур, обеспечивающих реализацию избранной стратегии деятельности. См. подробнее: *Ипполитова Н. В.* Взаимосвязь понятий «методология» и «методологический подход» // Вестник ЮУрГУ (Южно-Уральский государственный университет). 2009. № 13. С.13.

[2] Одна из первых попыток осмысления «картины» поворотов принадлежит *Дорис Бахманн Медик.*

5. Тезис: Как бы не определяли общий статус *поворотов*, каждый из них как «затянувшаяся серия мыслительных фуэте»[1] – это поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса, некий эпистемологически инструментальный идеал социокультурной ситуации, на котором концентрируется исследовательский интерес ученых. Все нарастающая скорость появления этих «поворотов», к которым профессиональное сообщество не успевает адаптироваться, напоминает «безумие недовоплощенности» – трагическое осознание нереализуемости имманентного стремления к полноте постижения неуловимой реальности…

1 *Фуэте*, как известно, это движение классического балета – преимущественно вращение в быстром темпе на одном месте. Свидетельствует ли применение В. В. Савчуком этой метафоры о том, что философ воспринимает разнообразные повороты как «круговорот идей»?..

II.
Дисциплина и дисциплинарность

Весь мир устроен из ограничений…
Булат Окуджава[1]

К поискам определения дисциплины и дисциплинарности: контур

На протяжении последних десятилетий постепенно утверждается дифференцированный подход к применению понятий, отражающих разнообразные «лики» Науки, что обусловлено углубленным исследованием различных сторон и форм научной деятельности. Аморфность и нерасчлененность в терминологии – наука / научная отрасль / автономная научная область / научная проблема / исследовательская программа / научная специальность / научная дисциплина и т. п. – постепенно сменяются[2] настойчивыми попытками «разъединить» эти понятия для более совершенного анализа движения Науки в целом.

Однако вопрос о формировании научных дисциплин и дисциплинаризации науки по-прежнему остается в дискуссионной плоскости, изобилуя множеством подходов.

Феномен дисциплинарности получил различное философское обоснование на разных культурно-исторических этапах: онтологическое (научная дисциплина связывалась с определенным «естественным телом» или его фрагментом); гносеологическое (акцент делался на специфике познавательных процессов, присущих той или иной научной дисциплине); методологическое (дисциплинарная систематизация знания объяснялась своеобразием используемых в науке методов); организационное (генезис и развитие научной дисциплины рассматривались в связи с определенными социально-организованными структурами – институтами, кафедрами т. д.)[3].

Проблема генезиса дисциплинарности / формирования дисциплин также решается неоднозначно. В специальной литературе распространен тезис о том, что истоки представлений о дисциплинарном строении науки коренятся в культурно-исторических глубинах античности и средневековья[4]. Дисциплина

---

[1] *Окуджава Б. Ш.* Пока земля еще вертится... : [избранные стихотворения] Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. С.54.

[2] В научной практике тем не менее продолжается использование этих понятий как синонимов.

[3] См.: *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. С. 5.

[4] См.: *Шилков Ю. М.* Дисциплинарный образ современной науки // Эпистемология и философия науки. 2006. Т.УП. № 1. С.131.

как особая форма организации знания в культуре впервые оформляется в античности (Древняя Греция) в виде целостности (совокупности) философских дискурсов, характеризуя в последующем познавательные практики европейской культуры: как «нетрадиционные» по отношению к иным типам социальности, как автономные от непосредственной профессионально-практической деятельности по усвоенному образцу и традиционно передаваемым нормам («правилам») ее осуществления, как «понятийно-универсальные», исходящие из приоритета «слова-логоса-номоса» (закона) над «делом»[1].

Начало дисциплинарности знания связывают с именем Пьера (Петра) Абеляра: обозначив для каждой дисциплины разные способы верификации, разрабатывая стандарты познавательной точности, он способствовал появлению нового понятия для ars-искусства – scientia, которое в будущем разовьется в понятие Науки (Science). П. Абеляр обосновал дисциплинарный статус философии, теологии и этики, определив их *предмет*[2].

По мнению большинства ученых, дисциплинарная организация науки (в строгом смысле слова) начинает складываться только в Новое время [3]. Сначала наука решительно отмежевалась от иных сфер интеллектуальной деятельности.

> ***Ремарка-штрих.*** Характерно, что в XVII в. науку называли «новой философией», пытаясь провести демаркационную линию между философией и наукой.

В европейской культурно-научной традиции на протяжении XVII-XIX веков можно констатировать оформление дисциплинарной структуры науки. Для М. К. Петрова *путь в науку* – это движение по *дисциплинарному основанию* от философии через теологию в науку. Поскольку *универсалии дисциплинарности*[4] обеспечивают преемственность этого движения, то историческая последовательность появления на свет *вариантов дисциплины* определена в ряд: философия-теология-наука. Дисциплинарность, появившись «у греков в форме философии, оторвалась от номотетической эмпирии, получив собственную опору в виде абсолютизированного текста Библии, и предстала в форме теологии с тем чтобы в XVI-XVII вв. вновь вернуться к возможной эмпирии плани-

---

[1] *Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Дисциплинарность // Новейший философский словарь. Минск, 2003. URL: http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost'

[2] См.: Петр Абеляр // Антология средневековой мысли: в 2 т. Т. 1: Теология и философия европейского средневековья / Институт философии РАН, РХГИ; науч. ред. С. С. Неретина; СПб.: РХГИ, 2001. С. 406; *Неретина С. С.* Абеляр. URL: https: // iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0186d778c86fa933e14e2d86?p.s=TextQuery

[3] См.: *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. С.27-31; *Шилков Ю. М.* Дисциплинарный образ современной науки // Эпистемология и философия науки. Т.УП. № 1. С. 131-132 и др.

[4] Согласно М. К. Петрову, любая дисциплина в любой момент времени существует в наборе восьми составляющих («междисциплинарные универсальные составляющие»). См. подробнее: *Петров М. К.* Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.234-235.

руемого эксперимента и предстать в форме опытной науки»[1].

На смену догматическому контролю церкви над наукой приходит дисциплинарная унификация научного знания: религиозная цензура трансформируется в новую форму – дисциплинарную – как креатуру научной дисциплины. Это позволило идентифицировать всех, причастных к продуцированию научного знания (в когнитивном и коммуникативном планах) в соответствии с идеалами, нормами и ценностями исследовательской практики, конкретно-дисциплинарными и темпорально определенными, и институционально утвердить новую автономную сферу социокультурной жизни, претендующую на свое место в структуре государственного общежития.

Оборотной стороной общей тенденции дисциплинаризации, проявившейся в европейской культуре в это время, стало, согласно М. Фуко, стремление государства к контролю над всеми сферами общественной жизни: «знание-власть» – модифицированная формула Ф. Бэкона «знание-сила» – превратилась в важнейшую установку, определившую движение социума на долгосрочную перспективу. Близкая к этим идеям «гипотеза дисциплинарного происхождения науки» М. К. Петрова представила дисциплинарность в качестве социально необходимой и потому преемственно воспроизводимой формы теоретической деятельности, по генезису связанной «с трансляционно-трансмутационным интерьером навыков всеобщего распределения, прежде всего гражданских»[2].

> ***Ремарка-мнение.*** Согласно Ю. М. Шилкову, именно в эпоху Нового времени, «ассоциируемую с классической наукой, под воздействием процессов дифференциации и специализации исследований оформляется дисциплинарный образ научного знания»[3].

Важнейшим фактором завершения этого процесса в XIX веке явилось реформирование (или создание в ряде регионов Европы) нового типа университета. Наука, имея практически основным организационным центром своего существования – университет, формировалась в границах определенной социальной матрицы – системы образования, выступая как «университетская наука». При такой организации на первый план выдвигалась такая «ипостась» науки как «научение» (дидактическая). Проблемы обучения формировали и специфический тип научной литературы – трактаты, учебники, компендиумы, энциклопедии и т. п.; монографические исследования чаще всего выходили как результаты курсов лекций. Необходимость определенного типа систематизации когнитивного материала – упорядочение в первую очередь по предметным блокам – ро-

---

[1] *Петров М. К.* Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.233-239.

[2] Там же. С.233, 305.

[3] *Шилков Ю. М.* Дисциплинарный образ современной науки // Эпистемология и философия науки. Т.УП. № 1. С. 131.

ждало многочисленные классификационные схемы, превращая классификацию в специальный вид научного исследования. «Исследовательская ипостась» науки – собственно научно-исследовательская работа – была опосредована процессом преподавания и выступала в качестве его эпифеномена. К концу XIX века «по дисциплинам» была организована вся наука, независимо от содержания предметов; дисциплинарный принцип соблюдался и в процессе углубляющейся специализации научного знания[1].

Нормативно-ценностные параметры социального института образования в конечном счете определяли содержательные ориентиры научного поиска, цели, структуру и организацию когнитивного материала, ментальный профиль преподавателей-ученых. Термины=имена – «наука» и «ученый», закрепившие профессиональный статус новой автономной структуры, отразили в себе именно эту связь с институтом образования, т.е. с процессом «научения». Все концепции науки этого времени (И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель, Б. Больцано), анализируя логическую структуру дисциплинарного знания, утверждали в качестве ценностей и норм научного исследования в целом ценности и нормы именно этого типа знания. Идеал организации «системно расчлененного» знания, характерный для его «дисциплинарного бытия», постулировался в качестве «решающего критерия» образа науки в целом[2]. Углубляющаяся специализация научного знания в системе университетского образования детерминировала процесс специализации по отдельным областям научного знания, что соответствовало конституированию дисциплинарной организации науки. Институционализация научной профессии произошла в XIX в. благодаря развитию университетов[3].

> ***Ремарка-штрих.*** Дисциплинарная организация науки оформилась в рамках т. н. «университетской науки» XIX в., для которой была характерна неразрывность дидактических и когнитивных процессов. Организация дисциплинарной науки в своих принципиальных чертах – деление основных структурных подразделений (факультеты, кафедры, лаборатории и т.п.), система профессиональной подготовки (учебные программы, формы аттестации и квалификации специалистов), подготовка специализированных изданий, организация конференций и проч. – характерна

---

[1] См.: *Антипов Г. А.* Понимание в структуре гуманитарного исследования // Проблемы методологии науки. Новосибирск: Наука, 1985. С.158; *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. С.71, 66-67.

[2] См.: *Огурцов А. П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. М.: Наука, 1984. С.172-175.

[3] См.: *Парсонс Т., Сторер Н.* Научная дисциплина и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.32; *Стёпин В. С., Юдин Б. Г., Филатов В. П., Симонов А. Н., Голдберг Ф. И.* Наука / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6860

и для современных университетов, а также распространяется и на иные научные учреждения (академические структуры и проч.).

Новый – XX век – предложил иную социальную матрицу, определившую жизнь науки в новых условиях: стали получать распространение такие формы организации науки, как исследовательские лаборатории (сначала в университетах, а затем в промышленности), научно-исследовательские институты и проч. Уже к 1916 году «монополия» университетов на науку изжила себя[1] – изменились пропорции в развитии науки: ведущая роль в реализации исследовательской ипостаси науки в Европе и Америке переходила к академическим и промышленно-отраслевым центрам, что повлекло за собой последующую реорганизацию университетских научно-педагогических структур: постепенное утверждение в организационном строении университетов специальных научно-исследовательских подразделений, получавших все большую автономию.

Ремарка: мнение. Для Карла Ясперса наука XX века как система наук – подвижна, многообразна по своим структурам, открыта и «принципиально не завершена» ни по диапазону проблематики («для современности характерна широта обращения ко всему познаваемому в опыте, многомерность духовного интереса ко всему, что происходит в мире»), ни по организационным началам: общая основа наук – «субъективный импульс к универсальному знанию», идея некоего «единства в качестве притязания на открытость всему действительному и мыслимому» – создает ситуацию, при которой между науками устанавливается «взаимная поддержка» – «одна наука становится материалом для другой», т. е. «вспомогательными науками» друг для друга; пути наук как разнообразных знаний пересекаются, расходятся, вновь соединяются. Несмотря на внутреннюю расчлененность наук по категориям и методам, «идея единства» с необходимостью требует «установление взаимосвязи внутри знания как такового»[2].

В. И. Вернадский, отмечая новые тенденции в развитии науки, писал: в «…наше время рамки отдельной науки, на которое распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной, сложившейся науки. Мы специализируемся не по наукам, а по проблемам»[3]. Практика организации естественнонаучного знания стала эталоном и для социогуманитарной сферы.

---

[1] См.: *Старостин Б. А.* Параметры развития науки. М.: Наука, 1980. С.109.

[2] *Ясперс Карл Теодор.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с. URL: http://nitshe.ru/yaspers-17.html

[3] *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. Архив. М.: Наука, 1977. Кн. 2. С.89.

Согласно новой социальной матрице, наука предстает в иной ипостаси – творческих исканий, а не «научения», которое выступает в данном случае уже как «побочный продукт». С формированием новой социальной матрицы происходит изменение ценностно-нормативных параметров науки, появляются собственно исследовательские группы с различными формальными и неформальными коммуникациями, новым способом организации знания: проблемным, в центре внимания которого - проблемная ситуация.

Логика научного поиска предстает в иной «размеренности»: ее интерес направлен не на структуры «уже ставшего» знания, а на правила эвристического поиска: «…логика из наукоучения, т.е. из учения о канонах изложения научного знания, превращается в логику исследования, в логику выдвижения и принятия решений, в эвристику»[1].

Науковедами был выдвинут тезис о том, что «дисциплинарный уровень не является всеобщим и универсальным», а в западной социологии науки единицей анализа все чаще становилась «научная молекула» – небольшая группа ученых. В 1970-1980-е годы в сообществе науковедов складываются два «образа науки»: дисциплинарный и проблемный[2].

> ***Ремарка-тезис.*** Данная историографическая модель генезиса организационных форм науки была сформулирована в науковедческой литературе одновременно с теоретическим осмыслением проблемы «дисциплинарности».

В 1970-е годы особенно остро был поставлен вопрос «изоляционизма» в науке (в том числе – в исторической), как результат осмысления дифференциационно-интеграционных процессов научного знания на протяжении XX века, приведший к усложнению системы дисциплин, специальностей и специализаций, появлению многочисленных интегральных областей знания. В связи с этим активно формировались стратегии преодоления разобщенности между отдельными сферами научного знания, а в науковедении – между отдельными разделами изучения науки – философией, социологией и собственно историографией науки; вырабатывалось новое понимание «ранжирования» структурных единиц науки – таксономических единиц науковедческого анализа.

Вопросы дисциплинарности оказались в контексте проблем организации, управления и финансирования науки в связи с размахом междисциплинарных исследований: для того, чтобы сформулировать стратегию и тактику междис-

---

[1] См.: *Огурцов А. П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. М.: Наука, 1984. С.173 – 174.

[2] См.: Дисциплинарность и взаимодействие наук / Отв. ред. Б. М. Кедров и Б. Г. Юдин. М.: Наука, 1986. С. 124-125; *Огурцов А. П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. М.: Наука, 1984. С.172-175; *Mulkay M., Gilbert G. N.* Accounting for error // Sociology. 1982. Vol. 16. № 2. P. 165-183; *Whitley R. D.* From the sociology of scientific communities to the study of scientists' negotiations and begond // Social Science Information. 1983. Vol. 22. № 4/5. P. 681-720.

циплинарных исследований, необходимо было «определиться с пониманием» составляющих междисциплинарной структуры – научных дисциплин.

* * *

Теория дисциплинарности в своих основных чертах в европейской и американской историографии науки оформилась в 50-80-е годы XX века. В значительной мере проблема «научной дисциплины» была детерминирована проблемой «междисциплинарности», а также общей эволюцией исследования науки, поиском оптимальной аналитической единицы для эмпирического изучения и теоретических обобщений[1].

Ремарка-info. Своеобразным стимулом исследования научной дисциплины и дисциплинарности в целом стало практическое утверждение в науковедческим дискурсе новых категорий, появившихся с середины 1960-х гг.: *меж-, поли- и трансдисциплинарность.* Эти понятия были впервые официально озвучены в 1970 г. на конференции в Ницце, состоявшейся под патронатом Организации экономического сотрудничества и развития[2]. Считается, что термин «междисциплинарность» появляется в 1930-е гг., однако не в научной литературе, а в административных документах: в 1937 году US Social Science Research Council анонсирует «междисциплинарные» стипендии для исследований, комбинирующих достижения двух и более наук. В 1930–1940-е годы *идея междисциплинарности* активно продвигалась в США Движением за единство науки (Unity of Science Movement), которое ставило своей целью целостное объяснение мира на основе «больших и упрощающих концептов», таких как квантовая механика, второй закон термодинамики, общая теория систем и др. Определенным стимулом процесса институционализации междисциплинарности как таковой стали студенческие движения конца 1960-х – начала 1970-х гг.: в числе первоочередных требований была перестройка учебных программ в направлении формирования у студентов целостной картины мира, акцентирования исторического и политического измерений знания и сближения теории и практики. Уже в 1972 г. появляется доклад Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) под названием «Междисциплинарность», который дал старт череде конференций и симпозиумов по этой теме и бурному росту междисциплинарных программ в американских университетах. Если в 1973 г. их

[1] См.: *Юдин Б. Г.* Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986. С.213-214.

[2] См.: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.611.

насчитывалось более 7 тысяч, то к 2005 г. их число превысило 20 тысяч[1].

Интерес к проблемам дисциплинарности в западной науковедческой историографии, приобретший перманентное звучание, был в значительной степени обусловлен работами Т. Куна («Структура научных революций», 1962) и Д. Прайса («Малая наука, большая наука», 1963). Введение Т. Куном понятия *дисциплинарная матрица* и акцент на категорию *научное сообщество* и его роль как важнейшего фактора развития науки в сочетании с идеей *парадигмы* во многом обусловили не только т.н. *социальный поворот* к изучению науки (поиск дисциплинарных механизмов консолидации научных сообществ), но и новый взгляд на образ науки в целом. Однако основоположником подхода к изучению научной дисциплины, сформировавшегося в американской социологии, принято считать Р. Мертона. Его последователи и ученики – Т. Парсонс и Н. Сторер – предложили концептуальную схему научной профессии (которую можно сопоставить с научной дисциплиной: профессия формируется вокруг научной дисциплины), включающей такие параметры:

1) профессиональная ответственность за хранение, передачу и использование специализированной суммы знаний и за расширение этих знаний как в эмпирическим, так и в теоретическом направлениях;
2) высокая автономность профессии в области привлечения новых членов, их подготовки и контроля их профессионального поведения;
3) установление между научной профессией и общественным окружением таких отношений, которые бы обеспечивали ей поддержку и способствовали ее сохранению;
4) установление вознаграждения – различных форм – за профессиональную деятельность[2].

Реальная практика развития профессиональной научной деятельности требовала размежевания между представителями нового типа познавательной деятельности. Деление науки на дисциплины, каждая из которых занимается определенной областью знания, обусловливается как потребностями социальной организации, так и интеллектуальной точностью разделения знания на отдельные части. При этом Т. Парсонс и Н. Сторер обращали внимание на то, что после утверждения «отчасти искусственного деления знания на отдельные части», сформировалось представление о том, что это деление отражает «“действительные”» границы внутри науки», хотя «разделение науки» не является «целиком произвольным». Все области знания – взаимозначимы, и «в идеальном смысле Wissenscaft (наука) представляет собой дифференцированную, но непрерывную

---

[1] *Капустин Б.* Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания // Коммерсант-Наука. 2017. №5. С. 43-44. URL: http://zavtra.ru/blogs/boris_kapustin_mezhdisciplinarnost_otkrivaet_put_k_novomu_sostoyaniyu_znaniya

[2] См.: *Парсонс Т., Сторер Н.* Научная дисциплина и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.28-29.

ткань», все части которой переплетены между собой. Перманентное расчленение и перегруппировка организационных подразделений в научной профессии образуют «карту» мира знаний, поэтому «картографирование» – т. е. создание картины развития научной профессии очень важно для понимания мира дисциплин в целом (в аспектах – временных, региональных, структурных и т. п.) и представляет собой т. н. «внешний» источник влияния на развитие самого знания[1].

Важнейшим тезисом, сделавшим шаг к опровержению контраверзы интернализм/экстернализа, господствующей в предшествующий период, стал тезис о том, что наука – *это система знаний и одновременно способ организации научной жизни и взаимодействия ученых* (Н. Сторер[2]). При этом обе составляющие науки предстали как взаимосвязанные и взаимообусловленные: специфика производимого знания влияет на характер академических сообществ, а особенности их организации оказывают обратное влияние на процесс производства знаний.

Проблема влияния дисциплинарности на состояние академического сообщества решалась через определение *критериев согласованности* внутри сообщества – *«наличие четких конвенций производства знания».* Отсюда – деление дисциплин на «жесткие» (естественнонаучные), в которых «конвенции эксплицированы», и «мягкие» (социогуманитарные), в которых конвенции намечены «абрисно». Среди индикаторов согласованности: стандартный язык и унификация академического дискурса. Именно *унифицированные стандарты производства знания и их оценки* членами конкретного сообщества представали в качестве механизма его консолидации: *«объективированные дисциплинарные конвенции»* выступали как способы интеграции целостности дисциплинарного сообщества и важнейший маркер дисциплинарности как таковой.

Среди маркеров дисциплинарности было обращено внимание на *научную периодическую и повременную печать* (Р. Мертон) как механизм артикуляции дисциплинарных конвенций и установления консенсуса в отношении «теорий, методологии, техник и проблематики исследования» (Т. Кун), на *практику издания научных работ*, на *индексы цитирования*, *систему поощрений* (награды, премии и т.п.). Важнейшим маркером, определяющий «пространство производства дисциплинарности» было признано *преподавание*, которое наряду с исследовательской деятельностью представало как «безусловное основание и главная движущая сила дисциплинарного деления» (Дж. Лодал, Дж. Гордон, Эн. Биглан)[3].

К 1970-м гг. в науковедческой литературе выделяли два основных подхода к изучению научных дисциплин:

1) исследование отдельных параметров дисциплины: в основе – понятие «парадигма»;

---

[1] См.: Там же. С. 40-42.

[2] *Сторер И.* Отношения между научными дисциплинами // Там же. С.56-106.

[3] См.: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.606-608.

2) изучение комплекса параметров с целью «раскрыть сложное взаимодействие социальных и когнитивных условий развития науки» – «комплексно-параметрический подход».

Проблема комплексно-параметрического подхода дополнилась проблемой статуса и выработкой стратегий, направленных на поддержание статуса научной дисциплины (НД), поскольку от статуса НД зависят ее т. н. «ресурсы»: пополнение квалифицированными кадрами, средства исследования, возможности для публикации, вакантные места, оснащенность оборудованием, влиятельность представителей НД.

При формировании возможных моделей «дисциплинарных стратегий дисциплины» как способа «институциональной устойчивости» внимание обращалось на то, что статус дисциплины зависит от ее восприятия различными «инстанциями восприятия»: представителями других дисциплин, властными структурами и др., при этом статус может изменяться, и ценностные представления о дисциплине будут влиять на ее положение в научном мире. К основным характеристикам стратегий относили:

1) НД должна быть *понята* в наиболее важных своих характеристиках, т. е. должно наличествовать «объективное» описание НД;
2) хотя «объективные» характеристики НД определяют границы ее влияния, внутри этих границ наиболее существенна *самооценка* представителей дисциплинарного научного сообщества;
3) оценка со стороны других НД и различных научных организаций влияют на политику в отношении НД.

Эта оценка, основанная на восприятии НД со стороны «инстанций восприятия», создает определенный «образ дисциплины», который может соответствовать ее «объективным» характеристикам и совпадать с *самооценкой*, но может и отличаться от них. Этот «разрыв» в восприятии (несоответствие «образов» НД) приводит к снижению статуса НД в научном пространстве и требует выработки стратегий по его укреплению. Таким образом, изучение «внешней» оценки необходимо для создания модели стратегии. Снижение когнитивного статуса НД влечет за собой институциональные проблемы: ограничение кадровых и прочих ресурсов, закрытие дисциплинарных структур (кафедр, факультетов, разделов в научных сборниках и т.д.).

Среди факторов, наносящих ущерб статусу НД:

- формирование нового исследовательского направления, изучающего тот же предмет НД, но на основе новых источников и методов;
- потеря служебной функции;
- принятие на себя непосильных задач;
- потеря ресурсов;
- утрата «лидеров»;
- реорганизации факультетов, кафедр, научных специальностей и т. п.
- изменение состава научного сообщества

Новая исследовательская область опасна, если осуществление ее интеллектуальных инноваций предполагает ее институционализацию как НД и обоснование своей самостоятельности подчас за счет «старой» дисциплины. Так, в XIX в. институционализация психологии угрожала статусу философии, социологии – статусу истории и проч.

Перестройка интеллектуального содержания НД – стремление по-новому понять ее проблематику и теоретико-методологический аппарат, попытки устранить источники, угрожающие когнитивному статусу НД, – посредством объединения с другими исследовательскими областями эффективны лишь в том случает, если дисциплине удается повысить уровень своего интеллектуального содержания, не теряя при этом собственных когнитивных границ[1].

В 1970-е гг. значительно расширилась тематика дисциплинарности. Новым фокусом анализа стали: а/ *дисциплинарные элиты* – «институциональные посредники», модераторы процесса взаимодействия научного сообщества и социума и их роль в определении и поддержании границ научного поля (Р. Уитли); б/ *невидимые колледжи* как форма неформальных исследовательских групп внутри «больших» дисциплинарных модулей; в/ *социальные сети*, в связи с чем появилось понятие *трансэпистемических арен* (transepistemic arenas), слагаемые которых – разнообразные взаимодействующие агенты: коллеги, издатели, поставщики материалов, заказчики и др. (К. Кнорр-Цетина). Все это способствовало утверждению более сложного образа дисциплинарных миров[2].

Новые «импульсы обновления» в решении проблемы дисциплинарности проявили себя в том, что исследовательский фокус сконцентрировался на вопросах влияния социальной организации науки и значимых внешних контекстов на дисциплинарные изменения, среди них: а/ *активность самих ученых* в процессе формирования основ дисциплинарности; б/ *«гибкость» дисциплинарных границ* – их изменение под влиянием открытия новых тематических приоритетов, разделение дисциплинарного поля на «новые» и «традиционные» поля; в/ *значимость внешних структур* – государства, крупного бизнеса – для развития дисциплинарности и др.

Одновременно анализ различных типов научных дисциплин выявил тенденцию к «замыканию» их дискурсов на себя внутри дисциплинарных массивов: мышление, язык, логика, предметность, парадигмальность, текст и другие маркеры дисциплинарности подвергались все большей автономизации и автоматизации. В связи с этим в постклассической методологии наметился поиск «деблокирующих», «размыкающих», «открывающих» дисциплинарные дискурсы механизмов за счет «размывания» границ между дисциплинами (в част-

---

[1] См.: *Шпигель-Резинг И.* Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структуры и институты. С.107-158.

[2] См.: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.605-610.

ности, посредством идеи релятивизации жесткого «принципа демаркации» научного и ненаучного знания, сформулированной К. Поппером) и изменения представлений о самой природе дисциплин.

Четко определилась конституирующая установка на синтетичность современных систем знания в противоположность прежней установке на аналитическое расчленение дисциплин, влекущей за собой операционализацию мышления и научной деятельности, на т.н. «замыкание на себя».

В сфере внимания оказались субструктурные (концепция личностного знания М. Полани) и суперструктурные (концепция научных парадигм Т. Куна) подуровни теоретических познавательных практик. С. Тулмином была предложена программа, снявшая редукцию рационального к логическому, в которой рациональное стало пониматься как исторически обусловленные, социокультурно нормированные, санкционированные и допустимые (легитимные) способы и методы переоценки принятых внутри той или иной дисциплины интеллектуальных стандартов и позиций. Дж. Холтон сформулировал принципы тематического анализа дисциплин как выявления их «сквозных» тем; И. Лакатос выдвинул идею научно-исследовательских программ; Д. Блур – идею «сильных» программ, ориентирующих на социокультурную и событийную обусловленность познавательных стратегий[1]. Эти новации, утверждая трактовку дисциплины как способа описания культуры, признавая адекватность ей форм концепции (паттерна) и подвергая сомнению идею дисциплины как аналога научной теории, создавали, по сути, новый образ дисциплины[2].

Очередной этап в направлении универсализации понятия «дисциплина» был связан с постструктурализмом: дисциплины стали восприниматься как механизмы генерации различных взаимосвязанных внутри целого (гипер- или интертекстов) дискурсивных стратегий, к которым фактически редуцируется вся социальная жизнь; как предустановленный порядок мышления и деятельности вообще, как целостность «дисциплины знания» и «дисциплины тела».

Идея «возвращения тела», связанная с антропологическим поворотом, развивалась и в философской антропологии, однако результаты оказались различны: антропологический фокус привел к восстановлению в правах целостность субъекта – человека как исходную точку синтетического мира, в противовес этому постструктуралистская перспектива, признав организующую

---

[1] См.: *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. В 2-х т. Пер. с англ. Киев: Ника-Центр, 2005; *Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского. М., 1985; *Кун Т.* Структура научных революций. М.: «АСТ», 2003; *Тулмин Ст.* Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 170–189; *Холтон Дж.* Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981; *Лакатос И.* Избранные произведение по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008; *Дэвид Блур.* Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5/6 (35). С.162-185.

[2] См.: *Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Дисциплинарность // Новейший философский словарь. Минск, 2003. URL: http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost'

власть анонимных дисциплинарных дискурсов, по сути, утратила субъекта как такового – произошло исчезновение Автора.

«Нарративный поворот», получивший значительное признание в 1990-е – начале 2000-х гг., определил фокус *нарративности дисциплины*, которая была представлена как дискурсивное пространство, предполагающее определенный способ производства дисциплинарного нарратива со своей дисциплинарной логикой аргументации, с набором специальных – дисциплинарных – правил создания нарративов.

Комплекс вопросов, связанный с понятием «дисциплина», был рассмотрен М. Фуко[1]. Исходный концепт – *эпистема* – понятие, которое М. Фуко вводит в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (М., 1977, 1994), обозначал особую конфигурацию «слов», «вещей» и «представлений», задающую условия возможности взглядов, знаний, наук, характерных для определенной исторической эпохи. Иначе говоря, эпистема воспринималась как определенное пространство производства дисциплинарных дискурсов знания, конкретно-историческая «рамка», задающая способы «бытия порядка» как такового. В европейской культуре Нового времени М. Фуко выделил три эпистемы: ренессансную (XVI в.), классическую (XVII – конец XVIII в.) и современную. В последующих работах формула «дисциплина знания» стала означать *принцип контроля над производством дискурса.* Именно дисциплина устанавливает для дискурса «границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил»[2].

Согласно М. Фуко, дисциплина, возникшая в «классическую эпоху», приобрела амбивалентный характер: не только негативный (подчинение, ограничение, контроль), но и позитивный, побуждая действовать (мыслить) в определенных рамках, позволяя «конструировать, но с рядом ограничений». М. Фуко разделяет науку и дисциплину: последняя как *принцип контроля и ограничения* по своему способу организации отличается как от *принципа автора*, который воспроизводит авторскую идентичность, так и от *принципа комментария*, заново открывающего первоначальный смысл.

Дисциплина, по Фуко, «определяется областью объектов, совокупностью методов и корпусом положений, которые признаются истинными, равно как и действием правил и определений, техник и инструментов: все это в целом составляет своего рода анонимную систему, которая находится в распоряжении тех, кто хочет или может ею воспользоваться…»[3]. «Дисциплина знания» диктует «определенный тип теоретического горизонта», позволяющего констру-

---

[1] В 1982 г. М. Фуко утверждал: «Я никогда не был фрейдистом, никогда не был марксистом и я никогда не был структуралистом». См.: *Фуко Мишель.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С.353.

[2] *Фуко Мишель.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С.69.

[3] Там же. С.65.

ировать новые высказывания в границах признаваемого «истинным» знания. «Правила дискуса», «дискурсивные ритуалы» (квалификация, коммуникативная позиция и т. п.), «дискурсивные сообщества» («закрытые пространства», обеспечивающие циркуляцию дискурсов), система образования (политический способ «поддержания или изменения форм присвоения дискурсов») – составляющие системы контроля[1].

Таким образом, *дисциплина* предстала не только как специфически европейская по происхождению структурная организованность познавательных теоретических практик, но и как универсальный конституирующий механизм культуры как таковой (ее археология и генеалогия), «надзирающий» и «наказывающий» механизм производства социальности.

Ф. Р. Анкерсмит, один из «классиков» постмодернизма», внесший свою лепту в «лингвистический вызов», именно под влиянием «ответа» на этот «вызов» (передний край европейской и американской науки 70-90-х гг. XX в.) делает новый решительный «поворот»: он переключает фокус исследовательского поиска от «языка» к «опыту», считая (вслед за Б. Спинозой), что это «переключение внимания» отражает «широкие изменения в современной культуре, которые можно было описать как движение от всеобъемлющих систем значения к значению, ограниченному конкретными ситуациями и событиями»[2]. «Опыт» – новая, ключевая, категория философа; с ее помощью можно «взорвать матрицу, в которую теория поместила значение». Ф. Р. Анкерсмит в отличие от своих предшественников – «объективистов», признающих реальность исторической действительности, занимает двойственную позицию: он против крайностей «лингводетерминизма», приведшего историописание к очередному витку агностицизма, но для него уже не существует реальность как *таковая* (хотя он употребляет это понятие и готов признать наличие реальности a priori). Пользуясь метафорой Р. Барта, он предпочитает говорить об «эффекте реальности», ее «конвенциональности», о «подражании» (обыгрывание тойнбианского «мимезиса») реальному как в искусстве, так и в историографии. Кризис историописания («тупик») он связывает с «дисциплинарными предписаниями», с «закреплением субъекта», наконец, с засильем «теории». «Теория», по Ф. Р. Анкерсмиту, это – метафора, олицетворяющая в широком смысле дисциплинарные предписания и ограничения, в том числе – в области языка, т. е. категориального аппарата – системы значений [«теория» в данной интерпретации напоминает «дисциплинарную матрицу» Т. Куна. – Т. П.], «Закрепление субъекта» происходит в результате «строгой регламентации исторического субъекта, его языка, используемых им теорий, академических институтов, в которых он

---

[1] См.: Там же. С.67-69.

[2] *Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007. С. С.19; *Спиноза Б.* Этика, доказанная в геометрическом порядке / Пер. с лат. Н. А. Иванцова // Спиноза Б. Избранные сочинения. Минск: «Попурри», 1999. С.399.

работает, и т. д.»[1]. По сути – это «образ» дисциплины. Выступая против «теории», Ф. Р. Анкерсмит понимает под ней прежде всего «лингводетерминизм» (шире – нарратологию): «на протяжении более тридцати лет теория оставалась наиболее эффективным средством закрепления субъекта». Он даже упрекает наиболее «честолюбивых из современных историков», которые «в надежде сказать что-нибудь новое стали приверженцами теории». Это напоминает бунт против вчерашних единомышленников. Но острие критики философа направлено на те «крайности» постмодернизма, которые, изъяли из сферы своих интересов, по мнению Ф. Р. Анкерсмита, более широкую – насущную для историографии – проблему взаимосвязи «исторической реальности» и «текста, написанного историком». В борьбе между «теорией» и «опытом» решающую роль Ф. Р. Анкерсмит отводит «субъекту»: современный «постструктуралистский мир», в котором «язык говорит человеком», а «субъект» – «Автор» – лишь «атрибут языка», должен уступить место новому миру, в котором произойдет взаимообразное «повторное открытие» – «опыта» и «субъекта»[2].

> ***Ремарка-мнение.*** Избрав «лингводетерминизм» в качестве оптимальной исторической теории, постмодернисты, выступая против «дисциплинаризации» (по сути – против предшествующих модернистских теорий), сами оказались приверженцами «жесткого» «прикрепления» познающего субъекта. Заслуга Ф. Р. Анкерсмита в том, что он одним из первых, преодолев «синдром корпоративности» («закрепление» членов научного сообщества), указал на явное противоречие в логике своих единомышленников-оппонентов. Однако, что предпринимает сам Ф. Р. Анкерсмит? – вместо «старой», он предлагает «новую теорию»: «соотношения языка и реальности в рамках историописания». Выступая против закрепления субъекта теориями, Ф. Р. Анкерсмит ориентирует на создание новой дисциплинарной практики исторического познания в рамках профессиональной науки, т. к. само понятие исторического опыта для него «имеет смысл лишь при наличии профессионального историописания». Его стратегическая линия – в предоставлении полной свободы познающему субъекту, который, будучи «профессионалом», должен ориентироваться на выработку собственного эпистемологического кредо[3].

Начиная с 1980-х гг. особое место занимают исследования П. Бурдье, составившие оппозицию постмодернистским подходам к анализу науки в целом.

---

[1] *Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 429.

[2] См.: *Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 20-21.

[3] См. подробнее: *Попова Т. Н.* Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С.210-235.

На исходе XX столетия П. Бурдье высказал мысль о том, что «…"постмодернистский" бред является последним аргументом, способным подорвать доверие к науке, и особенно, к социальной»[4]. Поставив вопрос об угрозе автономии науки, ученый предложил свой подход к анализу науки.

П. Бурдье – противник известной контраверзы интернализм/экстернализм, для него подлинная «наука о науке» может формироваться при условии решительного отказа от оппозиции между имманентным, или внутренним анализом (опирающимся на логику, в соответствии с которой наука порождает свои собственные проблемы), и внешним анализом, соотносящим ее проблемы с социальными условиями их возникновения.

Инновация П. Бурдье – *модель поля*: в соответствии с этой моделью наука выступает как специфическое место социального пространства, в котором происходит борьба за монополию на научную легитимность (легитимное производство «истины»). Для П. Бурдье понятие *научного поля* функционирует как «концептуальная стенография способа конструирования объекта», контролирующая все практические шаги исследования и выступающая «как памятка или напоминание», как место («игровое пространство») конкурентной борьбы внутри научного сообщества за монополию на научную компетенцию, за *научный капитал*, т. е. особый род *социального капитала*, основанный «на знании и признании» и обеспечивающий власть над конституирующими механизмами поля.

Научный капитал предстает и как специфический вид культурного капитала в его объективированной (оборудование, инструменты и т. п.) и инкорпорированной (знания, умения) формах. Научный авторитет, научная репутация, научный статус выступают как особые типы капитала, влияющие на механизмы универсализации и контроля внутри поля. Структура распределения капитала определяет структуру поля, т. е. отношения / соотношения между агентами – учеными, обладающими собственным *габитусом* – «системой диспозиций», благодаря которой соответствующим образом воспринимаются «события научного поля» и осуществляются действия согласно приобретенным схемам восприятия и оценки с опорой в качестве основания научных практик на «ремесло», профессиональные навыки при изучении проблем, выбор методов анализа и др.

Модель поля позволяет, по мнению П. Бурдье, видеть общие черты отдельных областей знания и использовать «общие наработки» в конкретном исследовании, избегая «эффекта гетто», которому подвержены конкретные специалисты-исследователи. Новый ракурс получает понятие *научного сообщества* – происходит, по сути, разрыв с его «примиренческим образом», вошедшим в традицию «научной агиографии»[5].

---

[4] *Бурдье П.* Наука о науке и рефлексивность // «Социологическое пространство Пьера Бурдье». URL: http: // bourdieu.name/content/nauka-o-nauke-i-refleksivnost

5 См.: *Бурдье П.* Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002; *Бурдьё П.* Поле науки (Sociologie et Sociétés. 7(1). 1975. p. 91-118). http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki ; *Бурдьё П.* Начала. Choses dites: Пер.

Категорию *научное поле* можно соотнести не только со всей наукой как автономной областью социокультурной сферы, но и с отдельной областью знания, с отдельной дисциплиной, экстраполируя идеи ученого на феномен дисциплинарности в целом. В частности, *символический капитал* как разновидность социального, связан с обладанием определённым авторитетом, репутацией: это – капитал признания, с одной стороны, «группой равных», с другой – «внешними инстанциями», это – престиж и имя. Научная репутация как всей дисциплины, так и отдельных ее представителей – важнейший маркер ее статуса в научном поле, который зависит от признания / мнения других дисциплинарных сообществ («групп равных»), и от позиции по отношению к данной дисциплине внешних структур – административных, политических, культурных и т.п.; обе «инстанции» (т. н. «внутренняя» и «внешняя») влияют на положение дисциплины в научном мире (престиж) и во многом детерминируют утверждение ее «имени».

Актуализация таких сторон изучения научных дисциплин как социокультурный контекст процессов дисциплинаризации, относительность автономности дисциплинарных полей, многофакторная обусловленность специфики развития отдельных дисциплин, взаимоотношения внутри дисциплинарных сообществ, механизмы дисциплинарности и др. значительно расширили диапазон исследовательской проблематики, сориентировали на новые возможности исследовательских подходов.

В 1990-х гг. мейнстрим в исследованиях дисциплинарности и социологии науки в целом составила идея Р. Уитли и М. Гиббонса о том, что со второй половины XX в. происходит реконфигурация производства научного знания: *знание, основанное на дисциплинарном делении, уступает место знанию, основанному на применении результатов,* что влечет за собой изменение организации науки – вместо дисциплинарных исследований, основой которых являлись университеты (в их рамках высокую автономию научного поля с их дисциплинарными границами поддерживали единицы административного управления – факультеты, кафедры, лаборатории), социальный заказ вызвал к жизни проблемно-ориентированные исследования, которые:

во-первых, изменили механизм внутренней экспертизы: критерии оценки производимого знания устанавливались теперь не представителями научного/дисциплинарного сообщества, а широким кругом агентов (заказчики, потребители, публичные эксперты),

во-вторых, производство нового знания осуществлялось в системе «трансдисциплинарной логики»,

---

с фр. / Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н. А. / М.: Socio-Logos, 1994; *Бурдье Пьер*. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005; *Бурдье П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I, № 2; *Маркова Ю. В.* Реферат книги Пьера Бурдье «Наука о науке и рефлексивность» // Социологическое обозрение Том 3. №1. 2003. С. 38-49. URL: http: //bourdieu.name/content/nauka-o-nauke-i-refleksivnost и др.

в-третьих, производители проблемно-ориентированного знания – проектные команды из представителей разных дисциплин, что минимизировало профессиональную иерархию.

Ремарка-мнение. Идеи о смене дисциплинарной организации науки проблемной организацией получили широчайшее распространение в восточноевропейском научном регионе, в частности у историографической элиты, что способствовало утверждению тезиса об «архаичности» феномена дисциплинарности и переключению внимания на передовые формы проблемно-ориентированных исследований, при этом «стойкое» сохранение дисциплинарного принципа в институциональных структурах (кафедрах, факультетах, академических отделах, периодике, номенклатуре специальностей ВАК и т. п.) по-прежнему имело место и не подвергалось сомнению.

В эти же годы в евроатлантическом научном поле сложилась и своеобразная оппозиция радикальному выводу о смене организационных основ науки – дисциплинарной на проблемно-ориентированную. Детальная разработка проблемы взаимодействия публичной, предпринимательской и академической деятельности привела к рождению т.н. модели «тройной спирали»: по аналогии с моделью ДНК происходит постоянное воспроизводство разных типов связей в социуме, в том числе дисциплинарных, которые отнюдь не растворяются в качественно иных типах организации, но *традиционные дисциплинарно-институциональные структуры приспосабливаются к меняющимся реалиям, т.е. дисциплинарное деление предстает как устойчивое и достаточно перспективное* [курсив мой. – Т. П.] [1].

Новые исследования о *дисциплинарных культурах* (Т. Бичер и др.), посвященные рассмотрению центров и механизмов структурирования научного поля, начали с заявки об *академических культурах*, бытие которых определяется главными университетами и ведущими профессионалами (1989)[2].

Затем, в ситуации радикальных изменений системы высшего образования, произошедших в 1990-е годы, был сделан вывод о том, что академическое пространство становится более диверсифицированным, обладающим множеством центров влияния. Среди факторов, действующих на современное высшее образование, были обозначены: *массовизация* – радикальное увели-

---

[1] См.: *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / Пер. с англ. Томск: Изд-во Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2010. См. подробнее: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.615-617.

[2] Эта тематика получила блестящие результаты в исследованиях В. П. Курзун (Омск), Н. Н. Алеврас (Челябинск), Т. Н. Ивановой (Чебоксары) и других представителей современной историографической элиты в России.

чение количества студентов, *маркетизация – экономизация* академического пространства, влияние спроса (запросов абитуриентов и студентов) на предложение (содержание учебных программ, прагматическую ориентированность программ и курсов), *глобализация* высшего образования – формирование согласованных образовательных стандартов.

Тем не менее, несмотря на радикальные изменения дисциплинарного ландшафта, основными центрами производства дисциплинарности по-прежнему признавались университеты (П. Траулер). Вместе с тем в качестве альтернативной категории, более созвучной изменениям, происходящим в системе высшего образования, была предложена категория «предмета» («subject»). Различие между категориями «дисциплинарность» и «предметность» означает различие между исследовательской деятельностью и преподаванием. Введение новой категории и ее противопоставление дисциплинарности объясняют общей тенденцией депрофессионализации «академиков», т. е. их превращение из производителей знаний – в потребителей и трансляторов в связи с усилением прагматической ориентированности высшего образования[1].

> ***Ремарка-info.*** Флагманами дисциплинаризации как процесса, связанного с формированием профессиональных групп, признаются американские университеты, т. к. европейские университеты развивались по иным сценариям: в них центральными фигурами долгое время были отдельные профессора, которые в значительной мере определяли траектории преподавания и исследований, а не «сообщества равных» (и взаимозаменяемых) специалистов, что было характерно для Америки. Только с середины XX в. европейские университеты в определенной степени начинают следовать американскому сценарию – профессиональному разделению труда и четкой специализации. Дисциплинарность американского университета, в частности, остается устойчивой благодаря способности дисциплин организовывать в единую структуру как исследования, так и индивидуальные карьеры, решать кадровые проблемы и вопросы базового образования (бакалаврат), на уровне которого сохраняются предметные специализации, предопределяющие необходимость дисциплинарного деления кафедр и факультетов.

Дисциплинарность – креатура университетской системы: дисциплинарное деление формируется и воспроизводится жестким организационным устройством не научного, но образовательного поля. Именно дисциплинарная форма организации способствовала тому, что высшее образование приобрело метанациональный и международный характер[2].

---

[1] См. подробнее: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.618-621.

[2] См.: *Кларк Б. Р.* Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе [1986] / Пер. с англ. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ,

Исследования ученых евроатлантического научного поля последних десятилетий XX в. способствовали факту *проблематизации дисциплинарности* – превращению дисциплины и дисциплинарности «из данности в предмет исследования»[1] .

* * *

Опыт дисциплинарных исследований в науковедческой сфере советских ученых на протяжении 1960-1980-х гг. позволяет суммировать основные итоговые суждения авторов (включая классиков западной философии, социологии и истории науки, работы которых вошли в историографический массив советского *дисциплиноведения*[2]) и трансформировать их в хрестоматийный образ научной дисциплины и феномена дисциплинарности (в предельно лапидарном изложении, ориентируясь на восприятие материала в первую очередь историками исторической науки)[3].

Наука как сложившаяся автономная сфера социума часто отождествляется с институционально признанной научной дисциплиной, либо дисциплинарный уровень научного знания связывается с институционализацией в первую очередь в системе образования, с сохранением и передачей научных традиций, с научной профессией. Ведущим параметром в процессе осмысления понятия

2011; *Эш М.* Бакалавр чего, магистр кого? «Гумбольдтовский миф» и исторические трансформации высшего образования в немецкоязычной Европе и США / Пер. с англ. Александра Маркова // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 13–28; Наука по-американски: Очерки истории / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014 и др.

[1] Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 616.

[2] См.: Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980; *Прайс Д.* Система научных публикаций // Успехи физических наук. 1966. Т.90. № 2 и др.

[3] См.: *Кедров Б. М.* О дисциплинарности в свете общей структуры развивающегося научного знания // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 3; *Он же.* Классификация наук. В 3 книгах. Кн.1. М.: Издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961; Кн. 2. М.: Мысль, 1965; Кн.3. М.: Мысль, 1985; *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980; *Садовский В. Н.* Модели научного знания и их философские интерпретации // Вопросы философии, 1983. № 6; *Ильин В. В.* Понятие науки: содержание и границы // Вопросы философии. 1983. № 3; *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). М.: Наука, 1987; Наука и культура / Отв. ред. В. Ж. Келле. М.: Наука, 1984; *Сычева Л. С.* Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск: Наука, 1984; *Юдин Б. Г.* Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986; Дисциплинарность и взаимодействие наук. / Отв. ред. Б. М. Кедров и Б. Г. Юдин. М.: Наука, 1986; *Мамчур Е. А.* Проблемы социокультурной детерминации научного знания: к дискуссиям о современной постпозитивиистской философии науки / Отв. ред.: Ю. В. Сачкова; АН СССР, Ин-т философии. М.: Наука, 1987; *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988; *Петров М. К.* Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004 и др.

«научная дисциплина» со второй половине XX в. выступает преимущественно организационный аспект. С позиций структурно-генетического подхода научную дисциплину сопоставляют с определенным уровнем в развитии организационной структуры науки или с конкретно-исторической формой ее организации. В этом случае «наука» может рассматриваться как родовое понятие, а «область знания», «научная дисциплина» и др. – как видовые понятия, отражающие различную степень зрелости в развитии науки и ее организационных формах. С точки зрения структурно-функционального подхода дисциплинарность рассматривается как общая организационная структура науки либо как элемент общей организации научного знания, функционирование которой обеспечивается ресурсами внешнего порядка, а также внутренним регулированием процессов сохранения и воспроизводства ее целостных характеристик.

Формирование научных дисциплин – процесс «естественноисторический»: научная дисциплина складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера. Поскольку каждая дисциплина как сложная система обладает «специальными механизмами самоорганизации», постольку «персональный маршрут» отдельно взятой научной дисциплины имеет свой неповторимый облик: дисциплины имеют достаточно пространную типологию своего развития, разнятся по многим параметрам, включая «механизмы их порождения».

Акцентируя внимание на специфике «жизни» научных дисциплин, практически все исследователи науки выделяют общие признаки дисциплинарного развития научных знаний, подчеркивая «эффективность» научной дисциплины как формы организации познавательной деятельности и одновременно как оптимальной аналитической единицы с определенным параметрическим универсализмом, позволяющим использовать эту структуру в разнообразных исследованиях в области философии, социологии, истории науки и проч. Реальная практика научной деятельности подтверждает тот факт, что иные формы науки – исследовательская область, научное направление, научная специальность и т.п. часто рассматриваются как фазы в процессе «дисциплинаризации», а их изучение основывается на соотнесении этих «фаз» в развитии научного знания и его институциональных форм с «исходной аналитической единицей» – научной дисциплиной – как наиболее инвариантной для исследования различных аспектов науки с применением разнообразных методик. Выделение научной дисциплины в качестве аналитической единицы отражает и самосознание науки, поскольку в представлении самих ученых дисциплинарная оформленность сферы их непосредственных интересов выступает как идеал, утвержденный традициями образец направления исследований.

При наличии в литературе различных вариантов в определении параметров научной дисциплины можно выявить общие подходы к формированию *дисциплинарного образа науки*:

- дисциплинарная структура науки скрепляется предметным и методологическим единством в исследовании определенной области или определенного аспекта реальности;
- по дисциплинарному принципу в основном происходит организация научных учреждений, осуществляется подготовка кадров, строится система образования, формируется коммуникационная система (происходит отбор рукописей для научных журналов, проводятся научные конференции и симпозиумы и т. п.);
- многие взаимосвязи между наукой и обществом осуществляются именно на дисциплинарном уровне;
- по принадлежности к той или иной научной дисциплине, как правило, происходит идентификация представителей ученого цеха;
- научное сообщество в целом расчленяется по дисциплинарным признакам: подобный подход продолжает оставаться общепринятым и в статистике научных кадров, и в изучении науки.

Вне зависимости от отраслевой специфики параметры научной дисциплины чаще всего группируют в три блока:

1) единство дисциплинарного знания и способов действия с ним;
2) общее содержание специальной подготовки исследователей;
3) единый набор средств дисциплинарной коммуникации и институтов, регулирующих функционированием дисциплины.

Эти блоки признаков научной дисциплины соответствуют трем сторонам («ипостасям») науки вообще – *когнитивной*, *дидактической, коммуникационной* – и в то же время обеспечивают индивидуальность каждой дисциплины как исторического и предметного образования, отражая два главных аспекта ее «жизнедеятельности»: когнитивный – как системы знания и социальный – как социального института.

Изучая процессы образования новых – интегральных – дисциплин на основе сложных переплетений когниосоциальных результатов дифференциации и интеграции научного знания (естественного, общественного, гуманитарного, технического, антропологического и проч.), ученые выделяют их конкретные этапы:

1) возникновение научного движения, которое складывается вокруг определенной совокупности глобальных проблем;
2) формирование устойчивого интереса (в рамках научного сообщества и общества в целом) к данной проблематике: превращение проблемы в актуальную – предмет исследования;
3) содержательное и организационное оформление данной сферы знаний на базе расширения научного движения

В результате этих процессов:

- вырабатывается некоторая связная совокупность исходных представлений (идеализаций);

- формируется массив / «эшелоны» публикаций (статьи, обзоры, монографии, учебники);
- возникают исследовательские подразделения: лаборатории, отделы, институты;
- создается сеть каналов коммуникации: профессиональные журналы, специализированные научные общества, симпозиумы и конференции;
- складывается система подготовки кадров специалистов в данной области;
- возникает устойчивая сфера потребностей результатов исследований и создаются институционализированные каналы их практической реализации.

Притом что дисциплинарная структура науки подлежит «естественной трансформации» – происходит «перестройка» взаимоотношений между дисциплинами: «умирают» одни и появляются новые, – сам тип дисциплинарной организации научной деятельности продолжает сохраняться, что обеспечивает ее системную стабильность и воспроизводство всех компонентов науки[1].

[1] О понятии *Дисциплина* см.: Часть V. Глоссарий.

О старых идеях и новых подходах

...люди прошедших эпох вовсе не капсулированы в своем времени:
их высказывания почти всегда содержат в себе ответ
не только на уникальное содержание
конкретных социально-практических задач,
но и на повторяющуюся структурность общественных ситуаций.
Э. Ю. Соловьев[1]

«Апофеоз» дисциплинарности (уже в период складывания хрестоматийного образа этого феномена в литературе преимущественно 1950-1980-х гг.) не исключил определенных сомнений в адекватности этих построений реальной научной практике и в признании оптимальности именно данного типа организационного устройства научной деятельности. Вопросы, которые волновали ученых, и не только науковедов[2], фокусировались на проблемах о возможности творчества в границах дисциплины, о соотношении науки как таковой и дисциплины, о критериях дисциплинарности, о дисциплинарных и проблемных исследованиях, о взаимосвязи дисциплинарности и междисциплинарности и проч. Кроме того, к рубежу XX – XXI вв. различные классификации научных дисциплин предлагали в качестве полярных границ их количественного определения – от полутора до десяти-пятнадцати тысяч наименований, что свидетельствовало об отсутствии единых общепризнанных критериев в определении «научной дисциплины», несмотря на сложившуюся уже «историю» этого вопроса. Наличие многомерной картины национально-региональных «дисциплинарных миров» с их традициями, спецификой генезиза и институционализации, наименований и проч. ориентировали на углубление рефлексивной составляющей дисциплинарных исследований.

Ремарка-тезис: Одной из закономерностей интеллектуального обновления является «пересмотр» интеллектуального наследства. Этот «пересмотр» обычно получает целенаправленное действие в условиях «перелома» – кризисных периодов в социуме и интеллектуальной сфере в целом, включая историографию. Однако этот «пересмотр» (как сфера реализации критической функции историографии), во-первых, всегда имеет избирательный характер (т. е. осуществляется не «сплошным» методом, а по схеме «выборочных» методик, детерминируемых «социальным заказом» / без примитивизации понимания этой формулы/); во-вторых, чаще всего, его исходным концептом является идея «линейности» и

[1] *Соловьев Э. Ю.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С.4.

[2] Этот термин «покрывает» специалистов разных дисциплин, объектом которых выступает наука/научное познание/научная деятельность.

«прогрессизма» (даже если этот факт не осознается или опровергается): прошлое – всегда «устаревшее» по сравнению с настоящим и «ниже» по своему интеллектуальному потенциалу. Этот концепт порождает изначальную «заданность» критического анализа: акцентуализация нового, «революционного» шага вперед, нового уровня интеллектуального сообщества, обычно сопровождается определенной редукцией (подчас, искажением) прошлого интеллектуального опыта. И именно этот редуцированный образ «прошлого опыта» (и одновременно – образ «опыта прошлого») становится объектом критики, ибо только на таком фоне можно говорить о «радикальной новизне» инноваций очередной стадиальности. В то же время, изучение истории науки, так же как и самой истории, имеет далеко не четкую конфигурацию, которую обычно репрезентуют различные теории развития науки (кумулятивизм, научные революции, кейс стадис и проч.). Закономерное «забвение» приводит на новой стадии интеллектуального процесса к «возрождению» прежних идей, которые предстают подчас как «инновации», порождаемые проблемой идентичности и ностальгическим восприятием прошлого.

1990-е - начало 2000-х гг. в восточноевропейском социогуманитарном научном мире – период активного приобщения к исследовательскому опыту евроатлантического наследия и одновременно сохранения (на генетическом уровне и не только!) собственных традиций в осмыслении феномена дисциплинарности. Пожалуй, можно условно выделить два вектора в подходах к оценкам дисциплинарности, которые определили дальнейшую стратегию осмысления этого феномена в «постсоветском» научном поле и далее, в 2000-е годы.

Первый вектор ориентирован на восприятие дисциплинарности в негативном ключе, что было связано с постепенно распространявшимся тезисом об архаичности дисциплинарной организации науки и замене ее новой формой –проблемной организацией. В основе подходов, представленных первым вектором:

во-первых, образ дисциплины как аналога теории, который стал подвергаться критике в условиях утверждения плюралистической методологии и акцентирования организационных аспектов в интерпретации научной дисциплины,

во-вторых, образ дисциплины как алгоритмизированного явления,

в-третьих, образ дисциплины как антипода творческого научного исследования.

Эти подходы, при всем на первый взгляд различии исходных тезисных установок, содержательно достаточно близки, что позволяет составить совокупный концептуальный образ т.н. «негативизированной дисциплины»[1].

1 Предложенные ниже интерпретации двух концептуальных подходов – *культурологического и деятельностного* – к феномену дисциплинарности наиболее выпукло отражают позиции молодых ученых начала 1990-х гг. – репрезентантов выделенных векторов.

Структура современной институционализированной науки, согласно этому образу, включает собственно *исследовательский край*, творческий по определению, и *дисциплинарный край*, в котором осуществляется деятельность по систематизации результатов исследовательского творчества, реинтеграции знания, произведенного на переднем крае науки, и его утилизации[1]. Если исследовательский край предполагает разделение наук по предмету, то в дисциплинарно организованной науке происходит адаптация знания для «получателя», т. е. «по запросу» определенной потребительской сферы социума.

В системе образования научная дисциплина предстает как компендиум аподиктически изложенных готовых истин: в *учебную дисциплину* включается «отсепарированное», заведомо «достоверное» знание, и препарированные таким образом дисциплины превращаются в дискретные образования, преподавание которых осуществляется крайне автономно. Поскольку знание, посредством которого современник подключается к «телу культуры», это по преимуществу дисциплинарное знание, то язык учебников, единственный, которым овладевают все члены общества, становится «универсальной когнитивной скрепой»[2].

Сам факт появления современной дисциплинарной науки связан с чисто социумными задачами утилизации готового знания – этим определяется ее специфика: когнитивная институционализация дополняется социальной, включающей в себя структуры, регламентирующие все сферы познавательной деятельности. Фактически с истоков формирования университетской системы в ее основание были заложены диаметрально противоположные принципы: с одной стороны, – поиск истины, с другой – регламентирующе-дисциплинирующая ориентация на социализацию индивидов. Процесс институционализации науки в этом плане выступает как формализация процесса познания, а дисциплинарная наука превращается в оптимальный механизм для воспроизводства *индивида-персонификатора* формализованного, алгоритмизированного знания: творческое, теоретическое мышление становится в этой системе излишним, задача овладения культурой мышления фактически снимается, происходит разрыв между творческим процессом и результатами познания.

Таким образом, собственно *дисциплинарная наука / научная дисциплина* – это результат, полученный на переднем крае науки (исследовательском) и оформленный в соответствии с существующими стандартами для передачи в иные сферы, в которых полностью элиминирован научный поиск и существует т. н. «готовое знание». Все это приводит к кому, что *дисциплинарный край* легко превращается в систему, интегрирующим факторам которого стано-

---

[1] См.: *Панкратова Е. А.* Генезис современной дисциплинарной науки (культурно-исторический анализ): Автореф. дис… канд. философ. наук. Алма-Ата, 1992.

[2] См.: *Петров М. К.* Когнитивно-лингвистические аспекты дисциплинарной организации научной деятельности // Дисциплинарность и взаимодействие наук. / Отв. ред. Б. М. Кедров и Б. Г. Юдин. М.: Наука, 1986. С.160.

вится идеология: происходит превращение знания в своеобразный идеологически-когнитивный комплекс.

Дисциплинарная организация науки облегчает процесс контроля над научной практикой: наука из сферы свободного творчества превращается в четко организованный и регламентированный социальный механизм с собственной системой стереотипизации познавательных действий, упрощенного – алгоритмизированного – подхода к решению проблем. В этом контексте весьма хрестоматийно прочным, издавна утвердившимся в литературе тезисом, остается тезис о том, что *наука* и *дисциплина* – это разные понятия. Для науки характерно творчество как непременный элемент познавательной / исследовательской деятельности, для дисциплины – догматическая повторяемость общепризнанных стандартов научной практики[1].

Ремарка-мнения. Вопрос о «дисциплинарном творчестве» был и остается в дискуссионной плоскости. М. К. Петров, в частности, был убежден в том, что дисциплинарность «не знает и не приемлет привычного для интерьеров профессиональной деятельности факультативного статуса новаторства, когда новатором можно быть или не быть, оставаясь в любом случае профессионалом», и одновременно он признавал возможность творчества при дисциплинарной организации науки (в соответствии с его гипотезой «дисциплинарного происхождения науки»): творчество – существует, но способность к нему формируется в силу случайных неповторимых обстоятельств на уровне «*индивидуальных историй*». В соответствии с «концептом тезаурусной динамики» движение научных идей происходит от переднего края науки, который С. С. Неретина вслед за М. К. Петровым соотносит с научными дисциплинами[2]. Для Э. М. Мирского и Б. Г. Юдина существует не моделируемый, не объективируемый, «*спонтанный механизм самоорганизации дисциплины*», который хоть и не осознается исследователями, но по существу является источником творчества. Для Т. Куна *парадигмы* – нормы и инварианты научной деятельности – работают только в экстенсивном режиме, некумулятивные / революционные скачки, в результате которых появляются новые парадигмы, – это следствие ничем не объяснимой интуиции. Если научное творчество в границах дисциплины – это фактор ее самоорганизации, который осуществляется на уровне «индивидуальных историй», т. е. субъектов познавательной деятельности – представителей научного сообщества – в результате инсайта или самоорганизующего свойства, имманентного научной дисциплине, то весьма мрачная картина дисци-

[1] См.: *Панкратова Е. А.* Генезис современной дисциплинарной науки (культурно-исторический анализ): Автореф. дис… канд. философ. наук. Алма-Ата, 1992.

[2] См.: *Неретина С. С.* Творчество как сущность (О концепции культуры М. К. Петрова) // Петров М. К. Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.16.

плинарной системы образования механизмов «утилизации знания» в результате функционирования всей системы дисциплинарной науки, изложенная выше, отнюдь не способствует формированию индивида-творца.

При каких же условиях все-таки возможна трансформация индивида-персонификатора, продукта алгоритминизированного знания / сознания, лишенного субъектно-индивидуальных характеристик и потому становящегося удобным средством для манипулирования отчужденными от него анонимными социумными структурами, в индивида-творца? С позиций идеи о *культурно-исторической целостности* как единицы измерения истории, точкой центрирования которой является индивид с определенным типом мироотношения и уровнем самодетерминации / самоидентификации, выделяются типы этой «целостности»: ценностный тип ориентации (в Античности – синкретически-эстетическая, в Средневековье – религиозно-этическая) и утилитаризм как приоритетная ориентация Нового времени. Каждый из типов имеет свою собственную схему порождений свободы, свой собственный схематизм формирования индивида в результате процессов взаимодействия различных детерминаций, итогом чего возникает («вспыхивает») определенная само-детерминация, радикально меняющая мироотношение и открывающая тем самим новые горизонты творчеству. Культурно-исторический процесс в этом плане рассматривается как процесс обретения человеком подлинной субъектности – процесс превращения творческого мироотношения в доминанту общественного развития. Переход к новому типу культурно-исторической целостности связывается с преодолением социумоцентризма – нововременного артефакта, разновидности мировоззрения, в основе которого надличностная над-индивидуальная дисциплинизирующая система подавления личностной свободы, типа мироотношения, которому обязана своим происхождением современная дисциплинарная наука[1].

Ремарка-info. В современную эпоху кибернетической революции распространять понятие *алгоритмизации* как всеобъемлюще-негативное на все сферы социума вряд ли уместно; как раздел информатики, исследовательская операция, метод/форма обучения и др. алгоритмизация прочно вошла в исследовательскую и дидактическую практику. Алгоритм как совокупность предписаний рассматривается более широко – как отражающий законы мышления, поэтому противопоставление алгоритмического и эвристического подходов к решению любых задач в принципе признается неправомерным/некорректным. Алгоритм на уровне *подхода* определяет порядок следования дискретных единиц деятельности, которая

[1] См.: *Панкратова Е. А.* Генезис современной дисциплинарной науки (культурно-исторический анализ): Автореф. дис… канд. философ. наук. Алма-Ата, 1992. Попытка культурологического обоснования преодоления дисциплинарно алгоритмизированного мышления, безусловно, интересная многими точными наблюдениями, тем не менее не представила оптимальной модели, способной заменить «дисциплинарную науку».

всегда имеет личностный характер, не допускающий категорической точности рекомендаций. Если определять эвристику как науку о продуктивном мышлении, о закономерностях организации процессов творческого мышления[1], то его структура, тем более – в его предельном варианте – как научного мышления, достаточно четко алгоритмизирована. Центральным элементом творчества признается понятие «озарение» (insight / inside), что связано с нахождением нового, оригинального решения проблемы. Исследовательское поле эвристики как раз включает вопросы организации творческой деятельности, выработку методов, приемов и правил, лежащих в основе творческого процесса. Деятельностное наполнение каждого шага этого алгоритма является исключительно индивидуально-личностным, творческим процессом, не допускающим конкретных предписаний и потому соответствующим устоявшимся представлениям об эвристике. Эвристичность непротиворечиво сочетается с системно алгоритмическим характером продуктивного мышления и, соответственно, с любой осознанной деятельностью, основанной на мышлении[2].

Второй вектор связан с поисками образа дисциплины как оптимальной модели науковедческих исследований, с выявлением дисциплинарных возможностей развития науки. Среди предлагаемых подходов к моделированию дисциплинарности на рубеже 1980-1990-х гг. стал «деятельностный подход» как творческое развитие идей советского науковедения, так и наследия западной науки[3]. Согласно этому подходу, поиск основной структурно-генетической единицы науки среди всех науковедческих единиц (наука, движение, дисциплина, специальность, направление, школа, невидимый колледж и т. д., имеющих достаточно неопределенный концептуальный статус), которая могла бы фигурировать не только в качестве методической единицы анализа, но и науки «самой по себе», и ее «понятийное оформление» – необходимая предпосылка дальнейших науковедческих исследований.

Принимая за исходную аксиому дефиницию научной дисциплины, предложенную Б. Г. Юдиным (*научная дисциплина* – многоаспектная единица, обладающая основными свойствами науки в целом: форма совместной деятельности научных работников, форма проведения исследований, форма упорядочивания, организации уже полученных знаний, форма сотрудничества и коммуникации ученых, форма подготовки научных кадров), А. А. Пископпель согласен с тем, что данная совокупность признаков характеризует пре-

---

[1] См.: Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. С.551.

[2] См.: *Фролов А. А., Фролова Ю. Н.* Алгоритмизированный подход к проблемному обучению осознанной деятельности // Образование и наука. 2008. № 8 (56). С.97; *Моисеев В. Б.* Информационные технологии в системе высшего образования: Монография. Пенза: Изд-во Пенз. технол. ин-та, 2002 и др.

[3] См.: *Пископпель А. А.* Наука, деятельность, дисциплинарность // Философские науки. 1990. № 6. С.18-26.

жде всего типичную структуру *научных дисциплин*, обособившихся в процессе дифференциации фундаментальных наук. В то же время эти признаки, образующие в рамках научных дисциплин некоторое единство, появляются задолго до оформления самих научных дисциплин: в процессах внутри- и междисциплинарного взаимодействия они транслируются в более мелкие ее подразделениям – научные области и специальности.

Этот факт заставил Б. М. Кедрова предложить основополагающую составляющую науки, обладающую функциональной структурой, изоморфной структуре научной дисциплины, – «научную ячейку». Поскольку одна из основных особенностей развития современного научного знания состоит, по его мнению, в том, что «функция ячейки» последовательно переходит от более широких по объему элементов ко все более узким, постольку совокупность признаков такой «ячейки» и характеризует то, что обычно понимается под дисциплинарностью науки / научного знания[1]. Эмпирические исследования конкретных научных дисциплин, важные для изучения отдельных областей научного знания, обычно опираются на *различные образы научной дисциплины*, что не позволяет осуществлять сравнительный историко-научный анализ, вырабатывать унифицированные классификации.

Тем не менее накопленный опыт демонстрирует, с одной стороны, ограниченные возможности для сопоставления существующих образов научной дисциплины, а с другой – наличие в каждом из них рационального зерна. В такой ситуации общезначимость представления о дисциплинарности имеет интенциональный характер и выражается преимущественно в направленности на определенное, интуитивно общее эмпирическое содержание, которое на феноменологическом уровне фиксируется совокупностью атрибутивных свойств, присущих типичной научной дисциплине[2].

Преодолеть разрыв между *научностью как содержанием дисциплины* и *дисциплинарностью как ее формой* можно на пути восприятия научной дисциплины как *целостного образования*, включающего механизмы сохранения внутреннего единства дисциплины в тесном взаимодействии с внешним окружением.

Объединив идеи, высказанные в литературе о природе *деятельности*[3],

---

[1] См.: *Юдин Б. Г.* Методологический анализ как направление изучения науки. М: Наука 1986. С. 213; *Кедров Б. М.* О дисциплинарности в свете общей структуры развивающегося научного знания // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 3. С. 20; *Пископпель А. А.* Наука, деятельность, дисциплинарность // Философские науки. 1990. № 6. С.18-26.

[2] См.: *Ильин В. В.* Понятие науки: содержание и границы // Вопросы философии. 1983. № 3. С. 48.

[3] См.: *Щедровицкий Г. П.* Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании: Теория и методология: Сборник статей. М.: Стройиздат, 1975; *Сагатовский В. Н.* Деятельность как философская категория // Философские науки. 1978. № 2; *Маргулис А. В.* Категория деятельности человека // Философские науки. 1975. № 2. С. 43; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978; *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981 и др.

А. А. Пископпель предложил рассматривать научные дисциплины в качестве определенной сферы социально-значимой деятельности, при этом целостность дисциплин, означающая производство и воспроизводство в них особенных форм научной деятельности и обладающая относительной самодостаточностью, традиционно выражается понятием «организация», которая выступает «непременным условием сохранения целостности, полноты и смысла деятельности, условием ее предметной продуктивности»[1].

> ***Ремарка-info.*** *Деятельностный подход* стал активно разрабатываться в советской науке в 1970–1980-х гг. в трудах В. А. Лекторского, М. К. Мамардашвили, В. С. Швырева, Г. П. Щедровицкого, Э. Г. Юдина, которые стремились к созданию единой теории деятельности в рамках марксистской парадигмы[2]. В настоящее время ставится задача переосмысления деятельностного подхода в русле теорий коммуникации[3], при этом признается возможность создания различных вариантов *деятельностной теории*, в том числе и применительно к историческому познанию[4]. Э. Гидденс, например, в своей теории структурации рассматривает социальную деятельность как постоянно воспроизводящиеся, постоянно повторяющиеся практики: «Предметом социальных наук, в соответствии с теорией структурации, является не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социентальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени»[5].

В отношении такой структурно-генетической единицы, как научная дисциплина, речь идет о *научно-дисциплинарной деятельности и ее организации*, а *дисциплинарность* рассматривается как синоним *дисциплинарной организации научной деятельности.*

---

[1] *Генисаретский О. И.* Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании: теория и методология. М.*:* Стройиздат, 1975; *Пископпель А. А.* Наука, деятельность, дисциплинарность // Философские науки. 1990. № 6. С.18-26.

[2] См.: *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980; *Мамардашвили М. К.* Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. М.: Изд-во: «Языки славянской культуры», 1996; *Швырев В. С.* Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984; *Он же.* Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988; *Щедровицкий Г. П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики, 1995; *Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

[3] *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС,, 2001. С. 76–87.

[4] См.: *Девятко И. Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: «Аванти плюс», 2003. С. 87–100; *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю. Г. Волков М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004. С.12.

[5] *Гидденс Э.* Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас / Перевод и вступит. статья А. В. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. С.41.

Дисциплинарность / дисциплинарная организация научной деятельности может быть представлена как структура софункционирования четырех ее основных подсистем («парциальных форм»):

- *исследования* (производства и воспроизводства специализированных духовных, когнитивных значений—знаний);
- *трансляции* (тиражирования и распространения духовных значений и производства материальных условий научно-дисциплинарной деятельности);
- *кооперировании* (производства и воспроизводства форм научно-дисциплинарного общения, коллективных субъектов исследовательской деятельности);
- *профессионализации* (производства и воспроизводства профессионалов, членов научно-дисциплинарного сообщества),

  имеющих в свою очередь трехуровневое строение:

  – *метадисциплинарное*;

  – *эндодисциплинарное*;

  – *протодисциплинарное*.

Организационный смысл этих уровней в том, что метадисциплинарная деятельность (воспроизводящая) выступает как *образец* парадигмальной структуры эндодисциплинарной (производящей) деятельности – «ядра» дисциплины, оформляющего и выражающего ее внутреннее содержание; протодисциплинарный уровень – это область ассимилируемых научной дисциплиной явлений – объектов изучения. Ассимилятивно-диссимилятивные отношения между эндодисциплинарной и протодисциплинарной областями и организационно-управленческие отношения между первой из них и метадисциплинарной областью – основные внутренние отношения научной дисциплины; каждая из этих областей/уровней в соответствующей из подсистем дисциплинарной организации научной деятельности проявляет себя по-разному:

1. *Подсистема исследования* – «базальная» подсистема научной дисциплины, с которой связано производство знаний и в которой наука предстает в конкретной «области научного исследования»; по отношению к ней остальные «парциальные» процессы выступают в качестве основных организационных условий ее функционирования и развития. *Протоуровень* представлен здесь специфической *областью явлений, изучаемых дисциплиной*; *эндодисциплинарный – видами исследований* (теоретические/экспериментальными/эмпирическими); *мета-уровень – методологической деятельностью – метапредметом,* обеспечивающим воспроизведение и нормализацию научно-дисциплинарной деятельности на основе выработанных в истории науки культурно-нормативных (парадигмальных) средств – этоса науки (исторически конкретной, сложно дифференцированной системы взаимосвязанных нормативных установлений разной степени общности и раз-

личного уровня[1]), который, наряду с общенаучными стандартами научной деятельности и специфическими для каждой дисциплины нормативными установлениями, выступает как *научно-дисциплинарный этос.*

2. *Подсистема трансляции* нацелена на сохранение культурно-значимого продукта научно-исследовательской деятельности: совокупность произведенного дисциплинарного знания в рамках этой подсистемы приобретает характер научной информации и в этом качестве становится доступной разным поколениям исследователей и всем членам научно-дисциплинарного сообщества. *Протоуровень* этой подсистемы – это прежде всего публикационный архив дисциплины (объективированная форма существования современного научного знания), над которым надстраивается научно-информационная – *эндодисциплинарная* – деятельность (своеобразное «ядро» подсистемы «трансляции»): это – поиск, сбор, хранение, воспроизведение, размножение, предоставление научной информации. «Эшелонированная система» публикаций (статьи, обзоры, монографии, учебники и т.п.) выступает как форма аккумуляции и систематизации дисциплинарной информации, обеспечивая подключение к ней членов научного сообщества, начиная с тех, кто находится на переднем крае исследований, и кончая дисциплинарным резервом. Регулирование и этого вида научно-дисциплинарной деятельности – прерогатива научно-информационной политики, которую осуществляет *метадисциплинарная* деятельность, свойственная подсистеме «трансляции»: это – редакционно-издательская политика, определяющая порядок формирования публикационных эшелонов. Соответствующие парадигмальные средства (начиная от правил оформления рукописей и кончая составлением «банков данных») входят в «информационный блок» научно-дисциплинарного этоса.

3. *Подсистема «кооперации»* призвана обеспечивать непрерывную преемственность и сохранение (воспроизводство) коллективных (интегративных) «субъектов» научно-дисциплинарной деятельности разной степени общности, несмотря на постоянное обновление их состава. *Протоуровень* этой подсистемы – *научно-дисциплинарное сообщество*, члены которого ассимилируются научно-управленческой деятельностью в целях их рационального объединения в научные коллективы (на основе социально организационных отношений институционального и формально-организационного характера: кратковременных – совещания, конференции, съезды и т. п. и долговременных – сплоченные группы, невидимые колледжи, ассоциации и т. п.) с помощью общественно выработанных и культурно-значимых форм и способов распределения и закрепления совместной деятельности. Основное средство и способ объединения членов дисциплинарного сообщества на всех его уровнях – механизм научной коммуникации, в связи с чем на-

[1] См.: *Мотрошилова Н. В.* Нормы науки и ориентации ученого // Идеалы и нормы научного познания / В. С. Степин, А. П. Огурцов, Н. В. Мотрошилова и др.; Ред.-сост. В. С. Степин. Минск: Изд-во БГУ, 1981. С. 107.

учно-организационная деятельность направлена прежде всего на создание, оформление и поддержание каналов коммуникации. Взаимоотношения между членами научных объединений поддерживаются и регулируются на основе соответствующих культурных, в том числе этических, норм и требований, входящих в состав «социально-организационного блока» *научно-дисциплинарного этоса*, поэтому *метадисциплинарная* деятельность, направленная в качестве социально-организационного порядка на содержание этого блока как на свойственную ей предметность, призвана рефлексивно выявлять и организационно закреплять институциональное содержание различных форм профессионального сотрудничества.

4. *Подсистема «профессионализации»* в свою очередь ответственна за постоянное пополнение, обновление и рост числа членов научно-дисциплинарного сообщества. *Протоуровень* представлен здесь ареалом профессионального резерва дисциплины, контингент которого включает студентов высших учебных заведений и специалистов, повышающих квалификацию или проходящих переподготовку. *Эндодисциплинарная* деятельность в этой подсистеме имеет научно-педагогический характер и формирует (производит) специалистов, членов сообщества, путем организации усвоения «резервистами» профессиональной культуры и опыта, установления и присвоения им определенной квалификации. Такое усвоение предполагает широкое разнообразие форм и способов профессионализации (учение, обучение, самообучение и т. п.) применительно к разным контингентам дисциплинарного резерва. Научно-педагогическая деятельность воспроизводится на основе культурных образцов, входящих в состав «учебно-дисциплинарного блока» научно-дисциплинарного этоса. *Метадисциплинарная* деятельность, образующая учебный предмет дисциплины, направлена на определение целей профессиональной подготовки, создание программ обучения, учебных пособий и т. п.: на ней лежит задача адаптации психолого-педагогических теорий учения и обучения к целям и нуждам дисциплинарной специализации.

Дисциплинарность современной науки, заключает А. А. Пископпель, рождалась в процессе присвоения и освоения ею конкретно-исторического опыта развития смежных с нею универсальных сфер общественной жизни – сферы образования, социального управления и т. п., одновременно одним из результатов этого взаимодействия науки с другими сферами деятельности явилось распространение на них дисциплинарной организации, становление идеала «неклассической» дисциплинарности[1].

В научной и дидактической литературе новой эпохи была предложена следующая концепция дисциплинарности.

С каждым новым этапом развития научного познания усложнялась его организация и усиливалась дифференцированность знания. К настоящему

[1] См.: *Пископпель А. А*. Наука, деятельность, дисциплинарность // Философские науки. 1990. № 6. С.18-26.

времени сформировалась дисциплинарная организация науки, представленная четырьмя основными блоками научных дисциплин – математикой, естествознанием, техническими и гуманитарными науками. Возникла развитая система дисциплин со сложными интегративными связями между ними, которые стали оказывать воздействие на ранее сложившиеся науки. Каждая из научных дисциплин имеет свою внутреннюю дифференциацию и свои основания – свойственную ей картину исследуемой реальности, специфику идеалов и норм исследования и характерные для неё философско-мировоззренческие основания. Для всех развитых дисциплинах характерны два уровня исследования – теоретическое и эмпирическое – со специфическими для каждого уровня методами и формами знания. Основными формами теоретического уровня знаний в современной науке выступает научная теория и научная картина мира; эмпирического уровня – данные наблюдения и научный факт. Наряду с этим, взаимодействие наук формирует междисциплинарные и проблемно ориентированные исследования, удельный вес которых возрастает по мере развития науки. Таким образом, новое знание в современной науке является результатом как внутридисциплинарных, так и междисциплинарных взаимодействий[1].

В последующие годы шел процесс эмпирических исследований конкретных научных дисциплин, чаще всего опиравшихся на классиков советского науковедения, что не исключало обращения к наследию западных ученых и к работам современных авторов[2]. Однако многие серьезные работы по истории дисциплин имели чисто фактологический характер без попыток теоретического осмысления проблемы дисциплинарности[3]. Заявки на новые дисциплины в большинстве случаев не опирались на какую-либо дисциплинарную модель: речь в основном шла преимущественно об инновационных предметах, полях

---

[1] См.: *Стёпин В. С., Юдин Б. Г., Филатов В. П., Симонов А. Н., Голдберг Ф. И.* Наука. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6860

[2] См.: *Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С.* Эволюция дисциплинарной структуры науковедения и становление «демографии науки» как новой субнауковедческой дисциплины // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С.43-58; *Онопрієнко В.І.* Історія української науки XIX-XX століття. Київ: Либідь, 1998; *Он же.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП Державний фонд фундаментальних досліджень, 2008; *Руда С. П.* Становлення мікробіологічної науки в Україні: гносеологічні та інституціональні аспекти: Автореф. дис….докт. іст. наук. Київ, 2001; *Вершинина Н. А.* Методика обучения дошкольников изобразительной деятельности как научная дисциплина: Социологическая модель развития. Монография. СПб.: ООО Изд-во «ЛЕМА», 2008. 141с. и др.

[3] См.: *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700-1917. СПб: Изд-во СПбГУ, 1992; *Королев Г. И.* Актовая археография и дипломатика в Словакии в XVIII - начале XX в. // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 2001. С.74-95; *Заремба С. З.* Українське пам'яткознавство: Історія, теорія, сучасність: Автореф. дис…. докт. іст. наук. Київ, 1996; *Чишко В. С.* Біографістіка як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис…. докт. іст. наук. Київ, 1997; *Матяш І.* Архівна наука і освіта в Україні 1920-1930-х років. Київ: Держкомархів *України*. УДНДІАСД, 2000 и др.

и методах исследования[1]. Тем не менее дисциплинаризация конкретных областей знания, институционализация наук, общие и частные проблемы научных дисциплин становились объектом анализа специалистов в разных областях знания: культурологии[2], биологии, эпистемологии[3], медицине[4], палеоботанике, химии, политических науках, физике[5], науковедении[6], филологических[7] и психологических науках[8] и др.

Проблема дисциплинаризации оказалась в фокусе интересов наукове-

[1] См., например: «Биомеханика – это наука, которая изучает движение в живых системах» // Биомеханика как научная дисциплина. URL: https://postnauka.ru/video/47371 *Диатропика* – новая научная дисциплина, предложенная советским геологом, эволюционист и палеоботаник С. В. Мейеном (1935 - 1987). См.: *Чайковский Ю. В.* Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2008. С.315. URL: https://vikent.ru/enc/2843/ *Иолиомика* – научная дисциплина, посвященная изучению ионов в жидких фазах и фундаментальных свойств ионных взаимодействий в биологических и химических системах. Данное научное направление было впервые сформулировано в публикации отечественных ученых. См. подробнее: Egorova K.S., Gordeev E.G., Ananikov V.P., Chem. Rev. URL: http://doi.org/10.1021/acs.chemrev.6b00562); *Райхерт К. В.* SUPERHERO STUDIES как автономная научная дисциплина // Філософські науки. «Young Scientist», 2016. № 10 (37). С.101-105; *Козлов Б. И.* Политическое науковедение (к постановке проблемы) // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С.75-90; *Козлов Б. И.* Политическое науковедение (к постановке проблемы) // Там же. С.75-90 и др.

[2] См.: *Зверева Г. И.* Культурология как академическая проблема // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2007. № 10. С. 14-32. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kulturologiya-kak-akademicheskaya-problema-1

[3] Эпистемология как наука о теории познания в определении отношения знания к действительности, в единстве с историей и философией науки формирует новый уровень дисциплинарной системы: «.…эпистемология в системе дисциплинарной структуры наук может быть представлена как сама наука, система знания, учение об истине, понятие, концепт. Вместе с тем эпистемология, как теория познания на различных уровнях рациональности, функционирует в различных видах – историческом и эволюционном и, соответственно,включает историю и философию науки в систему своих отношений, что свидетельствует о многообразии противоречий в системе методологического единства науки, производства (технологии) и образования». См. подробнее: *Ахтямова В. А., Ефанова Э. А., Ахтямов А. М.* Эпистемология в дисциплинарной системе наук // Вестник Казанского технологического университета. 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/epistemologiya-v-distsiplinarnoy-sisteme-nauk

[4] См.: *Чугунов В. В.* Клинико-дисциплинарно-эволюционные исследования медицинских дисциплин // Медицинские исследования. 2001. Т. 1. Вып. 1. С. 84–86; *Он же.* Клиника и дисциплинарная эволюция сексологии. Киев: Здоров'я; Харьков: Око, 2000. «Формирование каждой из дисциплинарных парадигм предполагает прежде всего оформление конгруэнтной клиники дисциплины, с её понятийно-терминологической платформой, диагностическим аппаратом и терапевтическими моделями… автором с целью обоснования его клинико-теоретической концепции проведена реконструкция становления и развития сексологии («дисциплинарной истории»)… в широком социокультурном контексте…». См.: *Михайлов Б. В.* [Рецензия] // Медицинские исследования. 2001. Т. 1. Вып. 1. С. 89–90.

[5] См.: *Храмов Ю. А.* История физики. Київ: Фенікс, 2006 и др.

[6] См.: Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. 308 с.

[7] См.: *Анненкова И. В.* Современная медиакартина мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект): Автореф. … докт. филолог. наук. М., 2012. (О новой дисциплине неориторического статуса – медиариторики).

[8] См.: *Мандель Б. Р.* Политическая психология как научная дисциплина в гуманитарном вузе. Монография. М.: Директ-Медиа, 2014. 386 с.

дов в отношении своей собственной области знания, поскольку среди ученых не было единства ни в трактовке предмета, ни относительно структуры науковедения (в литературе называли от пяти до двадцати субнауковедческих дисциплин), ни в терминологическом аппарате: смешение таких понятий как *дисциплина, проблемное поле, базовые науковедческие дисциплины, частные науковедческие дисциплины, специальные науковедческие дисциплины, разделы науковедения, компоненты науковедения, составляющие науковедения, подразделения науковедения, субнауковедческие дисципины* и др., т. е. «дисциплинарно-тематическая неупорядоченность» не позволяли четко определиться со статусом науковедения как самостоятельной областью знания[1].

А. Г. Аллахвердян и Н. С. Агамова[2], основываясь на идеях Б. М. Кедрова о взаимодействии наук и формах интегративных связей между дисциплинами (*цементация* – возникновение между двумя смежными /по их общей системе/ науками новой дисциплины промежуточного характера; *переплетение* и *стержнезация* – возникновение новых областей знания на стыке нескольких наук; *комплексообразование* – наиболее сложная форма взаимосвязи «вплоть до слияния нескольких разных наук, изучающих с разных сторон один предмет», в результате образуется новая наука «комплексного характера»[3]), выдвинули идею о том, что науковедение в перспективе должно состояться как комплексная дисциплина, но этот процесс еще далек от своего завершения, и реализация идеи комплексности будет зависеть от развития теоретических и прикладных исследований, от потребности общества и других факторов[4].

По мнению А. В. Юревича, «…любая научная дисциплина воспринимается самостоятельной наукой, если она организована и институционализирована…» в соотвествии с основными критериями институционального оформления любой научной дисциплины. Среди критериев были выделены: преподавание данной дисциплины в вузах и наличие соответствующих учебников; присуждение ученых степенем в соответствующей области; существование научно-исследовательских институтов и центров, в названии которых

---

[1] См.: Методологические проблемы науковедения / Под ред. В. И. Оноприенко. НАН Украины. Центр исслед. науч.-техн. потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва. Киев: УкрИНТЭИ, 2001. С. 5; *Юревич А. В.* Науковедческая «башня», или еще раз о предмете и структуре науковедения // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С.32-33 т др.

[2] См.: *Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С.* Эволюция дисциплинарной структуры науковедения и становление «демографии науки» как новой субнауковедческой дисциплины // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С.43-58;

[3] См.: *Кедров Б. М.* Взаимодействие наук и его исторические формы // Взаимодействие наук. М.: Наука, 1984. С.25.

[4] См.: *Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С.* Эволюция дисциплинарной структуры науковедения и становление «демографии науки» как новой субнауковедческой дисциплины // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 56-57.

фигурирует обозначение этой дисциплины; издание профессиональных журналов; учреждение профессиональных ассоциаций и других профессиональных учреждений; существование достаточно широкого круга специалистов, идентифицирующих себя с данной областью знания. Поскольку большинство из этих признаков институционализации, заключал А. В. Юревич, в настоящее время [к середине «нулевых» XXI в. – Т. П.] в науковедении отсутствует, следовательно, несмотря на солидный объем науковедческих изданий и возрастающий спрос на науковедческую рефлексию, будет сохраняться и иллюзия «отсутствия» науковедения как дисциплины, а также отсутствие сплоченного, идентифицирующего себя с «наукой о науке» научного сообщества[1].

К мнению А. В. Юревича присоединяется В. И. Оноприенко, один из ведущих современных специалистов в области наукознания в Украине: «…для интеграции современного науковедения особенно значима социальная его консолидация, направленя на дисциплинарное его оформление…идентификация специалистов, работающих в различных ареалах науковедческих исследований <…> Когнитивная же интеграция науковедов в современных условиях… менее актуальна и реальна»[2].

Одновременно учеными осмысливался потенциал научной дисциплины в новых условиях информационного общества. Ю. М. Шилков[3], конструируя «дисциплинарный образ науки», выделил ряд существенных моментов потенциальных возможностей дисциплинарности в современную эпоху и одновременно обозначил проблемные зоны.

Во-первых, при всей неопределенности терминологии – «дисциплинарная интерпретация науки», «дисциплинарная характеристика науки» – понятие «дисциплинарность» ориентирует на *поведенческие аспекты* научной деятельности, на *дисциплинарную практику* в научной сфере, при этом *изменения*, происходящие *в дисциплинарной практике* (под влиянием собственных когнитивных и коммуникативных возможностей и под воздействием разнообразных вненаучных конъюнктур) *не исчерпывают потенциал* собственно *дисциплинарности,* а современная информационно-технологическая цивилизация способствует дальнейшему раскрытию дисциплинарных возможностей науки.

Во-вторых, *главные движущие силы* дисциплинарной эволюции – *дифференциация и специализация знаний*, постоянно усложняющие дисциплинарную организацию науки, – аналогичны эволюции в животном мире, в котором стремление избежать конкуренции привело к невероятному многообразию жизненных форм, в связи с чем *внутри- и междисциплинарная конкуренция*

---

[1] *Юревич А. В.* Науковедческая «башня», или еще раз о предмете и структуре науковедения // Там же. С.41-42.

[2] *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С.17-18.

[3] См.: *Шилков Ю. М.* Дисциплинарный образ современной науки // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С.131-147.

в ситуации «избыточного предметного разнообразия» и растущей потребности в информации приобретает в свою очередь статус главной движущей силы развития науки в целом.

В-третьих, массив дисциплинарного знания создает *«дисциплинарный генофонд»*, при этом каждая дисциплина «привязана» к познавательным и технологическим ресурсам, к наукам-лидерам в пределах конкретной предметной области науки, к другим дисциплинам-конкурентам и выступает в качестве своеобразного «узла» общей междисциплинарной системы научных коммуникаций; особая роль в контексте продуктивности междисциплинарных отношений принадлежит *дисциплинам-лидерам* (в пределах конкретной совокупности дисциплин), которые становятся «интегральной мерой всех когнитивно-коммуникативных возможностей конкретного предметного сообщества научных дисциплин»[1].

В-четвертых, *тенденция к междисциплинарному синтезу знаний* является средством преодоления разобщенности в мультидисциплинарном разнообразии науки, при этом приобретение знаний и технологий за счет междисциплинарных коммуникаций и обмена, стремление к лидирующим позициям в конкретном предметном сообществе наук, накопление когнитивного и технологического опыта, дисциплинарная эволюция (углубление специализации внутридисциплинарного знания) формируют стратегию повышения эффективности дисциплинарных знаний и технологий.

В-пятых, дисциплинарная модель науки приобретает прагматическое качество, реализуемое в познавательных и *коммуникативных действиях ученого*; среди функциональных стратегий научной коммуникации (как во внутри-, так и в междисциплинарном общении) четыре функции, каждая из которых имеет свою направленность реализации:

интенциональная функция коммуникативного поведения (раскрывается в предметно-смысловых, целенаправляющих и силовых свойствах);

информационно-когнитивная функция реализует познавательные стратегии общения;

репрезентативная функция реализует в стратегии коммуникативного поведения особенности контекста дисциплинарного познания и общения;

интерактивная функция реализует стратегию взаимодействия в коммуникативном поведении ученых.

В-шестых, стратегии дисциплинарных коммуникаций воплощаются в разнообразных речевых актах: *информативах, дескриптивах, аргументативах, экспрессивах* (связанных с требованиями научного этикета в познании и общении и выражающих конкретные стереотипы научного поведения в соответствующих ситуациях, обусловленных культурно-историческими профессиональными традициями), директивах и декларативах[2]; наряду с речевыми

---

[1] Там же. С.136.

[2] Там же. С.139-141.

актами – *вербальной коммуникацией* – важнейшим атрибутом науки является ее *категориальная система*, развитие терминологии – необходимое условие, обеспечивающее взаимопонимание в научном сообществе, при этом *язык науки* функционирует в конкретном дисциплинарном контексте познания и общения и зависит от того, какие факторы познавательной или коммуникативной ситуации воздействуют на его употребление.

В-седьмых, информационно-коммуникативный ресурс современной научной дисциплины определяется *формами общения между учеными* (личное общение, дискуссии внутри научных школ, обсуждения на конференциях и конгрессах, информационные сети, публикации, среди которых основной единицей научной коммуникации по-прежнему является статья в периодическом издании – оперативный и действенный канал общения); процессы общения предполагают разные коммуникативные факторы – поведенческие, практические, рациональные, конфликтологические, а также разные источники информации, способы кодирования и декодирования, каналы передачи, сами стороны общения – адресанта и адресата; научная теория превращается в знаковую систему, обладающую всеми признаками конвенциональности, условности и произвольности, т. е. коммуникативными признаками/качествами, которые создают проблемы внутри- и междисциплинарного общения в науке: проблемы перевода с одного дисциплинарного языка на другой; проблемы общения в пределах одной и той научной дисциплины; проблемы понимания и взаимопонимания разных сторон в науке.

Таким образом, научная дисциплина в коммуникативном плане – это «лаборатория» по созданию коммуникативных сетей между тем, кто продуцирует знание, и тем, кто его потребляет, между тем, кто его передает, и тем, кому оно передается[1]. Однако нельзя забывать о том, что определенную когнитивную конъюнктуру в производстве и потреблении знаний создают различные политико-экономические и культурно-исторические «мутации», воздействие которых на дисциплинарное строение науки изучено недостаточно. Кроме этого, известный тезис *«знание – сила»* (Ф. Ницше модифицировал бэконовский лозунг в гипотезу, согласно которой за всякой волей к знанию стоит воля к власти), трансформируемый сегодня в формулу «*дисциплинарно-научные практики – сила и власть*», выходит за пределы собственно науки: профессионально-дисциплинарное поведение приобрело политические и экономические черты – подобные качества дисциплинарной науки стали неотъемлемыми характеристиками познавательного процесса, а современные информационно-коммуникативные технологии неизбежно будут способствовать «захвату власти».

Тем не менее «дисциплинарный проект науки» – *будущее дисциплинарности* – связано, убежден Ю. М. Шилков, с информационными технологиями, которые придают дисциплинарным прогнозам конкретность и эффект реаль-

[1] Там же. С.144.

ности: новая информационная парадигма предоставила науке неограниченные возможности для дисциплинарного развития[1].

* * *

С 2010-х годов произошел определенный перелом в дисциплинарных исследованиях:

во-первых, идея дисциплинарности обрела «новое дыхание»,

во-вторых, дисциплинарность преимущественно стала рассматриваться в контексте междисциплинарности,

в-третьих, особый статус получила история дисциплин/дисциплинарности, или дисциплинарная история.

Тем не менее два вектора в подходах к дисциплинарности, сформировавшиеся в начале 1990-х гг., продолжали (хотя и с новыми нюансами) определять исследовательские позиции авторов.

И. И. Колесник констатирует факт длительного процесса (начавшегося в научном сознании со второй полвины XX в.) смены дисциплинарного образа науки на проблемный[2]. Дисциплинарный образ науки – это «наука эпохи модерна», «большая наука», «индустриальная наука», система дисциплин со своими константными параметрами, среди которых:

- монодисциплинарность (ориентация конкретной дисциплины как составляющей «большой науки» на узкую специализацию)
- государственно-административный, замкнуто-корпоративный характер
- сложная, разветвленная организационная структура
- замкнутость
- иерархичность
- серийность
- консерватизм
- политическая заангажированность
- сверхмерная бюрократизация научной деятельности и т.п.
- идеал научности – классическая математическая модель исследования: приоритет логики, анализа, системности, целостности и завершенности
- линейность мышления научного сообщества, в основе:
  – корпоративно-иерархическая структура
  – «цеховая» этика поведения
  – классическая рациональность
  – поступательный хронологизм
  – идеи процессуальности, закономерности и универсальности динамических законов, причинно-следственных связей и т. п.

[1] Там же. С.147.

[2] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С.418-422.

На современном этапе наряду с традиционным (моно)дисциплинарным образом науки происходит формирование нового – под разными наименованиями: «проблемно-ориентированная наука», «постнеклассическая наука», «проблемный образ науки» с соответствующими признаками-маркерами:

- открытость, осознанный отказ от «глухоты специализации» в пользу дисциплинарного разнообразия;
- наука-проблема в отличие от науки-дисциплины; диалогичность (информационно-коммуникационные «культурные пары»: автор/исследователь текста, автор/читатель, пользователь/Интернет;
- «рыночный» характер: превращение науки в «культурный капитал»; нивелирование научно-корпоративных связей и иерархий; демократизация науки;
- новые морально-аксиологические структуры; повышение роли субъекта науки; универсализация субъективности;
- поликультурность, широкая оптика мышления;
- нелинейное мышление, в основе:
  – нестабильность
  – непостоянство
  – отсутствие симметрии
  – необратимость процессов самоорганизации систем
  – принцип релятивистской инвариантности
- идеал научности: – сосуществование рационального с иррациональным,
  – вместо анализа – понимание,
  – разнообразие дискурсивных практик
- преодоление дисциплинарных условностей и границ: свобода выбора исследователя (идей и методов из иных областей науки); персональная ответственность за свою научную деятельность; взаимоуважение в рамках сообщества; когнитивное сотрудничество и интеллектуальный диалог;
- конвертация естественнонаучного знания в гуманитарное и т. п.

Несмотря на «жесткий приговор» дисциплинарной науке, И. И. Колесник тем не менее считает возможным традиционный для классической науки концепт *научная дисципли*на реактуализировать с позиций сетевого анализа – теории организации социальных сетей. В этом плане научную дисциплину можно рассматривать как явление с сетевой структурой, для которой характерны: децентрализованное управление, неформальные отношения, горизонтальные связи и самоорганизация. Поскольку сетевая структура науки способствует возникновению «междисциплинарно-сетевого пространства», постольку научная дисциплина выступает как коммуникативные связи и отношения[1].

[1] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С.464; *Москалев И. Е.* Сетевые структуры дисциплинарного знания. URL: http://iph.ras.ru/imosk/Seminar/ moskalev/Moskalev.htm

В условиях гипертрофии идеи междисциплинарности, когда реальные междисциплинарные исследования стали сопровождаться модной декларативностью, ученые обратили свое внимание на проблемы собственно *междисциплинарности* – реальные преимущества нового феномена и сложности, возникающие в процессе междисциплинарной научной практики.

Парадигма целостности как стратегия современной науки утверждается на пересечении сохраняющего свои позиции дисциплинарного знания и междисциплинарных проблемно ориентированных подходов к исследованию. Стремление к синтезу знания, выработанного в границах отдельных научных дисциплин, а также в процессе углубляющейся специализации, выдвигает проблему междисциплинарности как панацеи от дисциплинарного сепаратизма и стереотипизации научной практики. Однако само понятие междисциплинарности вместе с его вариантными обозначениями трактуется в литературе весьма многообразно, что выдвигает задачу конкретизации самого термина и определения как преимуществ данной формы исследований, так и возникающих при этом проблем.

Эта задача неизбежно требует обращения к понятиям *дисциплина* и *дисциплинарность*, как исходным.

1. О дисциплинарности:

Ремарка-мнение. История общественных наук (social sciences), согласно И. Валлерстайну, прошла три этапа:

1) в 1750-1850 гг. «положение было очень запутанным»: для обозначения «протодисциплин» использовалось множество различных названий, и лишь некоторые из них завоевали широкое признание;

2) с 1850 по 1945 год множество названий сократилось до небольшой стандартной группы, где одни четко отличались от других: лишь шесть из них были приняты практически всем научным миром;

3) начиная с 1945 года количество признаваемых названий областей исследования вновь стало возрастать, и сегодня все свидетельствует о том, что этот рост продолжится; более того, если в 1945 году казалось, что между дисциплинами существуют четкие разграничительные линии, то впоследствии они начали устойчиво размываться, и сегодня мы имеем взаимное пересечение областей исследования и вытекающую отсюда «путаницу»: в некотором смысле мы вернулись к ситуации 1750-1850 годов, когда множество понятий не обеспечивало приемлемой таксономии[1].

Ремарка-info. По подсчетам В. С. Степина, к конце XX в. в научном мире насчитывалось 15 тысяч дисциплин[2]. Однако это – не единственная циф-

---

[1] *Валлерстайн Иммануэль.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С.248.

[2] См.: *Степин В. С.* Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: , 2006. С.151.

ра, и классификаций наук / дисциплин также неисчерпаемое количество[1]. Среди наиболее известных схем, используемых в литературе, – разделение наук / дисциплин на:

1) естественные / гуманитарные / общественные науки[2];

2) естествознание / гуманитаристику; фундаментальные / прикладные[3];

3) математику / естествознание / технические / гуманитарные науки[4];

4) при рассмотрении науки не как системы дисциплин, но как совокупности сложных *комплексов* наук, выделяют:

а) *фундаментальные науки*, т. е. дисциплины, разрабатывающие программы изучения тех или иных объектов,

б) *таксономические* – дисциплины конкретно-предметной организации, использующие при изучении определенных групп объектов программы фундаментальных наук [5];

5) в зависимости от критерия:

– по группам предметных областей знания: математические / естественные / гуманитарные / технические;

– по способу отражения сущности знания: феноменталистские (описательные) / эссенциалистские (объяснительные);

– по функциональному назначению: фундаментальные / прикладные[6];

6) теоретические / эмпирические науки;

7) номотетические / идиографические;

8) науки о природе / науки о культуре;

9) математика / естественные / социокультурные;

10) физические / математические / биологические / социальные[7];

11) гуманитарные науки (внимание сосредоточено на «культурных объектах») / естественные науки (занимающиеся миром за пределами куль-

---

[1] См. подробнее: *Кедров Б. М.* Классификация наук. В 3 книгах. Кн.1. М.: Издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961; Кн. 2. М.: Мысль, 1965; Кн.3. М.: Мысль, 1985 и др.

[2] См.: *Валлерстайн Иммануэль*. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С.251.

[3] См.: *Касавин И. Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии, 2010. № 4. С. 61-73. URL: http://www.intelros.ru/pdf/megdisciplin_kasavin.pdf

4 См.: *Стёпин В. С., Юдин Б. Г., Филатов В. П., Симонов А. Н., Голдберг Ф. И.* Наука. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6860

[5] См.: *Лысак И. В.* Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25376

[6] *Новиков А. М.* Докторская диссертация?: Пособие для докторантов и соискателей ученой степени доктора наук. 3-е изд. М.: Издательство «Эгвес», 2003. URL: http://pedlib.ru/Books/3/0221/3_0221-23.shtml

[7] См.: *Сторер И.* Отношения между научными дисциплинами // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.60.

туры во всех его аспектах) / социальные науки (изучающие социальное действие – «поведение в физическом мире, направляемое культурой)»[1]; 12) математика / науки о природе / науки о человеке[2] и т. п. и т. п.

Ремарка-штрих. Ф. Бэкон соотносил дисциплины с различными свойствами человеческого разума: мышление – философия, воображение – поэзия, память – история.

Л. П. Репина обращает внимание на то, что в современной дидактической литературе дисциплина определяется «через выделение и описание специфического объекта и предмета исследования». В этом случае самоидентификация новой дисциплины создает проблему, например, многочисленные дискуссии о «размежевании» предметов «истории культуры» и «исторической культурологии».

Дисциплина в академическом смысле, считает Л. П. Репина, – «это отрасль знания, характеризуемая специфической совокупностью концепций и подходов». Научные дисциплины, во-первых, могут «ранжироваться» в рамках академической иерархии; во-вторых, не все дисциплины признаются даже их репрезентантами науками; в-третьих, ряд дисциплин имеют «всеобщий консенсус» относительно своей научной природы.

Дисциплинарность подразумевает: определенное предметное поле, методы научной работы, исследовательские процедуры, систему референции, специфический способ мышления и язык описания, собственную институциональную структуру, сообщество практикующих ученых, особые формы дискурса, нормы и правила профессиональной деятельности, типы личности. «Дисциплинарные шоры» ориентируют на видение мира в качестве набора разделенных секторов в соответствии с институциональными формами разделения научного труда[3].

Для И. Т. Касавина *дисциплина* – коллективная форма научной деятельности, условие ее существенной интенсификации (на фоне систематического вовлечения в науку больших масс населения, их обучения и социализации); фабрика знания, где оно производится по определенным стандартам, проходит проверку, упаковывается и направляется потребителю; необходимая форма социального бытия науки как сферы профессионального производства, распределения и потребления знания. Констатировать факт замены дисциплинарности междисциплинарностью вряд ли возможно, однако при всей стабильности дисциплинарной организации науки междисциплинарные исследования обна-

[1] См.: *Парсонс Т., Сторер Н.* Научная дисциплина и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.41.

[2] Этот вариант, с моей точки зрения, наиболее четко и сжато отражает специфику основных блоков знания.

[3] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.30-32.

руживаются во всей истории познания, но как тип познавательного процесса они связаны с определенным типом рациональности – неклассическим, который все более упрочивается в современную эпоху, хотя и наследует многовековые тенденции развития знания[1].

Обобщая имеющиеся представления о феномене дисциплины, И. В. Лысак[2] акцентирует внимание на том, что интерес к дисциплинарности возникает с 1950-х гг., и в эпистемологии формируется представление о научной дисциплине как форме организации знания, а также о науке как системе отдельных дисциплин. Дисциплинарная организация науки облегчает процессы внутринаучной коммуникации и контроля, обеспечивает подготовку кадров; каждая научная дисциплина имеет традиционный объект исследования, свой научный инструментарий, признанное экспертное сообщество, совокупность авторитетных журналов и издательств, собственную «научную элиту» и «научную периферию». В то же время научная дисциплина – это аппарат «прореживания/отсева недопустимых» способов мышления и объяснения, которое в действующей системе разделения научного труда осуществляется путем контроля за научными карьерами при помощи административных средств принуждения и создания возможностей, доступных определенным научным структурам. В силу этого наука из сферы свободного творчества превращается в четко организованный и регламентированный социальный механизм. Профессионализация знания неизбежно формирует профессиональные стереотипы, проявляющиеся в автоматизированных умениях и навыках. Стереотипизация познавательных действий, применение стандартизированных методик, упрощенный подход к решению проблем способствуют тому, что ученые начинают неадекватно воспринимать инновации, утрачивают чуткость к новизне, перестают продуцировать новое знание, что является важнейшей особенностью дисциплинарной науки.

Б. Г. Капустин ставит вопрос о сущности дисциплины. Обращаясь к этимологии слова (от лат. disciplina – семейство значений, корень которого – «наставление, данное ученику»), он акцентирует внимание на том, что «носитель дисциплины» – это «ученик», подчиненное лицо, исполнитель правил, отсюда дисциплина – это и власть, поэтому должен быть источник власти и «наставления». В эволюции дисциплины «кумиры»/властные/наставники могут ниспровергаться, на смену им проходят новые, но в научной дисциплине никогда не будет установлена «идеальная свобода коммуникации равных» – «лучший аргумент» всегда будет обладать властью, поскольку всегда будет существовать система наставлений и их «устанавливающих». Академическая дисципли-

---

[1] См.: *Касавин И. Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии, 2010. № 4. С. 61-73. URL: http://www.intelros.ru/pdf/megdisciplin_kasavin.pdf

[2] См.: *Лысак И. В.* Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25376

на – это социальный институт, исполняющий функции «когнитивного механизма» – производственной линии «знания» – и таким образом участвующий в воспроизводстве данного общества. Принудительно-подчинительный характер научной дисциплины в отношении членов дисциплинарного сообщества сыграл свою роль в том, что именно в междисциплинарности увидели «панацею» от «бед» дисциплинарности и стратегию купирования «негативных» сторон развития современных дисциплин[1].

2. О междисциплинарности:

Междисциплинарность, получившая распространение во второй половине XX – начале XXI вв., призвана, по мнению многих автора, преодолеть недостатки дисциплинарности[2]. Однако гипертрофированная увлеченность (подчас на декларативном уровне) идеи «меж / интер /кросс / мульти /поли /транс / плюро-дисциплинарности» в современном научном сообществе (при наличии их различных интерпретаций[3]) создает много проблем, превращаясь подчас в «эпистемологическое бремя»[4], поскольку «встреча двух дисциплин» предстает как встреча «двух разных культур»: каждая из них стремится «расшифровать» другую, исходя из «собственного кода» – собственной дисциплинарной культуры[5]. Применение новых междисциплинарных подходов, предостерегает Л. П. Репина, не должно способствовать расщеплению гуманитарного знания на множество новых субдисциплин и объединению вокруг априорно принятой методологии; цель междисциплинарности – в создании «междисциплинарной ситуации»[6].

Разнообразие в понимании смыслов различных видов «междисциплинарности» создает сложности и в осознании специфики этой ситуации, поэтому утверждение конвенциональной платформы для унификации понятий должно стать исходным принципом, предваряющим начало исследований.

---

[1] См.: *Капустин Б.* Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания // Коммерсант-Наука. 2017. №5. С. 43-44. URL: http://zavtra.ru/blogs/boris_kapustin_mezhdistciplinarnost_otkrivaet_put_k_novomu_sostoyaniyu_znaniya

[2] Относительно недавно вышла монументальная работа - The Oxford Handbook of Interdisciplinarity / Ed. by *R. Frodeman, J. Thompson Klein, C. Mitcham* Oxford: Oxford University Press, 2010, - посвященная различным аспектам междисциплинарности, что, однако, не уменьшило разногласия в отношении содержания форм кросс-дисциплинарных исследований.

[3] См., например, определение этих подходов: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.26-30; *Голубович И. В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.230-233; *Мокий В. С., Лукьянова Т. А.* От дисциплинарности к трансдисциплинарности в понятиях и определениях // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2016. № 7(25). URL: http:// 7universum.com/ru/social/archive/item/3435 и др.

[4] *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А. С., 2008. С.231.

[5] См.: *Бурдьё П.* Начала. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н. А. М.: Socio-Logos, 1994.

[6] *Репина Л. П.* Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 11. С. 5–17.

Признание и определение типологических особенностей различных «междисциплинарных ситуаций» нацеливает и на выбор соответствующих методик для избранной ситуации. Например, в «междисциплинарной ситуации» по типу собственно «междисциплинарности», когда теории и методы других наук используются для решения внутридисциплинарных проблем[1], автор, представитель дисциплины-профессии, определяет «репертуар» заимствований и методику трансляции ино-дисциплинарного инструментария в исследовательское поле своей дисциплины, исходя из своей программы исследования.

«Расшифровка» форм междисциплинарности не однозначна, при этом важна направленность анализа на результативность взаимодействия наук на основе различных форм междисциплинарности.

1. В современном науковедении (преимущественно – западном) в качестве общего названия различных форм исследования, выходящего за рамки одной дисциплины, принят термин *кросс-дисциплинарность*. Коллективные кросс-дисциплинарные исследования различаются по своим формам, которые варьируются по степени интеграции сотрудничающихся дисциплин: от низшей ступени к высшей.

- *Мультидисциплинарные исследования*, в которых работают практически независимо друг от друга (параллельно или последовательно), опираясь на собственную дисциплинарную базу для решения общей проблемы. В этом случае кросс-дисциплинарная задача решается как бы «по кусочку» – по дисциплинарным частям, исходя из частных задач, решаемых конкретным специалистом.
- *Интердисциплинарные исследования* требуют создания смешанной команды специалистов, которые работают совместно, выстраивая общую перспективу исследований, хотя некоторые важные дисциплинарные поля могут быть опущены.
- *Трансдисциплинарные исследования* осуществляются специалистами из разных дисциплин, которые, работая совместно, используют общий концептуальный аппарат, объединяя теории, концепции и подходы отдельных дисциплин для решения общей проблемы в ее целостности[2].

2. С позиций иного подхода рассматривают:

- *междисциплинарность (interdisciplinarity)* как перенос методов исследования из одной научной дисциплины в другую на основе обнаружения сходства исследуемых предметных областей; такое междисциплинарное взаимодействие, можно сравнить с «перекрестным опылением».
- *трансдисциплинарность* – как более высокий по сравнению с «междисциплинарностью» уровень, подразумевающий осмысление междисци-

[1] *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 29.

[2] Там же. С.27-28.

плинарных отношений внутри более глобальной системы (парадигмы), выход на метауровень без строгих границ между науками; это прохождение «через» и «сквозь» границы определенных наук, выход за их «пределы»; это – «размывание» границ и одновременно формирование концептуальных мета-рамок, внутри которых возможна трансдисциплинарная интеграция знания.

- *мультидисциплинарность (multidisciplinarity)* фиксирует наличие достаточно большого количества разнообразных дисциплин, объединенных в общем исследовательском поле, с определенным организационным и институциональным оформлением такого рода исследований (общие научные проекты, исследовательские центры, научно-методологические форумы, издания и т. д.)[1].

3. Междисциплинарность – метод исследовательской и педагогической работы, который интегрирует данные, инструментарий, приемы, концепции двух или более специализированных дисциплин с тем, чтобы продвинуть понимание фундаментальных проблем или ответить на вопросы, изучение которых выходит за пределы возможностей каждой отдельной дисциплины; междисциплинарность включает четыре основных *типа* или *стадии* в своем проявлении:

- одна дисциплина, сохраняя свою «идентичность», заимствует некоторые элементы (понятийного аппарата, методов исследования и описания и т. д.) у другой («псевдомеждисциплинарность»);
- более глубокое взаимопроникновение дисциплин, варьирующееся в диапазоне от *вспомогательной* (auxiliary) до *частичной междисциплинарности*: так складываются, к примеру, «историческая социология», «политическая антропология» и т. д.
- *интегративная междисциплинарность* – слияние существовавших в качестве независимых дисциплин – в одну новую: «биофизика», «социолингвистика», современная «политическая экономия» и т. д.;
- *тематическая междисциплинарность* – устойчивое, нередко институционализированное взаимодействие не утрачивающих самостоятельности дисциплин при исследовании определенного, общего для них, предметного поля: «гендерные исследования», «урбанистика», «международное развитие» (international development), «экология» и т. д.[2].

4. Одна из предложенных типологий междисциплинарности включает следующую схему:

- **онтологический**, или *объектно-ориентированный тип,* – в основе идея единства природы, которая подразумевает объединение науки, которая

---

[1] См.: *Голубович И. В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А. С., 2008. С.230-232.

[2] См.: *Капустин Б.* Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания // Коммерсант-Наука. 2017. № 5. С. 43-44. URL: http://zavtra.ru/blogs/boris_kapustin_mezhdistciplinarnost_otkrivaet_put_k_novomu_sostoyaniyu_znaniya

в свою очередь приводит к конвергенции технологий (примеры: бионика/биомимикрия, эконофизика);

- **эпистемологический**, или «теорориентированный» тип, цель которого – когнитивная интеграция и теоретический синтез знания; специфика в том, что изучение объектов происходит независимо от дисциплинарного происхождения (примеры: теории сложных систем – теория самоорганизации, диссипативных систем, теория хаоса, фрактальная геометрия и др.);
- **методологический** тип предполагает заимствование методов и методологических подходов из разных дисциплин; (примеры: бионика/биомимикрия, эконофизика);
- **проблемно-ориентированный** тип считается наиболее рефлексивным; основным инициатором постановки и решения проблем является общество – научные, политические, бизнес-структуры, активисты и т. д. (примеры: проект «Конвергентные технологии для Европейского общества знаний»[1].

5. Обобщая разнообразные дефиниции междисциплинарности, выделяют два подхода:

1) это – взаимодействие двух или более научных дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет, терминологию и методы исследования; такое взаимодействие реализуется в форме работы над конкретными исследовательскими проектами, в создании междисциплинарных центров при академических организациях, проведении междисциплинарных конференций, в издании проблемно, а не дисциплинарно ориентированных журналов и т. п.;

2) приставка «меж» указывает на наличие некоего провала между дисциплинами, «ничейной земли», не являющейся традиционным объектом исследования ни одной из дисциплин; в этом случае на стыке научных дисциплин может возникнуть новая: например, социальная психология возникла на стыке общей психологии и социологии, выявив «ничейный» объект исследования и заимствовав язык и методы из обеих «материнских» дисциплин[1].

6. Когнитивная специфика междисциплинарных исследований во многом совпадает с новым образом науки, который начинает складываться в постпозитивизме и далее на рубеже XX-XXI вв. Междисциплинарность – принципиальная характеристика науки, в которой контекст открытия получает свое институциональное обоснование; это – черта науки переднего края (А. П. Огурцов), революционной науки в отличие от мейнстрима и нормальной науки[2]. Однако

---

[1] См.: *Маврин О. П.* «Междисциплинаризация»: проблемы дисциплинарности и междисциплинарности науки // Философия и наука: проблемы соотнесения. Алёшинские чтения – 2016: Материалы междунар. конф. Москва, 7-9 декабря 2016 г. / Отв. ред. Т. А. Шиян. М.: РГГУ, 2016. С.93-98; *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // ВИЕТ. 2004. № 1 и др.

[2] См.: *Лысак И. В.* Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25376

многие ученые (и отчасти философы) придали понятию междисциплинарности повышенное значение, одновременно затемнив его содержание. В результате длительной истории науки как дисциплинарной истории происходили различные варианты междисциплинарных коммуникаций: габитус и рефлексия[1], традиция и критика, воспроизводство и творчество являются полюсами взаимодействий типов и форм знания, относящихся к дисциплинам на разных стадиях их развития – итогом этих процессов явилось формирование различных типов когнитивных систем, т.к. разного рода отношения между дисциплинами, в том числе и выходящие за границы всякой дисциплины, – это в сущности отношения между системами знания. Проблему образования новых дисциплин в результате различного рода междисциплинарных взаимодействий, считает И. Т. Касавин, более продуктивно рассматривать/решать на основе анализа типов дисциплинарности и междисциплинарности как результатов особых типов коммуникации в науке и за ее пределами[2]. На основе «расшифровки» содержательной направленности форм междисциплинарности, предлагается типология систем знания, формирующихся в процессе междисциплинарного взаимодействия:

- *мультидисциплинарность* – одностороннее дополнение одной дисциплины другой; *мульти- (или поли-) дисциплинарные системы* знания: биофизика, физическая химия, геоботаника, социальная семиотика, общая теория социальной коммуникации и т. п. – характеризуется использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе; в рамках мультидисциплинарных систем сохраняется четкость междисциплинарных границ, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, что может стать условием успеха;
- собственно *междисциплинарность* – взаимодействие дисциплин; *междисциплинарные системы знания*: космические исследования, страноведение, науковедение, политология, специфика которых – объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами; данные системы знания характеризуются меньшей четкостью междисциплинарных границ, дополняют друг друга;
- *трансдисциплинарность* – построение интегральных структур; *трансдисциплинарные системы знания* претендуют на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность: теория самоорганизации, теория информации, которые от-

---

[1] См.: *Касавин И. Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии, 2010. № 4. С.61-73. URL: http://www.intelros.ru/pdf/megdisciplin_kasavin.pdf

[2] См. подробнее: *Гутнер Г.Б.* Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008. 248 с.; *Он же.* Смысл как основание коммуникативных практик // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4.

личает принципиальное игнорирование междисциплинарных границ, возникли как обобщение некоторых дисциплинарных представлений в биологии, химии, математике, затем оторвались от своих истоков и стали развиваться на своей собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания [1].

7. Одно из первых определений *трансдисциплинарности,* принадлежит швейцарскому психологу и философу Жану В. Ф. Пиаже. «После этапа междисциплинарных исследований, – писал он, – следует ожидать более высокого этапа – трансдисциплинарного, который не ограничится междисциплинарными отношениями, а разместит эти отношения внутри глобальной системы, без строгих границ между дисциплинами». К постулатам трансдисциплинарности относятся идеи:

- реальность многоуровневая, поэтому каждая дисциплина изучает лишь один из ее уровней; трансдисциплинарность стремится понять динамику процесса на нескольких уровнях одновременно, соединяет фрагменты реальности, исследованные конкретными дисциплинами, в единую картину;
- логика включенного третьего: трансдисциплинарность объединяет по принципу дополнительности то, что с позиций частных дисциплин рассматривалось как противоположное;
- сложность: трансдисциплинарность пытается понять реальность в ее сложности[2].

Междисциплинарность во всех своих формах имеет, безусловно, определенные преимущества перед дисциплинарностью, но и создает очередные проблемы.

К преимуществам междисциплинарности относят следующие:

- междисциплинарность можно рассматривать как сферу свободы, как возможность вырваться из-под жесткого контроля дисциплинаристов, приблизиться к подлинному творчеству, свободному от каких-либо ограничений; если дисциплинарность – это порядок, то междисциплинарность – это свобода;
- междисциплинарные исследования проводятся в том случае, когда предмет исследования слишком сложен, а проблема слишком масштабна для определенной научной дисциплины;
- междисциплинарность может способствовать плодотворному решению научных проблем: позволяет исследовать объект в его целостности, объединять данные, полученные специалистами различных дисциплин, привести к возникновению новых, плодотворных концепций, расширяющих и углубляющих существующий корпус научного знания;

[1] См. Там же.

[2] Трансдисциплинарные исследования. URL: http://transstudy.ru/trasd/istoriya-transdisciplinarnosti.html

- междисциплинарность нацелена на выявление связей между различными дисциплинарными областями и предстает как проявление интегративных тенденций, присущих постнеклассической науке с ее стремлением к синтезу знания;
- следствием применения междисциплинарного подхода к исследованию может стать выход за рамки сложившихся стереотипов, норм и исследовательских традиций;
- значимой характеристикой междисциплинарного исследования является его проблемная ориентированность, приводящая к появлению принципиально нового знания на стыке отдельных дисциплин, причем сами дисциплины после подобного интегрирования не прекращают своего существования, а лишь обогащаются новыми принципами исследования;
- на методологическом уровне междисциплинарность значима потому, что позволяет применить методы, характерные для одной дисциплины в других областях знания, порождая новый междисциплинарный инструментарий.

Одновременно наряду с позитивными для исследования характеристиками междисциплинарности в процессе применения различных ее форм / типов возникают новые проблемы.

Первая проблема – это несовпадение специализированных языков и понятийного аппарата различных дисциплин. Становление научной дисциплины идет параллельно с формированием ее понятийной базы, причем основным требованием к термину является высокая степень однозначности. Полисемия в научной работе – серьезный недостаток, затрудняющий адекватное восприятие текста. Если в рамках отдельной научной дисциплины наблюдается тенденция к пониманию важности однозначности терминов, то в терминологических системах различных дисциплин «полисемия настолько расходится, что может становиться омонимией», в связи с этим важным этапом междисциплинарного исследования является разработка базовой терминологии, поскольку терминология является тем фундаментом, на котором строится все здание научного исследования. Сложность, однако, заключается в том, что практически в каждом конкретном случае понятийный аппарат приходится разрабатывать или перерабатывать заново, причем между учеными, входящими в коллектив, проводящий междисциплинарное исследование, должно быть единство мнений по поводу того, какой смысл будут иметь термины, однако на практике далеко не всегда наблюдается такое терминологическое единство: трактовкам терминов вообще не придается значения, либо понятийный аппарат используют некритически.

Вторая проблема – это проблема экспертизы междисциплинарных исследований. Традиционно в науке действует принцип «рецензирования равными» – представителями одной и той же научной дисциплины. В случае междисциплинарных исследований этот принцип часто нарушается: поскольку статьи,

освещающие междисциплинарные исследования, как правило, рецензируются дисциплинаристами, возникает угроза их непонимания и, соответственно, неточного толкования. Для того чтобы этого избежать, необходимо:

а) проводить анализ метаязыка описания результатов научных исследований;

б) автору рецензируемой статьи следует включить в сам текст характеристику базовой терминологии и методологии. Выработка критериев экспертизы междисциплинарных исследований, позволяющих оценить новаторские работы и избежать дилетантизма и непрофессионализма, становится важной проблемой эпистемологии в целом[1].

Третья проблема связана с тем, что понятие, роль и оценка междисциплинарности будут существенно различаться применительно к Новому времени и современности, а также в фундаментальных и прикладных науках, в естествознании и гуманитаристике, в науке и вненаучном знании, в парадигмальной науке и науке переднего края, на разных этапах исследования (формулировка идеи, поисковое исследование, выдвижение гипотезы, процесс обоснования, экспертиза, публикация результатов, прикладные разработки и пр.). Отсюда ясно, что известное различие междисциплинарности, полидисциплинарности и трансдисциплинарности далеко не покрывает всего многообразия отношений за пределами монолитной дисциплины[2].

Четвертая проблема имеет «бытовой», конъюнктурный характер: жонглирование понятием междисциплинарности во всех его разновидностях подчас ставит целью либо «приобщиться» к передовому краю науки, привлечь внимание к собственным исследованиям, либо – более меркантильный, но связанный с первым, момент – обрести возможность получения грантов, специального финансирования и др.[3]

Пятая проблема: если средневековые университеты были субординированы по принципу «старшинства» (благодаря чему выстраивалась иерархия: богословие – право – медицина – факультет «семи свободных искусств»), и в этом отражалось целеполагание университета как корпорации «схоларов» для приумножения единого христианского знания, то специфика современного состояния дисциплин заключается в том, что они перестали быть слагаемыми целостной картины мира. Ключевое значение для формирования и функционирования современных университетов имеет присущий только им комплекс:

---

[1] См.: *Лысак И. В.* Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25376

[2] *Касавин И. Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии, 2010. № 4. С. 61-73. URL: http://www.intelros.ru/pdf/megdisciplin_kasavin.pdf

[3] См.: *Князева Е. Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского гос. педагог. ун-та. 2011. № 10. С.192; *Маврин О. П.* «Междисциплинаризация»: проблемы дисциплинарности и междисциплинарности науки // Философия и наука: проблемы соотнесения. Алёшинские чтения – 2016: Материалы междунар. конф. Москва, 7-9 декабря 2016 г. / Отв. ред. Т. А. Шиян. М.: РГГУ, 2016. С.93-98.

«предмет – метод – понятийный аппарат – теоретический продукт – сверхзадача»; становление и эволюция этого комплекса дали колоссальный кумулятивный рост знания. Оборотной стороной этого процесса явился:

- распад целостной картины мира, которая только и может сообщить смысл деятельности человека: «научное мировоззрение» превратилось в «систематизированную бессмысленность»;
- консолидированность дисциплины в качестве «когнитивного механизма» привела к консерватизму и инерционности, т. к. ее главной задачей стало самосохранение, а не познание неизведанного;
- если образование современных государств положило конец феодальной раздробленности, то образование дисциплинарной системы стало формой потенциально бесконечного дробления знания[1].

Таким образом, междисциплинарность может стать как фактором повышения качества исследовательских проектов, так и затруднить получение нового истинного знания. Преимущества междисциплинарных исследований могут быть реализованы только при условии:

- определения четких принципов работы междисциплинарных коллективов и сфер ответственности входящих в них ученых,
- критического использования терминологии,
- выработки и применения эффективной методологии, позволяющей осуществить подлинный синтез знания.
- наличия идей, действительно пересекающих дисциплинарные границы[2].

Ремарка-мнение: «…междисциплинарный подход стал отличительной чертой историографии, по существу, с момента ее формирования», т. к. научное историческое знание уже в период самоопределения опиралось на методологический инструментарий различных социальных и гуманитарных наук, что оказывалось плодотворным лишь при условии сохранения за исторической наукой «собственных способов конструирования прошлой социальной реальности». В период господства позитивизма история выступала преимущественно как «поставщик» на «общий рынок» эмпирического массива, в современной науке произошло изменение: социальные науки выступают «поставщиками» теоретических новаций и методологического инструментария для профессиональных историков. Однако ситуация в исторической науке в связи с этим явлением не совсем простая: во-первых, наметился т.н. «синдром запаздывания» – использование достаточно давних с точки зрения современной науки теорий (причины:

[1] См.: *Капустин Б.* Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания // Коммерсант-Наука. 2017. №5. С. 43-44. URL: http://zavtra.ru/blogs/boris_kapustin_mezhdistciplinarnost_otkrivaet_put_k_novomu_sostoyaniyu_znaniya

[2] См.: *Лысак И. В.* Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25376

информационный отрыв, сложности ориентации в «чужой» дисциплине, профессиональная неподготовленность и др., что проявляет себя и в междисциплинарных исследованиях); во-вторых, «анахронизм» – использование теорий, ориентированных для изучения иных временных режимов[1].

3. О дуэте: дисциплинарность / междисциплинарность.

Соотношение *дисциплинарности / междисциплинарности*, траектория форм дисциплинарно-междисциплинарной организации науки получили в современной литературе различные интерпретации.

1. Траектория движения современной гуманитаристики – от дисциплинарности к междисциплинарности и затем к полидисциплинарности[2].

2. Современная история междисциплинарности в интеллектуальном контексте истории понятий может быть условно описана как последовательный переход: от интердисциплинарности – через содержательно неразличимые полидисциплинарность/мультидисциплинарность – к трандисциплинарности[3].

3. Длительный процесс, начавшийся в научном сознании со второй половины XX в., – это смена дисциплинарного образа науки проблемным. Для первого характерна монодисциплинарность (ориентация конкретной дисциплины как составляющей «большой науки» на узкую специализацию), для второго – дисциплинарное разнообразие, преодоление дисциплинарных условностей и границ[4].

4. Не стоит противопоставлять *дисциплинарность* и *междисциплинарность* по принципу «или–или», «не говоря уже о наивном представлении о том, будто в "наше время" вторая идет на смену первой»; междисциплинарность – это *саморефлексия дисциплин*, которая обусловлена новой проблемной ситуацией, решение которой невозможно в границах данной дисциплины; рефлексия/осознание своей недостаточности может привести к другим (обычно «смежным») дисциплинам для пополнения собственных познавательных ресурсов, проходя на этом пути те или иные стадии междисциплинарности; это *особый эвристический момент* в развитии старой или зарождении новой дисциплины, конкретное содержание и логика которого диктуются специфическим характером проблемы, «запускающей» в данном случае междисциплинарную трансформацию знания, а также наличными взаимоотношениями дисциплин[5].

---

[1] См. подробнее: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История в пространстве социальных наук // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С.11-13.

[2] См.: *Румянцева М. Ф.* Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2007. С.42.

[3] *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.27-28.

[4] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С.418-422.

[5] См.: *Капустин Б.* Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания // Коммерсант-Наука. 2017. № 5. С. 43-44. URL: http://zavtra.ru/blogs/boris_kapustin_mezhdistciplinarnost_otkrivaet_put_k_novomu_sostoyaniyu_znaniya

Ремарка-цитата: «Чем более разделенными оказываются обществоведы, тем более "империалистической" оказывается каждая их подгруппа. Когда-то экономисты занимались одними проблемами, социологи – другими, а историки – третьими. Каждый считал свою дисциплину самостоятельной, совершенно отдельной, имеющей собственный четко определенный предмет и даже особые методы исследования. Но сегодня экономисты пытаются объяснить механизмы функционирования семьи, социологи – ход исторических трансформаций, а историки – стратегии бизнеса»[1].

Стратегии научных дисциплин (НД) могут различаться:

- одни НД имеют оборонительный характер, пытаясь соорудить громоздкие теоретические и методологические обоснования собственной автономности;
- другие ориентируются на поиск «сквозных» тем; в этом случае при существовании различных сфер исследования (медицины, образования, религии и т. д.) используются общие для всех методы анализа (теории рационального выбора, теории конфликта); «сквозные темы» призваны обеспечить универсализацию и гомогенизацию[2];
- третьи нацелены на поиск синтеза; однако, как и в случае со сквозными темами, результат чаще всего воплощается в создании очередной дисциплины/специализации[3].

Таким образом, междисциплинарность – не альтернатива дисциплинарности, не панацея от негативных сторон дисциплинарного развития науки, это, скорее, необходимый посредник, без которого невозможны прорывы к новым горизонтам знания[4].

4. Об истории дисциплин.

Важной вехой в изучении дисциплинарности и дисциплинарной истории стал выход коллективной монографии – «Науки о человеке: история дисциплин»[5]: это серьезный вклад в глобальную по охвату работу – фундаментальная попытка реконструкции / конструирования картины развития социогуманитарных дисциплин в транснациональном аспекте. Впервые в российской

---

[1] *Валлерстайн Иммануэль.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С.214.

[2] Однако с организационной точки зрения это не только не уменьшает многообразия дисциплин/специализаций, но расширяет его и усугубляет их взаимопересечение.

[3] См.: *Валлерстайн Иммануэль.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С.215-216.

[4] *Капустин Б.* Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания // Коммерсант-Наука. 2017. №5. С. 43-44. URL: http://zavtra.ru/blogs/boris_kapustin_mezhdisciplinarnost_otkrivaet_put_k_novomu_sostoyaniyu_znaniya

[5] Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 651 с.

науке было предпринято системное исследование дисциплинаризации ряда гуманитарных и социальных наук, проанализирована эволюция дисциплинарности с выделением периодов дисциплинарного развития преимущественно на материалах евроатлантической науки, осуществлен историографический анализ изучения проблем научных дисциплин/дисциплинарности «западными» учеными (с акцентом на социологию дисциплинарности), сформулированы итоги и прогнозы дисциплинарного развития и его исследования, предложены периодизационные схемы процесса дисциплинаризации и историографии дисциплинарности.

По мнению авторов монографии, второе десятилетие нового века приобрело в изучении дисциплинарности целый комплекс новаций, которые включили в себя идеи:

- об утрате априорного признания важности дисциплинарности;
- о необходимости четкого определения значения дисциплинарности, поскольку интерпретация термина задает фокус анализа и акценты концептуализации феномена;
- об отказе большинством современных аналитиков от *эссенциалистских трактовок дисциплинарности*;
- о признании самобытности самоорганизации дисциплин;
- о ключевой роли репрезентантов дисциплины в ее преобразованиях.

Вместе с тем, несмотря на длящуюся гипер-увлеченность идеей междисциплинарности, ученые отмечают высокую степень приспособляемости дисциплинарных структур и практик к новейшим вызовам современного общества: в новом тысячелетии междисциплинарность сама превращается в фактор новых размежеваний и дифференциаций.

Исследовательские приоритеты, характерные для интеллектуального ландшафта изучения дисциплинарности, приобрели новые направления:

- концепция *общества знания* с ее акцентом на науку и образовательные структуры в значительной мере обусловила не просто интерес к дисциплинарной тематике, но способствовала решительному *повороту* к рефлексивному осмыслению *истории дисциплинарности*, а также всего ранее накопленного опыта дисциплинарных исследований;
- *социологический подход* к дисциплинарности в целом сориентирован на принципиальную эмпирическую направленность социологических исследований (при всей разнородности исследовательских традиций), на выявление гетерогенных оснований и логик дисциплинарной организации, на изучение агентов и структур, формирующих и изменяющих дисциплины;
- понимание дисциплинарности оказалось в плоскости как макроконтекстов, так и микроконтекстов и ситуаций;
- процессы обновления и смешения прежних дисциплинарных языков

не означают исчезновения феномена дисциплинарности, но акцентирует внимание на изменение его формата;

- концепт академических культур, или *дисциплинарных «культур знания»,* выходит на приоритетные позиции по сравнению с понятиями «парадигма», «невидимый колледж», «ядро и фронтир науки», преобладающими в исследованиях 1960-х – 1980-х годов, и начинает переходить из методологических трудов в работы практиков и историков гуманитарного знания.

Среди концептуальных лакун и уже определившихся новых подходов к изучению дисциплинарности:

- проблематизация практик когнитивного упорядочивания разных дисциплин; теоретическая и историографическая саморефлексия;
- акцент на исторический аспект изменчивости и релятивности дисциплинарного и протодисциплинарного деления наук;
- изучение историографических традиций отдельных наук как механизмов поддержания их дисциплинарного статуса;
- осмысление границ той или иной науки как ключевой темы ее развития, анализ институциональных, эпистемологических и практических факторов выделения предметной области той или иной дисциплины;
- анализ профессиональных сообществ, их организации, эволюции, соотношения с институциональными механизмами научного развития;
- исследование практической и социальной реконфигурации исследовательских фреймов, процедур и инноваций;
- экспликация интернациональных факторов развития поля социогуманитарных дисциплин.

Устойчивая тенденция к распространению междисциплинарных исследований в современной науке, трансформация классических «дисциплинарных миров» в «пост-» и «постпостмодерную эпоху» настоятельно требуют согласованности осознанных и спонтанных механизмов организации научных исследований, что ориентирует на многомерный анализ уже возникших «дисциплинарных моделей», изучение истории дисциплинарной организации науки и ее главных составляющих – научных дисциплин со всей универсальностью и неповторимостью «дисциплинарного бытия» каждой отдельной ветви научного знания. Дисциплины сегодня предстают не как уходящий жанр классификации знания или застывшая форма организации академической работы и учебного процесса, но как динамичная система автономных и взаимосвязанных исследовательских кластеров, меняющаяся в зависимости от времени и контекста[1].

* * *

[1] Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 631-636.

Комментарии-post

Выборочный анализ текстов позволяет тем не менее выделить тезисно ряд наметившихся тенденций в процессе понимания / изучения дисциплинарности.

1. История изучения дисциплинарности «пережила» со второй половины XX века по сегодняшний день «две волны».

Первая «волна» пришлась на 1950-1980-е гг. – время созданий теорий дисциплинарности под влиянием преимущественно двух факторов:

- интереса к междисциплинарным практикам,
- поисков в сфере наукознания таксономической единицы анализа – универсальной для всех областей исследования науки.

Вторая «волна» своим пиком имеет приблизительно второе десятилетие 2000-х, когда:

- наглядно проявили себя проблемы собственно междисциплинарности,
- дисциплинарная матрица при этом оказалась весьма стойкой перед «междисциплинарным вызовом», обнаружился неисчерпаемый потенциал научной дисциплины,
- в связи с этим обозначилась тенденция поиска баланса между дисциплинарной и междисциплинарной структурами науки,
- идея «общества знания» с акцентом на роль науки и знаний, на перманентное образование высветила необходимость осмысления *истории интердисциплинарности* (Л. П. Репина) и институционализацию этого нового направления в общей структуре наук о науке,
- новая эпоха – эпоха крушения всех дисциплинарных механизмов «человеческого/людского общежития» (В. О. Ключевский) – еще в большей степени актуализировала проблему стандартизации социума и культуры, ограничительных механизмов цивилизации и проч.

Ремарка-цитата: М. А. Розов: «Воспроизведение человеческой деятельности или поведения по непосредственным образцам я и называю социальными эстафетами»[1].

В «промежутке» между этими «волнами» дисциплинарные исследования не исчезали ни в евроатлантическом научном пространстве, ни в восточноевропейском, однако интерес к ним и признание их актуальности меняли свою конфигурацию подчас с «плюса на минус».

2. Сегодня дисциплинарность по-прежнему признается аксиоматичным фактом организации современной науки, сохраняющим свой потенциальный ресурс:

---

[1] *Розов М. А.* Философия науки в новом видении / Ред. Н.И. Кузнецова. М.: Новый хронограф, 2012. С.85.

- специализация научного знания (внутри- и междисциплинарного) выступает в качестве одной из ведущих закономерностей научного развития,
- дифференциационно-интеграционные процессы, обусловленные как собственно дисциплинарным развитием, так и междисциплинарным движением, остаются основным сущностным показателем науки,
- практика свидетельствует о том, что новые научные образования институционализируются по классическим образцам дисциплинарного строения.

3. Проблемы дисциплинарности все более оказываются на пересечении проблем междисциплинарности, создавая единый контекст рассмотрения организационных форм научных исследований, причем коммуникативные практики выступают в качестве приоритетной тематики для обоих типов организационно-исследовательской структуры.

4. Дисциплинарность соотносят с институционализацией научного знания; завершенность дисциплинаризации / институционализации определяется завершенностью процессов, показателями которых являются параметры моделей научной дисциплины («универсалии дисциплинарности», по М. К. Петрову) или критерии институционализации. При этом высвечивается мозаичная картина дисциплинарного моделирования, отсутствие единых подходов (при всем значительном диапазоне сходства дисциплинарных маркеров) к формированию дисциплинарного образа науки, о чем свидетельствует репертуар количественных данных о наличии научных дисциплин[1].

5. Междисциплинарность воспринимается как явление, присущее всей истории науки, с конкретно-историческими вариантами взаимодействия наук – междисциплинарных коммуникаций, в связи с этим актуализированы вопросы форм / типов междисциплинарности и междисциплинарных систем в темпорально-региональном контексте.

6. Дисциплинарность и междисциплинарность изучается сегодня преимущественно с позиций коммуникативного подхода – как системы научных коммуникаций. Эволюция организационных форм науки трактуется преимущественно не в линейной плоскости – как замена дисциплинарности междисциплинарностью, – но как сосуществование разных типов научных коммуникаций; междисциплинарность соотносится с «передним краем» науки, дисциплинарность – с «нормальной наукой».

7. Гипертрофия идеи междисциплинарности сменяется анализом возможностей этого типа научных коммуникаций и одновременно выявлением

[1] См. раздел «О дисциплинарных и институциональных моделях».

проблем междисциплинарных исследований («язык», «перевод», экспертиза и т. п.). Акцентирован тезис о том, что не может быть универсальных стандартов междисциплинарных исследований, т. к. каждая проблемная ситуация требует выработки конкретного инструментария в соответствии с задачами исследования и ориентацией на определенный тип / форму междисциплинарности.

> ***Ремарка-мнение:*** Вера в «общий рынок» общественных наук сохранилась, но «поубавилось только эйфории по поводу неограниченных возможностей универсальных законов, исторического синтеза, математических методов, сильной теории и т. д. Изменилось представление о характере нашего знания о прошлом, да и о самом прошлом, которое теперь уже не то, "что было на самом деле", и даже не реконструкция, а образ, репрезентация или конструкция»[1].

8. Реактуализация идеи дисциплинарности провоцирует ресемантизацию этого понятия, что включает анализ:

- конкретно-исторических форм дисциплинарности,
- региональной специфики,
- институциональных особенностей,
- социокультурной детерминированности,
- способностей конкретной дисциплины к выработке гибкой стратегии по сохранению и укреплению своего статуса,
- неповторимого индивидуального маршрута отдельной дисциплины и др.

9. Приоритет социологической направленности в изучении дисциплинарности за последние десятилетия в определенной степени нарушил баланс в исследовании всех сторон, аспектов – «ипостасей» – дисциплины как таковой; когнитивные проблемы теряют приоритетность, а интерес к коммуникативным практикам в большей степени сфокусирован на собственно взаимоотношениях / связях / контактах представителей дисциплинарного сообщества, нежели на выявлении механизмов получения знания в результате этих коммуникаций – вопрос, поставленный еще Т. Куном.

10. За предшествующие десятилетия дисциплинарные исследования теоретического характера были оттеснены на «периферию» исследовательского поиска, одновременно широкий размах приобрели историко-научные исследования по истории конкретных дисциплин, преимущественно фактографической / эмпирической направленности.

11. Проблема творчества в контексте дисциплинарных и междисципли-

---

[1] См.: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История в пространстве социальных наук // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С.15.

нарных практик не получила еще должного осмысления, поскольку в ментальности ученых сохраняется схематичный образ дисциплины – скорее как *историографической традиции*, нежели как реального феномена. Проблема реальности/виртуальности дисциплины и дисциплинарности еще ждет своего часа.

12. С 1990-х гг. образ дисциплины в научном поле был предельно редуцирован: из сложно структурированного, исторически и регионально изменчивого явления, научная дисциплина во многом благодаря постмодернистским конструкциям и антипросвещенческому мировидению превратилась в упрощенный эквивалент надзирающего механизма, создающего систему дискурсивных стереотипов. Позднее, на волне уже противостояния «постмодернистскому бреду» (П. Бурдье), с возрождением Автора и Актора, научная дисциплина приобрела черты деструктивного по отношению к ним феномена.

13. «Старые» идеи (времен 1950-1980-х гг. и более ранние!) – не исчерпаны по своему когнитивному потенциалу, и ряд «новых» подходов (при всем действительном новаторстве многих исследователей) предстают в обрамлении лексических манипуляций, не отражающих существенное продвижение в исследовании проблем дисциплинарности.

> ***Ремарка-цитата-тезис:*** «История восстанавливается из прошлых, оставленных или забытых опытов, о чем специалисты почти забыли и снова открыли…»[1] – простая мысль, ориентирующая на принятие тезиса о самоценности т.н. «устаревших новаций» и «принципиальный эклектизм», характерный для творчества многих выдающихся ученых, который был основой их долгосрочного следа в науке.

14. «Линию» изучение *дисциплины* и *дисциплинарности* можно условно обозначить следующей схемой в соответствии с ракурсом проблематики:

- сначала – поиски конвенциональных основ: *что* объединяет?
- потом – выход на вопросы: что нарушает границы дисциплины?
- далее – переход от идеи *дисципдинарности* к идее *междисциплинарности:* попытка утверждения тезиса: НД – это анахронизм;
- в связи с размахом междисциплинарности и появлением новых проблем междисциплинарных исследований актуализируется интерес к дисциплине;
- очередной виток «кризиса» и обращение к новой панацее – «обществу знания» стимулировали проблему дисциплинарности и генезиса дисциплинарных образований;
- актуализация проблем типологии организационной структуры науки

---

[1] *Эмар М.* Профессия и призвание историка (современные подходы) // Философская и социологическая мысль. 1995. № 5-6. С.77.

в связи с осознанием дисциплинарности и междисциплинарности как взаимодополняемых феноменов и т. п.

15. Эволюция «образов» НД (восприятие сущностного содержания) можно условно обозначить «линией»:

- образ НД как аналог теории / «парадигмы» и/или метода;
- образ НД как сообщества/сообществ/научных «гранул» (антропосоциальный подход);
- образ НД как «система» / конгломерат различного рода коммуникаций.

Одновременно конструирование моделей НД эволюционировало от онтологической модели, через гносеологическую и методологическую к организационной и, наконец, коммуникативной, при этом интерес к проблемам «деятельности/практик» детерминирует фокусировку на новую – *деятельностную модель* (не исключая – *когнитивно-мировоззренческую*) НД.

Ремарка-штрих. «Линейка инструментария» в изучении НД в соответствии с ее образами (онтологическим, гносеологическим, методологическим, организационным, коммуникационным, деятельностным, кроме того – как системы мышления/мировоззрения) должны сегодня восприниматься в синтезе, а не в «линейной плоскости», либо избирательно в зависимости от целей изучения; нарушение баланса между различными подходами к изучению НД и утрата равновесия между ветвями единого комплекса «наукознания» – явление закономерно-естественное как периодические флуктуации исследовательского интереса – должно быть в сфере рефлексивного внимания.

16. «Дисциплинарный поворот» только начинается, и связанные с ним новые модификации дисциплинарного образа еще четко не определили себя; траекторию нового «поворота» сформирует общая интеллектуальная и социокультурная ситуация при активной позиции всех представителей научного/дисциплинарного мира[1].

[1] Это – далеко не все выводы автора, однако в последующих разделах обращение к новой тематике в иных аспектах позволит вернуться к рассмотренным вопросам.

III.
Категории и модели

...наука есть ничто иное, как система понятий...
П. М. Бицилли[1]

О «дисциплинарном» и «проблемном» образах науки

С 1980-х годов в теоретической литературе постепенно утверждаются, а в начале 2000-х годов широкий резонанс приобретают идеи о новом типе организации науки – *проблемном.* Характерно, что идея проблемного образа науки занимает приоритетные позиции среди многих представителей «ученого цеха» именно в то время, когда идея «дисциплинарного образа» науки получает свое теоретическое обоснование – конструируются «дисциплинарные модели» науки.

> ***Ремарка.*** На протяжении последнего полувека действительно меняется характер научной деятельности: на передний исследовательский рубеж выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные (mission-oriented) разработки: предшествующая ориентация науки преимущественно на познание изолированных фрагментов действительности, имеющих тенденцию становиться все более «узкими» и «конкретными», сменяется комплексными исследовательскими программами, в которых принимают участие специалисты различных областей знания. Среди условий организации подобных исследований – выбор приоритетных направлений (что связано с финансированием междисциплинарных проектов), который помимо теоретических критериев зависит во многом от экономических и социально-политических соображений[2]. Подчас подобный отбор связан и с конкуренцией между дисциплинами, представители которых задействованы в междисциплинарных исследованиях, поскольку дисциплинарные арьергарды в междисциплинарных проектах по-прежнему сохраняют свои позиции.

Веским основанием для появления идеи дискредитации дисциплинарности явился факт практического обоснования того, что дисциплинарная ор-

---

[1] *Бицилли П.* Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX. С.3.

[2] См.: *Степин В. С.* Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки: Сборник статей / Рос. АН, Ин-т философии; [Отв. ред. Е. А. Мамчур]. М.: ИФРАН, 1992. С.12; *Мамчур Е. А.* Анализ структуры научного знания в отечественной философии науки: 60-90 годы // Философия естествознания: ретроспективный взгляд. М.: Институт философии РАН. 2000. С.103.

ганизация науки, составляющая основу т. н. «образовательной» науки, т. е. знаний, функционирующих в современном образовательном процессе, существенно отстает от проблемно-поисковых разработок, хотя и составляет их фундамент[1].

Многие ученые сочли возможным сделать вывод о закономерной и неизбежной смене дисциплинарной организации науки – проблемной. «Линейность» как исходный концепт в восприятии истории идей (впрочем, как и явлений, которые выражают и отражают эти идеи) методологически детерминировал этот вывод.

> ***Ремарка-штрих.*** Парадоксально, что именно в этот период – с рубежа 1980-1990-х годов, на волне «кризиса науки» – началась «борьба» с идеей «линейности» в подходе к пониманию любых явлений: в общеисторическом – дискредитация формационной теории и эволюционизма, в философии и социологии науки – критика теорий кумулятивности и даже «революций в науки» и распространение «кейс стадис».

Обращение к реальной практике научных исследований (почти повсеместно) заставляет с известной мерой скепсиса относиться к категоричности тезиса о «смене» организационных форм науки.

Дисциплинарный и *проблемный образы науки* вряд ли стоит рассматривать исключительно как стадиальные категории, ибо они – не альтернативные, но взаимодополняющие «ипостаси» науки. «Дисциплинарность» и «проблемность» – два типа организации научно-исследовательской работы, дополняя и восполняя друг друга, образуют тем не менее неразрывное целое – науку, многоструктурное, многоуровневое и полисистемное образование, в котором каждая предшествующая форма «удерживается в качестве основания для возникновения последующей»: в современном обществе новые формы науки выросли из прежних социальных матриц, которые сохранились, приобретя новые качественные признаки[2].

Если междисциплинарность дает возможность увидеть привычные исследовательские объекты в разных ракурсах, расширить методологический инструментарий их освоения, способствует установлению «критической дистанции» по отношению к многочисленным способам репрезентации исторической реальности, не давая возможности «оказаться в плену» ни у одного из них (Л. П. Репина), то дисциплинарность сохраняет свое функциональное

---

[1] См.: *Урсул А., Урсул Т.* «Устойчивое» будущее и новый образ науки // Государственная служба. 2004. № 6; *Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А., Андреев А. И.* Образование для устойчивого развития в России: проблемы и перспективы (Экспертно-аналитический доклад). М.: Московская редакция издательства «Учитель»; Изд-во Московского университета, 2017. С.60-61, 181.

[2] См.: *Огурцов А. П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. М.: Наука, 1984. С.174.

предназначение в когнитивно-социокультурном пространстве как арьергардная система апробированных нормативов историописания.

Дисциплинарный массив знания, постоянно пополняемый, вне зависимости от применения либо «автохтонных», либо различных иных методик в границах типологии кросс-дисциплинарных исследований, по-прежнему остается базовым достоянием дисциплинарного сообщества и одновременно щедро поставляется на «общий рынок» науки.

Образ современной науки и научного исследовательского поля можно представить в следующих версиях.

Версия первая: кегль 14. Современная структура науки более напоминает «*проблемно-дисциплинарный» тип*. «Передний край» науки всегда организован проблемно и часто исследовательская проблема лежит на «перекрестке» дисциплинарных «территорий», вызывая к жизни междисциплинарные методики и создавая собственное «проблемное поле» (определение направлений «*новой исторической науки»* как «проблемных полей» наглядно отражает данный факт); дисциплинарная же организация науки – как арьергард, «жесткое ядро» – выступает в качестве канала, обеспечивающего социализацию достигнутых на когнитивном уровне результатов, превращая их в «культурно-исторические образцы». При этом следует учитывать «двуликий образ» научной дисциплины, которая включает в себя свой «учебный лик» – *учебную дисциплину*, наиболее «консервативный» с точки зрения своей функциональности: его главная цель – сохранение и передача традиций – «дисциплинарной матрицы», воспроизводство научного сообщества в общепринятых для данного этапа развития науки («нормальной» – по Т. Куну) нормативах. В связи с этим проблемно-дисциплинарная структура науки имеет три «фазы» функциональной деятельности с точки зрения «движения» знаний и их институционализации.

Первая фаза – ***проблемно ориентированные исследования***, т. е. «передний край», на котором осуществляется «прорыв» в науке (отдельной отрасли): здесь возникает «вопрос» и формулируется исследовательская проблема в сообществе единомышленников, которые представляют собой институционально не оформленное «научное движение», «невидимый колледж» и т. п.

Вторая фаза – ***научная дисциплина*** как исследовательская сфера дисциплинарной организации: новые идеи аккумулируются, апробируются, идет «борьба» за утверждение нового направления, которое может состояться, конституироваться при поддержке институционально признанных дисциплинарных блоков. В этом случае происходит официальное оформление нового проблемно-ориентированного направления: создаются организационные исследовательские структуры (кафедры, секторы, отделы, лаборатории, которые обеспечиваются финансированием) и формируются новые парадиг-

мальные образцы – теории, концепции, методы и проч.; издаются монографические работы – складывается историография новой проблемной области; получают распространение и признание в научном сообществе такие формы коммуникации, как специализированные издания, конференции и т. п. Возможен иной вариант: под давлением конкурирующих направлений и «догматизации» парадигмальных основ - «хрестоматийного ядра» официально признанной научной дисциплины (возможен комплекс факторов «негативного» порядка) – новое, еще не оформившееся «научное движение», «исчезнет» или его развитие получит дискретный характер.

Третья фаза – ***учебная дисциплина***, в рамках которой происходит закрепление (в случае признания новой области знания) новых концепций, идей и проч.; появляется «учебный лик» новой области в форме в первую очередь специальных курсов (в учебном процессе в украинской и российской традициях практически все т. н. «общие» курсы строятся дисциплинарно, а «специальные» курсы – проблемно), семинаров, издается учебно-методическая литература (блок апробированных и утвержденных дисциплинарной элитой компендиумов), формируются специализации: начинается систематическая подготовка профессионалов по данной специализации.

Эта схема, контурно очерченная, может быть выражена следующим образом:

ПДОН { ПСН & ДСН (НД + УД) –

проблемно-дисциплинарная организация науки – это *проблемная структура науки + дисциплинарная структура науки*, составляющие которой – *научная* и *учебная дисциплины*.

Разумеется, предложенная схема включает лишь общие линии институционализации научного знания на когнитивном (вопрос – проблема – гипотеза – теория – концепция) и социально-организационном уровнях («инициативная группа» / «невидимый колледж» – «научное движение» – «проблемно-исследовательский коллектив» – научное направление – научная область – научная дисциплина (дисциплинарное научное сообщество).

Фиксируя существование двух уровней научного знания, двух образов науки, науковеды и историки науки выдвигают проблему их поэтапного изучения. *Первый этап* предполагает «размежевание» дисциплинарного и проблемного образов науки; на *втором этапе* происходит поиск механизмов взаимодействия данных форм организации научной деятельности: ответы на вопросы – каким образом происходит трансляция идеалов, ценностей, норм и процедур «исследовательского поиска в канон дисциплинарного знания», как воздействуют «механизмы селекции» дисциплинарного знания на реальные процессы научных исканий; в силу каких причин «дисциплинарная канонизация» результатов определенной исследовательской программы способствует отбору лишь одной из множества исследовательских программ

и приводит к ее институционализации в системе образования – составляют содержание многопланового анализа[1] .

«Дисциплинарные идеалы» – нормативные образцы – могут рассматриваться в качестве эквивалентов «экологических ниш», направляющих силы отбора на биологические объекты. Поскольку «биологические ниши» являются динамично изменяющимися объектами, постольку, по мнению С. Тулмина, К. Хукера и других крупнейших специалистов в области философии науки, в их динамике следует рассматривать и «дисциплинарные идеалы», среди которых – «объяснительные идеалы», называемые также *интеллектуальной политикой*. Именно они образуют те квалификационные требования, на основе которых формируются критерии «отбора» различных инноваций в науке – идей, методов, теорий и концепций (включая «историографические модели»)[2].

Анализ проблемно-дисциплинарной структуры научных исследований позволяет:

1) выявить процессы складывания конкретных исследовательских программ, научных направлений и школ, а также формирования национальных комплексов научных дисциплин (с их специфичными самоназваниями, особенностями статуса в дисциплинарной иерархии и проч.);

2) осмыслить «разрывы» по тем или иным причинам «переднего края» науки и ее «жесткого ядра» (дисциплинарного поля), наличие «не состоявшихся» проблемных полей / направлений, факторы пресечения институциональных процессов и проч.;

3) составить «картографию» научных дисциплин и соответственно научных сообществ – их взаимосвязей, взаимовлияний, трансформации и т. п. – и проследить функциональную реализацию дисциплинарных доктрин.

Предложенная гипотетическая модель *проблемно-дисциплинарной структуры науки* предполагает учет следующих моментов:

во-первых, проблемный и дисциплинарный уровни организации науки можно рассматривать как полярные (и при синхроническом анализе научной деятельности и при диахроническом подходе к ее изучению), но отнюдь не единственные: между ними, безусловно, существует целый ряд «промежуточных» форм и уровней; их репертуар (учитывая наличие «терминологического хаоса» не только в области родной исторической науки) определяется различными наименованиями исследовательских групп (сообществ), которые разнятся формами когнитивной доктринальности и социально-организованной интегрированности;

---

[1] См.: *Огурцов А. П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. М.: Наука, 1984. С.175.

[2] См.: *Хахлвег К., Хукер К.* Эволюционная эпистемология и философия науки // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия / Сост. А. А. Печенкин. М.: Логос, 1996. С.174.

во-вторых, проблемно ориентированный тип организации науки не исключает «дисциплинирующих норм» и различного рода «регулятивов», напротив, их наличие необходимо (хотя и имеет, безусловно, свою специфику по сравнению с дисциплинарным уровнем организации, как и с иными – «промежуточными»), ибо связано с «фактором институционализации»;

в-третьих, междисциплинарные проекты, возникающие на «переднем крае» науки, могут иметь своим итогом как формирование новых дисциплин, возможно, интегрального характера, но требующих утверждения своих – ново-дисциплинарных – нормативов, так и «обогащение» / пополнение дисциплинарного багажа тех дисциплин, которые участвовали в меж-дисциплинарных проектах.

Версия вторая: кегль 16. Проблемное поле науки (**ППН)** имеет свою структуру. Проблемно ориентированные исследования, которые чаще всего соотносят с проблемной организацией науки – ее «передним краем», своей исходной ключевой категорией имеют категорию «проблема». В этом плане в развитии науки «проблема» выступает в роли своеобразного «катализатора в интеграции научных дисциплин», фокусируя исследование на междисциплинарных вариантах – и это уже превращается в «клише», – соотносимых с более прогрессивными по сравнению с внутри-дисциплинарными познавательными практиками. Понятие о проблеме как «концентрированном выражении противоречий пространственно-временного развития» составляют сущность т. н. «проблемного подхода» (характерной чертой которого является комплексность и системность), получившего с последней трети XX века особое признание, что способствовало его внедрению как в исследовательскую сферу, так и в процесс образования[1].

> ***Ремарка-штрих***. Проблемный подход в преподавательской / научной практике – явление отнюдь не новое: еще с XIX в. и особенно в начале XX в. в российских университетах профессура переходила от линейно-последовательного изложения материала к проблемному. Наглядными образцами этих двух типов дискурса являются курсы русской истории С. М. Соловьева (диахронически-фактологический) и В. О. Ключевского (проблемно-структурный).

Проблемный подход вряд ли стоит элиминировать из дисциплинарного пространства и сопоставлять лишь с «передним краем» науки. *Научная проблема* – результат сложной исследовательской процедуры, включающей выявление антиномий и парадоксов в существующем знании для обозначения нерешенных вопросов в исследуемых объектах[2].

---

[1] См.: *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Основы региональной политики. СПб: Изд-во Михайлова В. А., 1998. С.67.

[2] См.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.41-42.

Если *предметное поле* – это содержательное пространство предмета дисциплины, то *проблемное поле* состоит из двух пластов:

1) «жесткое ядро» (используя терминологию И. Лакатоса) проблемного поля, входящее в предметное поле дисциплины, включает проблемы, постановка и решение которых может осуществляться на основе одной или нескольких парадигм, общепризнанных в качестве образцов исследовательской практики в данной дисциплине в конкретном регионально-темпоральном режиме;

2) «авангард» проблемного поля – проблемно-организованная сфера науки, «передний край» исследований, «выходящий» за дисциплинарные границы и включающий проблемы, постановка и решение которых требует инновационных подходов на основе «парадигмальных сдвигов», чаще всего на междисциплинарной основе.

Проблемная ситуация – интеллектуальная ситуация в пространстве предметного / проблемного поля, вызванная эвристическим затруднением, в основе которого – невозможность решения поставленной задачи / проблемы известным набором исследовательского инструментария, что побуждает к поиску новых познавательных средств. При этом возникновение проблемной ситуации возможно в границах *всего* проблемного поля.

Но: в границах ДСН (дисциплинарной структуры науки) «новые познавательные средства» могут представать как *новое видение* традиционных, парадигмально-«официальных» составляющих дисциплинарной матрицы. В границах ПСН (проблемной структуры науки) – «новые познавательные средства» представляют собой действительно инновационные, новаторские, ново-парадигмальные составляющие исследовательской матрицы, которая ляжет в основание принципиально нового проблемного поля / научного движения / научного направления / субдисциплины, наконец, новой дисциплины.

Схема *проблемного поля* может быть условно представлена следующим образом:

ППН (проблемное поле науки) включает **ДПП** (дисциплинарное проблемное поле / «жесткое ядро») в **ДСН** (дисциплинарной структуре науки)

&

АПП (авангард проблемного поля / «передний край» исследований) в **ПСН** (проблемной структуре науки)

«Расширение» предмета / предметного поля дисциплины может происходить в результате «расширения» (качественной трансформации) обоих пластов проблемного поля. Стратегии **НД** (научной дисциплины) по укреплению своего дисциплинарного статуса предполагают «активность» представителей дисциплинарного научного сообщества и с необходимостью включают «перевод» инноваций «переднего края» в дисциплинарную матрицу.

На уровне *учебной дисциплины* (**УД)** инновационные результаты обоих пластов *проблемного поля* могут внедряться в учебные курсы как общие (особенно если используется *проблемный подход* в «изложении» материала), так и в первую очередь – специальные, построенные обычно по проблемному принципу; немаловажную роль играют проблемно ориентированные семинары.

При этом важен фактор соединения научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности как академического, так и университетского ученого: использование собственных научных наработок в преподавательской сфере. Неизбежный люфт между научной и учебной дисциплинами следует сокращать до оптимально-здравомыслиемого уровня.

Возникает вопрос: кто представляет эти сегменты – дисциплинарный «край» науки + учебный лик и ее «передний край»? Для этого следует обратиться к понятию *научное/дисциплинарное сообщество*.

О дисциплинарном научном сообществе

Науку делают люди.
В. Гейзенберг[1]

Научное сообщество – из ключевых понятий современной науки. В философско-социологической литературе можно выделить несколько подходов к осмыслению этого феномена научной жизни.

Первый подход фокусирует внимание на интерпретации этого понятии в контексте проблемы «Человек в науке»[2]. Категория *научное сообщество* неразрывно связана с проблемой «человек в науке», т.к. оба понятия – *сообщество* и *ученый* – являются *субъектом науки*: первое – *коллективным*, второе – *индивидуально-личностным.* Изучение «человека в науке», или *субъекта* научного познания и научной деятельности, имеет свой маршрут: «образы» субъекта науки условно отражают этапы в попытках решения проблемы.

Первый образ субъекта науки – ***Ученый-творец*** – определил по преимуществу *психологический подход*: творческая личность в эпоху «Малой науки» (до середины XX века) воспринималась как психологическая индивидуальность вне социального контекста и выступала как *причина* всех событий в процессе научной деятельности. История науки превращалась в историю ученых, научное знание – в сумму личных вкладов; в историко-научных работах преобладал биографический подход, а сама история выступала как «история достижений» со значительным мифологическим элементом, часто сотворяемым самими учеными.

Второй образ субъекта науки ***научное сообщество*** (*коллективный субъект*) детерминировал новый подход – с позиций *нормативной социологии*. Основатель нормативной социологии, или институционализированной науки, Роберт Мертон и его школа своим предметом анализа сделали *деятельность в социальном институте науки* с акцентом на самоорганизующуюся и саморегулирующуюся науку, движение которой осуществляется деятельностью научного сообщества по определенным правилам. Однако «абсолютизация объективной детерминации всех процессов в науке» повлекла за собой представление о том, что ученый являлся *следствием* всей системы – произошла «утрата человека»: «знание» оторвали от «субъекта». Эпоха «Большой науки» (с середины XX века) выдвинула проблему деятельности в научных коллективах: Личность (изучение которой стало считаться анахронизмом) сменил ти-

---

[1] *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое: Пер. с нем. М.: Наука, 1989. С.135.

[2] См. подробнее: *Мирская Е. З.* Человек в науке: социологические дискуссии XX века // Социология науки и технологий. Специальный выпуск к 100-летию Роберта К. Мертона. 2010. Том.1. № 4. С. 26-45.

пичный ученый, узкий специалист, член профессиональной организации; акцент анализа сместился с «ученого-творца» на проблемы организации науки, поиск новых институциональных форм ее существования и развития.

Третий образ субъекта науки ***Ученый*** (который опять был принят за *причину* всех событий в науке), но не как психологическая индивидуальность, а как член социально функционирующей научной группы, обусловил новый подход – с позиций *интерпретативной социологии*: на первое место был поставлен субъект познания с признанием первичности поступков и мотиваций представителей научного сообщества и вторичности структурирования социальных событий, производимых ими в процессе совместной деятельности. Новый ракурс исследований обусловил возникновение с 1970-х гг. *социологии научного знания* – благодаря Т. Куну, Н. Стореру и другим ученым «знание» соединили с «субъектом». С 1980-х гг. в контексте «интерпретивистской концепции» научное сообщество стали представлять не как единую структуру, но как «гранулированную среду»: «гранулы», сплоченные группы, коллективно создающие новый элемент знания в борьбе и компромиссах с другими аналогичными группами. Новый акцент исследования проблемы – уникальность взаимодействия ученых – определил проблемное поле: поиск коммуникативных механизмов, способствующих выработке парадигмальных основ научной дисциплины.

> ***Ремарка. Из хрестоматии с комментарием.*** Представление о *научном сообществе* было введено Р. Мертоном для выделения предмета социологии науки и ее отличия от социологии знания, а затем дополнено в работах Т. Куна, Т. Парсонса и Н. Сторера применительно к характеристике научной профессии[1]. В то же время конвенционально признано, что категория *научное сообщество* была введена Майклом Полани, но только после работы Томаса Куна «Структура научных революций» (1962), получившей довольно широкое распространение, это понятие стало одним из фундаментальных, применяемых при изучении структуры и динамики различных наук / дисциплин.

В *Предисловии* к своей книге (1962) Т. Кун четко называет имена тех ученых, которые оказали на него «особое влияние» – А. Койре, Э. Мейерсон, Е. Мецгер, А. Майер, А. Лавджой, Б. Л. Уолрф, Ж. Пиаже, А. Куайн, Ф. Х. Саттон: «…я обязан им очень многим, – пишет Т. Кун, – хотя сейчас нередко уже не могу полностью осознать их влияние»[2]. Стоит заметить, что среди перечисленных – нет имен М. Полани и Р. Мертона. О М. Полани Т. Кун упомянул в связи с

---

[1] См.: Социология науки. Электронный ресурс: Хрестоматия / Сост. Э. М. Мирский; Науч. ред. С. А. Лебедев; Ин-т системного анализа РАН, Лаб. организации и управления наукой фак. гос. управления МГУ. URL: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/0.htm

[2] *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.14-15.

«блестяще» (по его определению) развитой темой о «скрытом знании», которое «определяется практикой и которое не может быть разработано эксплицитно»[1]. О книге Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта» (1935) Т. Кун говорит совершенно определенно: эта книга «предвосхитила многие мои собственные идеи», в частности в области «социологии научного сообщества»[2]. Введенные Л. Флеком понятия *стиль мышления* («Denkstil») и *коллектив мыслительный / мышления* («Denkkollektiv»), которые он понимал довольно широко, стимулировали творческую мысль Т. Куна. Безусловно, не стоит недооценивать влияния школы Р. Мертона и работ М. Полани на Томаса Куна: заимствованные у предшественников идеи и терминология получили свою оригинальную творческую трансформацию в куновском дуэте *парадигма-научное сообщество*.

Второй подход ориентирован на эволюцию «образа» *научного сообщества* в соответствии с «образами» науки – классическим (позитивистским), неклассическим (постпозитивистским), постнеклассическим (структуралистским, постструктуралистским и т. п.)[3].

1. В эпоху классической науки позитивистская (функционалистская) трактовка научного сообщества была основана на признании его структурой, ориентированной на производство «истинного знания», маркеры которой: коллективный характер производства знания, основанный на коммуникативных связях ученых, наличие согласованной системы норм и идеалов познавательной деятельности, передающихся от поколения к поколению.

Позитивистская социологическая модель науки и научного сообщества была впервые обоснована в рамках структурно-функционального анализа Р. Мертоном, предложившим трактовку науки как социального института, важнейшей функцией которого является производство достоверного знания. Обратив внимание на то, что основным механизмом, регулирующим профессиональную деятельность ученых, являются нормы, Р. Мертон ввел понятие «этос науки» – комплекс универсальных корпоративных ценностей и норм, обязательный для человека науки и выражающийся в форме предписаний, запрещений, предпочтений и разрешений (универсализм, «коммунизм», бескорыстность, организованный скептицизм)[4]. Научное сообщество – это сложная система взаимодействующих друг с другом коллективов, организаций и учреждений: от лабораторий и кафедр до государственных институтов и академий –

---

[1] *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.С.75.

[2] Там же. С.15. Эта оценка во многом способствовала созданию высокой научной репутации Л. Флека (выдающегося микробиолога) как философа науки.

[3] См. подробнее: *Бурганова Л. А., Мягков Г. П.* Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 139-146.

[4] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с. и др.

по вертикали; вся совокупность государственных организаций, общественных институтов, неформальных групп, не имеющих институционализированной структуры и административной регуляции (научные школы) – по горизонтали. Все они коммуникативно связаны как между собой, так и с другими подсистемами общества и государства (экономикой, образованием, политикой, культурой и др.). Вне рамок институциональных структур формой организации свободных научных коммуникаций между учеными является сеть личных контактов и процедур взаимного обмена информацией в виде «республики ученых» и «научной школы» (Р. Мертон), а также «незримого колледжа» / invisible college (Д. Прайс). «Незримый колледж» – достаточно сплоченная, внутренне (но не – «географически») связанная социальная / референтная группа, вовлеченная в подвижное познавательное взаимодействие (личная переписка, обмен результатами исследований, общение на конференциях и т. п.), в которой регулирование статусных позиций осуществляется на базе экспертной оценки публикаций материалов исследования.

2. В эпоху неклассической науки внимание было сосредоточено на анализе структуры научного сообщества, роли субъективного фактора науки, сложносоставной конструкции научного знания, механизмов революционных процессов в науке и др.

(1). М. Полани, один из основателей постпозитивизма, в противовес позитивистам, отстаивавшим положение об объективности научного знания и его деперсонализированном характере, утверждал, что абсолютная объективность представляет собой ложный идеал, поскольку любые умозаключения базируются на персональных суждениях, и получаемые в процессе научной деятельности знания (как и сам этот процесс) не могут быть деперсонифицированными. Три позиции в концепции М. Полани особо значимы: 1) идея о необходимости включение в анализ процесса научного познания конструктивной роли субъекта познания: «в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности»[1]; 2) введение в научный оборот самого понятия «научное сообщество», как особой формы организации свободных научных коммуникаций, обеспечивающих научную традицию; 3) идея о наличии в структуре знания явных и неявных компонентов: «явные знания» в форме понятий, суждений, теорий и т. п. имеют «интерперсональный характер» и могут передаваться без личных связей; «неявное» / «неосознаваемое» – «личностное» знание, вплетенное в теоретические навыки ученого, проявляется в его практической деятельности и передается только путем личных контактов: в процессе общения с учителем, ученик, «стремясь превзойти его… бессознательно осваивает нормы искусства, включая и те, которые неизвестны самому учителю»[2].

---

[1] См.: *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. И. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М Смирновой, Б. А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. С. 19.

[2] Там же. С.87.

Научное знание отнюдь не сводится к системе высказываний и таким образом не может считаться чисто семиотическим объектом. Подлинная тайна всякого профессионального мастерства, в том числе научного познания, – «неявное знание», которое невозможно выразить в словах, формулировках, системе строгих «предложений». Знание обладает экстралингвистическими характеристиками, и «высказывание» предстает как бы вершиной айсберга, подводная часть которого скрыта в сфере «неявного».

(2). Томас Кун в поисках единицы анализа науки первоначально сделал ключевым понятие *парадигма.* Исходя из эпистемологических и методологических соображений, он определял парадигму как совокупность убеждений и ценностей, моделей и образцов решения научных проблем, характерных для членов научного сообщества. Подобный «изоморфизм» (или, по определению самого Т. Куна, «логический круг»: парадигма объединяет членов научного сообщества, и наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму) вызвал критическую реакцию коллег, что заставило ученого пересмотреть исходные позиции. В дополнениях к своей книге, сделанных в 1969 году, Т. Кун приходит к выводу о том, что научные сообщества должны рассматриваться как самостоятельный объект исследования – особая структура в науке – без обращения к парадигме. Парадигма же, по его мнению, может быть обнаружена в результате «тщательного изучения поведения членов данного сообщества» [1]. Введенное позже новое понятие *дисциплинарная матрица* (во многом – аналог парадигмы) стала моделью / исследовательской программой научного сообщества, базовой основой для вхождения неофита в научное сообщество. Выдвижение на первый план изучения *образцов деятельности* как стержня всех парадигмальных механизмов научного сообщества ориентировало на исследование конкретно-исторической специфики складывания автономных дисциплинарных научных сообществ. В процессе закрепления канонов, образцов научной деятельности особая роль отводилась учебному «лику» науки: систематическое профессиональное образование выступало как важнейший фактор формирования, сохранения и передачи традиций – дисциплинарной матрицы. «Научное знание, – писал Т. Кун, – подобно языку, по своей внутренней сути является или общим свойством группы, или ничем вообще. Чтобы понять его, мы должны понять специфические особенности групп, которые творят науку и пользуются ее плодами»[2]. Со второй половины XX в. социологический подход в поисках определения дисциплинарности становится ведущим, а категория научное сообщество – самостоятельным предметом анализа.

Ремарка 1. М. Полани и Т. Кун – представители «историко-социологиче-

[1] *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.226-227.

[2] Там же. С.268.

ского» направления постпозитивизма. Существенной инновацией этих ученых было то, что они поставили вопрос о необходимости развивать не нормативный, а дескриптивный подход[1] к анализу самой науки и ее истории. Концепция «неявного знания» (*tacit knowledge*) М. Полани получила полную поддержку со стороны Т. Куна который считал, что «неявное знание» является важным фактором единства членов того или иного научного сообщества. По словам М. А. Розова, Томаса Куна (как это видно с дистанции времени) можно считаться человеком, совершившим «коперниканский переворот» в изучении науки. «Переворот» Т. Куна состоял в том, что от модальности долженствования, которая характерна для формулировки норм и правил, философы науки перешли к модальности существования, т.е. изменили понимание своей исследовательской позиции и комплекса задач, вытекающих из такого понимания. В изучении науки произошел переход от «нормативной установки» (т. е. в определении понятия знания, его квалификации) к «дескриптивной установке», суть которой – в выяснении того, как добывается знание[2]. Последующие концепции Бруно Латура с его акторно-сетевой теорией или Стивена Фуллера с его проектом социальной эпистемологии являются, по мнению Н. И. Кузнецовой, порождением дескриптивной [познавательно / описательно / объяснительной. – Т. П.] – установки, которая завоевала прочные позиции в современном наукознании[3].

3. В эпоху постнеклассической науки феномен научного сообщества стал интерпретироваться как семиотический процесс, реализующийся в различных видах вербально-коммуникативных практик, как рефлексивная речевая коммуникация, предполагающая самоценную процессуальность проговаривания всех значимых для участников коммуникации ее аспектов[4]. Среди тех, кто внес новые идеи для эволюции понимания научного сообщества, были виднейшие представители интеллектуальной элиты.

(1). Немецкий философ и социолог Юрген Хабермас выдвинул идею о необходимости смены типов рациональности в современную эпоху – о переходе от «целевой рациональности» к «рациональности взаимопонимания». Если идеалом первой является утверждение тотально автоматизированной социаль-

[1] *Дескриптивный подход* [descriptive approach] описательный подход, направленный на эмпирическое исследование и описание поведения отдельных лиц и групп людей в процессе принятия решений, нацелен на *объяснение*, но не *предписание* в отличие от *нормативного подхода.*

[2] См.: *Агацци Э.* Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2010. № 7. С.64.

[3] См.: *Кузнецова Н. И.* Философия или наука: случай «философии науки» // Философия и наука: проблемы соотнесения. Алёшинские чтения – 2016: Материалы междунар. конф. Москва, 7-9 декабря 2016 г. / Отв. ред. Т. А. Шиян. М.: РГГУ, 2016. С.22-28.

[4] См.: *Бурганова Л. А., Мягков Г. П.* Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С.142.

ной организации как результата научно-технического прогресса, то идеалом второй – увеличение публичной рефлексии, которая приведет к возникновению новых форм социальной интеграции. Изменение роли научного сообщества (НС) заключается в том, что:

1) главным назначением НС становится конструирование системы свободных от принуждения коммуникаций, ориентированных на обеспечение социальной солидарности;

2) НС не должно претендовать на роль открывателя абсолютной истины, а способствовать актуализации потенциала рациональности, заложенного в коммуникативном действии;

3) НС не следует навязывать ложного согласия, как это было характерно для классического этапа его развития: рациональный консенсус достигается посредством дискурса – диалогически равноправной процедуры аргументации;

4) в новом типе рациональности разумным считается не объективный порядок вещей, а разрешение проблем;

5) должно установиться коммуникативное равноправие ученых и публики, научного сообщества и обывателя: «профаны» вправе самостоятельно определять, что именно является для них значимым и что есть знание как таковое;

6) НС не должно определять содержание консенсуса, его удел – курировать формальную сторону коммуникативных практик и систематически отслеживать нарушения коммуникации в режиме свободного и непрерывного диалога;

7) коммуникация выступает средством достижения валидного знания, что является в свою очередь основой взаимопонимания, оптимального решения важнейших социальных вопросов;

8) «свободные ассоциации», к которым относятся и НС, ставят своей целью – открытие для общества значимых тем, установление диалогичности в отношениях с публикой;

9) НС не обладает привилегированным статусом эксперта, его задача – способствовать актуализации потенциала рациональности, заложенного в коммуникативном действии и т. п.[1]

(2). Согласно феноменологической версии науки, разработанной Питером Людвигом Бергером (США) и Томасом Лукманом (ФРГ), теоретическое знание не исчерпывает всего запаса знания и играет далеко не главную роль в обществе. «Ядром» социологии знания, по их мнению, должно стать обыденное, «дотеоретическое», «повседневное» знание. Поскольку реальность является социально определяемой, постольку ученые и научное сообщество как особая социальная группа играют большую роль в конструировании реальности, осуществляя экспертизу относительно конечных определений реальности как таковой. При этом возникают противоречия: с одной стороны, между экспертами-теоретиками и практиками (т.н. «бунт “профанов”»), с другой – в сре-

[1] Там же. С.142-143.

де самих ученых, отражая конкуренцию между различными научными теориями, по-разному определяющими социальную реальность.

Ремарка-мнение: «Теоретические конфликты» возникают из-за концептуальных расхождений в рамках сложившихся дисциплинарных матриц, но они редко носят деструктивный характер, а напротив, способствуют плодотворной конкуренции идей. Среди типов конфликтов выделяют:

- *доктринальные конфликты* – происходят из-за доктринальных противоречий внутри дисциплинарного сообщества, когда, например, происходит становление принципиально новой дисциплины или метода
- *идеологические конфликты* – происходят из-за идеологического противостояния в дисциплинарном сообществе, при этом стороны склонны обращаться для их разрешения к административным структурам государства[1].

Выход из этой конфликтной ситуации в условиях плюралистического общества ученые видят в появлении нового типа научного сообщества – сообщества интеллектуалов, как особого, маргинального, типа эксперта, отличие которого от «официального эксперта» в том, что экспертиза последнего основана на институциональных программах, а экспертиза первых – в «институциональном вакууме», т. е. в сообществе таких же интеллектуалов. Только на такой основе и возможна объективация осмысленных определений реальности[2].

(3). В постмодернистских репрезентациях *научное сообщество* представляет собой искусственный конструкт, формирующий отношения, нормы и модели поведения в качестве «естественных» и «объективных». Для Мишеля Фуко *научное сообщество* – социальный конструкт, созданный и используемый для защиты и поддержания существующих институтов власти и доминирования. В рамках культуры постмодерна роль ученого он видит в том, чтобы с помощью анализа, который он производит в своих областях знания, заново «вопрошать очевидности и постулаты». Однако любое высказывание представителя конкретной дисциплины «должно вписываться в определенный тип теоретического горизонта», поэтому «любой акт письма» (в своих институциональных формах – книге, издательском деле, персонаже автора и т. п.) развертывается в соответствующем «дискурсивном сообществе», с его, возможно, не «явном», но точно – «принудительном» существовании[3]. Идеал научного сообщества для Фуко – противосто-

[1] См. подробнее: *Тынянова О. Н.* К ценностно-ориентированному осмыслению культуры и культурфилософских дискурсов (опыт критического историко-парадигмального исследования // Электронное научное издание: Альманах «Пространство и Время». Т.16. Вып. 1-2. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/k-tsennostno-orientirovannomu-osmysleniyu-kultury-i-kulturfilosofskih-diskursov-opyt-kriticheskogo-istoriko-paradigmalnogo

[2] См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Изд-во «Медум», 1995. 323 с.

[3] *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы

ять современной ему эпистеме, осуществлять ее деконструкцию, указывать на слабые места – на изъяны общепринятой аргументации, призванной укрепить власть господствующих авторитетов и традиций[1]. Луи Пэнто, французский постструктуралист, полагает, что *научного сообщества* как целостного феномена вообще не существует, но следует различать в его структуре «государственных экспертов» и «чистых теоретиков» – университетских ученых. В пространстве научных позиций происходит борьба двух «типов капитала»: временного / светского (политического и административного плана) и духовного – культурного, научного капитала. Первый тип представляют «интеллектуалы от государства», не имеющие интеллектуального авторитета, но обладающие авторитетом институциональным, «легитимность которых основана на политической и административной власти, чью проблематику они формулируют в научных терминах», это – менеджеры от науки, управленцы, деятельность которых – институциональная репродукция (участие в диссертационных советах, аттестационных комиссиях, жюри конкурсов и т. д.). Другой тип представляют ученые, обладающие прежде всего научным авторитетом. Однако научная работа оказывается зависимой от государства, которое в лице «администраторов от науки» конструирует поле научных проблем, следовательно – обеспечивает финансированием. Это создает напряженность и своеобразное структурирование НС: для решения избранных научных проблем идет отбор ученых, критерием которого выступает степень их знакомства с государственной проблематикой[2].

(4) Немецкий социолог Ульрих Бек, теоретик «общества риска», обратил внимание на то, что институт экспертов превращается в политически ангажированное научное сообщество, определяющее уровень социально-приемлемого риска для общества и подчас искажающее информацию о рисках в силу конкурентной борьбы между различными научными сообществами. В результате в науке как социальном институте образуются два лагеря: академическая / лабораторная наука и наука опыта, которая, основываясь на публичных дискуссиях и жизненном опыте, «раскрывает истинные цели и средства, угрозы и последствия происходящего». Именно «науку опыта» следует признать в качестве альтернативы экспертному (академическому) знанию, придать ей статус легитимного института знаний, нового типа научного сообщества, уполномоченного принимать решения[3].

(5). Пьер Бурдье, исходя из основных групп капиталов – экономического, культурного (символического) и социального (в рамках которого находится науч-

---

разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С.67,72.

[1] *Ильин И. П.* Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН - INTRADA, 2001. С.107.

[2] См. подробнее: *Пэнто Л.* Государство и социальные науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 60-61, 74.

[3] См.: *Бурганова Л. А., Мягков Г. П.* Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С.144.

ный капитал), на основе характеристик последнего определяет сущность *научного сообщества* как совокупности «реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания»[1]. Научное сообщество (аналогично – «научное поле») – «символическая реальность, арена борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как социальная власть, как социально признанная за определенным индивидом (группой) способность легитимно говорить и действовать от имени науки. П. Бурдье развенчивает образ научного сообщества как «царстве целей» – достижения «истинной идеи» – и акцентирует внимание на борьбе интересов как отдельных исследователей, так и интересов групп. Научное сообщество – «поле науки» – является местом политической борьбы за научное доминирование. Научное сообщество, имеющее более мощный культурный капитал, оказывает большее влияние на конструирование реальности. В терминах П. Бурдье, научное сообщество структурировано дважды: во-первых, как «первичное» – объективное структурирование социальными отношениями; во-вторых, структурирование представлениями членов научного сообщества об этих отношениях, которые оказывают обратное воздействие на «первичное структурирование». Подобная диалектика отражает процесс интериоризации / экстериоризации, связывающий объективные и субъективные (инкорпорированные) структуры научного сообщества[2].

Таким образом, в различных философско-социологических версиях образ науки предстает не как система знания, а прежде всего как деятельность научных сообществ: нормативность и логико-методологическая суверенность научного знания ставится в зависимость от доминирующего способа деятельности научного сообщества, от роли коммуникативных систем в его функционировании.

> ***Ремарка-цитата:*** «Изменение представлений об онтологическом статусе научного сообщества связано с развитием неклассического и постнеклассического социального знания, представленного различными версиями субъективных, интерпретативных, структуралистских, постструктуралистских, конструктивистских подходов, в рамках которых обосновывается идея о роли научного сообщества в социальном определении реальности, его ангажированности, трансформации в субъективную и символическую реальность, в которой ключевой фигурой становится не независимый ученый, а эксперт, находящийся на содержании либо

---

[1] Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; Пер. М. С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2004. С. 519.

[2] См.: *Бурдье П.* Социология политики / Пер. с франц.; Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 146-147; *Он же.* Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С.15-56; *Шматко Н. А.* Анализ культурного производства Пьера Бурдье // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 114.

у государства, либо частных структур»[1].

Третий подход основан на теории сетевых коммуникций, автор которой – американский социолог Рэндалл Коллинз (истоки теории «сетевого общества» принадлежат М. Кастельсу) – создал, по сути, новую дисциплину *социологию философий*, дочернюю по отношению к *социологии науки*, которая сфокусирована на процессе интеллектуального развития на протяжении большой исторической длительности; ее предмет – не учения и философы, а *сети* личных связей между ними, как «вертикальные» (между поколениями – «учитель-ученик»); так и «горизонтальные» (между взаимосвязанными группами интеллектуалов: интерналисты / экстерналисты; славянофилы / западники; государственники / народники в украинском поле и т. п.), которых характеризуют взаимоотношения интеллектуального соперничества / партнерства.

Р. Коллинз показал единые линии в развитии интеллектуального движения в различные исторические периоды (предложив тем самым новые категории: «идеи-символы», кристаллизация групп / *фракций*, создание *интеллектуальных ритуалов* с обменом *культурным капиталом* и *эмоциональной энергией*, формулирование *интеллектуальных позиций*, соперничество за *пространство внимания*, образование соответствующих *интеллектуальных сетей*, завоевание *долговременных интеллектуальных репутаций*, достижение все более высоких *уровней абстракции и рефлексии*, развитие космологических, метафизических, эпистемологических и других *последовательностей*, *пространство интеллектуального внимания*, в котором появляются и борются между собой идейные позиции и т.п.) с образованием неповторимых конфигураций в конкретно-исторические эпохи, которые складывались все-таки из принципиально общего состава «ингредиентов» интеллектуального творчества. Важна мысль автора: феномен «великого мыслителя» – это сочетании больших амбиции, достаточной эмоциональной энергии и способности синтезировать разные идейные линии в интеллектуальных сетях, накапливающих разнородный культурный капитал[2].

> ***Ремарка-цитата:*** «Современность — это “густой туман”, но даже в нем просматриваются контуры той интеллектуальной громады, которую предоставляет нам Коллинз»[3].

В современной литературе понятие *научное сообщество* (НС) вводят в более широкое – *интеллектуальное сообщество* (ИС). Последнее, с позиций

---

[1] *Бурганова Л. А., Мягков Г. П.* Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С.145.

[2] См. подробнее: *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм). Новосибирск. Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.

[3] *Розов Н. С.* «Социология философий» Рэндалла Коллинза – новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм). Новосибирск. Сибирский хронограф. 2002. С.7-31.

«сетевой теории», определяют как динамичную и гибкую сетевую структуру коммуникационных и информационных практик интеллектуалов[1]. Структура интеллектуального сообщества формируется в результате взаимодействия различных форм коммуникаций – интеллектуального взаимодействия (обмен идеями, разного рода информацией, результатами интеллектуальной деятельности и т. п.), создавая различные «архетипы взаимодействия» (Э. Дюркгейм), истоки которых – в видовом многообразии «окружения» интеллектуала (от семьи до политических и проч. организаций)[2]. Формы интеллектуального сообщества (как в реалии, так и в восприятии) имеют значительный диапазон вариантов в соответствии с темпорально-региональной спецификой. Сферу науки как сетевую модель можно также рассматривать с учетом временных и региональных параметров, включая уровни функционирования различного рода научно-исследовательских объединений.

Анализ сетевой организации науки предполагает три направления исследований: 1) изучение процесса *сетеобразования* – формирования сети («networking») – анализ создания связей между людьми и организациями благодаря регулярным встречам и новым коммуникационным технологиям; 2) изучение непосредственно *сетей* («networks»), т. е. характера связей между индивидами и организациями; 3) изучение *сетевых структур* («networkstructures») – анализ устойчивого взаимодействия между участниками как некоего единого целого[3].

Ремарка-инфо: О дефинициях. Категория *научное сообщество* определяется по-разному:

- это понятие характеризует разные коммуникативные единицы, которые формируются из научных работников для проведения исследований и выполнения других видов научной деятельности; это – группа / коллектив ученых, которых объединяют общие научные интересы, единый набор когнитивных средств, общие каналы получения и передачи научной информации, единые представления о критериях научности и целях науки в целом, стойкие межличностные и межгрупповые отношения[4];

---

[1] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С.379; *Она же.* Гоголь. Мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С.58-93. [Раздел «Методологія інтелектуальних мереж»].

[2] См. глубокую характеристику сетевой модели науки на примере украинской историографии: *Колесник І.* Мережева модель науки (новий проект української історіографії) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 54-88.

[3] См. подробнее: *Лубский А. В.* Гуманизация исторической науки: становление когнитивной субъективности и сетевых структур // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С.51-53.

[4] См.: *Посохов С., Чала О.* Наукове співтовариство // Історіографічний словник: Навч. посіб. для студентів історичних факультетів університетів / С. І. Посохов, С. М. Ку-

- это – объективная данность научного процесса, особая форма его организации, реальность особого рода, исследовательский коллектив, работающий в одной предметной / проблемной области, с единой научной подготовкой, единством в понимании целей науки, обладающий способностью поддерживать устойчивые взаимодействия[1];
- это – совокупность ученых-профессионалов, организация которой отражает специфику научной профессии[2];
- это – объединение ученых в самоорганизованное сообщество, ориентированное на выполнение четко определенных задач или функций на основе профессиональных стандартов и норм, являющихся основой для оценки членами сообщества деятельности друг друга и внутренней «критической установкой» в отношении собственных достижений[3];
- это – примат социального над личным: единый социальный контекст, совокупность фактического материала; стандарты научного исследования, необходимость совместной деятельности, научной коммуникации и взаимной экспертизы ограничивают субъективность деятельности его членов; социальность научного сообщества объясняет его претензии на объективность решений и придает ему статус экспертного[4];
- это – социальная система, структурная композиция которого группируется вокруг трех аспектов – социально-стратификационного, социально-коммуникативного и ценностно-культурного - взаимосвязанных и взаимообусловленных общей целью деятельности научного сообщества[5];
- это – многоуровневая организация разнообразных групп людей, объединяемых и одновременно разъединяемых достаточно жесткими рамками, гарантирующими общность интересов и навыков,

делко, Ю. Л. Зайцева та ін..; За ред.. С. І. Посохова. Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. С.168-171.

[1] См. *Бурганова Л. А., Мягков Г. П.* Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С.140.

[2] См.: *Мирский Э. М.* Научное сообщество // Социология науки: Хрестоматия / Сост. Э. М. Мирский; Науч. ред. С. А. Лебедев; Ин-т системного анализа РАН, Лаб. организации и управления наукой фак. гос. управления МГУ. URL: http://courier-edu.ru/pril/posobie/opred.htm#up

[3] См.: Политическая наука: новые направления / под редакцией Гудина Р. и Клингеманна Х. Д.. 1999. URL: https://textbooks.studio/teoriya-politiki-uchebnik/politicheskaya-nauka-novyie.html

[4] См.: *Артемьева О. А.* Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. 2015. Т.36. № 5. С.95-103. URL: http://naukarus.com/nauchnoe-soobschestvo-kak-subekt-nauchnoy-deyatelnosti

[5] См.: *Кособуко М. Э.* Научное сообщество как социальный актор модернизации современной России: Автореф. дис. …канд. социолог. наук, М.: МГУ, 2012. С.12-13.

а также внешнюю и внутреннюю идентификацию[1];

- это – структурная единица науки, интегральный субъект научного познания, совокупность людей, занимающихся наукой как видом профессиональной деятельности и объединенных вокруг единой парадигмы, научной школы, направления, принадлежащих одной научной дисциплине;
- это – социокультурная группа ученых, работающих в одной научной области или разрешающих одну проблему и объединенных системой коммуникаций[2];
- это – своеобразная профессиональная корпорация со своими законами, нормами, правилами деятельности и поведения; сложная саморегулируемая система, созданная в процессе взаимодействий между учеными во время выполнения исследований, обмена информацией, а также между наукой и обществом в целом[3];
- это – социальная группа, подразделяемая на более дифференцированные подгруппы, объединенные стандартами профессионального поведения, общностью образования, специализации, научных интересов и содержательными когнитивными установками, называемыми также, по Т. Куну, дисциплинарной матрицей, или парадигмой[4].

Ни одна из дефиниций (как, впрочем, и дефиниции любого сложного явления) не может, безусловно, вместить в себя все содержание этого феномена.

В науковедческой литературе[5] *научное сообщество* при всей вариативности определений рассматривают как некую совокупность исследователей, для которых характерно:

1) единство в понимании «образа» науки, целей и содержания своей научной деятельности;

2) принятие общих норм и идеалов, этоса науки;

---

[1] См.: *Осин В.* Научные сообщества в эпоху большой науки: рационализация центробежных сил в социальных науках // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 92.

[2] *Келле В. Ж.* Научное сообщество // Современная западная социология: словарь. М.: Политиздат, 1990. С.207-208.

[3] *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С.81; *Онопрієнко В. І.* Наукове співтовариство: Вступ до соціології науки. Київ: Центр досліджень науково-технічного потенціалу та історії науки імені Г. М. Доброва НАН України (ЦДПІН НАН України), 1998. С.16.

[4] См.: *Ушаков, Е.В.* Введение в философию и методологию науки*:* Учебник. М.: Издательство «Экзамен», 2005. С.422.

[5] См.: Социальная динамика науки. М.: Наука, 1996; *Лешкевич Т. Г.* Философия науки*:* традиции *и* новации*:* Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 2001; *Ушаков Е. В.* Введение в философию и методологию науки*:* Учебник. М.: Издательство «Экзамен», 2005; Социология науки: Хрестоматия / Сост. Э. М. Мирский; Науч. ред. С. А. Лебедев; Ин-т системного анализа РАН, Лаб. организации и управления наукой фак. гос. управления МГУ. URL: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/0.htm и др.

3) определенное сходство специализированной научной подготовки;

4) общие формы организации и коммуникации;

5) стремление к сохранению и передаче научных традиций и проч.

Эта категория (не имея четких контуров в трактовках различных авторов) часто соотносится с понятиями «республика ученых», «научная школа», «невидимый колледж», «гранулированная среда», «научный коллектив», «научная молекула», «интеллектуальный коллектив», «профессорская корпорация» и проч. В современной литературе научное сообщество рассматривается как «гранулированная среда»: все инновации в движении научного знания происходят внутри «гранулы», которая представляет собой сплоченную научную группу, интерсубъективную по характеру своей исследовательской деятельности. «Коллективно» создавая новый элемент знания, эта группа-«гранула» в борьбе и компромиссах с другими аналогичными группами стремится к его утверждению. Внутри подобной группы вырабатывается специфический научный сленг, набор стереотипов и интерпретаций: группа самоидентифицируется и трансформируется в научное сообщество.

Для «опознания и определения коллективов» в науке традиционно используются методы:

- использование библиографий для выделения группы релевантных публикаций и их авторов
- использование обзорных статей для выделения релевантных публикаций
- использование реферативных журналов
- циклический поиск ссылок для обнаружения других статей, трактующих ту же самую научную проблему
- использование социтирования
- циклический опрос участников, называющих имена других участников
- решение «экспертной группы» участников относительно того, что именно считать публикациями и стандартами членства в конкретном научном коллективе
- идентификация ученых[1].

В отличие от социальной системы типа «общество» (society, Gesellschaft), в арсенале которой – механизмы власти, прямого принуждения и фиксированного членства, для социальной системы типа «сообщество» (community, Gemeinschaft) свойственны представления об общности цели, наличие устойчивых традиций, авторитет и самоорганизация. Этот комплекс основополагающих представлений обладает подвижными контурами, однако ключевую роль играет понимание о дискретности массива знания, увеличение которого происходит за счет отдельного «вклада» – кванта нового знания, т. е. принципиальной инновации, который входит в генофонд конкретного дисциплинар-

[1] См.: *Уолгар С.* Идентификация и определение научных коллективов // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.204.

ного знания и в «общий рынок» науки. Профессиональное признание «личных вкладов» происходит обычно по двум линиям:

- официально-статусной (заслуги члена научного сообщества находят признание в росте профессионального статуса: степени, звания, награды, членство в профессиональных обществах, посты и должности в научных учреждениях и т.п.);
- приобретение ученым научной репутации в сообществе (актуальная «заметность» / visibility профессионала – «именной научный бренд»).

В научных сообществах – конкретных коллективах – велика роль традиций как устойчивой совокупности навыков мастерства, методологических предпочтений, исследовательских паттернов, фундаментальных теоретических убеждений и т. п., как социального и культурного наследия, передающегося от поколения к поколению и воспроизводящегося в течение длительного времени. Интеллектуальная традиция выступает как необходимое условие интеллектуальной деятельности и как ее производное, как форма и способ сохранения интеллектуального наследия, что позволяет интеллектуалу / ученому – как отдельному ученому, так и коллективу в целом – эффективно осуществлять исследовательскую деятельность[1]. Жизнеспособность *научных традиций* зависит от постоянного творческого обновления когнитивного капитала, от регулярности воспроизводства сообщества, от умения максимально использовать эвристические навыки (ядро традиции), сочетая все это с открытостью и готовностью к постоянному совершенствованию. «Неявное знание» составляет важнейший пласт научной традиции – именно в «живой традиции», передающейся в результате непосредственного общения (причем, не только по схеме учитель / ученик, но и путем творческих контактов между коллегами), происходит процесс исследовательского *про*-движения.

> ***Ремарка-мнение.*** Традиция как особая форма социальной памяти, способ хранения информации и передачи социального опыта, механизм «социального наследования»[2] – явление отнюдь не однозначное. С понятием т*радиция* связано другое понятие – *социальный стереотип.* Принадлежность ученого к определенной исследовательской группе обязывает его исповедовать нормы и формы научного дискурса, сложившегося в этой группе – некоего консенсуса в отношении не только канонов методологических процедур, но и в отношении системы убеждений, реализующихся в деятельности уче-

[1] См.: Культурология. XX век: Словарь. СПб.: «Университетская книга», 1997. С.408; *Захарченко М. В.* Традиция в истории: опыт типологической интерпретации. СПб.: СПбГУПМ, 2002. С.228. Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С.13-14.

[2] См.: *Розов М. А.* Наука как традиция // Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники: Учебное пособие. М.: Гардарики, 1996. С.48; *Оноприенко В. И.* традиции и новации в науке: науковедческий контекст // Наука та наукознавство. 2004. № 4. Додаток. Матеріали 1У Добровської конференції. С.95-99.

ных, составляющих группу[1]. Понятие «социальный стереотип», введенное в 1922 г. американским журналистом У. Липпманом, вошло в социальные науки и применяется в широком диапазоне значений. С позиций теории информации все информационные системы базируются на определенных принципах организации информации, в этом смысле любой социальный стереотип, включая научный, обладает, с одной стороны, устойчивостью принципов системной организации информации, определяемой убежденностью людей – его носителей, с другой – способностью активно противостоять проникновению в сознание иных типов системной организации информации. Именно способность создавать устойчивые информационные системы знания позволяют в относительно короткие сроки производить подготовку научных кадров до уровня современной науки, при этом базовой основой этого процесса является стереотип как основной принцип системной организации научной информации. При всем том, что типы системной организации научной информации, в основе которых принцип информационного / социального / научного стереотипа с неизбежностью сменяют друг друга, между парадигмальной наукой и поисково-креативной начинают искусственно создаваться своеобразные фильтры, ограничивающие подпитку системы новыми идеями. Создание групповых норм / стереотипов со временем деформирует представления о научности. В связи с этим догматизм в науке – опасен, но одновременно неизбежен в силу действия принципа самосохранения систем, в основе которого – групповые интересы[2].

Стержневой фактор научных традиций – самоидентификация и взаимопризнание – как в настоящем, так и через «связь времен»: «эта система простирается в прошлое», каждый член сообщества признает одних и тех же лиц в качестве своих учителей или единомышленников – на этом основана «общая традиция» и «каждый развивает в ее пределах свою собственную линию…»[3].

Научная традиция персонализируется чаще всего в виде *научной школы* – конкретного научного сообщества, для которого характерно наличие:

- объединяющего центра (учреждение – университет, кафедра, отдел и т. п.), научного издания (журнал, альманах и т. п.),
- лидера (учитель, авторитетный ученый – руководитель и т. п.),

---

[1] См.: *Огурцов А. П.* Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания. XX век. СПб.: Алетейя, 2001. С.63-64; *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С.49-51.

[2] См. подробнее: *Оноприенко В. И., Оноприенко Ю. И.* Стереотипы в науке: информационный подход // Наука и науковедение. 1993. № 1-2. С.41-48; *Онопрієнко В. І.* Наукове співтовариство: Вступ до соціології науки. Київ: ЦДПІН НАН України, 1998. С.53-63; *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С. 49-64.

[3] *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. И. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М Смирновой, Б. А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. С.234-235.

- общего пространства исследовательской проблематики,
- исходных парадигмальных основ и др.[1].

Чувство принадлежности к школе как к своей alma mater ученые сохраняют надолго, даже будучи рассеянными по другим научным центрам, создавая в них собственные традиции на основе исходных / «школьных». Пересекая границы (внутренние и внешние), представители определенных научных школ не только осуществляют когнитивный трансфер, но расширяют ареал определенной научной культуры[2].

Деятельность научного сообщества рассматривается как совокупность *коммуникативных процессов* (ставших самостоятельным предметом различных науковедческих, социологических и философских исследований в последнее время), которые особенно заметны в периоды парадигмальных сдвигов разного уровня: так, например, внутригрупповая коммуникация, объединяющая «передовой фланг» в научном сообществе, способствует интенсивному циркулированию новейшей информации и идей.

Обычно выделяют *формальные типы* научной коммуникации (печатная продукция, в первую очередь – статья в специализированном издании) и *неформальные*, среди которых огромную роль играют личные связи / контакты между ведущими специалистами в конкретной научной области. Второй тип особенно важен в процессе трансляции «неявного знания». Кроме того, в современной науке, для которой характерно бесконечно увеличивающийся «массив» и специалистов, и публикаций, роль неформальной коммуникации становится особенно значимой, позволяющей ориентироваться в информационном потоке: устойчивое неформальное общение (включая Интернет-связи) выступает структуризующей основой научных коммуникаций. Большой интерес к эго-материалам среди широкого круга социогуманитариев в последнее время связан именно с коммуникативно-сетевым подходом к исследованию научных сообществ, с особым вниманием к личностным / неформальным контактам[3].

Ремарка-штрих. *Коммуникативный подход* базируется на изучении источников личного происхождения в контексте «концепции индивиду-

---

[1] О школах в исторической науке и их изучении см. подробнее: *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000; *Корзун В. П., Мягков Г. П.* Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк (к юбилею Л. П. Репиной): [сборник] / отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 364–409.

[2] О роли П. М. Бицилли, воспитанника Новороссийского (Одесского) университета, в развитии науки всеобщей истории в Софийском университете и его отношении к «школе» см.: *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 350-366. [Раздел: «П. М. Бицилли в контексте схоларности»].

[3] См., например: История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. 368 с.; *Дунаева Ю. В.* Эго-документы в исторической науке XX-XX1 вв. (Сводный реферат). URL: https://www.academia.edu/34889165/ и др.

ализации человека», суть которой состоит в том, что посредством установления «вторичных связей» между человеком и обществом происходит осознание им своего места в двух пространствах: *коэкзистенциальном* (осознание связи со своей социально-культурной средой – эпохой, современниками, с конкретной социальной группой и т. п.) и *эволюционном* (осознание связи с предыдущими и последующими поколениями, с ходом исторического времени) [1].

Ремарка-мнение. Важна мысль Р. Коллинза: «…непосредственное социальное влияние на конструирование идей» оказывает именно сетевая структура отношений между интеллектуалами, реконструируемая на основе биографических данных: «вертикальные» и «горизонтальные» связи – творческое, дружеское общение, соперничество и конфликты, т. е. разнообразные процессы общения «транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру» [2].

Экскурс: О подходах к понятию «коммуникация»

В современном «интердисциплинарном контексте» внимание ученых обращено к истории интеллектуальной культуры, которая описывает разнообразные процессы «движения идей». Изучение интеллектуальной культуры включает значительный диапазон тем: анализ текстов, мыслительного инструментария, специфики мышления, видов концептуализации явлений «внешнего» мира, форм, средств и институтов интеллектуального общения в их «целостном социально-культурном контексте» и т. п. Приоритетным направлением изучения интеллектуальной культуры становится анализ видов, типов и способов *интеллектуальной коммуникации*, конкретных механизмов распространения идей в социокультурном и временном диапазонах, «процессов обращения идей в виде знаний, мнений, различного рода информации в многослойном пространстве культуры»[3]. Проблема изучения научных коммуникаций как важнейшего механизма развития науки актуализировалась в связи с информационной революцией XX века, поскольку профессиональные академические сообщества выступают субъектами получения, сохранения и трансляции знаний. С рубежа XX-XXI вв. историографы, в частности, обратившись в поиску «реальности вне дискурса», в центр внимания поставили коммуникационные

---

[1] См.: *Кодан С. В.* Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: теоретические и методологические основы исследования. URL: http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/32

[2] *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм). Новосибирск. Сибирский хронограф. 2002. С.32-34.

[3] См.: Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С.7, 9, 11-12.

процессы. Характерно, что к признанию особой роли коммуникационных систем пришли в своем развитии и представители «науковедческих» дисциплин (социологии науки, собственно науковедения и проч.)[1].

Современная эпоха – эпоха изменений – в формах коллективной работы ученых, в структуре науки как социального института, в роли науки в обществе и в отношении общества к науке, в социокультурном статусе науки. Все эти изменения так или иначе проецируются на *научные коммуникации*: трансформируются все, связанное с научной деятельностью, что в свою очередь требует разработки новых форм как внутринаучного общения (внутридисциплинарного и междисциплинарного), так и коммуникативного взаимодействия с внешней социокультурной средой. Коммуникация входит в содержание познания и даже его определяет. Теорий коммуникации – необозримое количество. И. Т. Касавин, например, предлагает новый образ науки – *коммуникативный образ*, который, по его мнению, на сегодняшний день – наиболее полный, емкий, адекватный.

Концепция этого образа основана на четырех ключевых понятиях *–текст, дискурс, контекст и смысл*. На основе этих понятий можно построить различного рода классификации, используя разные основания, такие как артикулированная коммуникация и неартикулированная коммуникация, консервированная коммуникация и живая коммуникация и т.д. В *тексте* коммуникация «свернутая, мертвая, застывшая» – и ее надо там увидеть, т. к. в тексте «фразы друг с другом коммуницируют, а человека нет». Понятие *дискурс* предполагает коммуникацию, которая «здесь и сейчас»: это фраза, высказанная конкретным человеком (еще Ницше задавал вопрос: «Кто говорит?»), – одно и то же, сказанное разными людьми, означает разные вещи, кроме того, в дискурсе фигурирует фраза, сказанная кем-то, адресованная кому-то и не просто адресованная, а ожидающая ответа, вопроса, комментария и т.д.; это та стадия коммуникации, где смыслы изобретаются, обновляются, пересматриваются. Понятие *контекст* – это такая стадия коммуникации, когда *смысл* используется: люди строят дискурсы и тексты, используя уже готовые смыслы, функционирующие в культуре, из которой и заимствуются эти смыслы. Эта схема может быть экстраполирована на научную коммуникацию, в которой существует научное знание.

Взгляд на *инфраструктурные аспекты коммуникации* предполагает эволюционный поход к анализу средств коммуникации. В науке XVII–XIX вв. одним из такого рода инфраструктурных средств научной коммуникации были *письма*, которые могли быть впоследствии опубликованы в научных журналах в качестве полноценных статей и исследований практически без изменений. Публикация книги и статьи в научных журналах, а также ссылки на них из-

[1] См. подробнее: *Бурганова Л. А.* Научное сообщество: объективная субъективная реальность: // Социальное конструирование реальности: опыт социологических исследований/ Под ред. Л. А. Бургановой, Г. П. Мягкова. Казань: 2010. С.19-34; Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С.20.

давна рассматриваются в качестве основного инфраструктурного механизма научной коммуникации. Упрощение обмена информацией благодаря развитию информационных технологий ставит под вопрос эффективность печатных изданий журналов и книг в качестве механизма научной коммуникации, т. к. процесс подготовки научной статьи может занимать существенно меньше времени, чем ее публикация, а развитие профессиональных интернет-ресурсов, тематических групп, каналов и форумов в социальных сетях и мессенджерах позволяют значительно быстрее донести информацию до адресата и обменяться мнениями о ней практически в реальном времени, хотя их символический статус в академической среде существенно ниже, чем у печатных статей и книг. Форма и механизмы научной коммуникации, безусловно, влияют на ее непосредственное научное содержание, и эта проблема – новейшего времени.

Наука сегодня представляет собой гигантскую систему – коммодифицированную (от англ. commodity – товар), в значительной мере экономически детерминированную, по сути – рыночную. В этих условиях научные коммуникации переводятся в ракурс товарно-денежных отношений, меняется сама форма общения ученых – возникает «зона обмена». Научное сообщество разделяется на группы по рыночному принципу, и в этих условиях становится очень острым вопрос: кто, собственно, общается в ходе научного познания? В поисках выхода из этой ситуации, в определении особенностей научных коммуникаций, ученые ориентируются на культурно-историческое измерение науки в противовес практически господствующему – социологическому[1].

* * *

Многоуровневый анализ научного сообщества позволяет выделять *типы* сообществ:

1) по пространственному принципу: *международное*, *национально-государственное, локальное*;

2) по профессиональному принципу: *профессиональное* (сообщество ученых в целом в отличие от других сообществ – военнослужащих, политиков, художников и проч.); *дисциплинарное* и *субдисциплинарное* – сообщество ученых в рамках определенной научной дисциплины / профессии / специальности / специализации; *проблемно-ориентированное* – круг специалистов в конкретной исследовательской области, группа ученых-профессионалов, изучающая определенную научную проблему как во «внутри-дисциплинарном поле, так и на «переднем крае» науки и проч.;

3) по организационно-структурному принципу: «научный коллектив» любой научной структуры (корпорации разного уровня): проблемная / иссле-

[1] См. подробнее: Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23–57.

довательская группа; лаборатория; научное общество / кружок; отдел / сектор; институт / университет / факультет / кафедра и т. п. (например, научное сообщество историков в Новороссийском (Одесском) университете);

4) по статусному принципу научных объединений:

а) *формальные / формализованные*: официально-корпоративные (иерархизированные) формы научных сообществ (академии, университеты[1], институты, факультеты, кафедры и т. п.

б) *неформальные / неиерархизированные*: «незримый / невидимый колледж»[2], «кружки по интересам» / научным /, научные династии, проблемная группа, научная традиция, научное движение и т. п.[3].

5) по научно-организационному принципу:

а) дисциплинарное сообщество;

б) сообщество «переднего края науки» – проблемно-ориентированное / междисциплинарное [4].

Социальный институт науки – разветвленная, сложноорганизованная совокупность организационных форм: наука как социальный институт в широком смысле; научное сообщество - наиболее общее название для социальной группы профессиональных ученых; дисциплинарное научное сообщество / научная дисциплина как более детальная организация научной деятельности и способ квалификации отдельных групп в научном сообществе.

Осознание естественноисторической неразделимости процессов формирования научного сообщества и складывания внутри него определенных парадигмальных основ ориентировало ученых на поиск методологически и теоретически обоснованных единиц анализа науки, для которых была бы характерна инвариантность относительно не только различных методик эмпирического исследования, но и различных областей изучения науки. Проблема поиска оптимальной единицы анализа науки была обусловлена и новым ее видением: вопрос уже состоял не в том, какие единицы можно получить, исходя из метода (пример Т. Куна. – Т. П.), а в том, какой репертуар методов возможен для эмпирической фиксации и изучения некоторой теоретически выделенной структурной единицы[5]. Такой единицей для многих исследователей науки с 1970-х

---

[1] Об университетской корпорации см.: *Посохов С.* Університет як тип інтелектуального спів-товариства: міркування про «університетський дух» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С.125-137.

[2] Это понятие восходит к XVII в., «покрывая» группу ученых, организаторов Лондонского Королевского общества. См. подробнее: *Д. Дж. де С. Прайс, Д. де Б. Бивер*. Сотрудничество в «невидимом колледже» // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов / Составление, общая редакция и вступительная статья Э. М. Мирского и В. Н. Садовского. Научный ред. Л. В. Блинников. Пер. с англ. М. К. Петрова и Б. Г. Юдина. М.: «Прогресс», 1976. С. 335.

[3] Универсальной классификации не существует, и все формы часто представлены дублирующимися позициями.

[4] Возможны, разумеется, иные типологические модели.

[5] См.: *Юдин Б. Г.* Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986. С.215.

годов стала *научная дисциплина*, а социальная направленность исследований обусловила интерес к дисциплинарным сообществам. Триединая суть науки – в неразрывности ее когнитивной, дидактической (обучающей) и коммуникативной функций – в полной мере проявляет себя лишь на уровне дисциплинарной организации научной деятельности, коллективным субъектом которой и выступает *дисциплинарное научное сообщество.* В последней трети XX века в науковедческой литературе понятие *научная дисциплина* было тесно увязано с понятием *научное сообщество*[1].

Целесообразность соединение двух категорий – *научное сообщество* и *научная дисциплина* – в исследовательской практике отражает общую тенденцию в эволюции подходов к изучению науки: от когнитивного к социальному и от их альтернативности к признанию единства социокогнитивных параметров науки. Научное сообщество предстает как важнейший инструмент самоорганизации науки: процесс формирования научного сообщества неразрывно связан с когнитивной институционализацией дисциплинарной структуры науки[2].

Дисциплинарное сообщество, выступая как определенный уровень / тип научного сообщества, обычно имеет транснациональный характер и позиционирует себя с конкретной научной дисциплиной. Категория *научное сообщество* становится ведущей характеристикой научной дисциплины, в которой, по сути, аккумулируются все прочие (не менее важные, но взаимосвязанные) параметры.

В этом случае категория *дисциплинарное сообщество* выходит на первый план в качестве ведущего маркера научной дисциплины и предстает как определенное сообщество ученых, профессиональная автономность которых характеризуется рядом параметров:

- складыванием конвенциональных основ среди членов *дисциплинарного научного сообщества* в понимании содержания и специфики дисциплинарного научного знания / познания;

---

[1] См.: *Парсонс Т. Сторер Н.* Научная деятельность: структура и институты // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С. 27-55; *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Там же. С. 218-256; Школы в науке / Под ред. С. Р. Микулинского, др. М.*:* Наука*,* 1977. 523 с.; *Розов М. А.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 222 с.; Идеалы и нормы научного исследования / [В. С. Степин, А. П. Огурцов, Н. В. Мотрошилова и др.; Ред.-сост. В. С. Степин]. Минск: Изд-во БГУ, 1981. 431 с.; Современная западная социология науки. Критический анализ / Ред. В. Ж. Келле, Б. З. Мирская, А. А. Игнатьев. М.: Наука, 1988. 370 с.; *Жоль К. К., Сиволоб Ю. В.* Информация, общественные науки, управление (философско-экономический анализ). Киев: Наукова думка, 1991. 282 с.; *Лаудан Л.* Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия. М.: «Логос», 1996. С. 295-342; *Корзун В. П.* Локальные научные сообщества в интеллектуальном ландшафте провинции // Методология региональных исторических исследований: Материалы международного семинара. Санкт-Петербург, 2000. С.47-49 и др.

[2] См.: *Оноприєнко В. І.* Наукове співтовариство: Вступ до соціології науки. Київ: ЦДПІН НАН України, 1998. С.86.

- идентификацией со своей дисциплиной; выработкой парадигмальных канонов исследовательской деятельности, идеологии и этоса, определяющих нормативность взаимоотношений и коммуникативных связей; формированием дисциплинарных традиций;
- наличием дисциплинарно-исследовательской доминанты научного творчества: постоянным пополнением когнитивного генофонда своей дисциплины;
- осуществлением экспертной оценки «вкладов» членов дисциплинарного сообщества и постоянным «пересмотром» дисциплинарного знания с позиций его «истинности»;
- участием в системе профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» данной научной дисциплины, создаются нормативные компендиумы и осуществляется передача профессионально-дисциплинарных традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов;
- формированием специализированной системы информационно-коммуникативных связей между членами дисциплинарного сообщества (конференции, симпозиумы и проч., система изданий и др.), а также установлением прочных неформальных контактов между ведущими специалистами;
- способностью вырабатывать стратегии по утверждению и поддержанию «гражданского статуса» своей дисциплины в научном сообществе и в социуме в целом и др.

Дисциплина – как в академическом, так и в более широком смысле этого понятия – представляет собой классический пример механизма самоограничения: существуют четко выраженные, меняющиеся со временем, общепринятые представления о правилах научной деятельности. Дисциплинарные традиции и определяемая ими практика, которые формируют ученых, накладывая определенные ограничения, одновременно предоставляют неисчерпаемые творческие возможности: рамки и преграды, создаваемые структурой дисциплинарных традиций как осознанно, так и непреднамеренно, концентрируют внимание на исследовательских задачах и облегчают сотрудничество. «Правила игры» в дисциплинарной структуре дают возможность «заурядным исполнителям» успешно справляться с профессиональными обязанностями благодаря фундаменту, заложенному выдающимися учеными, одновременно ведущие в своих областях специалисты получают возможность двигать науку дальше, опираясь на усилия многочисленной армии «рядовых» профессионалов. Дисциплинарные стандарты и нормы составляют основу для оценки членами сообщества деятельности друг друга и вместе с тем они становятся внутренней «критической установкой» в отношении собственных достижений[1].

[1] См.: Политическая наука: новые направления / под редакцией Гудина Р. и Клингеманна Х. Д.. 1999. URL: https://textbooks.studio/teoriya-politiki-uchebnik/politicheskaya-nau-

Нормативная база, определяющая поведение ученых, изменяется по нескольким направлениям:

- во временном режиме
- в пространственно-региональных ландшафтах
- в национально-научных традициях
- во внутридисциплинарных границах и т. п.

В пределах одной дисциплины, например истории, стандарты научной деятельности могут варьироваться в рамках конкретных специальностей (археологи и этнологи в определенной мере отличаются от представителей т. н. «общеисторических дисциплин» и т. д.). Однако в каждой профессии есть понятие «профессиональной компетентности», которое также имеет свои уровни и формы, и тем не менее всех ученых объединяет идея особой «ролевой ответственности» за целостность науки как профессии и ее эффективное функционирование[1].

Возрастающая роль коллективов / сообществ как самостоятельного, приоритетного предмета анализа не только не исключает, но акцентирует внимание на том, что базовой единицей научной деятельности остается индивидуальный субъект научного познания – ученый как личность.

> ***Ремарка-info.*** В современной философии науки интерпретация категории *субъект науки* исходит из принципиально социальной его природы и характера: в индустриальную и постиндустриальную эпохи субъектом научного познания выступает не отдельный индивид, а научный социум: исследовательская группа, лаборатория, «невидимый колледж», профессиональное дисциплинарное сообщество, научный институт, научная школа и т. п. Поскольку наука как целое не представляет собой нечто монолитное, единое и самопознающее, постольку и научное сообщество в целом не является субъектом научного познания, так как не обладает свободой выбора в принятии когнитивных решений: это – разнородное множество взаимодействующих между собой субъектов научного познания различной мощности и направленности, и итоговое конституирование знания происходит не по оси «объект-субъект», а по оси «субъектно-субъектных отношений». В связи с этим адекватное описание научного познания возможно только на основе широкого комплекса социогуманитарных дисциплин: логики и методологии науки, когнитивной психологии личности, социологии науки, социальной психологии науки, философии культуры, истории науки / наук и проч.

Среди новых подходов в поисках исследования научных сообществ

ka-novyie.html

[1] См.: Социология науки: Хрестоматия / Сост. Э. М. Мирский; Науч. ред. С. А. Лебедев; Ин-т системного анализа РАН, Лаб. организации и управления наукой фак. гос. управления МГУ. URL: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/0.htm

в связи с акцентуализацией проблем антропологизации социогуманитарных исследований[1] представляют интерес:

Во-первых, – соотнесение *дисциплинарности / междисциплинарности* с «особой техникой мышления» (– онтологического явления), с присущей ей структурированностью (по аналогии с научной дисциплиной), функциональностью и источниками, среди которых – социокультурная реальность, наука как система дисциплин и личность ученого[2]. Подобный «всеобъемлющий» подход правомерно делает акцент на интеллектуальную оппозицию «монодисциплинарность / междисциплинарность» как специфических «техник мышления», но отнюдь не исключает обязательного наличия «дисциплинирующих механизмов», «предписаний», «нормативов» в существовании обеих мыслительных форм.

Во-вторых, категории *дисциплинарность / меж-транс-поли /* и т. п. связывают с научным мировоззрением. В этом случае *дисциплинарность* (дисциплинарный подход) – определяют как способ становления научного мировоззрения в рамках локальной картины мира, методологии и языка, адекватного по своим объяснительным возможностям, формирующего у специалиста моральную ответственность за результаты и последствия своей профессиональной деятельности»; *трансдисциплинарность* (трансдисциплинарный подход) – рассматривают как способ расширения научного мировоззрения, заключающийся в рассмотрении того или иного явления специалистом, не ограничивающим себя рамками какой-либо одной научной дисциплины, моральная ответственность которого за результаты и последствия своей профессиональной деятельности основывается на признании объективного долженствования и обязательности элементов-фрагментов единого мира[3].

> ***Ремарка-тезис.*** Акцентуируя инновации, мы постоянно пребываем на «переднем крае» науке, упорно забывая, что наука как сложно структурированная система включает в себя дисциплинарное «жесткое ядро», и арьергард – свою хрестоматийно-учебную ипостась. Эта реальность детерминирует и неоднородность дисциплинарного сообщества – выделение в нем различных страт со своей специфической «внутри-дисциплинарной ментальностью».

---

[1] См.: *Чеканцева З. А.* Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005; *Она же.* Мир историка и антропологизация историографии в XXI веке // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 244-265.

[2] См.: *Колесник І. І.* «Міждисциплінарність» як концепт // Харківський історіографічний збірник. Випуск 9. Харків: Видавництво НУА, 2008. С.23-34.

[3] См.: *Мокий В. С., Лукьянова Т. А.* От дисциплинарности к трансдисциплинарности в понятиях и определениях // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2016. № 7(25). URL: http:// 7universum.com/ru/social/archive/item/3435

Дисциплинарное сообщество (ДС) следует воспринимать не как однородный монолит. Представители ДС могут обладать разными типами мышления: дисциплинарно-догматическим / дисциплинарно-креативным / междисциплинарно-догматическим / междисциплинарно-креативным и проч. Наличие их разнообразия – обязательное условие функционирования и развития дисциплины с ее парадигмальностью и способностью к самообновлению. При этом каждый из уровней междисциплинарности (как и дисциплинарности) имеет свой формат стандартизации и эпитет «креативный» означает способность ученого не только виртуозно владеть нормативно-стандартным аппаратом (что определяет его профессионализм), но и «выходить» за его пределы.

Междисциплинарные сообщества в разных вариантах взаимодействия наук / дисциплин (меж / поли / транс / кросс и т. п.) – это сообщества, следовательно, взаимоотношения в подобных группах / коллективах будут строиться (для результативности исследовательской практики) на определенных общепризнанных основаниях – новых нормативно-стандартных системах.

Источник научного творчества, необъяснимое по сей день явление, – не за пределами дисциплинарных структур, как принято традиционно признавать, а за пределами «дисциплинарного типа мышления», которым может обладать любой представитель научного мира, где бы он не находился: «внутри» дисциплины или на «переднем крае» науки.

Дисциплинарность и *креативность* – два полюса (между которыми множество «смешанных» вариантов), на которых (и между ними) диаметрально противоположные по стилю мышления представители «ученого цеха» создают свое собственное поле деятельности: или научного творчества или профессиональной ординарности (последнее – не следует рассматривает исключительно в негативном плане).

> ***Ремарка-штрих.*** М. К. Петров, признавая, что дисциплинарность «не знает и не приемлет привычного для интерьеров профессиональной деятельности факультативного статуса новаторства, когда новатором можно быть или не быть, оставаясь в любом случае профессионалом», одновременно был убежден в возможности творчества при дисциплинарной организации науки: творчество – существует, но способность к нему формируется в силу случайных неповторимых обстоятельств на уровне «индивидуальных историй».

И тот и другой вид деятельности, и тот и другой тип ученого – «новатора» и «профессионала-*не*новатора» – для науки необходимы[1], а исследова-

[1] В исторической науке и ее истории эмпирическая составляющая имеет фундаментальное значение: без фактографии не может быть ее осмысления и интерпретации, и как бы снисходительно подчас «теоретики» не относились к «эмпирикам», старая позитивистская методика, кумулятивно окрашенная, продолжает свое незаменимое существование. Мало

тельская деятельность в междисциплинарных проектах не гарантирует того, что все его участники обладают исключительно креативным типом мышления. Кроме того, междисциплинарные проекты в обязательном порядке предполагают конвенционально формируемые новые – рабочие – стандарты и ограничения, т. .е. дисциплинаризирующие механизмы в междисциплинарном исследовательском пространстве.

Разумеется, индивидуальное творчество, ярко выраженная креативность исследователя может входить в конфликт с дисциплинаризирующими механизмами контроля «над производством дискурса» (М. Фуко). В границах официально признанной дисциплины, причем с длительной дисциплинарной традицией, подчас играют негативную роль «исследовательского тормоза» научные репутации, приверженность к классическому «дисциплинарному генофонду», стандарты экспертной оценки, личностные взаимоотношения на разных уровнях дисциплинарного сообщества, национальные и схоларные амбиции и проч.

Сегодня можно говорить об определенном «размывании» дисциплинарных сообществ, о большей свободе научного творчества.

> ***Ремарка-мнение.*** Известный польский социолог Е. Шацкий пишет: «Границы сделались относительными, и их все чаще пересекают как сами социологи, так и представители других дисциплин, причем это не столько реализация абстрактного лозунга интердисциплинарности, сколько открытие того, что важнейшие вопросы не умещаются в пространстве ни одной отдельной дисциплины - впрочем, наиболее прогрессивные теоретики это всегда понимали» [1] .

Однако такие механизмы дисциплинарного контроля (даже если говорить не об отдельной дисциплине, но о науке в целом, как институционально автономной сфере социума), как стандарты исследовательской практики, правила оформления диссертаций, монографий, статей и т. п., требования, выдвигаемые издательствами / изданиями к структуре научной работы и т. п., казалось бы необходимые для существования научной корпорации в целом, для его воспроизводства, для профессионализации неофитов и др., часто превращаются в обременительные вериги для креативно мыслящего ученого (творческой личности), при этом его антипод – дисциплинарно мыслящий профессионал – чувствует себя превосходно в границах хорошо усвоенных «правил игры».

Автономность дисциплинарного научного сообщества (ДНС) как соци-

---

того, в последнее время в социальных и *не*исторических науках усилилась роль эмпирических исследований, а общая тенденция к «историзации» социогуманитаристики в целом с необходимостью заставляет исследователей становится «стихийными эмпириками». Конечно, оптимальный вариант, когда ученый органично совмещает и теоретический и эмпирический потенциал в своей научной деятельности, но – это определенный тип, наряду с другими.

[1] *Шацкий Е.* История социологической мысли. Том 2 / Пер. с польского; общая редакция А. Васильева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.618.

ального института – весьма относительна (хотя имеет свою специфику в конкретные периоды):

- ДНС формируется в условиях господства определенной политической системы;
- формирование особой системы ценностей и норм, регулирующих деятельность научного сообщества, способствует определенному дистанционированию от общества в силу специфики научной деятельности;
- ДНС создает свой, особый язык науки, отличающийся от обыденного (даже в гуманитарных профессиях);
- для социальной организации науки характерно складывание особой системы социальной стратификации, которая представляет собой иерархически упорядоченные социальные группы/страты; критерии различия между ними:
  - власть
  - богатство (уровень материальных благ)
  - образование
  - престиж профессии
  - научная репутация
  - индивидуальный вклад в науку / профессию / специальность и др.

В дисциплинарном научном сообщества (как и в НС в целом) можно условно выделить три группы / страты: это – *научная элита*, т. н. «среднее звено» и «рядовые» от науки.

1. *Научная элита* – формируется двумя потоками: первый – это официально признанные титульные лидеры, занимающие высокие посты в различных научных структурах / учреждениях (академиях, институтах, университетах и т. п.), облеченные высокими знаками отличия (степенями и званиями, наградами и т. п.) и имеющие высокую научную репутацию. Научный капитал представителей этого слоя элиты может быть адекватным их статусу, но может и не соответствовать ему в силу «индивидуального маршрута» к высотам власти в науке и реальным вкладам в научные исследования. Научная репутация этой группы обычно подкрепляется в первую очередь официально-статусным положением. Второй поток – это исследователи, чей научный капитал адекватен их научной деятельности; научная репутация представителей этого слоя основана на их реальном вкладе в науку, при этом официальный статус (звания и проч.) могут иметь широкий диапазон различий (от «высоких титулов» до относительно «низких» по шкале номенклатурных регалий). Представители именно этого слоя элиты – отвечают креативно-творческим характеристикам. Индекс цитирования – параметр, по-прежнему определяющий «вклад в науку», – у первой группы имеет обычно обязательно-принудительно-конъюнктурно-пиететный характер, у второй – отражает реальное признание авторов в научном сообществе.

2. Представители т. н. «среднего звена» обычно «крепкие» профессионалы, комфортно чувствующие себя в дисциплинарных границах и «парадигмальном официозе», занимающие различный статусный уровень. Научно-исследовательская деятельность этого слоя ученых, осуществляется по методологическим шаблонам, но может квалифицироваться как творческая, если она приводит к новым научным результатам, при этом степень творчества редко достигает «высокого» уровня, чаще всего – «среднего» («вклад в науку» обычно, если говорить об исторической науке, выражается не в теоретических новациях, но в расширении источниковой базы – введении в научный оборот нового источникового / фактуального материала[1]; эта деятельность – эмпирически-фактографическая – имеет весьма существенное значение для развития исторического знания).

3. «Рядовые» от науки – профессиональные представители своей дисциплины / специальности, роль которых не стоит преуменьшать, поскольку на них в основном падает миссия трансляции «переднего края науки» (включая дисциплинарное пространство).

> ***Ремарка-мнение:*** А. В. Лубский разделяет понятия «творческая личность ученого» и «креативная личность ученого», хотя в литературе *творчество* и *креативность* часто используются как синонимы. Разница между этими понятиями, по его мнению, в том, что «творчество в науке заключается в производстве такого нового продукта, как научное знание, а креативность – это способность ученого создавать не столько новые научные знания, сколько новые способы их производства». Одновременно, он констатирует факт формирования нового «креативного класса» – *нетократии* – как новой элиты *общества знания*; деятельность нетократов связана с Интернет-сетями и ориентирована на «методологию открытого контента»[2].

Стратификация в исследовательских коллективах предполагает выделение участников по ролевым характеристика: администратор / исследователь / генератор идей / эрудит / критик и т.п. Эмпирические исследования показывают, что научные коллективы, в которых имеет место «активный ролевой профиль», т. е. существуют более или менее ярко выраженные носители этих ролей, обладают более высокой научной эффективностью по сравнению с теми «сообществами», в которых подобной ролевой специализации не наблюдается. Наряду с базовыми – «генератор идей», «критик», «эрудит» называют также: «мастер», «коммуникатор», «организатор», «исполнитель», «мыслитель», «ме-

---

[1] Разделение этих понятий по критерию: «факт-источник» и «факт-знание»; последнее понятие означает *научное знание*, получаемое после процедур источниковедческого анализа и вводимое в «генофонд» дисциплины после апробации его в научном/экспертном сообществе.

[2] См. подробнее: *Лубский А. В.* Гуманизация исторической науки: становление когнитивной субъективности и сетевых структур // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 35, 49-51.

тодолог», «пионер», «диагностик», «аферист», «демагог» и проч.[1].

М. К. Петров считал, что *дисциплинарная деятельность*, обеспечивающая накопление результатов и воспроизводство дисциплины в смене поколений, фрагментирована в четыре основные роли:

а) *исследователя,* усилиями которого возникает и социализируется новый результат;

б) *историка,* усилиями которого массив наличных результатов предстает как обозримая и сжатая до вместимости индивидов историческая целостность, сохраняющая последовательность результатов и их отметки времени;

в) *теоретика*, усилиями которого массив наличных результатов предстает как обозримая и сжатая до вместимости индивидов логическая целостность, не сохраняющая отметок времени;

г) *учителя*, транслирующего массив наличных результатов в исторической и теоретической форме, а также правила дисциплинарной деятельности новым поколениям потенциальных членов дисциплинарной общности.

На той же междисциплинарной инвариантной основе (но факультативно) могут появляться роли: *редактора, референта*, *оппонента*, *рецензента*, *эксперта*, *популяризатора.* Правила дисциплинарной деятельности, фрагментированные по видам-ролям, обычно задаются деятельностью теоретика в процессе трансляции через механизм подготовки дисциплинарных кадров как парадигма, основанная на каноне деятельности, изъятом в процессе теоретического сжатия из наличных результатов; в период смены парадигм («дисциплинарные революции») правила пересматривают и создают новые обычно в том же процессе теоретического сжатия с учетом новых результатов, не поддающихся истолкованию в рамках старой парадигмы [2].

Среди типов ученого можно выделить:

- Теоретик / практик-эмпирик.
- Ученый-исследователь / ученый-педагог.
- Ученый-философ / ученый-«поэт» / ученый-сциентист.
- Генератор идей / глоссатор / транслятор / комментатор.
- Критик / конструктивист / догматик.
- Аналитик / фактограф / синтетик.
- Кабинетный ученый / ученый-просветитель / ученый-политик.
- Комбинации и прочее.

Характеристика личности ученого как человека и профессионала определяется по маркерам:

- Тип личности: сангвиник / холерик / флегматик / меланхолик; экстравер-

---

[1] См.: *Юревич А. В.* Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001; *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С.77.

[2] *Петров М. К.* Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.234-235.

тивный / интровертивный; рационалист / интуитивист; оптимист / пессимист / стоик; акцентуация по К. Леонгарду и др.; (комбинации).

- Тип мышления: дисциплинарный / дисциплинарно-креативный / креативный.
- Тип мышления: вербально-логический / ассоциативно-образный; (комбинации).
- Стиль мышления (психологическая характеристика): синтетический / идеалистический / прагматический / аналитический / реалистический (комбинации и проч.).
- Психо-физическая конституция: внешность, болезни, слабости (пороки); отношение к окружающим; женщинам; детям; Богу и т.п.; долголетие (в том числе – интеллектуальное) [1].

Ремарка-штрих. Разумеется, в «чистом» виде эти типажи вряд ли существуют, речь может идти об акцентуации каких-либо черт и характеристик личности ученого, но, тем не менее, при анализе научного сообщества, безусловно, его структура с позиций личностных, интеллектуально-психофизиологических, свойств - просто необходима[2].

Считается, что научное сообщество (НС) – саморазвивающаяся, самоорганизующаяся и саморегулирующаяся система объединения субъектов научного творчества, однако разнообразие типов ученых составляет сложнейший конгломерат, который и предстает как научное сообщество в своих многочисленных формах и на разных уровнях: сложная структурировать НС подразумевает неизбежность конфликтов внутри нее. На каждом уровне НС наряду с универсальной нормативно-ценностной системой, вырабатывается своя стандартизация научных норм, каждый из уровней имеет своих лидеров, свои специфические интересы и свою ментальность. Противоречия могут возникать между интересами национальных сообществ и дисциплинарных, которые имеют межгосударственный диапазон действия (достаточно вспомнить эпоху 1930-х гг. в Германии и СССР). Представители конкретного дисциплинарного сообщества могут идентифицировать себя и с другими группами в силу своих научных интересов, и контакты этих ученых, а также их «дисциплинарность» могут оказаться когерентно ослабленными со своими «дисциплинартами».

---

[1] См. подробнее: *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С.43-40. [Вариант биоисториографической модели]. Возможны, разумеется, и другие типологии.

[2] Фундаментальным исследованием в этом направлении стало двухтомное издание – см: *Ясь Олексій.* Историк і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок Х1Х - 80-ті роки ХХ ст..): Монографія: У 2 ч. / за ред.. В. А. Смолія. Київ: НАН України, Інститут історії України, 2014; см. также: *Ващенко В.* Неврастенія: непрочитані історії (Деконструкція одного надпису – сеанс прочитання автомонографії М. Грушевського / За заг. редакцією В. В. Підгаєцького. Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського університету, 2002. 406 с.

НС как «гранулированная среда» состоит из отдельных коллективов / референтных групп / типов сообществ, и внутри всех этих типов сообществ неизбежны разного рода конфликты: некоторые из этих конфликтов идут на пользу научному творчеству, стимулируя «здоровое соперничество» и подстегивая к интенсификации научных исследований, другие, напротив, расслаивают коллектив на противоборствующие слои, тормозя исследовательский процесс, нивелируя достижения, способствуя стагнации и, в конечном счете, приводят к разрушению сообщества. Внешний фактор также может играть как позитивную, так и негативную роль, укрепляя коллектив или стремясь в силу разного рода мотиваций к его уничтожению.

Практически во все исторические эпохи приоритеты научной политики определялись и продолжают определяться во многом через «закулисное» взаимодействие государственной и научной бюрократии. От качества взаимодействия между различными институтами научного сообщества, бизнесом и государственной властью зависит «социальное здоровье» науки и та польза, которую она приносит обществу в целом [1].

Дисциплинарное научное сообщество, как и научное сообщество в целом, – иерархизированная структура, вариативная с учетом многообразных научных традиций, социокультурно детерминированная и включающая бесконечное множество психологически разнообразных личностей, между которыми устанавливаются определенные взаимоотношения на основе формальных правил научной деятельности и «неформально-институциональной» матрицы. Естественная органичность и нерасторжимость категорий *научная дисциплина* и *дисциплинарное научное сообщество* обусловила тот факт, что в современных условиях, когда на фоне геополитических и культурно-исторических потрясений происходит трансформация дисциплинарных миров, сопровождающаяся «междисциплинарной агрессией», антисциентистскими интенциями, столкновением различных дисциплинарных традиций и т. п., традиционные дисциплинарные научные сообщества соответственно пребывают в состоянии неопределенности, поиска идентичности, «берега», к которому, наконец, можно пристать в этом затянувшемся «переходном» периоде: от «модерна» к «постмодерну», от «постмодерна» к «постпостмодерну», информационно-манипуляционной стадиальности и «обществу знания»…

Научная дисциплина как объект анализа уступила место дисциплинарному научному сообществу. Представитель когнитивной социологии науки С. Уолгар констатировал: термины типа «дисциплина», «специальность», «отрасль», «проблемная область» стали использоваться для обозначения научных

---

[1] См.: *Юдин Б. Г.* История советской науки как процесс вторичной институциализации // Философские исследования. 1993. № 3. С.83-106; Социология науки: Хрестоматия / Сост. Э. М. Мирский; Науч. ред. С. А. Лебедев; Ин-т системного анализа РАН, Лаб. организации и управления наукой фак. гос. управления МГУ. URL: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/0.htm

исследовательских коллективов и интеллектуальных группировок [1].

Исследование реально-вертуального феномена, каким является *научное сообщество,* с необходимостью требует поиска новых подходов и органичного сочетания их с традиционными. Наряду с этим происходит реактуализация категории *научная дисциплина*, детерминирующая ресемантизацию этого понятия на очередном конфигурационном витке научного «движения».

Ремарка-info. Стремительное расширение «дисциплинарного семейства» исторического знания, образование новых «лакун» исследовательского пространства в результате сложных интеграционно-дифференциационных процессов – «на стыках наук» – приводит к новой конфигурации дисциплинарных сообществ. Такие новые «проблемные поля» исследовательского пространства «Новой исторической науки» XX в. (в «собирательном» смысле формулы), как история ментальностей, история повседневности, гендерная история, «новая биографика», интеллектуальная история, локальная история, микроистория и проч., «потребовали» полидисциплинарности[2]. В границах инфраструктуры современной науки «получает все большее наполнение ее междисциплинарная составляющая» – формируются полидисциплинарные и интернациональные сообщества, связи внутри которых и между которыми обеспечиваются коммуникативными ресурсами новой информационной эры. Одновременно складывается сеть «внутридисциплинарных» групп, объединенных различными мотивациями «сплоченности»; появляются также инновационные группы, которые находят единомышленников в более широком интеллектуальном пространстве. В этих условиях более «подвижной» становится организационная структура, а «принадлежность к ассоциации» – не столь формальна, менее институциональна и не регламентирована профессиональным образованием и статусом. В этих условиях «актуализируется неформальная структура «“незримого колледжа” европейской науки», членство в котором определяется уже «исключительно стилем мышления, духовной и интеллектуальной близостью ученых…»[3]. Таким образом, «жесткая» нормативность про-

---

[1] См.: *Уолгар С.* Идентификация и определение научных коллективов // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.200-201.

[2] См. подробнее: *Румянцева М. Ф.* Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез: Материалы X1X международной научной конференции, Москва, 25-27 янв. 2007 г. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2007. С.47.

[3] См.: Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе: Материалы научной конференции. 20-22 сентября 2007 г. М.: ИВИ РАН, 2007. С.91-92. Среди первых междисциплинарных научных сообществ в России: Международное общество интеллектуальной истории (1994), Российское общество интеллектуальной истории (2001), Междисциплинарное общество социальной теории» (2010) и др.; в Украине - «Українське товариство

фессионально-дисциплинарного «поприща» начинает уступать место «мягкой» демаркации в системе глобальной кооперации гуманитарного (и не только) знания.

Ремарка-цитата: «Было бы невозможно обойтись без всякой организации… но одновременно невозможно организовать научное сообщество так жестко, чтобы границы между составляющими его частями никогда не нарушались»[1].

Формирование *научного / дисциплинарного сообщества*, способного самостоятельно определять не только стандарты и нормы, но и пространство исследовательской проблематики своей деятельности, происходит как *институциональный процесс* – создание социального института науки, в основе которого дисциплинаризирующие механизмы.

історіків науки» во главе с Ю. А. Храмовым и др. См. также: *Кремень В. Г.* Образование и наука в Украине: инновационные аспекты. Стратегия. Реализация. Киев: Грамота, 2005. 448 с.

[1] *Сторер И.* Отношения между научными дисциплинами // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.62.

Об институционализации и дисциплинаризации

Термин *институционализация* с 1960-х годов активно вошел в западную социологию науки[1] и в 1980-е годы утвердился в советском науковедении. В 1990-е – спорадически, а с 2000-х годов этим термином достаточно широко стали пользоваться историки[2] и представители иных социогуманитарных профессий во всем восточноевропейском регионе.

Традиционно под институционализацией науки понимают процесс формирования науки как социального института (от лат. institutum – установление, учреждение) – процесс организации науки в устойчивую социальную структуру. Различные трактовки категории «социальный институт», заимствованной социологами из юриспруденции, влияют на определение содержания процесса институционализации. При всей условности систематизации, можно выделить два направления в интерпретации этого вопроса.

Представители первого направления понятие «социальный институт» соотносят с понятием «социально-культурные установки», которые в своей совокупности детерминируют нормативность отношений в какой-либо сфере деятельности, в том числе – научной [3].

Представители второго – делают акцент на организационные, «материализованные» структуры науки (систему учреждений и проч.)[4], выделяя при этом два исторически сложившихся типа организации науки: внеинституциональный и институциональный. Последний – сторонники концепции «удревления» генезиса науки относят уже к античному периоду, отмечая эволюцию конкретно-исторических форм институционализации науки[5].

---

[1] Истоки понятия *социальный институт* еще в первой волне позитивизма.

[2] Среди первых публикаций в Украине по институционализации и дисциплинаризации историографии см.: *Попова Т. Н.* Об институционализации историографии // Історична наука на порозі ХХ1 століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 15-17 листопада 1995р.). Харків: Авеста, 1995. С.77-82; *Она же.* Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. Выпуск 1. Историография и специальные исторические дисциплины. Одесса: ОГУ, 1995. С.3-45; *Она же.* Об институционализации историографии // Проблеми історії та методології історичної науки: Харківський історіографічний збірник. Випуск 3. Харків, 1998. (Матеріали наукового семінару «Категоріальний апарат і методи сучасної історичної науки»: Ш Астаховські читання, Харків, 29-30 травня 1997 р.). С.5-14 и др.

[3] См.: *Корнфорт М.* Открытая философия и открытое общество. М.: Прогресс, 1972. С.216-218 и др.

[4] См.: *Стельмах С. П.* Інституціоналізація історичної науки // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Вид-во «Наукова думка», 2005. С.504-507; *Ушаков Е. В.* Введение в философию и методологию науки: Учебник. М.: Издательство «Экзамен», 2005. С.407.

[5] См.: *Антипов Г. А.* Понимание в структуре гуманитарного исследования // Проблемы методологии науки. Новосибирск: Наука, 1985. С.155-156; *Жук С. І.* Західна історіографія та епістемологічні проблеми історичної науки // Український історичний журнал. 1994. № 1. С.45 и др.

Ремарка-мнение: С. П. Стельмах, обобщая практику, которая сложилась в современной украинской историографии, выделяет семь типов *институций* по критерию – направления и формы деятельности исторических институций, цель их создания, специализированные группы, которые в них существуют:

1) профессиональные – в заведениях высшего образования (преимущественно университетские структуры);

2) институции, основными задачами которых является проведение научных исследований (внеуниверситетские структуры – в основном академические институты);

3) институции внутренней научной коммуникации (конгрессы, конференции и т.п.);

4) внутренние дисциплинарные служебные институции (учреждения, осуществляющие координацию и финансирование научных исследований – государственные и частные, включая ЮНЕСКО);

5) институции, в которых соединяются аматорский и профессиональные дискурсы (научные общества);

6) институции, задачами которых является презентация широкой общественности исторических знаний (выставки, музеи, лектории и т. п.);

7) институции, в которых исторические исследования соединяются с политикой (квалификационные комиссии, советы при министерствах, включая исторические комиссии политических партий и объединений)[1] .

Ремарка-мнение: А. В. Ясь рассматривает «институциональную сеть» как базовую подоснову системы любого научного знания, которая обеспечивает его трансляцию и циркулирование как в границах профессиональной корпорации, так и в социуме. *Институции* – это формы жизни профессиональных корпораций и одновременно своеобразные «сцены» взаимодействия ученых: они создают и продуцируют неповторимую среду специлистов-интеллектуалов, в которой существует полноценный диапазон коммуникативных и исследовательских практик, благодаря которым происходит передача знаний от поколения к поколению, зарождаются неформальные творческие общности и союзы – школы, кружки, группы, тандемы и т. п.[2].

---

[1] См.: *Стельмах С. П.* Інституціоналізація історичної науки // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Вид-во «Наукова думка», 2005. С.504-507.

[2] См.: *Ясь О.* «На чолі республіканської науки…». Інститут історії Украиїни (1936-1986). Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії (До 80-річчя установи) /Вступне слово та наук. ред.. Валерія Смолія. Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2016. С.13.

Экскурс. О категориях «институт» и «институция»

В украинской (и российской) научной литературе понятия *институт* и *институция* чаще всего используются как синонимы, при этом в украинском поле преобладает термин *институция*.

Институция – от латинского institutio – переводится как *наставление*, однако в современной практике это слово применяют и как совокупность норм, правил, символов и т. п., регулирующих какую-либо сферу жизни, деятельности, и как организация, заведение. *Институциональный подход* в исторической науке, в частности, рассматривается как система познавательных принципов, ориентирующих на интерпретацию исторической действительности в русле институциональных теорий, разработанных в различных областях социально-гуманитарного знания. В качестве «института» как объекта исследования могут выступать: 1) организации; 2) правила и нормы; 3) модели поведения и социальные практики; 4) когнитивные образы и представления[1].

Представители политических наук в Украине настаивают на дифференцированном применении этой терминологии[2]. «Institutum» с латинского – установление, внедрение, обычай; «institutio» и «institutiones» – понятие учебника[3]. В дальнейшем термины «institutum» «institutio» вошли во многие языки мира. Истоки *институционализма* как принципа исследования связывают с именами основоположников позитивизма – О. Конта и Г. Спенсера. Первоначальная трактовка «институт» как естественного явления сменилось, начиная с М. Вебера и К. Маркса, новым – конструкт, результат «социальной инженерии». Очередной нюанс в интерпретации связан с приданием *институту* идеи нормативных комплексов, задействованных в процессе регуляции статусно-ролевого поведения индивидов, особой юридической техники, предназначенной воплощать в практику нормы объективного права, а также системы упорядоченных верований и обычаев и т. п.[4].

В современной западной литературе в применении понятий «institution» и «institute» полного согласия нет: в правовой науке *институты* выступают

---

[1] См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 133.

[2] См.: *Кармазіна М., Шурбована О.* «Інститут» та «інституція»: проблема розрізнення понять // Політичний менеджмент. 2006. № 4. С.10-19.

[3] Слово «institūtiō» в переводе с латыни имело несколько значений: 1) устройство, 2) образ действия, 3) наставление или учение. Затем вместе со словом «īnstitūtum» перекочевало в другие языки, в том числе польский — «instytucja», — где приобрело значение «государственного учреждения». В русском языке слово «институция» стало использоваться во времена Петра I и было равнозначно «информации».

[4] См.: *Бержель Ж. Л.* Общая теория права. М.: Nota Bene, 2000. С.318; *Дюверже М.* Политические институты и конституционное право. // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. наук; Руководитель проекта Г. Ю. Семегин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г. Ю. Семегин и др. М.: Мысль, 1997. С. 644.

как стойкие комплексы юридических норм; историки обращают внимание на эволюционные механизмы развития институций и институтов и др. Таким образом, в отдельных дисциплинах подход к этим понятиям лежит в плоскости исследовательских задач. Обращается внимание на то, что в российском дисциплинарном поле, в частности в политической науке, закрепилась традиция, согласно которой произошла «потеря» такой специфической категории как «институция», а понятие «институт» вобрало в себя двойной смысл: как нормы и как организации[1]. Одна из версий этого явления – проблемы перевода, в результате чего объединили эти два понятия в одно [2].

Примером различных переводов на русский и украинский языки является перевод книги неоинституционалиста Д. Норта «Institu-tions, institutional change and economic performance»; в первом варианте название книги переведено как «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики», во втором – на украинский язык: «Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки»[3]. Согласно Д. Норту институция – это законы, «правила игры», обычаи, нормы; институт – это организации, государственные органы, политические партии и др.[4].

Стремление к точности понятий определило их интепретацию: *институции* – это регулятивные образцы, программы, которыми общество ограничивает поведение людей, это традиция, порядок, заведенный в обществе; *институт* – закрепление таких порядков в законах и правовых нормах, при этом институция означает в первую очередь источник, механизмы, благодаря которым культурные ориентиры трансформируются в социальную практику, выступая скорее как социально-психологический феномен[5]. Семиотика рассматривает институты как продукт коммуникаций через знаковую систему в контексте культуры и традиции. Внешнее проявление институтов – в правовом закреплении норм, глубинное – в ценностях, которые отражают настроения людей / группы в конкретный момент истории, это – абстрактный знак, который нуждается в расшифровке[6]. Вопросы синонимии понятий *институт* и *институция*, считают М. Кармазина и О. Шурбована, могут решаться путем определения специфики использования каждого из них и недопустимости их

---

[1] См., например: *Зазнаев О. И.* Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке. // Проблемы политической науки. Казань: Центр инновационых технологий, 2005. С. 12.

[2] См.: *Иншаков О. В.* Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации. // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 44.

[3] *Норт Д.* Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки. Київ: Основи, 2000. 198 с.

[4] См.: *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17 – 21.

[5] См.: *Бергер П. Л.* Що таке інституція? Випадок мови. / Пер. Ю. Яремко. http://www.ji.lviv.ua/n35texts/berger.htm; *Турен А.* Повернення дієвця / пер. з фр. Київ: «Альтерпрес», 2003. С. 19;

[6] См.: *Рікер П.* Історія та істина. Київ: «КМ Академія», 2001. С. 302.

отождествления. Институциям отводится значение символических, обычных, семиотических значений и практик, закрепление и воспроизведение которых осуществляется с помощью таких социальных оганизаций, как институты[1].

Для В. Вахштайна история понятия «институция» — история переводческих курьёзов, логических ошибок и неверных интерпретаций; среди причин такого «“зашумления” термина»: 1/этимологическая (многозначность) – одно и то же слово обозначает «игрока», «поле» и «правила игры»; 2/ дисциплинарные традиции – в социологии, юриспруденции, экономической науке (и др.) практикуется разное применение и интерпретация. Поэтому, по его мнению, даже простая переводческая замена институции «институтом» не решает проблемы: у этого термина слишком много значений. В теории науки такой процесс утраты понятием своего содержания в результате постоянного разрастания совокупности обозначаемых им феноменов называется «пролиферацией». И термин «institution» стабильно входит в пятёрку самых пролиферированных понятий общественных наук. Среди рекомендаций по применению этих двух понятий (в частности – в социологии):

во-первых, не использовать слово «институция» как синоним организации или учреждения;

во-вторых, оставить понятие «институция» в значении «устав» юристам;

в-третьих, говоря о «социальных институтах», всегда прояснять: на языке какой теории ведётся разговор — идёт ли речь в данном случае о «правилах игры» (институциональная экономика), о подсистеме общества (макросоциология) или о конкретных упорядоченных практиках людей в конкретных местах (микросоциология)[2].

В экономических науках понятие «институционализация экономических отношений» структурно / стадиально представлена следующим образом: возникновение *интереса* – мотива деятельностных субъектов, вступающих в экономические взаимоотношения с контрагентами; возникновение *институтов* как производных образований интересов, продуктов со-творчества; в итоге – *институционализация* – это процесс возникновение институтов[3] .

Согласно В. И. Оноприенко, процесс институционализации науки включает: генезис современной системы знания, возникновение научных учреждений, организаций, научных обществ, формирование сети научных коммуникаций в рамках научного сообщества и системы внутринаучных социальных

---

[1] Глубокий анализ этой проблемы, столь важный для практики в украинском научном поле см.: *Кармазіна М., Шурбована О.* «Інститут» та «інституція»: проблема розрізнення понять // Політичний менеджмент. 2006. № 4. С. 10-19.

[2] См. подробнее: Институция // Электронный журнал «Стрелка». URL: https://strelka.com/ru/magazine/2015/02/11/vocabulary_institution

[3] См.: *Андрофагин Д. Ю.* Механизм институционализации экономических отношений // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 1 (20). С.5-9; *Ткач А. А.* Інституціоналізація економіки: синергетичний парадокс // Інституціональний вектор економічного розвитку. 2012. № 2 (1). С. 32-38.

отношений и связанных с ними норм научной деятельности, а также ее профессионализацию, при этом ведущим, по его мнению, в этом процессе было и остается формирование системы научных организаций, которые определяют облик науки как социального института[1].

* * *

Институциональное развитие науки – это смена / трансформация социальных форм, в которых по определенным правилам осуществляется деятельность учёных по производству, распространению и применению в обществе нового знания, а также по подготовке новых поколений учёных. В эволюции институциональных форм обычно выделяют основные стадии развития институтов науки: любительская наука, академическая, университетская и прикладная наука, связанная с промышленностью и государственными программами. Как самостоятельный общественный институт наука начала оформляться в XVII–XVIII столетиях, чему способствовало формирование дисциплинарной организации науки с присущими ей особенностями трансляции знаний, их применением и способами воспроизводства субъекта научной деятельности. В XVIII веке «Республика учёных» заменяется множеством дисциплинарно-ориентированных научных сообществ. Наряду с академическими учреждениями, возникшими в XVII – начале XVIII века (Лондонское Королевское общество – 1660; Парижская академия наук – 1666; Берлинская академия наук – 1700; Санкт-Петербургская академия наук – 1724), формируются новые ассоциации учёных: «Французская консерватория (хранилище технических искусств и ремёсел» (1790), «Собрание немецких естествоиспытателей» (1822), «Британская ассоциация содействия прогрессу» (1831) и другие. В конце XVIII – первой половине XIX века в Европе с углублением специализации научной деятельности возникают дисциплинарные объединения исследователей: в различных странах образуются сообщества исследователей-специалистов, часто поддерживаемые общественным мнением и государством (например, сообщество немецких химиков – одно из первых национальных дисциплинарно-ориентированных объединений исследователей, сложившееся в Германии к концу XVIII столетия вокруг научного журнала «Химические анналы»)[2].

В этот исторический период меняется и система образования – возникает новый тип университета (считается, что впервые этот проект был реализован

---

[1] См.: *Онопрієнко В.* Наукове співтовариство: Вступ до соціології науки. Київ: ЦДПІН НАН України,1998. С.23. Мнения коллег – весьма существенны и заслуживают серьезного осмысления, однако в данном тексте для простоты практического использования понятие «социальный институт» будет употребляться в двойном значении: как научное учреждение и как система нормативов, определяющих деятельность научных учреждений.

[2] См.: *Стёпин В. С., Юдин Б. Г., Филатов В. П., Симонов А. Н., Голдберг Ф. И.* Наука. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6860

в Берлинском университете /1808 г./ по концепции В. фон Гумбольдта) на основе триединства принципов: свобода обучения – свобода образования – дисциплинарно-специализированная система обучения и научных исследований, что соответствовало конституированию дисциплинарной организации науки. Специализированная подготовка субъектов науки способствовала профессионализации научной деятельности: наука утверждалась как установленная профессия, требующая специфического образования, имеющая свою структуру и организацию. Данная модель (с определенными модификациями) получила распространение в Европе, Америке, в Российской империи, в университетах на территории украинских земель в XIX в. и проч.

В связи с этим – более традиционный подход: датировать процесс институционализации XIX веком, связывая его с «университетской», дисциплинарной формой организации науки[1], с переходом к профессиональной деятельности, с появлением научного профессионального сообщества, специальных профессиональных учреждений и развитием нормативно-ценностных систем их функционирования[2].

Т. Парсонс (школа Р. Мертона), один из классиков социологии XX века, считал главным предметом социологического анализа институциональный аспект социального действия: «Говоря в самых общих выражениях, это такая область, в которой выявляются действующие в социальных системах *нормативные экспектации,* коренящиеся в культуре и определяющие, что именно *надлежит* делать при тех или иных обстоятельствах людям в различных статусах и ролях *одного* или нескольких различных значений. Эти экспектации интегрируются с *мотивами* деятелей в ролях, то есть с тем, что они "испытывают побуждение" сделать или "хотят" сделать в соответствующих ситуациях и обстоятельствах» [3].

Длительное существование двух классических типов анализа науки – когнитивного и социального в рамках их альтернативности обусловило разделение предметных областей при изучении истории науки: как системы знаний (стадиально более ранняя традиция) – *интеллектуальная история науки* и как социального института – *социальная история науки*. При этом институционализацию обычно связывали только с социальными формами организации научной деятельности.

Затем определилось понимание разных типов социальности в науке, что значительно расширило предметную область наукознания. В литературе появился тезис о многоуровневом подходе к изучению социальной природы науки: «внешнее» влияние социальных факторов на науку – традиционный

---

[1] См.: *Старостин Б. А.* Параметры развития науки. М.: Наука, 1980. С. 50-53 и др.

[2] Об институциональном развитии науки в Украине см.: *Онопрієнко В. І.* Історія української науки X1X-XX століття. Київ: Либідь, 1998. 304 с.

[3] Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы / Под *ред*. Т. Парсонса. М.: Прогресс, 1972. С. 365.

подход; изучение (с 1960-х годов) «внутренней» социальности науки – через призму, с одной стороны, ее восприятия как общественного института (наподобие производственного, военного, политического и т.п.), с другой – возникновение научного знания внутри научного сообщества ученых; взаимодействие «внутренней» социальности науки с «внешней». Принципиально новой была постановка вопроса о том, как переносятся особенности внутренней социальности научного сообщества, занятого производством знаний, на логическую структуру и содержание самого знания [1] .

С 1970-х годов четко обозначился переход от изучения отдельных параметров развития науки к анализу их совокупности. Проявлением этого «комплексно-параметрического», или «социокогнитивного», подхода[2] явилось стремление раскрыть сложное взаимодействие социальных и когнитивных факторов развития науки: в менталитете ученых постепенно утверждался новый, «многомерный», «параметрический образ» науки. В связи с этим обозначилось и новое понимание процесса институционализации, в котором стали выделять когнитивную и социальную стороны.

Фактор институционализации – понятие, введенное одним из основоположников социокогнитивного подхода Р. Уитли (Манчестерская школа социологов науки) для обозначения «способов схематизации действия и значений» в конкретной научной области, стало определяющим для изучения степени когерентности на когнитивном и социальном уровнях развития науки.

В отличие от Т. Куна, который считал, что в «зрелой» науке существует единая и полностью сформулированная «парадигма», и от «попперианцев» (К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд), которые рассматривали науку как ряд конкурирующих и полностью разработанных теорий, Р. Уитли исходил из предположения, что в науке существует разнообразие когнитивных структур с различной степенью замкнутости, когерентности, формализации и различные уровни этих когнитивных структур, что оказывает определенное влияние на их развитие. Различные степени институционализации на разных уровнях, по его мнению, можно рассматривать в качестве критериев «восприимчивости» по отношению к новому, как уровни «защиты» от «вторжения» альтернативных представлений и интерпретаций научных результатов и т.п. Категория институционализации позволяет выявить различия в «скорости распространения» определенных типов идей в различных видах когнитивной деятельности.

---

[1] См.: *Маркова Л. А.* Наука. История и историография XIX – XX вв. М.: Наука, 1987. С.7-8.

[2] См.: *Шпигель-Резинг И.* Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.113-114; Современная западная социология науки: Критический анализ / А. А. Игнатьев [и др.]; отв. ред.: В. Ж. Келле [и др.] М.: Наука, 1988. С.229; *Огурцов А. П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. М.: Наука, 1984. С.175 и др.

Исходя из признания единства двух аспектов научной деятельности – когнитивного и социального, их «неразделимости» (Р. Уитли: «Ученые – существа социальные, и наука – социальная деятельность, причем научное понимание есть выражение этой социальной деятельности»), следует выделять и два «типа институционализации» – когнитивный и социальный: если когнитивная институционализация предполагает в первую очередь степень взаимопонимания между учеными на уровне когнитивных параметров науки (следовательно, способствует их объединению на исследовательском уровне), то социальная институционализация показывает степень интегрированности «интеллектуального движения» (научного сообщества, объединенного взаимопониманием содержания и специфики своей научной деятельности) в социальных структурах – в рамках университетских кафедр, учебных планов и проч. При этом социальная институционализация – «возникновение и сохранение формальных структур, которые объединяют членов когнитивной структуры», – может наступить значительно позже, чем начнет формироваться структура «когнитивного взаимопонимания».

Таким образом, уровни когнитивной и социальной институционализации могут быть различны, но степень институционализации в когнитивном и социальном аспектах определяет в итоге степень институционализации научной области в целом. Р. Уитли рассмотрел эти вопросы в рамках анализа двух «сегментов» науки – исследовательской области и специальности, отмечая специфику процесса институционализации на разных организационных уровнях науки[1].

Во второй половине 1980-х годов советские ученые, впервые предприняв комплексное исследование проблем дисциплинарности, сформулировали новое понимание процесса институционализации как «многомерного», характерного для всех сторон науки – когнитивных, популятивных, коммуникативных и др. Ведущие линии этого процесса:

- формирование специализированной автономной организации науки (системы учреждений с определенными нормативами их деятельности);
- складывание «научных сообществ» со своей идеологией, ценностями и нормами, определяющими систему поведения и коммуникации между учеными;
- установление взаимопонимания между членами научного сообщества в отношении целей и содержания своей научной деятельности.

Когнитивные и социальные аспекты науки соединились в едином процессе ее формирования как социокогнитивной системы, а институционализация предстала в качестве «системообразующего фактора современной науки»[2].

---

[1] *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С. 220-228.

[2] См.: Дисциплинарность и взаимодействие наук. / Отв. ред. Б. М. Кедров и Б. Г. Юдин. М.: Наука, 1986. С.102-106, 274; *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование / Ред. П. П. Гайденко. Москва: Наука, 1988. 256 с. и др.

Данные подходы неоднозначны, но и не противоречат друг другу, отражая в конечном счете общую тенденцию к «расширению» содержательного наполнения понятия «институционализация науки».

Институционализация науки – процесс многогранный, связанный с действием множества факторов социальной жизни (мировоззренческих, политических, экономических и др.), поэтому возможны и вариации подходов к интерпретации этого понятия.

1. Институциональный процесс целесообразно рассматривать с позиций его трех сторон:

во-первых, с созданием различных организационных форм науки, ее внутренней дифференциации и специализации;

во-вторых, с формированием системы ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых, обеспечивающих их интеграцию и кооперацию;

в-третьих, с интеграцией науки в культурную и социальную системы общества, которая при этом оставляет возможность относительной автономии науки по отношению к обществу и государству.

2. В процессе институционализации науки можно выделить две его составляющие:

во-первых, внутреннюю логику становления научных областей по предметно-методологическому принципу (процессы специализации, дифференциации, междисциплинарной трансляции научного знания);

во-вторых, административно-организационную – решения о создании научных заведений, кафедр, исследовательских центров, об осуществлении определенных научных проектов, о приоритетном развитии тех или иных направлений и т. п.

Между этими составляющими единого процесса всегда существуют напряжения и конфликты, особенно на начальных стадиях институционального процесса нового проблемного поля: господствующие в обществе ценности и идеологические постулаты накладывают «запрет» на направления исследований, несопоставимых с политикой (на разных уровнях).

3. Институционализация науки – это:

во-первых, результат происходивших ранее исторических процессов,

во-вторых, длительный, не завершающийся процесс.

Поэтому институциональные изменения в науке – явление закономерное, для которого характерно непрерывное *обновление*[1].

Эти подходы – не альтернативные, но взаимодополняющие и подразумевающие иные варианты в широком диапазоне интерпретаций такого сложного явления как институционализация науки.

---

[1] См.: *Юдин Б. Г.* История советской науки как процесс вторичной институциализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83-106; *Ушаков Е. В.* Введение в философию и методологию науки: Учебник. М.: Издательство «Экзамен», 2005. С.414 и др.

По мнению большинства исследователей, основные параметры институционализации приобретают свой завершенный образ на дисциплинарной стадии развития науки. Институционализацию как тип организации науки традиционно соединяют с понятием «научная дисциплина» как формой или уровнем ее организации, т. к. именно «дисциплинарность науки характеризует степень ее институционализации», а сама научная дисциплина в этом случае рассматривается как «институциональная единица»[1].

На дисциплинарной стадии своего развития наука приобретает системную определенность: складывается когнитивная система в неразрывном взаимодействии с организационной системностью научной деятельности. «Фактор институционализации» выражает «степень когерентности»[2] когнитивных и социальных аспектов научной дисциплины как системы знания и социального института.

Анализ процессов институционализации научной дисциплины составляет одно из направлений современных дисциплинарных исследований. Социологическая модель профессионально-дисциплинарной структуры науки, выдвинутая Т. Парсонсом, стала практически первой моделью институционализации науки. Дисциплинарное строение науки, считал Т. Парсонс, обусловлено потребностями социальной организации, «интеллектуальной точностью разделения знания на отдельные части», необходимостью «…очертить основную сферу компетенции ученого, каталогизировать книги, наметить учебные программы и организовать дееспособные и компетентные подразделения преподавателей…»; само возникновение дисциплинарной структуры он связывал со становление профессиональной научной деятельности, с эволюцией системы образования, с развитием «университетской науки» в XIX веке[3] .

«Персональный маршрут» П. Бурдье привел его к пониманию тождества между процессами институционализации и формированием научных дисциплин. Последние конституируются, по его мнению, в результате конкурентной борьбы внутри «научного поля» между представителями различных исследовательских областей – направлений за монополию научного авторитета, леги-

---

[1] *Жоль К. К., Сиволоб Ю. В.* Информация, общественные науки, управление (философско-экономический анализ). Киев: Наукова думка, 1991. С.135; *Шпигель-Резинг И.* Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.117.

[2] *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.220.

[3] *Парсонс Т., Сторер Н.* Научная деятельность и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С. 28-40.

тимацию одного из этих направлений, что приводит к определению дисциплинарного корпуса, передаваемого в обучении, созданию специальных организационных структур, т.е. происходит «узаконение» дисциплины с утверждением ее доктринальной части и социально-институциональной организации[1] .

Для анализа процессов институционализации в области исторических дисциплин представляет интерес типология научных дисциплин, предложенная Р. Уитли: в соответствии с характером внутренних связей, он выделял монотематический и политематический тип научных дисциплин, «ограниченные» и «неограниченные» научные дисциплины. К монотематическим («ограниченным») относятся те дисциплины (например, физика элементарных частиц), которые характеризуются высокой степенью консенсуса в области цели и идеалов научной деятельности, завершенностью концептуального аппарата, наличием незначительного числа разнородных объектов исследования, высокой степенью интеграции научного сообщества вокруг «теоретического ядра», развитым математическим аппаратом и проч. Для политематических («неограниченных», или «конфигурационных») научных дисциплин характерно множество направлений, претендующих на выдвижение исходного «дисциплинарного принципа», значительно меньший консенсус между учеными в отношении объекта, методов, категориального аппарата своей науки, незавершенность теоретической системы, отсутствие универсальной парадигмы, «размытость» и множественность объектов анализа, «мягкая» демаркация между экспериментальной и теоретической деятельностью и проч. [2].

Концепция институционализации Р. Уитли предполагает дифференцированный подход к двум составляющим единого процесса институционализации: «…такая дифференциация плодотворна для анализа различий в степени когерентности и связанности интеллектуальных результатов, способов их производства и социальных обстоятельств, сопровождающих их производство, их оценку и пересмотр»[3].

Когнитивная институционализация (КИ) имеет два главных взаимосвязанных аспекта: во-первых, она определяет степень взаимопонимания формулировок в соответствии с критериями релевантности проблем, определений и приемлемости их решений, с оценкой используемой логической методикой и инструментальной базой; во-вторых, она определяет деятельность ученого на основе взаимопонимания - интеллектуальной взаимосвязанности и упоря-

---

[1] См.: *Bordieu P.* The specifity of the scientific field and the social conditions of the progress of reason // Social Science Information. 1975. Vol. 14. P. 19-47 .

[2] См.: *Whitley R.* Sociology of scientific developments // Perspectives in the sociology of science. Shiwester, 1977. P. 21-50.

[3] *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.221.

доченности их сферы деятельности. При низкой степени интеллектуального согласия деятельность ученых будет некоординированной из-за недостатка общих определений и общих способов употребления терминов.

> ***Ремарка-цитата:*** «Чем более когнитивно институционализирована та область, в которой работает ученый, тем четче будут его представления о собственной когнитивной идентичности и тем легче будет ему отличить "свою" область от других и выделять те знания, которые так или иначе относятся к его текущей проблемной ситуации. В этом смысле институционализация соотносится с общей способностью отличать одну когнитивную структуру от другой, распределять проблемы по их принадлежности именно к данной, а не к другой области»[1].

Социальная институционализация (СИ) имеет две размеренности: во-первых, это степень внутренней организации и определенности границ; во-вторых, это степень интегрированности в социальных структурах, определяющая «законность» проблематики и влияющая на распределение ресурсов; организационный аспект СИ выражен в виде профессиональных обществ, ведущих журналов и этических кодексов; «…социально институционализированные области исследования обеспечивают основу для социальной идентификации». При недостаточной степени СИ личные контакты будут более важны как средство получения информации и признания работ данного ученого[2].

Обычно выделяют такие институциональные факторы отбора в науке:

- формы организации научного знания (система дисциплинарных публикаций, изданий учебников, библиотечных каталогов),
- формы организации научного исследования (система должностей, институтов),
- методологические запреты, предотвращающие появление новаций через механизм «блокировки» взаимопроникновения и синтеза некоторых традиций исследования,
- *коммуникационные барьеры*, играющие роль стабилизации традиций за счет предотвращения взаимопроникновения «новаций»,
- условием критической активности институтов одной социальной сферы по отношению к новациям в другой является их конкуренция в духовном или социальном пространстве[3].

Анализируя практику осмысления категории институционализации в науковедческой литературе и отмечая, с одной стороны, неопределенность понятия институционализации, отсутствие четкой картины в понимании

---

[1] Там же. С.226.

[2] Там же. С.221-227.

[3] См.: *Фахрутдинова А. З.* Философия и наука: проблемы соотнесения. Алёшинские чтения – 2016: Материалы междунар. конф. Москва, 7-9 декабря 2016 г. / Отв. ред. Т.А. Шиян. М.: РГГУ, 2016. С.98-105.

ее форм, описательность предложенных типологий, с другой – многочисленные интерпретации категорий «научная дисциплина» и «институционализация науки», многие исследователи сделали вывод о том, что данное явление чаще всего внешнее, поскольку авторы, по сути, обращаются к сходным институциональным механизмам, применяя при этом различную терминологию[1].

Комментарии-post

1. При всем многообразии подходов к дуэту «институционализация» – «научная дисциплина» вырисовывается некое единство в понимании исходных принципиальных моментов:

1) институционализация выступает в качестве важнейшего механизма, обеспечивающего интеграцию и воспроизводство научного сообщества, формирование ценностей «дисциплинарной ориентации ученых», социализацию признанных ими норм и ценностей научной деятельности и научных коммуникаций;

2) научная дисциплина рассматривается при этом как высокий уровень систематизации научного знания, связанный с формированием дисциплинарного научного сообщества и с осознанием им единства «дисциплинарных идеалов»;

3) институциональные механизмы воспроизводства научного сообщества в большей степени проявляют себя на уровне дисциплинарной организации системы образования (специализированные образовательные структуры, специфический тип научной литературы – учебники, компендиумы и т. п.);

4) перспектива изучения различных уровней организации науки ориентирована на утверждение нового образа науки – *социокогнитивного* и научной дисциплины как *социокогнитивной системы*, что нацеливает на *социокогнитивный подход к анализу науки* и осознание системности социокогнитивных аспектов единого процесса институционализации;

5) институционально-дисциплинарные процессы включены в социокультурную систему в целом, что детерминирует наличие определенного «культурного эквивалента» на каждом из уровней институционального процесса и в каждой дисциплинарной форме;

6) институциональные процессы, безусловно, будут иметь свою специфику в зависимости от характера той или иной ветви научного знания, от наци-

---

[1] См.: *Мирский Э. М., Юдин Б. Г.* Дисциплинарное строение науки (Вступительная статья) // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С. 22; *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. С. 241. Это явление характерно и для современного состояния науки.

онально-региональных особенностей научного (как части культуры) развития; при этом важно различать степень и формы когнитивной институционализации на разных уровнях социальной интегрированности;

7) использование представления об институционализации и ее уровнях позволит выявить различия в «скорости» распространения определенных типов идей в разных видах когнитивной деятельности, их утверждения в качестве дисциплинарных канонов в общем процессе дисциплинаризации конкретной области знания, их «интервенции» в междисциплинарном пространстве.

2. Учитывая вариативные подходы к понятию *институционализация*, структуру *институционального процесса* конкретной области знания можно представить следующим образом:

1) формирование научного сообщества, идентифицирующего себя с данной областью знания, утверждение конвенциональных основ парадигмального взаимопонимания внутри научного сообщества;

2) когнитивная институционализация предполагает формирование когнитивной системы, складывание знаниевого «генофонда»;

3) социальная институционализация предполагает формирование данной области знания как социального института, включающего две составляющих:

а) формирование ценностно-нормативной системы в научно-исследовательской деятельности и правил взаимоотношений (поведения и коммуникации) между членами научного сообщества;

б) складывание системы специально-научных учреждений, в которых осуществляется деятельность научного сообщества по общепризнанным нормативам и правилам.

3. Институциональный процесс в науке – процесс длящийся, и на каждом темпорально-региональном уровне имеет свой «лик». Многообразие институциональных таксонов фокусирует внимание как на необходимости их картографии, так и на выработке моделей институционального анализа.

4. *Научная дисциплина* предстает как институциональная единица / институциональный таксон, конкретно-историческая форма институционализации, тип социального института науки, поэтому процесс дисциплинаризации в целом адекватен институциональному процессу, но проходит в более ограниченных временных рамках.

5. *Междисциплинарные исследования* также институционализируются

в соответствии, с одной стороны, с базовыми параметрами классической дисциплинаризации, с другой – вырабатывая собственный диапазон институциональных структур.

6. Терминологическое и понятийное разнообразие в соответствии с научными традициями и теоретическими подходами к содержательному наполнению категорий *институционализация* и *дисциплинаризации* принципиально не влияет на исходные, конвенционально допустимые, взгляды в определении этих феноменов.

7. Проблема осознания границ и форм «сознательного» воздействия на формирование и развитие дисциплинарных и междисциплинарных комплексов, отдельных дисциплин, выявление и анализ механизмов дисциплинарной самоорганизации – как частная в глобальной проблеме «эпифеноменов» человеческой деятельности, форм их проявления и обратного воздействия – в качестве одного из вариантов решения может предполагать анализ «дисциплинарной истории» через исследование процессов институционализации. Поскольку институционализация и дисциплинаризация науки – *процессы,* постольку *дисциплинарная история* научного знания составляет обязательный, самостоятельный объект рассмотрения.

О дисциплинарной истории

В эпоху потрясений устоев знаний
каждая дисциплина стремится проверить свои основания
с помощью их ретроспективного просмотра.
Пьер Нора[1]

Дисциплинарная история – одно из измерений исследования науки. История отдельной дисциплины, безусловно, входит в общую историю науки и, соответственно, в общую дисциплинарную историю. Однако если *историю науки* считают давно конституированной областью наукознания (конвенционально признано, что *историю науки* следует начинать с конца XIX в., с французской научной традиции)[2], то дисциплинарная история находится в дискутируемой плоскости, хотя только в исторической науке накоплен уже достаточный (в основном – эмпирический) массив историко-дисциплинарных исследований: например, украинская историография за последнюю более чем четверть века представила довольно разноплановую картину подходов к разработке дисциплинарной истории[3].

---

[1] *Нора Пьер.* Проблематика мест памяти // Франция-память: сб. / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С.32.

[2] Не стоит забывать о том вкладе, который внес А. С. Лаппо-Данилевском и другие ученые в осмысление историко-научных проблем и организацию историко-научных исследований. Сформированный А. С. Лаппо-Данилевским коллектив ученых, задачей которого была подготовка фундаментального труда - сборника «Русская наука», стал по существу первым центром историко-научных исследований. После смерти в 1919 г. А. С. Лаппо-Данилевского обязанности руководителя комиссии по изданию сборника «Русская наука» были возложены на С. Ф. Ольденбурга. Наконец в 1921 г. исследовательский центр в области истории науки получил организационное оформление в Академии наук в виде Комиссии по истории знаний (КИЗ), главным инициатором создания которой был В. И. Вернадский. См. подробнее: *Илизаров С. С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901-2011 гг. М.: Янус-К, 2012. 488 с.

[3] См.: Специальные исторические дисциплины: научный пособник / Авт. кол. М. Ф. Дмитриенко, Т. А. Балабушевич, С. И. Белоконь, И. П. Березовский, Е. А. Боряк и др.; Под ред.: В. А. Замлинского, М. Ф. Дмитриенко. Киев: НМК ВО, 1992; *Онопрієнко В. І.* Історія української науки XIX-XX століття. Київ: Либідь, 1998; Спеціальні історичні дисципліни. Довідник: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Редкол.: В. А. Смолій (гол. ред.); І. Н. Войцехівська (кер. авт. кол.), В. В. Томазов, М. Ф. Дмитрієнко та ін. Київ.: Либідь, 2008; *Заремба С. З.* Українське пам'яткознавство: Історія, теорія, сучасність: Автореф. дис. … докт. іст. наук. Київ, 1996; *Чишко В. С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис. … докт. іст. наук. Київ, 1997; *Хмарський В. М.* З історії розвитку археографії на Півдні України: Аполлон Скальковський // Записки історичного факультету. Одеса: ОДУ, 1998; *Колесник І. І.* Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. Київ: Генеза, 2000; *Матяш І.* Архівна наука і освіта в Україні 1920-1930-х років. Київ, 2000; *Руда С. П.* Становлення мікробіологічної науки в Україні: гносеологічні та інституціональні аспекти: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 2001; *Журба О. І.* Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ, 2003; Українська фалеристика: З історії нагородной спадщини. У двох книгах. Книга перша / Редкол.: Б. Є. Патон (голова) та ін. Київ: Либідь, 2004; *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму. XIX – початок XX століття. Київ: ВПЦ «Київський університет», 2005; *Старовойтенко І.* Просопографія: підходи до трак-

Ремарка-тезис. Слова Пьера Нора, взятые в качестве эпиграфа, как нельзя точнее определяют современную ситуацию с «дисциплинарным поворотом». Известно, что критическая / рефлексивная составляющая знания усиливается именно во время «кризисов»: так было с историей истории в восточноевропейской традиции – «первая волна» кризиса / перелома научного знания (рубеж XIX-XX в.) способствовала активной дисциплинаризации историографии как (тогда) вспомогательной исторической дисциплины, «вторая волна» (к рубежу 1980-1990-х гг.) – кризиса / перелома советской науки привела к завершению конституирования историографии как специальной исторической дисциплины. Сегодня «третья волна» (к рубежу XX-XXI вв.) – «хаос» в дисциплинарном семействе – стимулировала обращение «к истокам» – к *дисциплинарной истории*.

Экскурс. К истории истории науки

Историко-научные знания уходят в глубь веков,[1] но основная проблематика историко-научных исследований была осмыслена только в XIX в., при этом *история науки* понималась тогда либо как раздел философии, общей истории культуры, либо как особый раздел той или иной научной дисциплины[2], а специфика ее предмета, задач, исследовательских программ, места в дисциплинарном семействе стали предметом дискуссий на долгие годы. Считается, что профессионализация истории науки сложилась к концу XIX века – критерием выдвигался институциональный параметр: в 1892 г. во Франции была создана первая специальная кафедра по истории науки. Сегодня в мире насчитывается около 100 подобных кафедр, несколько десятков научно-исследовательских институтов и центров, ассоциаций и обществ; расширяется научное сообщество историков науки, увеличивается количество специальных периодических изданий, монографических и статейных публикаций. В литературе были озвучены предложения и по наименованию этой области знания: понятие *история науки* должно покрывать реальный процесс развития науки, а понятие *историография науки* – отрасль знания, изучающего этот процесс[3].

тування змісту наукової дисципліни в історіографії // Спеціальні історичні дисципліни: питання історії та методики. Число 13. Ч. 1. Київ, 2006; *Богдашина О. М.* Джерелознавство історії України: теорія, методика, історія: Навч.-методич. посіб. 2-е вид., доп. и переробл. Харків: Тарбут Лаам, 2005; *Калакура Я.* Історичні засади українознавства. Київ: Знання – Прес, 2007; *Верменич Я. В.* Історична регіоналістика: навчальний посібник / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014 и др.

[1] См.: *Старостин Б. А.* Становление историографии науки (от возникновения до XVШ в.). М.: Наука, 1990 и др.

[2] Дисциплинаризация отдельных отраслей науки с XIX века сопровождалась формированием собственного рефлексивного поля, в которое входили теория и история данной ветви научного знания.

[3] См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Ин-т философии РАН. Гл. ред. И. Т. Касавин. М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009. С. 333-334.

Ремарка-штрих. Т. Кун уже употреблял формулу *историография науки*, выступая против кумулятивной модели развития науки и констатируя «начинающуюся революцию» в историко-научных исследованиях, суть которой – в новых подходах к изучению науки и в расширении проблемного поля: внимание должно концентрироваться, по его мнению, на отношениях между идеями ученого и идеями его научного сообщества, идеями его учителей, современников и непосредственных преемников в истории науки[1].

Однако реальная практика показывает, что историки науки используют оба понятия как синонимы. Определение статуса *истории / историографии науки* имеет ряд интерпретаций:

- научная дисциплина, изучающая процесс развития науки и закономерности этого развития;
- наука, главная задача которой – изучение истории познания окружающего мира, поэтому она тесно связана с философией / эпистемологией;
- это – часть гражданской истории, если рассматривать науку под углом зрения истории производительных сил;
- это – часть истории культуры;
- это – раздел той или иной специальной науки;
- это – память науки, ее архив, средство ее активного освоения и развития.

При этом констатируется, что *историография науки* имеет собственную историю, которую предлагают называть *историография истории науки*[2].

Основываясь на истории естественно-научного знания, специалисты рассматривают историографию науки как интегральную по характеру самостоятельную научную дисциплину, которая «возникла, отделяясь от философии, истории гражданского общества и собственно естествознания», и, включив в себя «разнородные пласты содержания каждой из этих дисциплин», отразила особенности развития всех трех областей знания[3].

Б. А. Старостин предлагает следующую схему эволюции этой области знания:

- «зачатки историко-научного познания» следует относить к древности, ко времени складывания собственно исторических знаний;
- на протяжении XVIII – XIX вв. идет «фронтальный» процесс историко-научных исследований и происходит появление «историографии науки как особой целостной подсистемы в рамках более общей системы: естественнонаучного познания»;

---

[1] *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 25-26.

[2] См.: *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С.7.

[3] См.: *Кузнецова Н. И.* Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982. С. 4; *Старостин Б. А.* Становление историографии науки (от возникновения до XVIII в.). М.: Наука, 1990. С.17.

- в XIX в. оформляется историко-научные исследования «как целостная развивающаяся система», выступающая в то же время как «компонент или часть» самой науки.

Понятие же «научная дисциплина» проникло в историко-научные труды в XVII-XVIII вв., когда само естествознание распалось на ряд дисциплин[1].

Для Н. И. Кузнецовой *история науки* – это не реальный процесс, а область научного познания, «прежде всего историческая дисциплина», развитие которой включило три этапа:

1) «признание» истории науки как «самостоятельной научной дисциплины» произошло в 1892 г., когда во Франции была создана первая специальная кафедра по истории науки, хотя «собственные традиции историко-научного исследования тогда еще не сложились»;

2) в XIX в. зародилась проблематика, ставшая основным содержанием историко-научных работ в XX в.;

3) превращение истории науки «в самостоятельную отрасль теоретического познания» произошло во второй половине XX в., хотя «единство фронта историко-научных исследований» задано, скорее, «организационно и институционально», а не «предметно-теоретически»[2].

С. Р. Микулинский подтверждает, что история науки возникла давно: «она, можно сказать, ровесница самой науке», однако переломным моментом, по его мнению, являются 1940-е гг., когда началось «быстрое развитие историко-научных исследований», а в 1950-1960-е гг. история науки становится «самостоятельной и весьма крупной отраслью знания»[3].

* * *

Среди наиболее общих подходов и программ историко-научных исследований можно условно наметить следующие направления.

Во-первых, поскольку историю науки рассматривают как особый вид интеллектуально-познавательной деятельности и как социальный феномен, в ее изучении выделяют:

а) «внутреннюю» историю, которая предстает как последовательная смена научных идей, методов, теорий, имеющая определенную направленность и логику,

б) «внешнюю» – историю социальных структур науки (исследовательские институты, университеты и т.п., научные сообщества, биографии ученых, их деятельность в связи с социокультурными процессами и прочими «внешни-

---

[1] См.: *Старостин Б. А.* Становление историографии науки (от возникновения до XVIII в.). М.: Наука, 1990. С.5-6, 14.

[2] См.: *Кузнецова Н. И.* Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982. С.4-5, 44; *Она же.* Реальная реконструкция в истории науки: возможность и необходимость / Санкт-Петербургское философское общество // Мысль. 2010. Выпуск 9. С.7.

[3] См.: *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С.14.

ми» по отношению к содержанию науки факторами).

Это «единство в различии» является важнейшей философско-методологической проблемой[1].

Во-вторых, констатируют наличие трех «доминирующих», дополняющих друг друга, подходов:

- хронологическая систематизация, «каталогизация» результатов научных разработок: к настоящему времени созданы многотомные *обзоры* достижений практически всех областей знания; «переизложение» прежних теорий и представлений в свете современного знания – один из возможных путей осознания целей и задач историко-научных исследований;
- описание механизма прогрессивного развития научных идей и проблем, реконструкция основных интеллектуальных традиций в границах отдельных дисциплин, анализ обновления конкретных научных идей, происходящего в ходе полемики с альтернативными подходами и идеями: «История науки – не драма людей, а драма идей» (А. Эйнштейн);
- актуализация проблемы «человеческого элемента» научной деятельности, воссоздание социокультурного и мировоззренческого контекстов творчества ученых, анализ традиций научного сообщества различных эпох и регионов, реконструкция «внешнего окружения», способствующего прогрессу или, напротив, оказывающего тормозящее влияние на развитие научных идей, теорий, подходов, расширение исследовательских методов (психологического и социологического анализа и т. п.)[2].

В-третьих, отмечают[3], что история науки пишется в разных жанрах и исторически первым жанром называют -

- дисциплинарную историю науки, т.е. историю сложившихся, социально оформленных отраслей знания – научных дисциплин (с XVIII в.: «История математики» Ж. Э. Монтюкла (1758), трехтомная «История химии» И. Г. Гмелина (Геттинген, 1798) и др.;
- в XIX в. появляется всеобщая история естествознания как самостоятельная область знания, что было связано с позитивизмом, а также получает распространение жанр научных биографий и «страноведческая» история науки в границах гражданской истории;
- в XX в. – складываются самостоятельные историко-научные области, формируются история науки античности и т.п.; появляются жанры социальной истории; ситуационные исследования; коллективные биографии;

---

[1] См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Ин-т философии РАН. Гл. ред. И. Т. Касавин. М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009. С. 341-342. (Автор: В. Н. Порус).

[2] См.: *Кузнецова Н. И.* Статус и проблемы истории науки // Философия и методология науки. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/kuptsov/0/j27.html

[3] См.: *Печенкин А. А.* Философия науки и история науки: проблемы взаимодействия // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 59-74.

история науки стала использовать методы статистики и наукометрии.

В-четвертых, сторонники моделирования историко-научного процесса называют ряд подходов к построению историко-научных моделей:

- реконструкцию прошлого историк химии Г. В. Быков определил как *историографическую модель*: по его убеждению, историк науки мыслит моделями, и в истории науки можно выделить:
  - а) аддитивно-временные модели (история науки – в рамках отдельных периодов);
  - б) моделирование фрагментов истории науки;
  - в) биографические модели;
- Я. Г. Неуймин предлагает «реконструктивные» и «ретроспективные» модели истории науки;
- И. Д. Ковальченко – «отражательно-измерительные» и «имитационно-прогностические» модели;
- И. С. Тимофеев разделяет историко-научные модели на:
  - а) эпистемологические и когнитивно-социологические концепции развития науки;
  - б) модели развития научного сообщества и социального института науки;
  - в) модели истории отношений типа «наука-общество», «наука-культура» и т. п.;
- А. Н. Глебова рассматривает исторический процесс становления истории науки в качестве самостоятельной дисциплины как последовательное присоединение к ней четырех областей – естествознания, истории, философии и науковедения, что соответствует, по ее мнению, четырем этапам исторического развития науки: накопление историко-научных знаний на первом этапе неотделимо от естественнонаучных; описание развития науки на втором – происходит на основе идеи хронологии, заимствованной из общей истории; поиски закономерностей развития науки и попытки их объяснения на третьем этапе свойственны философии; обобщение этих закономерностей на основе информационного (системного) подхода на четвертом – характерно для науковедения; используя для всех типов моделирования общий термин «реконструкция», автор выделяет четыре подхода / модели реконструкции истории науки:
  - а) фактологическую реконструкцию,
  - б) хронологическую реконструкцию,
  - в) рациональную, или концептуальную, реконструкцию,
  - г) системную, или информационную, реконструкцию[1].

[1] См. подробнее: *Быков Г. В.* Историографические модели // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1980. Вып. 3. С. 45-52; *Неуймин Я. Г.* Модели в науке и технике. История, теория, практика. Л.: Наука, 1984; *Ковальченко И. Д.* О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8; *Тимофеев И. С.* Модели-

В-пятых, Ю. А. Храмов[1], исходя из структуры науки, суммирует ряд направлений изучения ее истории:

- историю внутренней логики развития науки,
- биографистику,
- хронологию,
- историю научных институтов, лабораторий, академий наук, научных обществ (социальную историю),
- историю научных школ,
- историю науки в архивных документах и материалах,
- историю идей и историю людей, историю понятий и приборов, историю дат и событий и проч.

Однако оптимальным вариантом истории фундаментальных наук, по его мнению, является *инновационная история науки* – история ключевых, фундаментальных идей и теорий, открытий и изобретений, которую нужно подавать в рамках соответствующей периодизационной схемы: разработка периодизационной схемы развития фундаментальной науки с ключевыми, переломными событиями, лежащими в ее основе, одна из основных задач при построении идейного среза науки; периодизация – «стержень» при реконструкции истории науки или ее отдельных направлений, а знаковые *события* (топ-факты) – ускорители ее развития.

> ***Ремарка-info.*** С 1980-х гг. произошло «возвращение *события*» после многолетнего остракизма этого явления / понятия, как и всей «событийной истории», под влиянием школы «Анналов». Сейчас «научно-критическая интерпретация события» основана на соотнесение внутреннего содержания и структуры события с «внешним миром», или, точнее, с широко понимаемым историческим контекстом[2]. Речь в итоге идет о выяснении того, почему событие становится *Событием.*

В-шестых, историю науки можно рассматривать как институциональную историю, предполагающую анализ пространства, в котором развертываются научно-исследовательские, организационные, коммуникативные и иные практики; коллективные, групповые и персональные устремления, трансляция и «навязывание» науке определенных идеологических и политических догма-

рование как метод историко-научных исследований // ВИЕТ. 1986. Вып. 2. С.57-60; *Глебова А. Н.* Принципы построения моделей историко-научного знания // Наука та наукознавство. 2004. № 4. Додаток. Матеріали 1У Добровської конференції. С. 116-134.

[1] См.: *Храмов Ю. А.* Физики: Биографический справочник М.: Наука, 1983; *Он же.* История физики. Киев: Феникс, 2006; *Он же.* Новый подход к построению истории фундаментальной науки // Наука и наукознавство. 2017. № 2 (95). С.112-125 и др. О нем см.: *Онопрієнко В. І.* Храмов Юрій Олексійович // Енциклопедія історії України: у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін.; Інститут історії України НАН України. Київ: Наукова думка, 2013. Т. 10. С. 425.

[2] См.: *Репина Л. П.* Историческое событие и историческая наука XIX – начала XXI века // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики / Материалы Международной научной конференции/ Под ред. О. В. Воробьевой, О. Б. Леонтьевой, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцевой. М.: Аквилон, 2016. С. 328-331.

тов со стороны «власть имущих» со всеми модификациями конкретных эпох. Разнообразные, подчас контраверсийные, проявления институциональной жизни пронизаны коллективными и персональными коллизиями жизни ученых[1]. В этом плане история науки предстает и как «описание» конфликтующих, дополняющих и сменяющих друг друга дискурсивных практик – как противопоставление детерминистскому линейному изображению прогресса науки от «заблуждения к истине»[2].

В-седьмых, история науки / история научных идей входит как составляющая в интеллектуальную историю, которая, имея своим прообразом *историю идей* (ее доктрина включала установку на изучение идей как автономных абстракций без социального контекста), трансформировалась в евроатлантической традиции через *социально-интеллектуальную историю идей* 1970-1980-х гг. (с акцентом на социологический и организационный аспекты научной деятельности), затем через постмоденистскую дискурсивную историю идей – «новую интеллектуальную историю» (с элиминацией Автора и концентрацией внимания на феномене нарратива) к современной *новой культурно-интеллектуальной истории* (с 1990-х гг.), для которой характерно:

- максимально широкое исследовательское пространство,
- интенсификация междисциплинарного взаимодействия,
- предельный методологической плюрализм,
- принципиальная толерантность в отношении конкурирующих парадигм,
- проблемно-ориентированный подход к анализу всех интеллектуальных процессов прошлого в конкретно-историческом социокультурном контексте.

При этом социальный контекст интеллектуальной деятельности рассматривается как культурно-историческая ситуация, задающая не только условия, но вызовы и проблемы, требующие своего разрешения, а сама культурно-интеллектуальная история, по сути, превращается в изучение *интеллектуальной культуры*, преодолевающей дисциплинарные границы и выступающей в форме особого способа понимания прошлого [3].

> ***Ремарка-тезис.*** Эта программа исследования истории науки как компонента всеобщей интеллектуальной истории представляется наиболее оптимальным вариантом, однако сами характеристики этого подхода предусматривают органическое взаимодействие с другими программами историко-научных исследований.

---

[1] См.: *Смолій Валерій.* Вступне слово // *Ясь О.* «На чолі республіканської науки…» Інститут історії Украіни (1936-1986). Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії (До 80-річчя установи) /Вступне слово та наук. ред.. Валерія Смолія. Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2016. С.7

[2] *Капустин Б.* Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания // Коммерсант-Наука. 2017. №5. С. 43-44. URL: http://zavtra.ru/blogs/boris_kapustin_mezhdisciplinarnost_otkrivaet_put_k_novomu_sostoyaniyu_znaniya

[3] См. подробнее: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.325-366.

Сегодня история естествознания и техники осознана как дисциплина, принадлежащая не к семейству естественнонаучных и технических наук, а к дисциплинам гуманитарного профиля, это – раздел всеобщей истории и культурологии. Тем не менее историк науки находится на методологическом распутье:

- историю науки можно считать частью гражданской истории, но последняя никогда не изучала когнитивных процессов;
- историю естествознания можно считать частью естествознания, но анализ прошлого с точки зрения современного знания ведет к модернизации; мы теряем прошлое, перестаем быть историками;
- методология науки смотрит на историю науки как на арсенал движения по критерию их эффективности; для методологии история науки – вспомогательная область, откуда берут иллюстративные примеры – это не подлинные события, а прецеденты;
- философия науки относится к истории науки более чем уважительно, именно она существенно способствует интенсивному, а не экстенсивному росту историко-научной работы, предлагая модели, которые можно проверить;
- социология науки толкает историю науки в другую сторону: *социологизация проблематики*, преобладающая сегодня в историко-научных исследованиях, не ведет к изучению когнитивных процессов[1].

Траектория влияния на историю науки иных гуманитарных областей менялась на протяжении всего ее развития. Как «особая профессия» и «самостоятельная научная дисциплина» *история науки* претерпела сильнейшую трансформацию во второй половине XX века: два основных вектора определили пути этой трансформации: история науки становилась, во-первых, все более исторической дисциплиной, во-вторых, обогащалась за счет влияния философии науки - происходила *историзация* (усвоение корректных методов и методик исторического исследования, которые давно стали нормой в гражданской истории) и *философизация* (освоение моделей, построенных к тому времени именно в постпозитивистской философии науки) истории науки»[2].

Как форма самопознания и самосознания науки *история науки*, безусловно, близка к философии науки по единой «сверхзадаче»: поиску ответа на вопрос «что есть знание?», однако история науки отвечает на этот вопрос, «выстраивая сюжеты из жизни людей, идей и организаций»[3].

---

[1] См.: *Кузнецова Н. И.* Философия науки и история науки: эволюция взаимоотношений на фоне XX столетия // Философия науки. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 72.

[2] См.: *Кузнецова Н. И.* История естествознания в контексте естественнонаучных и гуманитарных дисциплин // Науковедение. 2002. № 4; *Она же.* Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 103; *Она же.* Реальная реконструкция в истории науки: возможность и необходимость / Санкт-Петербургское философское общество // Мысль. 2010. Выпуск 9. С.7-8. Эти два фактора проявили себя как две траектории развития традиционной истории науки, но никто, по мнению, Н. И. Кузнецовой, не обратил внимания на то, что векторы эти некогерентны, не соотнесены между собой.

[3] См. подробнее: *Печенкин А. А.* Философия науки и история науки: проблемы взаимодействия // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редак-

Последующий «социологический штурм» привел к тому, что понятийный аппарат и методология социологии науки радикально воздействовала на проблематику истории науки, что проявило себя прежде всего в расширении и дифференциации историко-научных исследований. Социология науки прошла путь от структурно-функциональной до когнитивной парадигмы: когнитивная социология науки сегодня включила в социологический анализ содержание научного знания – не только деятельность и взаимоотношения ученых, но и результат этой деятельности (научные знания) поддаются социологической интерпретации. Такая «когнитизация» социологии науки открывает широкие возможности для интеграции традиционных науковедческих исследований с философией и историей науки. Предметное поле современных историко-научных исследований значительно расширилось, среди приоритетных тем: эволюция форм общения ученых, история научных школ, коммуникаций, публикаций, история норм и критериев ценности в научном сообществе, социальная ответственность ученых и проч.; среди новых методов – наукометрические, библиометрические методы, анализ статистики науки; узловые события истории науки связываются с деятельностью внутридисциплинарных структур науки (научных школ, кафедр, институтов, лабораторий, «невидимых колледжей» и т. п.); история науки рассматривается в связи с конкуренцией, полемикой между научными школами, с разработкой конкурирующих концепций и методов, т. е. основная направленность историко-научного исследования – рассмотрение социального института науки[1].

Однако от композиционной структуры всей системы науковедческих дисциплин – философии, социологии науки, психологии научного творчества, собственно науковедения и т. п. – зависит не только статус и эвристические возможности истории науки, но и развитие всего когнитологического комплекса: для того чтобы история науки окончательно не «потеряла лица», ей важно осознавать себя частью *когнитологического комплекса*, а «когнитивный поворот» в истории науке является назревшей необходимостью[2].

Ремарка-тезис. Чрезмерная социологизация историко-научного познания в последние годы, несмотря на манифестацию «когнитивной парадигмы», грозит утратой *истории идей* как таковой: люди, рождая идеи, «уходят», идеи остаются и получают новое развитие в многочисленных интерпретациях и рецепциях, прокладывая свой собствен-

---

цией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 59-74.

[1] См.: *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С.19-20.

[2] См.: *Кузнецова Н. И.* Философия науки и история науки: эволюция взаимоотношений на фоне XX столетия // Философия науки. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 72; *Глебова А. Н.* Принципы построения моделей историко-научного знания // Наука та наукознавство. 2004. № 4. Додаток. Матеріали 1У Доброської конференції. С. 132.

ный путь истории мысли. Замечательный историк, профессор Новороссийского (Одесского) университета, Алексей Иванович Маркевич проницательно заметил: «Идеи имеют свою судьбу, как и все другое на свете»[1].

Вопрос о *дисциплинарной истории науки* не имеет сегодня однозначного решения. Н. И. Кузнецова задает вопрос: «Возможна ли история отдельных научных дисциплин?» и сама же отвечает: «такая история не только возможна, она просто существует, она написана», но этот факт «нуждается в объяснении».

Предметный мир науки – это область переплетения, взаимосвязи и взаимодействия различных дисциплин. Дисциплинарный мир – реальность и фантом одновременно, т.к. сконструирован человеком, который, по сути, осуществил «рекогносцировку» внешнего мира и в целях его познания разбил этот мир на отдельные объекты и явления, ставшие в дальнейшем объектно-предметной зоной различных научных дисциплин. При этом и методы науки / наук, как «вирусы», не признающие дисциплинарных барьеров, свободно кочуют в общем научном пространстве, и новые теории, возникшие в дисциплинарных традициях, становятся образцом для других, формирующихся в ином дисциплинарном поле. Кроме того, один и тот объект познания / исследования становится «всеобщим» для ряда дисциплин, а их предметные области пересекаются, взаимодействуя друг с другом. Поэтому «строго дисциплинарная история науки» часто приводит к искажениям, поскольку исследователь осуществляет систематизацию материала, исходя из дисциплинарной традиции и в границах своего *дисциплинарного мировидения*. Вся сфера науки и практики – это некое соотнесение, когерентное целое, и выделение траектории развития дисциплины, взятой вне контекста ее непосредственных и далеких «взаимодействий», неизбежно ведет к модернизации. И, тем не менее, «именно дисциплинарная история науки является основным фронтом ведущих исследований»[2].

Дисциплинарная история науки предстает сегодня как достаточно жесткая организационная традиция, и хотя в области историко-научного познания формируется «тектонический сдвиг», многочисленные *истории дисциплин* обычно страдают целым рядом стереотипов, среди которых:

- «презентизм» и «антикваризм»[3],

---

[1] *Маркевич А. И.* Заботы о бедных детях в России. Публичная лекция (Памяти Надежды Яковлевны Шведовой) // Записки Императорского Новороссийского Университета. Т. 59. 1899. С. 381.

[2] *Кузнецова Н. И.* Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С.99-113.

[3] «Презентизм» (стремление рассказать о прошлом языком современности) и «антикваризм» (желание восстановить картины прошлого во всей их внутренней целостности, без отсылок к современности) – это специфические термины, обозначающие два направле-

- традиционный кумулятивизм,
- историцизм,
- эмпиризм и фактологизм,
- «дихотомия университетской (консервативной) и академической (прогрессивной) науки»[1],
- трехфазная периодизация (классика-неклассика-неоклассика), в рамках которой «эволюционирует» наука;
- недостаточная разработка собственно историографических и источниковедческих проблем истории науки и проч.

Поскольку наука – это, по определению М. А. Розова, множество программ получения знания и систематизации знания[2], то неспособность увидеть в развитии науки такой феномен, как формирование новых программ систематизации знания, которые скрыты от историка - заслонены его собственной личностью, приводит к искажению истории дисциплины; «линеаризация» исторического процесса в духе кумулятивизма; иллюзия возможности построения истории отдельной научной дисциплины вне дисциплинарного и единого историко-научного контекста – все эти явления, по сути, составляют современный «антиисторический стереотип», которым «страдают» большинство работ по дисциплинарной истории и истории науки в целом. Проблемы «систематизации знания», неразрывно связанные с проблемой эволюции «стиля мышления» (что чаще всего лежит в основе «тектонических» сдвигов в развитии науки), выходят на первый план в осмыслении историко-научного движения.

> ***Ремарка-info.*** Критика «модернизации прошлого» (чем грешат основные труды по истории науки), прозвучала на первом же семинаре по методологии историко-научных исследований, который проводил Институт истории естествознания и техники еще в 1974 г.: была сформулирована дилемма «презентизма и антикваризма» как исходных установок по отношению к прошлому. На страницах журнала «Вопросы истории естествознания и техники» еще в 1990-е годы шла достаточно острая полемика относительно этих подходов [3].

ния в историко-культурных исследования. См.: «Презентизм» и «антикваризм» – методологическая дилемма историко-научного познания // Философия и методология науки / Под редакцией В. И. Купцова. URL: http://philosophica.ru/metodology/119.htm

[1] Идея противопоставления «академистов» и «университантов» как «эрлов и керлов», репрезентующих соответственно передовой/проблемный и архаичный/дисциплинарный края науки, по-прежнему сохраняется в ментальности сообщества.

[2] См.: *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники. М.: Контакт – Альфа, 1995. С.99-105.

[3] См. подробнее: *Кузнецова Н. И.* Презентизм и антикваризм — две картины прошлого // Arbor Mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Вып. 15. М., 2009. С. 164–196; *Розов М. А.* Презентизм и антикваризм – две картины истории.URL: http://rozova.org/images/documents/Presentism_i_Antikvarism_RozovMA.pdf

Комментарии-post. Несмотря на значительную историческую традицию и многообразие форм и подходов к *истории науки*, высокий уровень институционализации этой области знания, самоидентификацию специалистов – историков науки и т.п., можно выделить по крайней мере три институциональных маркера, которые «не отвечают» дисциплинарной завершенности.

Во-первых, нет конвенционально признанного самоназвания этой, как считается, самостоятельной дисциплины: в лексиконе историков науки фигурируют два дисциплинарных «имени» – *история науки* и *историография науки*.

Во-вторых, учебный лик *истории / историографии науки* в реальной практике не всегда предстает как дидактическая форма с самостоятельным статусом: чаще всего читаются курсы по «Философии и истории науки», «Истории и методологии науки»[1] и т. п.

> ***Ремарка-info.*** История науки, как и любая иная дисциплина, входит в культурное пространство определенного региона / государства и ее дисциплинаризация / институционализация всегда будет иметь свой «окрас». В Украине, как считают исследователи науки, с начала XIX в. до начала 1950-х гг. *история науки* разрабатывалась отдельными учеными спонтанно, некоординированно, а организация специальных учреждений по этой дисциплине (институтов, кафедр, комиссий и т.п.) представала в виде единичных актов. Это был первый этап институционализации истории науки, который квалифицируют низким уровнем структурированности при отсутствии стабильных форм организации. Однако и на сегодняшний день, несмотря на значительные достижения в области историко-научных исследований, в стране существует только одна кафедра истории науки и техники (Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»), поэтому процесс институционализации этой области знания остается актуальным[2].

В-третьих, поскольку «наука – это система, которая включает в себя свое собственное осознание», т. е. это – «система с рефлексией»[3], а разви-

---

[1] См., например: *Шипунова О. Д.* История и методология науки: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016. 254 с.; История и философия науки: учебник для вузов / под общ. ред. А. С. Мамзина и Е. Ю. Сиверцева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. 360 с. и др.

[2] См.: *Руда С. П.* Інституціоналізація історії науки в Україні (початок Х1Х – середина ХХ ст.) // Наука и наукознавство. 2004. № 4. Додаток. Матеріали 1У Добровської конференції. С.236-241; *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С. 142.

[3] См.: *Розов М. А.* Об изучении познания как системы с рефлексией // Системный метод и современная наука / Отв.ред. А. Н. Кочергин. Новосибирск: НГУ, 1971. Вып. 1; *Кузнецова Н. И.* Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982. С.7.

тие рефлексивного компонента любой науки приводит со временем к появлению форм т.н. «внешней» рефлексии – специальных рефлексивных дисциплин, что в свою очередь является одним из показателей дисциплинарного оформления различных научных областей, то завершение *дисциплинаризации истории науки* должно сопровождаться появлением нового уровня рефлексии – *историко-научной рефлексии*. Этот уровень рефлексии почти полвека назад предлагалось назвать *историографией истории науки*[1]. Однако эта «новая» дисциплина как историко-научная рефлексия – *история истории науки*, несмотря на энтузиазм ведущих историков науки в Украине и России[2], не получила еще всеобщего признания. Мало того, обсуждение проблемы дисциплинарной истории науки практически не включает в репертуар дискутируемых вопросов вопрос о *дисциплинарной истории самой истории науки.*

История науки, а точнее – *история науки и техники* – продолжает оставаться в русле естественнонаучного знания, история гуманитарного знания как специализированная область не приобрела еще своего статуса.

> ***Ремарка-штрих.*** Мысль М. А. Розова об «иллюзии» возможности построения истории отдельной научной дисциплины вне дисциплинарного и единого историко-научного контекста перекликается с задачей построения истории одной страны, которая стояла еще перед Фернаном Броделем. Слова Ж. Мишле – «все связано со всем, все со всем перемешено» –стали для Ф. Броделя аксиомой, поэтому он придерживался тезиса о том, что единственной «правдивой» историей может быть только «история всеобщая»[3], что не помешала ему создать классический труд по истории Франции.

Выдвигаемые ориентиры – на создание всеобщей истории науки по аналогии со всемирной историей (гражданской) остаются пока недостижимым идеалом, несмотря на бурное развитие в области исторических исследований нового синкретического направления – глобальной истории. Глобальная история науки – проект будущего.

> ***Ремарка-штрих.*** Артуро Розенблют и Норберт Винер, крупнейшие ученые XX в., авторы т.н. «модельного видения», считали, что «…научное

---

[1] См.: *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С.7.

[2] См., например: *Оноприенко В. И.* Проблемы историографии и источниковедения истории науки и техники // Science and Science of Science. 2009. № 3. С. 120. URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/48965/17-Onoprienko.pdf?sequence=1; *Илизаров С. С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901-2011 гг. М.: Янус-К, 2012. 488 с. и др.

[3] См.: *Goubert P.* Beauvais et ie Beauvaisis de 1600 a 1730. 1960. P. 359. См.: *Бродель Ф.* Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1. / Пер. С. Н. Зенкина, В. А. Мильчиной. URL: http://yakov.works/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

знание заключается в создании некоторой последовательности моделей, предпочтительно формальных…». Идеалом развития формальных (т. е. мысленных) моделей «была бы модель, охватывающая всю Вселенную», но такая модель, по-видимому, не может быть построена потому, что «главное оружие науки – человеческий разум, а этот разум конечен»[1].

Как не критично отношение к дисциплинарной истории (со всеми глубоко аргументированными посылами к вопросу о проблематичности ее существования), *история дисциплин*, или *дисциплинарная история отдельных областей знания*, включая *глобальную историю отдельных дисциплин*[2], это – на современном этапе развития науки в целом – вполне рациональный путь осмысления истории научного познания на всех его уровнях. Разумеется, дисциплинарная история, как и история / историография науки, – это «когерентное целое», и изучение истории отдельных дисциплин требует контекстного подхода.

Дисциплинарная история предполагает, на мой взгляд, анализ процесса дисциплинаризации, т.е. формирования «составляющих» научной дисциплины и их трансформацию в единый социокогнитивный комплекс:

- в социокультурном контексте, во-первых,
- в обще-дисциплинарном контексте, во-вторых,
- в темпорально-региональном контексте, в третьих;

затем – анализ последующего дисциплинарного развития рассматриваемой области знания с учетом специфики «фактора институционализации» – уровня / степени когерентности дисциплинарных компонентов.

Весь процесс истории дисциплины должен включать три стадии:

- *до*дисциплинарную – историю институциональных таксонов, предшествующих появлению собственно дисциплинарных компонентов;
- собственно процесс дисциплинаризации – формирование дисциплинарных компонентов, или «составляющих» научной дисциплины: складывание дисциплины как социокогнитивной системы;
- историю дисциплинарной стадии – собственно историю состоявшейся дисциплины со всеми ее возможными модификациями.

Дисциплинарная стадия научного знания – *научная дисциплина* – выступает в качестве таксона (аналитической единицы), а также формы / уровня институционального процесса в целом. Представляя собой системное образование, научная дисциплина имеет отнюдь нелинейное развитие, переживая различные фазы и модификации, что связано не только со специ-

[1] *Розенблют А., Винер Н.* Роль моделей в науке // Неуймин Я. Г. Модели в науке и технике. Л.: 1984. С.175.

[2] Первые, заслуживающие внимания, проекты по созданию глобальной историографии были осуществлены Георгом Иггерсом. См.: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон [+]» РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.

фикой имманентного развития нового исследовательского направления, но и во многом зависит от различных социокультурных факторов, механизмов интериоризации и проч. «Фактор институционализации» при этом будет отражать «степень когерентности» – сцепления, взаимосвязи дисциплинарных компонентов – и выступать своеобразным системообразующим принципом.

Наряду с генезисом, процессом институционализации и дисциплинаризации – *дисциплинарный временной режим бытия знаний* (со всеми трансформациями) должен быть предметом специального исследования.

Возникновение и развитие научной дисциплины – процесс нелинейный и многофакторный и рассматривать его в проекции, которая задается одной системой координат – заведомо обрекать себя на искаженную картину этого процесса. Поэтому выбор (или конструирование) конкретной *модели научной дисциплины* – необходимое условие изучения дисциплинарной истории, при этом, разумеется, следует учитывать, что каждая из моделей – лишь определенная проекция объекта (научной дисциплины).

О дисциплинарных и институциональных моделях

Представители разных дисциплин активно используют понятия *образ* и *модель,* однако их содержательное наполнение варьируется в достаточно широком диапазоне.

Экскурс. Об образах и моделях

Образ есть модель действительности.
Л. Витгенштейн[1]

Понятия *образ* и *модель* прочно вошли в научную лексику, но их восприятие и трактовки неоднозначны[2]. В литературе сложились разные подходы к функциональному предназначению этих понятий, их соотношению и смыслонасыщению.

Первый подход: его представители категорически разделяют сущность этих понятий и разводят их по разным сферам применения. В исторической науке знание о прошлом всегда «концептуально конструируется» и существует только в мысли, языке или дискурсе, «фигуративно» представленное[3], т. е.– фигурально, метафорически, образно. *Образ* – это результат реконструкции объекта в сознании человека, понятие, которое стало неотъемлемым элементом философских, психологических, социологических, эстетических и прочих дискурсов; это – «синтез наглядности и абстракции», результат «продуктивной деятельности воображения, которая создает различные модели и конструкции»; его главная черта – «репрезентация идеального, соединенного с моральными и социально-культурными ценностями и оценочными суждениями». Образ всегда неопределенен, схематичен и многозначен, поэтому не может быть «до конца конкретным» и каждый раз прочитывается и переосмысливается заново[4].

Образ и модель для С. И. Посохова – «разнонаправленные понятия». Модель – «аналог» объекта или «квазиобъект», «обобщающая абстрактная конструкция, которая используется для познания». В историческом исследовании

---

[1] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. URL: http://w2.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/951/3/vit.pdf

[2] См. об этом подробнее: *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С.99-110. [Экскурс. Об образах и моделях].

[3] *Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 11.

[4] См.: *Посохов С. І.* Историографические образы: вариант деконструкции. На материалах историографии российских университетов // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред.. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 216; *Он же.* Образ // Історіографічний словник / С. І. Посохов, С. М. Куделко, Ю. Л. Зайцева [та ін.]; За ред. С. І. Посохова. Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. С. 179-180; см. также: *Іващенко В.* Образ науки // Там же. С.182-184.

объект – исторические источники, своеобразные «информационные аналоги» прошлого – «знаковые модели», несущие в себе информацию о прошлом. Модель может иметь языковую или формализованную форму и соответственно разделяться на описательные, количественные, математические и проч. По особенностям отображения свойств (сторон) прототипа, в моделях выделяют – изоморфные (адекватные прототипу) и функциональные, нацеленные не на отождествление с прототипом, но на понимание его функционирования. В исторической науке наличие первых – проблематично, вторые – более приемлемы Историографическая модель – реконструкция объекта прошлого и «способ для реконструкции процесса познания прошлого»[1].

Е. А. Чернов и С. П. Болдырь, впервые в украинской историографии обратившиеся к категории «историографический образ», разделяют *модель* и *образ* по ролевому статусу в процессе познания: *модель* сфокусирована на воспроизведение объекта с элиминацией субъекта познания [дословно: «со стремлением полного отстранения субъекта». – Т. П.], при этом «построение модели есть *путь* изучения, а не *результат*» [курсив мой. – Т. П.]; *образ* исходит «из принципиальной нерасторжимости» объекта и субъекта, «из идеи сотворения объекта как единичного и не тождественного ничему», поэтому работа образа начинается там, где еще нет места моделированию. *Образ* – «есть *путь-результат,* который вполне самодостаточен» [курсив мой. – Т. П.]. Не принимая теорию отражения, авторы рассматривают о*браз* – не как отражение объекта (явления, личности, периода и т. п.), а как часть «субъект-объектных связей» в процессе познания: образ выполняет «функции объекта», в результате чего возникает *новый образ*. Все изменяющиеся «образы» - составляющие потенциального «Образа», реконструкция которого становится «сверхзадачей историографического исследования». Этот искомый «Образ» («потенциальный») также выступает как *образ образа*»: «…зафиксированный на определенном отрезке познавательного процесса, он способствует в большой степени диалогизации, а точнее – полилогизации процесса познания». В связи с этим структура, в частности, *историографического образа*, включает в себя несколько образов: «прижизненный» – «прототип», черты которого зафиксированы в источниках; «некрологический» – сохраняет черты «прототипа», однако на этом этапе закладываются основы его «историографической судьбы» (сохранение возможных источников, мемуаризация, публичное распространение оценок и характеристик, стереотипизация и т. д.); научно-критический – предмет научного изучения; редукционный [2].

Ремарка-комментарий. Авторская интерпретация понятий *образ-мо-*

---

[1] См.: *Посохов С. І.* Історіографічна модель // Історіографічний словник / С. І. Посохов, С. М. Куделко, Ю. Л. Зайцева [та ін.]; За ред. С. І. Посохова. Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. С.86-87.

[2] См.: *Болдырь С. П., Чернов Е. А.* Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания // Харківський історіографічний збірник. Вип. 2. Українська історична наука на порозі XXI століття. Харків, 1997. С. 97-100.

дель – одна из первых плодотворних попыток подойти к решению столь сложной проблемы. В этом подходе эвристически значимыми являются: 1) идея образа как результата субъект-объектных отношений; 2) идея образа как самодостаточного явления – «пути-результата» познавательной деятельности; 3) идея многосложной, и добавлю – многотипной, структуры образа как категории познания и ее роли в полилогизации процесса познания; 4) идея наиболее плодотворного использования этой категории при изучении историографической традиции в историко-историографических исследованиях, во всех видовых вариациях работ рефлексивной направленности (историографические обзоры, экскурсы, преамбулы, статьи и т.п.); 5) идея «системоорганизационной функции» структуры образов с акцентом на возможную вариативность структуры «конкретно-историографического образа». Одновременно: 1) вызывает сомнение категоричность вывода авторов: *модель* воспроизводит объект при полном *отстранении субъекта*, при этом «построение модели есть *путь* изучения, а не *результат*»; кто же в таком случае «изучает» и собственно создает модель? а если модель создана в результате изучения ее субъектом, то это ли не результат *пути* изучения? 2) «прижизненный» образ («прототип») и «некрологический» – близки по своему статусу в качестве многообразных источниковедческих фиксаций, и первый, создаваемый современником в период реального существования объекта (личности, явления), – собственно уже *источниковедческий образ* также не исключает оценочных характеристик, закладывающих возможные элементы стереотипизации; 3) *редукция* происходит на всех этапах образосотворения, а не только на последнем; 4) термин *реконструкция* при использовании понятия *образ объекта* – не вполне точен, хотя привычен и широко распространен; образ на всех этапах познавательного/исследовательского процесса скорее *конструируется*, предполагая, безусловно, конечную (в значительной степени - идеальную) цель – *реконструкцию*[1].

Второй подход. Представители данного подхода предпочитают ориентироваться на методологию *моделирования*, элиминируя категорию *образ*. В исследованиях В. В. Подгаецкого (работавшего в фарватере историографической традиции школы И. Д. Ковальченко) сформулирована оригинальная методологическая парадигма исторической науки, включившая в качестве подсистем – системную, модельную и знаковую методологии. Моделирование для В. В. Подгаецкого – «воспроизведение характеристик, признаков и свойств одного объекта на другом», последний – «вновь созданный объект» – и называется *моделью*. Поскольку «любой образ мышления, который базируется на

[1] В этом случае *конструирование* выступает как метод исследования, *реконструкция* – как цель познания. Впрочем, при отрицании теории отражения введение понятия *реконструкция* может показаться некорректным.

использовании условных обозначений или на теории, является моделированием», считает ученый, постольку в широком смысле слова под моделированием можно понимать «всеобщий аспект любого познавательного процесса». Историк, по его мнению, «обречен на моделирование», т.к. его объект – биосоциальные системы - «отделен и отдален от него “стеной” времени»; все письменные источники, которые реально и выступают как объект исторического исследования (объект II) – суть знаковые модели; процесс их исследования, в сущности – моделирование; результат деятельности историка – концепция – суть знаковая модель, или аналог прошлого. Для каждого объекта, убежден В. В. Подгаецкий, возможно построение ряда моделей, каждая из них может считаться «удовлетворительной», если она достоверно воспроизводит хотя бы одну из подсистем исследуемого объекта. Отсюда вывод: все модели одного и того же объекта «имеют равные права на существование»; т.к. в исторической науке не действуют изоморфные модели, каждая из моделей не совершенна и потому «не может претендовать на роль истины в последней инстанции». Среди объектов исследования историка – модели, созданные его предшественниками, это – «историографическая традиция» – в форме совокупности представлений, точек зрения на различные исторические явления, процессы и проч., которые сформировались у специалистов-историков в результате их исследовательской работы[1] .

Третий подход. Это направление в моделировании связано с коррекцией традиционного понимания термина *модель*. Анализируя этимологию слова *модель* и многообразие трактовок этого понятия в латинском и русском языках, Вл. А. Луков приходит к выводу, что, во-первых, современные значения этого слова оторваны от первоначального, а во-вторых, наличие двух полюсов в современных значениях – /1/ модель как реальный предмет, выступающий в качестве образца и т. д., /2/ модель как схема предмета, мысленный образ реального предмета и т. д. – противоположны друг другу настолько, что процедура их сведения крайне затруднительна. Возвращаясь к латинским концептам modulus, modus, modo, стоящим у истоков русского слова «модель», ученый обращает внимание на специфику их восприятия у римлян, которые представляли себе модель как сгусток *соотношений* всех видов: соотношения сферы времени (такт, ритм, фаза и т. д.), соотношения сферы пространства (объем, величина, граница, масштаб и т. д.), соотношения сферы общества (положение, правило, предписание), человека (умеренность), языка (залог, наклонение), деятельности (образ, род, способ), наконец, соотношения в самом абстрактном виде (сумма, число, количество) и соотношения соотношений (мера). Таким образом, *модель* не существует сама по себе, она всегда является «*моделью*

[1] См.: *Підгаєцький В. В.* Основи теорії та методології джерелознавства з історії України XX століття: навчальний посібник для історичних ф-тів ун-тів. Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського ун-ту, 2001. С.379-382, 59-65.

для»: будучи персональной, но не индивидуальной, она предполагает наличие каких-то иных предметов, явлений и процессов, *выявление соотношений с которыми и есть процедура моделирования* [курсив мой. – Т. П.]. Аналогично модель как схема предстает как «модель чего-то» из области реального мира, т.е. она имеет образно-чувственную составляющую. Этот подход позволяет предельно сблизить полюса значений слова «модель». Используя концепт *персональная модель* для изучения истории литературы и основываясь на эксплицированном значении термина *модель*, Вл. А. Луков определяет стратегию собственного исследования: выявление всех видов соотношений писателя как творца текстов с той реальностью, с которой он вступает в контакт: сфера литературы, общественной и личной жизни и проч.[1].

Данный подход к интерпретации понятия *модель* нацеливает в первую очередь на его применение в сфере изучения коммуникативных практик и значительно расширяет диапазон его внедрения в современный методологический инструментарий.

Четвертый подход. Представители этого подхода допускают возможность применения этих понятий в одном контексте. Например, Б. С. Кузнецов, рассматривая структуру *образа науки*, включает в нее целостное представление о научном знании – своего рода *модель науки*[2] [курсив мой. – Т. П.]. В философской литературе *образы науки* – формы знания о науке: представления, понятия, *модели*, концепции и пр. – *конструируются* [курсив мой. – Т. П.] в результате осуществления познавательных процедур и предстают как смысловые онтологии, состоящие из утверждений об объективно существующих / существовавших свойствах (признаках) науки; вариативность отбора этих свойств науки детерминирует множественность «онтологических допущений», т.е. *образов* науки. «*Образ есть модель науки* [курсив мой. – Т. П.], постоянно дополняющаяся включением в нее компонентов», которые рассматривались ранее как контекст, либо представали как «предпосылочное знание» (неявные, неартикулируемые установки и проч.)[3]. В филологической литературе, посвященной проблемам биографического жанра, констатируется, что «реальное историческое лицо выступает всегда опосредованно, *как образ, как мо-*

---

[1] См. подробнее: *Луков Вл. А.* Теория персональных моделей в истории литературы: Науч. монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 103 с. (Проект «История литературы: персональные модели в литературных портретах»). URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Vl_A_Theory_of_Personal_Models/ *Он же.* Мериме: Исследование персональной модели литературного творчества: Науч. монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 110 с. (Проект «История литературы: персональные модели в литературных портретах»). URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Merime/

[2] См.: *Кузнецов Б. С.* Образ науки и эвристическая функция философии // Методология науки. Новосибирск: Наука, 1985. С.138.

[3] Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки. Кемерово: Кузбас, гос. техн. ун-т, 2007. С.185-186, 194.

дель, созданная в результате взаимодействия с индивидуальностью творца, его жизненным опытом, талантом, мировосприятием, в двуедином акте познания и оценки» [курсив мой. – Т. П.]. «Художественный образ как преображенная модель мира» – один из тезисов в филологических исследованиях[1].

В. П. Корзун, фокусируя направленность собственной работы на «междисциплинарную модель изучения историографии» и воссоздавая *образы науки* в восприятии П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского и С. Ф. Платонова, применяет понятия - «модель исторического исследования», «модель ситуативного исследования», «модель историографического анализа» и т. п. [2], включая, таким образом, категорию *модель* в категорию *образ*.

Н. А. Кныш, взяв в качестве исходной идею об *образе исторической науки* как *совокупности представлений* [наиболее распространенная в литературе трактовка *образа*. – Т. П.], определила структуру образа науки как совокупность четырех видов представлений: 1) «целостное представление о научном знании, своего рода *модель науки*» [курсив мой. – Т. П.]; 2) представление о науке как социальном институте; 3) представления о генезисе науки; 4) представление об идеале науки и т. п.[3]. Эта схема определяет в сущности этапы анализа, исследовательского освоения 4-х блоков предметных линий.

И. И. Колесник наряду с понятиями *образ исторической науки*, *образ историка* и т.п. использует понятие «модель»: *историографическая модель, рефлексивная модель историографии, модель биографии интеллектуала, теоретическая модель карьеры историка*, *модели школы* и т.п.. Сравнивая контексты, можно убедиться, что конструирование, например, *образа историка*, предполагает *анализ* [курсив мой. – Т. П.] внутреннего и внешнего мира ученого, его способностей, уровня образования, профессиональной подготовки, характеристику культурного окружения и т.п.; в другом случае *образ* конструируется по «факторам» («составляющим образа историка»): работа историка с источниками, осуществление им исторического синтеза, его литературный стиль, его идеология, его язык и др. – это, по сути, тоже схема *анализа*; в третьем случае *историографическая модель* (нацеленная на историографический *анализ*) в качестве составляющих включает: *анализ* [курсив мой. – Т. П.] со-

---

[1] *Ковальчук Л. В., Савкова Л. С.* Художественная биография в контексте жанровых модификаций биографической прозы // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. Вип. 30. Кам'янець-Подільський, 2012. С. 256; *Николаев А. И.* Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС, 2011 и др.

[2] См.: *Корзун В. П.* Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург: Омс. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. С. 17, 35, 198, 199 и др.

[3] См.: *Кныш Н. А.* Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Автореф. дис….канд. ист. наук. Барнаул, 2009. С.8; *Курзун В., Денисов Ю.* Концепт «образ исторической науки»: интеллектуальная традиция и современная когнитивная ситуация // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 5. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010-2011. С. 316-317.

циокультурных условий, характера проблематики, уровня источниковой базы, методологических принципов, исторической концепции. Таким образом, конструирование и *образа* и *модели* предполагает *анализ* определенного набора элементов, которые составляют *структуру образа* или *схему модели*. В конечном счете и *модель* и *образ* для И. И. Колесник – «идеальный тип», аналитическая конструкция, инструмент познания[1]. Подобных примером предостаточно, что свидетельствует в первую очередь о восприятии определенной тождественности этих понятий, либо о признании относительной демаркации их функциональной предназначенности.

Ремарка-комментарий. В гуманитаристику термин «модель» пришел из естествознания. В исторических и историко-научных исследованиях этот термин получил распространение в связи с использованием математических методов, с развитием клиомерии / клиометрики (западная традиция) и исторической информатики (восточноевропейская традиция). Тем не менее многие гуманитарии, в частности историки, предпочитают в аналогичных контекстах использовать другой термин – «образ», истоки научного применения которого связаны с бурным развитием в 1970-е годы ряда новых направлений в этнологии.

Образ и *модель* – выражение разных традиций одного и того же понятия:

• ***образ*** (облик, вид, подобие; *славянская этимология*) в сфере гуманитаристики всегда означал некое представление о каком-либо явлении; близкое к нему – *образец* – предмет, служащий примером для чего-либо;

• ***модель*** – (от *латинского* modulus / *итальянского* modelio/) – *образец,* воспроизведение предмета в ином объеме, образец того предмета, который нужно создать и проч. В области естественнонаучного знания и в иных сферах деятельности применяется как в формах материализованных конструкций, так и в виде знаково-символических построений.

Поскольку историческая наука уже давно активно использует категории математики (алгоритм, бинарный и др.), физики (динамика, статика, точки бифуркации и др.), химии (синтез, амбивалентность и др.), биологии (морфологическая структура, изоморфизм и др.), то применение термина «модель» вполне может сосуществовать с получившим широкое распространения благодаря этнометодологии понятием «образ», если мы выделим в содержании обоих слов их общую составляющую – *подобие, образец* (тем более следует учитывать широкую практику «смешения» слов различного «этнического» происхождения в единой лексической системе).

Опираясь на тезис полифундаментальной гносеологии о многокачественном, многомерном и многоуровневом характере и объекта познания, и его субъекта, о противоречивости субъектно-объектных / субъектно-субъектных

[1] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С. 65-67, 87-94, 121, 157, 298 и др.

отношений в процессе познавательной деятельности, понятие *образ* можно рассматривать именно в контексте этих отношений, т. е. как форму, связующую объект и субъект познания. Образ выступает в качестве одного из т. н. посредников между объектом познания и познающим субъектом (наряду с инструментарием и различными средствами познания), представляя собой чувственно воспринимаемую информацию, какую-либо знаковую систему, либо язык содержательного знания. Рационально-абстрактный тип образа объекта рождается в результате научной познавательной деятельности и представляет собой идеальную (мыслительную) конструкцию объекта, созданную субъектом познания, который преследует цель выявления сущностного содержания данного объекта, исследования закономерностей его развития, и выражается в логически аргументированной системе взаимосвязей понятий и категорий. Конкретный образ объекта, неизбежно субъективный по восприятию, будет нести тем не менее объективно-содержательное начало, выражая одну из ипостасей объекта и представляя собой один из вариантов его постижения. Таким образом, в своей адекватной неадекватности образ выступает как *подобие* объекта, сконцентрированное в рамках очерченного (в соответствии с конкретно-историческим гносеологическим уровнем и категориальным профилем познающего субъекта) предмета познания. *Образ* как базовый концепт имеет свои коннотации: в поле форм познавательной деятельности – научный, художественный, обыденный; в поле историко-научного знания – дисциплинарный, проблемный, проблемно-дисциплинарный, междисциплинарный и проч.; в поле научного историописания – исторический, историографический, историко-биографический и т. п.; в поле историографии как истории исторической науки – биоисториографический, дисциплинарный / проблемный, региональный, институциональный и проч.

А. Розенблют и Н. Винер, сформулировавшие принципы «модельного видения» (1945), утверждали: «Ни одна часть Вселенной не является настолько простой, чтобы ее можно было принять и управлять ею без абстракций. Абстракция – это замена рассматриваемой части Вселенной некоторой ее моделью. Моделью схожей, но более простой структуры. Таким образом, построение моделей формальных или идеальных (мысленных), с одной стороны, и моделей материальных – с другой, по необходимости занимает центральное место в процедуре любого научного исследования»[1]. «Апологеты» модельного видения рассматривают моделирование в качестве универсального метода, к которому могут быть сведены все остальные методы, в частности – историко-научных исследований[2].

Термин «модель» имеет значительный диапазон применяемых значений.

---

[1] *Розенблют А., Винер Н.* Роль моделей в науке // Неуймин Я. Г. Модели в науке и технике. История, теория, практика. Л.: Наука, 1984. С.171.

[2] *Глебова А. Н.* Принципы построения моделей историко-научного знания // Наука та наукознавство. 2004. № 4. Додаток. Матеріали 1У Добровської конференції. С.120.

А. И. Уемов, например, выделял 37 различных понятий модели[1].

Многочисленны и различные классификационные/типологические схемы моделей[2]. Для И. Д. Ковальченко моделирование как один из методов (приемов) познания применяется в тех случаях, когда исследуемый объект недоступен для прямого исследования. В основе моделирования – теория *подобия*, а возможность изучения объекта по модели базируется на принципе аналогии. Из двух видов структурно-логической аналогии – изоморфизма (отношения между объектом моделирования и его моделью основаны на принципе *одинаковости, равенства* двух систем, что позволяет переносить знания, полученные при изучении одной системы на другую) и гомоморфизма. В последнем случае, который приемлем в исторических исследованиях, отношения между объектом познания и его моделью основаны на принципе *сходства, подобия,* поэтому перенос знания в данной ситуации возможен только «*с образа на прообраз, с модели – на объект моделирования*» [курсив мой. – Т. П.][3]. Построение копии-подобия оригинала-объекта, т. е. – *модели* либо в «естественно-языковом» либо в «формализованном» (в той или иной знаковой системе) виде так или иначе представляет собой абстрагированное выражение содержательной сущности объекта познания и зависим от категориального профиля субъекта познания как любой познавательный прием.

Ремарка-штрих. Если быть предельно точным, то, разумеется, следует различать понятия: «дисциплинарная модель науки» и «модель научной дисциплины», «историографическая модель» и «модель науки» (историографии), или «модель биоисториографического анализа» и «биоисториографическая модель», или «модель анализа историографического источника» и «источниковедческая модель», или «модель анализа историографической ситуации» и «ситуационная модель» и т. п.; сохраняя «в уме» эту дифференциацию понятий, в реальной практике эти формулы часто употребляются как синонимы, поэтому, в частности, понятие «историографическая модель» может быть отнесено к таким типам «моделей» как концепция, концептуальная схема (гипотетическое обоснование проблемы) и т. п.

P. S.

---

[1] См.: *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования. М.: «Мысль», 1971. С. 23-48.

[2] См.: *Быков Г. В.* Историографические модели // ВИЕТ. 1980. Вып. 3. С. 45-52; *Неуймин Я. Г.* Модели в науке и технике. История, теория, практика. Л.: Наука, 1984; *Ковальченко И. Д.* О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8; *Тимофеев И. С.* Моделирование как метод историко-научных исследований // ВИЕТ. 1986. Вып. 2. С.57-60; *Глебова А. Н.* Принципы построения моделей историко-научного знания // Наука та наукознавство. 2004. № 4. Додаток. Матеріали 1У Добровської конференції. С. 116-134.

[3] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С. 376-377.

1. Понятия *образ* и *модель* в конечном счете не противоречат одно другому: практика использования этих терминов как синонимов достаточно широкая в исследованиях разного уровня и различной дисциплинарной принадлежности, однако, безусловно, следует учитывать нормативы научной корректности в применении этих понятий, исходя из ситуационной заданности конкретной исследовательской программы.

2. Возможен вариант соединения этих понятий в едином контексте с разнообразной нюансировкой их восприятия, если допустить, что *образ* и *модель* одновременно представляют объект в разных функциональных плоскостях его постижения. На основе восприятия *образа объекта* – как исходной *концептуальной идеи* – формируется стратегия исследовательского поиска, в результате ее осуществления создается *концептуальная модель*, которая не только представляет «теоретическую онтологию», но и позволяет на основе принципа гомоморфизма (аналогия по сходству-подобию) использовать эту модель уже как методологическое средство, способствующее новому этапу в изучении модели-объекта, что приводит, возможно, к формированию и нового образа объекта. В этом случае *образ* – акцентуализирован концептуально, *модель* – методологически; *образ – восприятие / представление*, *модель – воспроизведение*. Создание и образов и моделей имеет в своей основе – *анализ*, производимый исследователем в соответствии с конкретными параметрами.

3. «Всякое познание, в том числе историческое, – писал в свое время Р. Ю. Виппер, – никогда не имеет перед собой “чистой действительности”. Оно прежде всего встречается с рядом наслоенных друг на друга схем, в которых предшествующие поколения передали нам воспринятый ими материал»[1]. Людвиг Витгенштейн еще более категоричен: «Нет образа, истинного априори»[2]. Однако преследовать основополагающую познавательную цель – «проникнуть в тайны прошлого» – имманентное качество исследователя[3].

* * *

1. В науковедческой литературе 1970-1980-х гг. (как советской, так и западной)[4] *дисциплинарность* рассматривали как общую организационную

[1] *Виппер Р. Ю.* Очерки теории исторического познания. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1911. С.75.

[2] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. URL: http://w2.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/951/3/vit.pdf

[3] *Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. С. 267. Персональный маршрут самого Ф. Р. Анкерсмита свидетельствует о том, что настоящий ученый должен находиться в перманентном поиске путей *приближения* к исторической реальности.

[4] См.: Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980; *Мирский Э. М.* Междисциплинарность и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980; *Огурцов А. П.*

структуру научного знания, а *научную дисциплину* – как элемент этой структуры, определенный уровень в развитии научного знания, его конкретно-историческую форму. Ведущие параметры научной дисциплины:

- единство дисциплинарного знания и способов действия с ним;
- общее содержание специальной подготовки исследователей и формы их идентификации;
- единый набор средств дисциплинарной коммуникации и институтов, регулирующих функционированием дисциплины.

Более широкий состав компонентов научной дисциплины включает:

- фиксированный корпус наличного знания;
- определенные категории или эмпирические области, явления которых считаются «законными» объектами дисциплинарного изучения;
- набор аналитических и эмпирических исследовательских средств (включая определенные методики изучения и языки описания);
- набор теорий и предположений о природе исследуемой реальности, а также подходы к ее изучению;
- одну или несколько типичных схем взаимодействия, обычных для исследовательской деятельности в данной дисциплине (соотношение между теорией и эмпиризмом, экспериментом, наблюдением и т. п.);
- единую писаную историю успехов и неудач исследовательской деятельности и представление о перспективах ее развития; (включая как сам набор проблем, так и определенное направление развития в их постановке и изучении);
- определенные средства и каналы коммуникации между коллегами внутри научного сообщества;
- сферу специальной подготовки и определение профессиональной принадлежности ученых;
- набор профессиональных институтов, ассоциаций, журналов и т. п.[1].

2. Классической моделью для изучения процессов дисциплинаризации может выступать модель *дисциплинарной матрицы* **Т. Куна**. Это понятие применялось им как аналог парадигмы в том смысле, что дисциплинарная матрица является набором «предписаний», имеющим парадигмальный характер и объединяющим вследствие этого членов научного сообщества. Понятие «дисциплинарная», поясняет Т. Кун, обозначает обычную принадлежность ученых-исследователей к конкретной дисциплине. Понятие «матрица» включает в себя компоненты, суть которых – определенные группы «предписаний» парадигмального характера[2].

Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988; Дисциплинарность и взаимодействие наук. / Отв. ред. Б. М. Кедров и Б. Г. Юдин. М.: Наука, 1986 и др.

[1] См.: *Мирский Э. М.* Междисциплинарность и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. С. 55-56, 115.

[2] См.: *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.235-241.

В *дисциплинарную матрицу* входят следующие группы компонентов[1].

1. «*Символические обобщения*» – формальный аппарат, служащий для выражения основных обобщений, принятых всеми членами конкретного научного сообщества («…мощь научной дисциплины, – считает Т. Кун, – … должна…возрастать по мере того, как увеличивается число символических обобщений, поступающих в распоряжение ученых-исследователей»[2]); законы и определения наиболее употребляемых терминов. По сути, это – категориальный аппарат науки, «язык науки», выраженный в символах – математических и понятийных; аксиоматические положения, облеченные в логическую форму. Научные революции влекут за собой отказ от обобщений, прежний смысл которых не соответствует новому пониманию сущности явлений, их обозначающих. «Показал ли Эйнштейн, – замечает Т. Кун, – что одновременность относительна, или он изменил само понятие одновременности?»[3]. Коренной пересмотр категориального аппарата – условие обновления науки, перехода на новый качественный этап ее развития.

2. «Метафизические парадигмы» – «общепризнанные предписания», «концептуальные модели», система методологических и философских принципов, используемых членами научного сообщества для обоснования различных эвристических приемов (по Т. Куну – «эвристические» и «онтологические» модели)[4]. Возможно, эту позицию можно трактовать и как «…совокупность метафизических установок, задающих ту или иную онтологию универсума» [5], это – «картины мира», «стиль мышления», траектория которых неразрывна с траекторией исторической рефлексии.

3. Ценности, которыми руководствуются члены научного сообщества, включая некие стандарты, нормативы, образцы решения исследовательских задач, исходные точки отсчета в оценке теорий, самой науки, ее общественных функций; «общепринятые ценности» как «детерминанты поведения группы» с их аксиологическими и эстетическими основаниями. Несмотря на «индивидуальную модификацию» в применении общепринятых ценностей, в своей принципиальной основе они являются эталонными предписаниями для членов научного сообщества .

4. «Образцы» (парадигма в узком смысле слова) – конкретные решения научных проблем, признанные примеры. Т. Кун пишет о системах «образцов»: на уровне обучения («образцы» для студентов); на уровне послеуниверси-

---

[1] Предложенная трактовка положений Т. Куна – специалиста в области естественнонаучного знания – отражает взгляд историка, попытку спроецировать эти общенаучные позиции в область исторического знания.

[2] *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.235

[3] Там же. С.236.

[4] Там же. С.237.

[5] *Лешкевич Т. Г.* Философия науки: традиции и новации. М.: «Издательство ПРИОР»,, 2001. С.331.

тетской самостоятельной научной работы («образцы» для ученых-исследователей). «Образцы» опираются на «символические обобщения» и едины в каких-то фундаментальных основаниях, но в рамках конкретных специальностей и специализаций они могут иметь свою и весьма значительную специфику.

3. Для **М. К. Петрова** любая дисциплина в любой момент времени существует в следующем наборе составляющих («междисциплинарные универсальные составляющие»):

- *дисциплинарная общность* – живущее поколение действительных и потенциальных творцов-субъектов;
- *массив* наличных *результатов-вкладов*, накопленный деятельностью предшествующих и живущего поколения членов дисциплинарной общности;
- *механизм социализации-признания вкладов* – будущих результатов и ввода их в массив наличных результатов (в наше время публикация);
- *механизм подготовки дисциплинарных кадров* для воспроизводства дисциплинарной общности методом приобщения новых поколений к массиву наличных результатов и к правилам дисциплинарной деятельности (в наше время университет);
- *дисциплинарная деятельность*, обеспечивающая накопление результатов и воспроизводство дисциплины в смене поколений, которая фрагментирована в четыре основные роли: *исследователя, историка, теоретика*, *учителя*;
- *сеть цитирования* – интеграция массива наличных результатов в целостность, возникающая как побочный продукт деятельности исследователей, объясняющих новое от наличного и включающих свои результаты с помощью ссылок на наличное в массив наличных результатов;
- *предмет дисциплины* – поле поиска новых результатов, определенное действующей дисциплинарной парадигмой по каноническому описанию формы возможного продукта[1].

Ремарка. По определению М. К. Петрова, античная философия и наука, существуя в локальных социумах, еще не имела доброй половины из вышеперечисленных признаков, а первая дисциплинарная матрица возникает в Средние века в образе христианской теологии. Оставляя за скобками процесс накопления эмпирических знаний и навыков в рамках околонаучной, ремесленно-практической деятельности, М. К. Петров протягивает прямую линию от теологии к науке Нового времени. Этот ход отчасти оправдан стремлением проследить собственно дисциплинарную логику развития естествознания (пусть при этом остаются в сто-

[1] *Петров М. К.* Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.234-235.

роне необходимые этапы ее истории), а также представляет собой не столько историко-научный, сколько эпистемологический взгляд на науку с высоты птичьего полета. Среди прочего, считает он, естественнонаучные дисциплины даже во второй половине XVII в. все еще не приобрели всего набора дисциплинарных свойств.

4. Согласно **Л. П. Репиной**, академическая дисциплина как отрасль знаний характеризуется следующими «детерминантами»:

- специфической совокупностью концепций и подходов;
- собственной историей;
- институтами / организационной структурой, изменяющейся с течением времени.

Суммируя опыт евроатлантической литературы 1990-х гг., Л. П. Репина обозначает основные критерии *дисциплинарности*:

1) предметное поле,
2) методы работы, исследовательские процедуры,
3) систему референции,
4) специфический способ мышления и язык описания,
5) институциональная структура,
6) сообщество практикующих ученых и их типы личности,
7) особые формы дискурса,
8) нормы и правила профессиональной деятельности [1].

5. Немецкий социолог науки **Рудольф Штихвей,** определяя научную дисциплину как форму социальной институционализации общего процесса дифференциации науки, выделяет пять аспектов, необходимых для идентификации «дисциплины»:

- достаточно гомогенная коммуникационная взаимосвязь исследователей – «scientific community»;
- корпус научного знания, репрезентируемый в учебниках, т.е. выделяющийся через кодификацию, признание и принципиальную возможность изучения;
- множество актуальных вопросов;
- набор исследовательских методов и прагматических решений проблем;
- специфическая для дисциплины структура карьеры и институционализированный процесс социализации[2].

6. **В. Л. Абушенко и Н. Л. Кацук** (Минская философская школа) в каче-

[1] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.31.

[2] Stichweh R. Wissenschaft, Universität, Professionen : soziologische Analysen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. S.17. См.: *Москалев И. Е.* Сети научных коммуникаций: междисциплинарный подход // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С.197-198.

стве инвариантных компонентов любой дисциплины рассматривают:

- массив накопленного в ней знания;
- существующее дисциплинарное сообщество;
- предметно-проблемное поле поисков дисциплинарных результатов;
- механизм социализации добытых «вкладов»;
- институционализированные механизмы подготовки кадров;
- этос дисциплины;
- сложившуюся сеть цитирования, постоянно деконструируемую и вновь конструируемую через вписываемые новые «вклады»;
- собственно дисциплинарную деятельность по воспроизводству, сохранению, наращиванию, переструктурации дисциплинарной целостности, выступающую как коммуникация – «место» операций со знанием [1].

7. Для **М. Ф. Румянцевой**[2] *дисциплина* – исторически сложившая область научного знания, имеющая собственный объект исследования. Анализируя проблему дисциплинаризации источниковедения, она выделяет «три возможных направления исследования»:

- анализ концепций признанных классиков источниковедения;
- рассмотрение источниковедения как дисциплины преподавания в высшей школе;
- анализ понятия *источниковедение* в рамках истории понятий.

Обозначенные линии исследования по существу должны выявить:

– *понимание* содержательного поля дисциплины его репрезентантами;

– становление «учебного лика» дисциплины, ее институциональные структуры в сфере образования;

– формирование дисциплинарного наименования (самоназвания) и статуса дисциплины.

8. **С. П. Стельмах**, опираясь на опыт в первую очередь немецкой историографии 1980-1990-х гг., акцентирует внимание на процессах институционализации исторической науки, которая имеет две взаимосвязанные стороны:

- формирование организационных условий для выработки научной продукции и
- установление определенных норм и правил для функционирования самой науки.

Исходной идеей автора выступает концепция «структурной истории

---

[1] См.: *Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Дисциплинарность // Новейший философский словарь. Минск, 2003. URL: http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost'

[2] См.: *Румянцева М. Ф.* Дисциплина исторической науки // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2016. С.93-94; *Она же.* Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С.97-107.

исторической мысли» немецкого историка Х. В. Бланке, который, опираясь на теоретические положения Т. Куна и Й. Рюзена, предложил модель, предусматривающую комплексную взаимосвязь между *жизненным миром* ученого и *профессиональными нормами*, которые превращают историю в профессиональную дисциплину. Таким образом, совмещаются важнейшие элементы развития исторической науки – институционализация и профессионализация дисциплины и интерпретация исследовательской практики – и создается теоретическая база для ее комплексного анализа.

Академическая институционализация и профессионализация исторической науки сопровождалась созданием ее *инфраструктуры*:

- научные общества,
- архивы,
- публикация исторических документов,
- профессиональная периодика,
- национальные и межнациональные объединения историков,

которая [инфраструктура. – Т. П.] расширяла коммуникативное профессиональное «поле историков».

Международная кооперация и расширение научных контактов неминуемо приводили к универсализации науки, ее институций, критериев научности, языка, заимствования и внедрения в научную практику методологического инструментария и проч.

Одновременно институционализация и профессионализация исторической науки в европейских странах зависела от:

- социальных условий,
- уровня внутридисциплинарного развития,
- значения исторических знаний для задач политической легитимации

и характеризовалась неравномерностью и хронологическим несовпадением, но начальную фазу этих процессов обычно определяют серединой XIX в. – 1920-м г.[1].

9. Для **А. В. Юревича** «…любая научная дисциплина воспринимается самостоятельной наукой, если она организована и институционализирована…»; к основным критериям институционального оформления любой научной дисциплины он относит:

- преподавание данной дисциплины в вузах и наличие соответствующих учебников,
- присуждение ученых степеней в соответствующей области,
- существование научно-исследовательских институтов и центров, в названии которых фигурирует обозначение этой дисциплины,
- издание профессиональных журналов,
- учреждение профессиональных ассоциаций и других профессиональ-

[1] См.: *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму (XIX – початок XX століття): Монографія. Київ: ВПЦ «Київський університет», 2005. С.61-63, 66-67, 340.

ных учреждений,

- существование достаточно широкого круга специалистов, идентифицирующих себя с данной областью знания[1] .

10. По **Н. Маллинзу**, процесс формирования отдельной области знания проходит следующие стадии:

- *стадия нормальной науки*, для которой характерна малая степень организации подгрупп, недостаточно координированных усилий ученых, научная деятельность – рассеяна;
- *стадия сети*: образуются некие локальные уплотнения деятельности, но большинство ученых их даже не замечает; эти объединения возникают, как правило, по поводу каких-то частных идей, методов, гипотез и т. п.;
- *стадия сплоченной группы*; ее участники концентрируются на какой-то проблеме; сплоченная группа продуктивно работает в некоем новом направлении, обретая в ходе этого революционный или элитарный статус; коммуникация этой группы, как правило, в основном ограничена ее собственными рамками;
- наконец, под влиянием существенных успехов элитарной группы и примыкающих к ее направлению новых ученых и их групп образуется *новая область*, или *дисциплина*[2].

11. **И. Шпигель-Резинг** выделяет следующие признаки научной дисциплины (НД).

1. Когнитивные:

- предмет исследования
- специфические перспективы исследования предмета
- способы теоретического расчленения предмета исследования и их теоретическое осмысление
- способ построения теории
- уровень теоретической организации
- дисциплинарные критерии оценки теоретических построений
- источники новой проблематики
- используемые методы
- степень методологической специализации

---

[1] Поскольку большинство из этих признаков институционализации в настоящее время в науковедении отсутствует, считает А. В. Юревич, следовательно, несмотря на солидный объем науковедческих изданий и возрастающий спрос на науковедческую рефлексию, будет сохраняться и иллюзия «отсутствия» науковедения как дисциплины. См.: *Юревич А. В.* Науковедческая «башня», или еще раз о предмете и структуре науковедения // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под редакцией А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С.41-42.

[2] См.: *Маллинз Н.* Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С. 257-282.

- вооруженность техническими и аналитическими средствами
- внутридисциплинарное отношение между предметом исследования, методами и теоретическим построениями
- отношение предмета исследования к предметам других дисциплин, методологические и теоретические связи с другими НД
- восприимчивость к импульсам со стороны других НД
- теоретическая и методологическая значимость для других НД

2. Социальные признаки:

- социальные структуры НД (школы, группы власти, исследовательские группы)
- образцы взаимодействия (степень кооперации внутри НД относительно различных задач, типы и плотность коммуникации и др.)
- способ вовлечения и социализации научной молодежи
- степень институционализации
- типы признания НД
- формальные и неформальные отношения к другим НД.

3. Признаки, характеризующие отношение НД к ее внешней «среде»:

- политическая заинтересованность в развитии этой дисциплины
- вовлеченность НД в сферу политики
- возможности практического приложения и использования НД
- степень финансового обеспечения
- степень соответствия внутридисциплинарных и социетальных ценностей
- степень общественного признания, притязаний той или иной НД.

Когнитивные и социальные признаки дисциплины, согласно И. Шпигель-Резинг, ее отношение к внешней среде определяют специфические возможности выбора внутри дисциплины стратегии, обеспечивающей ее статус; эти же признаки определяют, какие внутринаучные и внешние по отношению к науке процессы и факторы могут угрожать статусу НД[1].

12. С последней трети XX века обозначился четкий переход от изучения отдельных параметров развития научного знания к анализу их совокупности: категории «параметрический образ» науки и «социокогнитивный подход»[2] определили новую тенденцию в изучении науки/дисциплины. Одним из вариантов дисциплинаризации может выступать модель, в основе которой *теория институционализации* **Рачарда Уитли** (Манчестерский университет). Согласно этой теории, институциональный процесс следует рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях:

- *когнитивная институционализация* проявляется в формировании ког-

[1] См.: *Шпигель-Резинг И.* Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С.134-136.

[2] Термин принадлежит А. П. Огурцову.

нитивных параметров нового научного направления, отражая процесс установления взаимопонимания между учеными в отношении основных «сегментов» научного знания и способствуя тем самым их объединению на исследовательском уровне;

- *социальная институционализация* показывает степень интегрированности «интеллектуального движения» в социальных структурах.

Для изучения различий в социальных и когнитивных условиях, существующих между научными дисциплинами, необходимо выстроить ряд описательных категорий, при этом центральным понятием должно стать понятие *степени институционализации*, которое соотносится со структурированностью поведения ученых и значений терминов, принятых в определенной исследовательской области. Взаимосвязанность когнитивных и социальных аспектов институционализации не исключает того, что развитие конкретных социальных и когнитивных компонентов институционального процесса чаще всего неравномерно. «Фактор институционализации… выражает степень когерентности и четкости формулировок идей, что в свою очередь определяет пределы, в которых ученые могут действовать, исходя из некоторой единой схемы»[1].

Комментарии-post

I. Обзор предложенных моделей (даже в столь лапидарно-выборочном варианте) позволяет условно выделить три типа моделей, учитывая стержневую идею (акцент) авторов:

- *институционально-дисциплинарные модели*, в которых акцент сделан на институциональные процессы (Р. Уитли, А. В. Юревич, С. П. Стельмах);
- *популятивные модели* с акцентом на характеристику дисциплины, как в первую очередь – *сообщества* (Н. Маллинз);
- *комплексно-системные модели*, в которых в той или степени объединяются разные параметры дисциплинарности: когнитивные, социальные, инфраструктурные, деятельностные, аксиологические, дискурсивно-стилевые, коммуникативные, дидактические и проч.; к этому типу принадлежит большинство рассмотренных моделей.

II. Многомерность понятия *институционализация* и дифференцированный подход к процессам институционализации – выделение уровней и соответствующих форм (институциональных структур / единиц), неразрывность институционально-дисциплинарного процесса – позволяет предложить не-

[1] *Whitly R.* Cognitive and social institutionalization of scientific specialties and research areas. In: Whitly R. D. (Ed). Social processes of scientific development. London, 1974. P. 69-95; *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; [пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинников]. М.: Прогресс, 1980. С. 218-256.

сколько вариантов ***моделей институционального анализа***.

1. Исследование общих линий институционализации научного знания на *когнитивном* (вопрос /идея/ – проблема – гипотеза – эмпирическая база – теория/концепция) и *социально-организационном уровнях* (инициативная группа /«невидимый колледж»/ – научное движение – проблемно-исследовательский коллектив – научное направления – научная область – научная дисциплина (дисциплинарное научное сообщество).

2. Анализ уровней когнитивной организации науки:

а) проблема и исследовательский поиск – исследовательская программа (определение области, эмпирики и методов) – исследовательское направление;

б) научная специальность (специализированное/профессиональное знание с оформлением парадигмальных основ);

в) дисциплинарное знание (утверждение доктринальных основ /дисциплинарной матрицы/, которые транслируются на различных уровнях системы образования и социокультурной практики в целом).

3. Анализ «популятивных» характеристик науки:

а) индивидуальный субъект науки – *личность ученого* (биографический анализ);

б) коллективный субъект науки – *научное сообщество*: локальные группировки различной степени интегрированности («невидимый колледж» – неформальное объединение вокруг «идеи»; *научное движение* – аморфное, достаточно широкое объединение единомышленников; *проблемно-исследовательская группа* – формализованная структура со своей исследовательской программой; *научное направление* – совокупность проблемно-исследовательских коллективов; *научная область* – конституирование научного направления; дисциплинарное научное сообщество – получившее «гражданский статус» социокогнитивное объединение; *профессиональная корпорация* научного центра (профессорская корпорация университетов: просопографический анализ); *научная школа* – конвенционально признанная формализованная структура либо виртуальный субъект историографической традиции.

4. Анализ коммуникативной структуры науки:

- формы коммуникации (формальные и неформальные; личные и «безличные»);
- направленность коммуникаций (односторонние, двухсторонние, многосторонние);
- способ репрезентации (устные, письменные, печатные, Интернет и проч.);
- уровень интенсивности, масштаб, «плотность» (дискуссии, соавторство, цитирование, социтирование, редактирование, рецензирование и проч.)

или:

а) общение на уровне специализированных изданий;

б) общение на уровне формальных контактов (семинары, симпозиумы, конференции, конгрессы, съезды и проч.);

в) общение на уровне неформальных контактов (переписка[1], личные встречи, Интернет);

Ремарка. Распространение компьютерных сетей и глобальной сети Интернет в конце XX - начале XXI века способствует формированию новых типов научных коммуникаций: компьютерная статья, монография, компьютерный журнал, сетевая дискуссия и др.; в рамках Интернета возникают определенные аналоги «Республики учёных» – обсуждение промежуточных результатов, идей, гипотез путём сетевой дискуссии и другие формы, – в границах которых латынь как средство связи ученых XVII в. в основном заменяется на международном уровне английским языком.

5. Анализ форм социальной репрезентации научных результатов:

- личные сообщения («диалог»/«полилог» внутри группы единомышленников);
- выступления на конференциях и проч.;
- публикации результатов исследований;
  – обзоры и информация; монографии, статьи, тезисы, антологии и проч.;
  – компендиумы, учебники, пособия, программы курсов и т. п.
- дискуссии и обсуждения внутри сообщества;
- программные заявления, дискуссии и обсуждения с представителями иных сообществ;
- библиографические издания (биобиблиография и проч.);
- секторы, отделы, лаборатории, кафедры, факультеты, институты и проч.;
- специализация – специальность (по министерским нормативам и номенклатуре ВАК);
- спецсеминары – спецкурсы – общие курсы;
- научный кружок – научное общество – научная ассоциация и проч.

6. Анализ механизма трансляции дисциплинарных нормативов через стилистику текста:

а) эволюция авторского дискурса по мере изменения социальной институционализации («независимое» личностное творчество – принадлежность автора к конкретным институциональным структурам);

---

[1] Сообщество естествоиспытателей в XVII веке конституировалось не только благодаря академиям и научным обществам, но и в рамках так называемой «Республики учёных» (La Republique des Lettres) - особого типа сообщества, которое избрало *письмо* в качестве средства научного общения и объединило исследователей Европы. Научная переписка велась на латыни, что позволяло учёным, живущим в самых разных странах Европы, сообщать конечные и промежуточные результаты экспериментов, их интерпретацию, гипотезы, идеи и размышления. Таким образом, наряду с книгой (фолиантом), в которой излагаются основополагающие принципы и начала «природы вещей», переписка между учёными становится средством закрепления и передачи научного знания. См.: *Трофимова В. С.* «Республика учености»: идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. Выпуск 20. С. 90-100; *Стёпин В. С., Юдин Б. Г., Филатов В. П., Симонов А. Н., Голдберг Ф. И.* Наука. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6860

б) «дисциплинаризация» дискурса на уровне категориального аппарата;

в) специфика «исторического нарратива» на уровне институционально закрепленных образцов «сценарных вариантов» и проч.

7. Анализ уровней организации науки может осуществляться с позиций «монофилетического» и «полифилетического» подходов:

- первый предполагает *анализ эволюционного-генетического ряда уровней организации науки*,
- второй не связан с поиском историко-генетических связей и выявлением преемственности между различными уровнями науки: данный подход нацеливает на *анализ множественности систем знания и организации науки*, на факт сосуществования различных уровней ее организации, на автономность структурных единиц науки, отсутствие жесткой иерархической субординации между различными уровнями и организационными формами научно-исследовательской деятельности[1] и предполагает применение системно-структурного анализа, синхронического подхода, методик «кейс стадис» и т. п.

III. ***Дисциплинарная модель науки*** может быть представлена в следующих вариантах.

Первый вариант. В основе – «параметрический образ» науки: система маркеров дисциплинарного образа науки:

- дисциплинарный / коллективный / субъект – научное сообщество (НС) специалистов в данной области знаний, идентифицирующих себя со своей дисциплиной, обладающих дисциплинарным стилем мышления и «дисциплинарным видением»;
- система конвенциональных основ в понимании представителями НС содержания своей научной специализированной деятельности и принятии общепризнанных канонов научных исследований (парадигмы) – дисциплинарно-научных образцов, идеалов и норм;
- корпус дисциплинарного знания, имеющий подвижные контуры в связи с перманентным пересмотром т. н. «объективно-истинного» знания, откладываемого в «дисциплинарную копилку» – «дисциплинарный генофонд»;
- наличие рефлексивного уровня дисциплинарного знания – истории и теории, дисциплинарной истории самой научной дисциплины;
- наличие «гражданского статуса»:
  – утверждение «имени» данной научной дисциплины,
  – ее признание как относительно автономного профессионального образования членами научного сообщества, культурными и политико-идеологическими структурами конкретного социума, устанавливающими собственные отношения с дисциплиной;

[1] См.: Дисциплинарность и взаимодействие наук / Отв. ред. Б. М. Кедров и Б. Г. Юдин. М.: Наука, 1986. С.102-110.

- система специализированных научных учреждений со своей идеологией и этосом;
- система профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» данной научной дисциплины, создаются нормативные компендиумы, осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов;
- специализированная информационная система (библиотечные каталоги, информационные издания, для современного периода – тематические сайты в Интернете и др.);
- коммуникационная система - формы научного общения: конференции, съезды, симпозиумы, круглые столы и проч.; специализированные издания, в том числе – научная периодика и др.), а также формы неформальных контактов;
- система материально-финансового обеспечения дисциплины;
- способность научного сообщества вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса.

Второй вариант – модель дисциплины как Антропо-социо-когнитивной системы, вписанной в социокультурный контекст.

1. *Дисциплинарный субъект* – в личностном (ученый) и коллективном (научное сообщество) измерениях:

- идентифицирующий себя со своей дисциплиной и имеющий самоназвание, соответствующее наименованию дисциплины;
- придерживающийся системы конвенциональных основ в понимании содержания своей научной специализированной деятельности и общепризнанных канонов научных исследований (парадигмы) – дисциплинарно-научных образцов, идеалов и норм;
- способный вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса: утверждать «имя» своей дисциплины и ее «гражданский статус» как относительно автономного профессионального образования в научном сообществе в целом, в культурных и политико-идеологических структурах конкретного социума; стремиться к установлению перманентных отношения этих структур со своей дисциплиной.

Ремарка-тезис. Как член научного сообщества и одновременно как индивидуальность, обладающая неповторимым набором личностных свойств и психофизиологической структуры, ученый-исследователь, находясь в перманентном состоянии «амбивалентности» (Р. Мертон), всегда вынужден делать выбор, балансируя между дисциплинарными стандартами и личностными пристрастиями; его креативно-творческий потенциал проявляется в том, какое место он займет между этими двумя полюсами.

2. *Когнитивная система:*

- корпус дисциплинарного знания, имеющий подвижные контуры в связи

с перманентным пересмотром т. н. «объективно-истинного» знания, откладываемого в «дисциплинарный генофонд»;
- наличие рефлексивного уровня дисциплинарного знания – истории и теории, дисциплинарной истории самой научной дисциплины.

3. *Инфраструктура:*
- система специализированных научных учреждений с самоназваниями, соответствующими наименованию дисциплины, со своей идеологией и этосом;
- система профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» данной научной дисциплины, создаются нормативные компендиумы, осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов;
- специализированная информационная система (библиотечные каталоги, информационные издания, для современного периода – тематические сайты в Интернете и др.);
- коммуникационная система – формы научного общения (формальные и неформальные): конференции, съезды, симпозиумы, круглые столы и проч.; специализированные издания, в том числе – научная периодика и др.; личные контакты, переписка и т. п.);
- система материально-финансового обеспечения дисциплины.

Третий вариант – модель триадной системы, вписанной в социокультурное пространство.

I. Дисциплинарное научное сообщество
II. Дисциплинарная матрица (модель Т. Куна)
III. Инфраструктура

P. S. Предложенные варианты моделей – как любые иные – рабочий инструмент в исследовательской деятельности. Подчиняясь стратегии поиска, модели будут менять свою конфигурацию, уточняться и корректироваться, отражая в первую очередь авторское – творческое – начало как безусловный атрибут научного познания вне зависимости от любых дисциплинарных ограничений.

IV.
Вариации на тему

...наука, как известно, тем и хороша,
что в ней никому не дано сказать последнее слово.
И. Д. Ковальченко[1]

О персональных маршрутах

Каждая дисциплина имеет свой – «персональный маршрут» и свое «дисциплинарное лицо». Процесс дисциплинаризации отдельной отрасли научного знания неповторим и зависит от многих факторов: от специфики конкретного знания («знаниевой специфики»), от особенностей институционального процесса, от социокультурной историко-конкретной неповторимости (меняющихся условий, в которых происходит «движение» данной области знания), от роли лидеров, субъектов, «носителей» / репрезентантов этого знания, от политики внутринаучного социума и внешне-политических реалий и т. п.

Все эти и многие иные явления так или иначе детерминируют формирование институциональных параметров, и сам процесс институционализации может привести к высокой стадии / форме институционализации, которая соотносима с научной дисциплиной как завершенной социокогнитивной системой, и в то же время предстать как определенный институциональный таксон с меньшей степенью интегрированности (на когнитивном и социальном уровнях): проблемное поле, направление, научное движение, «невидимый колледж» и т. п. Кроме того, дисциплинарная завершенность (конституирование) конкретной области знания происходит в общедисциплинарном (и шире – в общенаучном) пространстве, на пересечении разнообразных когнио-социо-культурно-идеологическо-политических и прочих линий, непосредственно / опосредованно влияющих на итоговый статус, который обретает эта ветвь научного знания.

Немаловажная роль принадлежит активной позиции ученых, представителей конкретной области знания: их «подвижничество» и «дисциплинарный патриотизм» во многом влияют на «дисциплинарное движение» и его конечную форму.

Дисциплинарная история предполагает не только анализ *процесса* институционализации / дисциплинаризации со всеми его конфигурациями, но и результат этого процесса – итоговую форму, тот *статус*, который придается данному знанию по общепризнанной шкале в иерархии научных единиц определенного интеллектуально-культурного пространства.

Не претендуя на завершенность построений, осмелюсь предложить варианты подходов к определению научного статуса трех областей знания.

[1] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.332.

Биографистика

Возможно все, пока не доказано обратное.
Артуро Перес-Реверте[1]

Новый этап *биографического поворота* – ренессанс *биографизма* как системы научного биоисториописания в наши дни – обусловил и новый виток рефлексии: самоанализ представителей этого жанра связан не только с поисками оптимально-методологического инструментария, но и с необходимостью самоидентификации в дисциплинарном пространстве науки.

В этом плане в контексте восприятия био-письма как синтеза подходов и жанрового многообразия (от документальной биографии до биографического романа, от научной, исторической, интеллектуальной до популярной, дидактической, беллетризованной и проч.) все отчетливее звучат идеи о самостоятельном статусе этой области знания в системе социогуманитаристики.

Биографию рассматривают как «определенный тип гуманитарного знания и самостоятельной культурной традиции»: «текстуальную представленность на языке данной культуры феномена личностной индивидуальности». Британские социологи оценивают *биографический поворот* как выход биографических исследований из маргинальной зоны, фактически формулируя проблему институционализации биографических исследований, обретения биографическим жанром дисциплинарных границ. В последних по времени публикациях преимущественно социологической направленности биографический поворот определяется «дисциплинарной экспансией и внутренней целостностью методологического мировоззрения её представителей»[2]. Одновременно звучат и диаметрально противоположные суждения: биография не обладает самостоятельностью, но «манифестирует тот или иной тип гуманитарного знания («научная биография») и культурной традиции (биография как социокультурный феномен)»[3].

Вероятно, следует разграничивать эти два лика биографии, с одной стороны, и формы биографической рефлексии на «внешнем», дисциплинарном уровне – с другой.

---

[1] *Перес-Реверте А.* Осада, или Шахматы со смертью. М.: Эксмо, 2014.

[2] См.: *Валевский А. Л.* Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. С.4; *Он же.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. СПб., 1995. Вып. 6. С. 32-49; *Кон И. С.* Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С.471-483; *Голофаст В. Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 73–88; *Чишко В. С.* Загальні проблеми біографістики // Українська біографістика.1999. Вип. 2. С. 7–14; *Merrill B., West L.* Using biographical methods in social research. London: Sage, 2009. P.3; *Рогозин Д. М.* Биографический метод: обзор литературы // Социологические исследования. 2015. № 10. С.123, 127.

[3] См.: *Голубович И. В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. С.242.

Биографика и *биографистика*[1] – «дисциплинарные наименования», вошедшие в советскую литературу, – в современной украинской и российской историографии имеют неоднозначную трактовку. Для одного из ведущих российских специалистов в области биографизма И. А. Беленького *биографика* – система философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений о *биографии*, об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции, которая начала конституироваться в Европе в XVIII – XIX вв, в России – во второй половине XIX – начале XX в. Как *дисциплинарное* понятие *биографика* появилась в работах И. Т. Филиппова в значении отдела исторического знания, исследующего типологические формы проявления личностной индивидуальности в истории[2].

Для И. Ф. Петровской *биографика* – специальная историческая дисциплина, изучающая человека в истории во всех проявлениях его бытия, и собственно биографическое знание[3].

В современных российских словарно-энциклопедических изданиях *биографику* определяют как вспомогательную историческую дисциплину, разрабатывающую теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий, среди ее главных задач – изучение типов биографического письма и биографического сознания. *Биографистику*, которая употреблялась в советской историографии 1970-1980-х гг. в рамках рефлексии над *биографикой* (как совокупностью научных и научно-популярных трудов и художественных призведений), трактуют в качестве блока кратких биографических сведений о представителях различных социальных и профессиональных групп[4].

Помимо традиционных наименований следует констатировать появление нового – *новая биографика*, – которое покрывает одну их сфер современного исторического знания. Возникновение этого предметного поля на рубеже XX-XXI вв. – при переходе от неклассической к постнеклассической модели

---

[1] В. Дильтей употреблял понятия *биографика* и *биографистика* как синонимы. См.: *Дильтей В.* Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. : Трактаты, ст., эссе / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1987. С.134.

[2] См.: *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 37-54; *Он же.* Биографика // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. В 5 томах. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Том 1. А - Д. С. 233-234.; Биографика в системе наук о человеке: становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения: указ. лит. / И. Л. Беленький; отв. ред. С. О. Шмидт; РАН, Институт научной информации по общественным наукам. М.: [б.и.], 1999. 220 с.; *Филиппов И. Т.* К вопросу о науке биографии // Известия Северо-Кавказского государственного университета. Ростов-на-Дону, 1926. Т. УШ. С.89-92 и др.

[3] См.: *Петровская И. Ф.* Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 годов. СПб.: Петрополис, 2010. С.12.

[4] См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь (второе издание, исправленное и дополненное) / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П.Репина. М.: Аквилон, 2016. С. 33-35.

науки – связывают с антропологическим поворотом в исторической науке и наделяют его самоназванием – *новая биографическая история*. Эклектизм, проблема соотношения микро- и макроанализа как ведущая методологическая проблема, известная схема Д. Уокера (в качестве типологии биографического жанра) – основные черты *новой биографики*. Принципиальное ее отличие как *новой биографической истории* от традиционной исторической биографии в том, что личная жизнь и судьба индивидов используются для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практиковалось ранее[1].

Для Г. П. Мягкова и Т. Н. Ивановой (представивших эвристически значимую периодизационную схему истории биографики) *биографика* – научная дисциплина со специальным понятийным аппаратом, исследовательским инструментарием, сложившейся системой междисциплинарных взаимодействий. Дисциплинаризация *биографики* в российской культурно-научной традиции, приведшая к ее конституированию, прошла, по их мнению, три этапа:

Первый этап – дореволюционный (приблизительно с середины XIX в. до 1917 г.): в это время происходит формирование биографического сознания, появляются первые опыты теоретико-методологического осмысления биографоведения.

Второй этап (1910-1920-е гг.): усилиями Н. А. Рыбникова (1880-1961), И. Т. Филиппова (1888-1927), Г. О. Винокура (1896-1947) появляется сам термин «биографика», выдвигается программа организации Биографического института как междисциплинарного научного центра массовой биографической документации и исследований, ставятся принципиально важные теоретические вопросы изучения биографии в контексте изучения гуманитарного знания.

В последующие годы[2] во многом благодаря школе «Анналов» интерес к *субъекту* угасает – на смену *личности* приходят *структуры*, и только с 1970-х гг. начинается перелом во всей научной сфере. Авторы совершенно правильно акцентируют внимание на мнении одного из ведущих советских философов, специалиста в области биографоведения, Э. Ю. Соловьева, который отмечал: «Биография как жанр исторической литературы существует уже в течение семи веков. Однако я затрудняюсь назвать хотя бы одно монографическое исследование, в котором прослеживалась бы долгая эволюция этого жанра и ставился бы вопрос о методологическом своеобразии работы биографа»[3].

---

[1] См.: *Некрасова Н. В.* Новая биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.324-325.

[2] Не совсем ясно, какое место в периодизационной схеме авторов занимают эти годы – 1930-1960-е…

[3] *Соловьев Э. Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас (очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991.- С.19. Эта статья была написана автором на рубеже 1970-1980-х гг. – в период т.н. «застоя», с позиций «марксистской методологии», и ее второе издание в 1991 г. (в период «гласности») в известном сборнике – очерках по истории философии и культуры, в котором автор предстал не только как аналитик и теоретик биографического жанра, но и как бли-

Ремарка-штрих. Первая биография как «динамическая» история «индивидуального духа», согласно Э. Ю. Соловьеву, это - «Житие Франциска Ассизского», при этом философ ссылается на работу П. М. Бицилли – «Элементы средневековой культуры» (Одесса, 1919).

К рубежу столетий – в преодолении марксисткой и структуралистской парадигм – вырисовываются «два взаимосвязанных процесса»: с одной стороны, происходит нарастание «буквально по экспоненте» объема биоисследований, с другой – ученые в стремлении осмыслить происходящие процессы, пытаются соотнести теоретическую мысль с практикой и создать соответствующий теоретический, методологический и концептуальный арсенал.

«Биографический бум», «ренессанс персональной истории», «биографический поворот», рождение «новой биографики» – знамение *третьего этапа*, на котором *биографика* сама выступает предметом осмысления, одновременно определяются пути – «траектории» обновления «старого» биографизма», внедряются новые принципы выбора персоналий, происходит «приращение» проблемного поля, «повышается трансдисциплинарность», вводятся интерпретативные методы, происходит выделение моделей и типов биографических исследований - совершенствуется инструментарий историка[1].

Ремарка-info. Среди «трендов» последнего времени – «глобальная микроистория»[2]. Это понятие возникло в контексте теоретических поисков в области «новой глобальной истории» – в попытках именно в истории индивидов отыскать «путеводную нить между микро- и макромиром в их историческом измерении, “очеловечить” глобальную историю». *Микроисторический подход*, по сути – *биографическая история*, «история, показанная через личность», которая предполагает акцент на частное, индивидуальное, уникальное в конкретных человеческих судьбах и одновременно – «на выявление полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста». Само явление «глобальной микроистории» – свидетельство последствий «историографической революции» последней

стательный мастер создания «научной биографии», - текстуально не претерпела никаких изменений.

[1] См. подробнее: *Мягков Г. П., Иванова Т. Н.* Биографика: этапы дисциплинарного становления // «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С.25-32.

[2] *Gamsa M.* Biography and (Global) Microhistory // New Global Studies. 2017. Vol. 11. № 3. P. 231–241; См. подробнее: *Репина Л. П.* Биография в контексте «глобальной микроистории» // «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С.12-18. См. также: Слава и забвение: парадоксы биографики: Сборник научных статей / отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя, 2014 и др.

трети XX – начала XXI в., для которой свойственны: мультиперспективизм и разнообразие методологических подходов, а также движение к их интеграции и взаимокоррекции[1].

В Украине значительная роль в становлении проекта «философской биографики» принадлежит А. Л. Валевскому, для которого *биографика – наука о биографии*, «дисциплина гуманитарного цикла», разрабатывающая «теорию и методологию биографического письма»[2] .

Биографистика в украинских изданиях – научная дисциплина, изучающая теорию, методологию, методику, историографию, практику и терминологический аппарат историко-биографических исследований, источниковедческие проблемы биографий и разнообразные виды биографической продукции. Термин *биографика* в качестве заместителя термина *биографистика* употребляется в широком смысле для обозначения литературно-биографического жанра, искусства описания жизни[3]. Институционализация *биографистики* как специальной исторической дисциплины активно проходит в Украине приблизительно с рубежа 1980-1990-х гг.; особое место в этом процессе занимал В. С. Чишко (1951-2003)[4].

В реальной практике как в украинской, так и в российской литературе понятие *биографика* в большей степени – сфера философии и филологии; историки предпочитают термин *биографистика*[5].

Философы в Украине констатируют формирование *биографики* и *биографистики* как исследовательских направлений, определяя их в диапазоне: от

---

[1] См. подробнее: *Репина Л. П.* Биография в контексте «глобальной микроистории» // «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С.12-18.

[2] См.: *Валевский А. Л.* Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. 110 с.; *Он же.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. СПб., 1995. Вып. 6. С. 32-33.

[3] См.: *Ясь О. В.* Біографістика // Енциклопедія історії України: В 5 т. / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. Т.1: А-В. Київ: Наукова думка, 2003. С.295-296; *Ляшко С. М.* Українські біографічні довідкові видання XIX-XX століття: історичні та теоретико-методичні засади. Запоріжжя: Дике Поле, 2010. С.268; *Попик В.* Українська біографістика на зламі століть: зміна дослідницьких парадигм // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Київ, 2011. Вип. 31 и др. Одновременно *биографистику* рассматривают как «тип гуманітарного знання, який спирається на традицію подання в тексті життєвого шляху людини в конкретний історичний період». См.: *Стус Д. В.* Біографістика // Енциклопедія сучасної України. / Гол. редкол.: Дзюба І. М., Жуковський А. І., Железняк М. Г. та ін.; Ін-т енциклопедичних досліджень НАН України. Київ: НАН України наук. тов. ім. Шевченка, 2004. Т. 3: «Біо» – «Бя».

[4] См.: *Чишко В. С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис…. докт. іст. наук. Київ, 1997. 48 с.; *Он же.* Біографічна традиція і наукова біографія в історії та сучасності України. Київ: БМТ, 1996. 240 с.; *Он же.* Загальні проблеми біографістики // Українська біографістика. Київ, 1999. Вип. 2. С. 7–14 и др. О нем см.: *Попик В.* Віталій Сергійович Чишко (1951-2003) – засновник і перший директор Інституту біографічних досліджень Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського (До 55-річчя від дня народження) // Бібліотечний вісник. 2006. № 5. С. 38-39 и др.

[5] См.: Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень: Харківський історіографічний збірник, Харків: НМЦ «СД», 2003. Вип. 6. 192 с.

искусства биографии до специальной исторической дисциплины, разрабатывающей проблемы биографий, тесно связанной с литературоведением, словарно-энциклопедической традицией, генеалогией, библиографией и, наконец, до теоретического осмысления феномена биографии в культуре и т. д. Украинский философ В. И. Менжулин определяет биографистику как символ развития демократии, важнейшим приоритетом которой является жизнь отдельного человека в его неповторимом и уникальном бытии [1].

Термин *биографистика* достаточно часто используется философами / культурологами, при этом констатируется факт отставания в оформлении философской биографистики по сравнению с биографистикой социологической и исторической[2]. Историко-философскую *биографистику* воспринимают в качестве культурно значимой, методологически сложной и эвристически насыщенной области историко-философского познания[3].

В литературоведении термин «биографический жанр» как вид жанровой генерализации используется представителями историко-теоретического подхода применительно к широкому спектру родственных жанров, объединенных *принципом биографизма*[4].

Историки исторической науки оперируют термином *биоисториография* (понятием, заявленным в советской литературе приблизительно с 1970-1980-х гг.), означающим составляющую историографических исследований, объект которых – личность историка (профессионала и аматора) и его творческое наследие. Имея давнюю традицию[5] и являясь одной из основ (наряду с проблем-

[1] См.: *Менжулін В. І.* Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні: монографія. Київ: НаУКМА, Аграр Медіа груп, 2010; *Голубович И. В.* Основы теоретической биографистики: учебное пособие для студентов специальностей «Философия» и «Культурология» / Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова. Одесса: ОНУ им. И. И. Мечникова, 2015. С.11.

[2] См.: *Голубович И. В.* Основы теоретической биографистики: учебное пособие для студентов специальностей «Философия» и «Культурология» / Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова. Одесса: ОНУ им. И. И. Мечникова, 2015. С.15.

[3] *Менжулин В.* Биография философа: изучать нельзя не изучать // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013. С.56.

[4] См., например: *Трыков В. П.* Историко-теоретический подход к анализу произведений биографического жанра (на примере «Жизни Бетховена» Ромена Роллана // Научные труды МПГУ им. В. И. Ленина. Гуманитарные науки. М.: Прометей, 1993. С. 175–182; *Он же.* Биографизм во французской литературе начала XX века (Р. Роллан и М. Пруст) // Классика и современный литературный процесс. Тезисы докладов Всероссийской конференции. 23–26 мая 1995 г. Орск, 1995. С. 36–37; *Он же.* Предыстория биографического жанра в средневековой литературе Франции // VIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. М.: Прометей, 1996. С. 17.

[5] Например А. Г. Брикнер, оценивая к середине XIX в. состояние *истории истории*, констатировал, что традиция «истории историографии как истории исторической литературы» (которую он рассматривал как часть *истории истории*) насчитывает уже полувековой период своего развития. Представители этого направления делали своим предметом «разбор отдельных историков» - Фукидида, Л. фон Ранке, А. Шлоссера и др. и давали оценку литературных достоинств исторических сочинений. См.: *Брикнер А. Г.* О главных задачах

но-тематической историографией) формирования самой *дисциплины историографии,* биоисториография претерпела различные модификации, колеблясь в поисках оптимальных исследовательских решений вместе с колебаниями своей родовой – исторической и видовой – историографической науками. Сегодня *биоисториография* предстает в форме институционального таксона – проблемного поля / направления историографических исследований, относительно автономной сферы в дисциплинарном ландшафте историографии; ее контуры не имеют жесткой демаркации и тесно соприкасаются с историей науки и исторической биографией, биографистикой в целом и иными социогуманитарными областями[1].

Стоит обратиться еще к ряду понятий, которые И. Л. Беленький относит к «конфигурациям биографического слова и биографического знания». Во-первых, родовой термин – *биография*. Приведу две наиболее привлекательные для меня дефиниции:

- это – «один из важнейших концептов личностного сознания человека и культурно-исторического сознания общества», выражающий целую гамму понятий и явлений («бытие личности в потоке исторического времени», восприятие личности в социуме, формы описания «личностной индивидуальности», постижение «индивидуального бытия» и др.); «особая самодостаточная культурно-историческая форма постижения и трансляции личностного индивидуального опыта», статус и смысл которой – «жизнеописание», заключающая в себе единство науки и искусства[2];
- это – «социокультурный феномен», «литературный и научный жанр, совокупность методов биографического/автобиографического материала в различных областях humanities»[3].

Во-вторых, кроме родового в литературу вошли и другие понятия: «биографическая литература», «биографические жанры», «искусство биографии»; в более ограниченном предметном смысле – «литературная биография», «историческая биография», «биографические исследования», «биографоведение», «персоналистика» («знание о конкретной личности и ее интерпретация по тек-

---

исторической науки: Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Новороссийского университета ординарным профессором всеобщей истории А. Брикнером 30-го августа 1868 года // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С. 3-17.

[1] Показателем утверждения этого направления в украинской историографии является постоянный раздел «Біоісторіографія» в структуре ведущего историографического издания «Історіографічні дослідження в Україні» / Институт истории Украины Национальной академии наук Украины. См. также: *Попова Т. Н.* Биоисториография в структуре современного биографизма // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2017. Вип. 16. С.192-207.

[2] См.: *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 37, 49.

[3] См.: *Голубович И. В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. С.17.

стам, созданным ею, – воплощается во всех жанрах *биографии* и в персонологических высказываниях, вкрапленных в различные тексты и устную речь»)[1].

> ***Ремарка-тезис.*** Современные *биографические исследования* (понятие, получившее распространение с 1980-х гг. в советской литературе) в области исторической науки, включают три ветви: 1) *коллективную историю*; 2) *индивидуальную историю*; 3) *эго-историю (автобиографию)*. Все три ветви – пересекающиеся сферы единого историко-биографического поля, их дифференциация – условна, т. к. любой тип биографического анализа осуществляется в общем ареале исторической науки и ее субдисциплин с выходом в междисциплинарное пространство[2].

Среди приведенных понятий в контексте проблемы наиболее значимы – *историческая биография* и *биографоведение*.

Первое понятие *историческая биография* – традиционное – имеет три основных оттенка:

- это – жанр историописания в целом;
- это – направление в исторической науке;
- это – разновидность научных исследований, или составляющая любой дисциплины / области знания.

> ***Ремарка-тезис.*** Биография как *история личности* всегда *исторична*, т. к. ее главная задача: жизнь отдельного человека от рождения до смерти, это – «персональная, или биографическая, *история*»[3] [курсив мой. – Т. П.]. Поэтому биографии ученых – историка, философа, физика и др. – это *истории ученых*, которые неразрывно вплетены в *историю науки*, в *историю* той или иной *дисциплины*. В этом смысле историческая биография как профессионально-научный жанр органично входит в историю науки и в дисциплинарную историю.

Второе понятие – *биографоведение / біографознавство* – более соотносимо с рефлексивной составляющей биографических исследований – т. н. «внешним», дисциплинарным уровнем, это – *знание о биографии*, включающее всю совокупность представлений о формах и методах биографических работ – профессионально-научных и аматорских. Однако термины «биографоведение» / «біографознавство» в реальной украинской и российской современной практике не получили распространение[4].

---

[1] См.: *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М.: Кругъ, 2005. С.37, 40-41, 42, 45, 49, 53-54.

[2] См. подробнее: *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 17-18.

[3] *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XX1 вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.303.

[4] «Фолк-био-письмо», как все непрофесссиональное биоисториописание – отдель-

Комментарии-post

1. Дисциплинарные размежевания *биографистики / биографики*[1] как в украинской, так и в российской науке свидетельствуют о сложности дисциплинарного синтеза этой области социогуманитарного знания, о различиях в дисциплинарном фокусе и подходах к трансляции общетеоретических постулатов в конкретную дисциплинарную практику у «биографоведов», представителей дисциплинарного разнообразия в науке. Биография как социокультурный феномен, справедливо отмечает И. В. Голубович, «“отразилась” в зеркале разных гуманитарных наук и ее научные образы-отражения часто совсем не похожи друг на друга»[2].

2. Дисциплинарность, как известно, транснациональна, однако поскольку дисциплинарный мир включен в социокультурный контекст, постольку одна и та же область знания в разных традициях имеет институциональную специфику: свое наименование как выражение социализации когнитивного образования, систему институтов, научный статус, нормативные подходы и проч. Исходя из этого тезиса, следует учитывать не только «дисциплинарные разногласия», но и дисциплинарно-региональные особенности, например, отличия в традициях biographical research в границах национально-государственных образований или более масштабных научных ареалов – евроатлантического и восточноевропейского.

3. Дисциплинарное сообщество не однородно, это – гранулированная среда, в которой важно выявить коммуникативные механизмы, способствующие выработке парадигмальных основ научной дисциплины. Научное сообщество представителей биографического жанра при всей его популярности, давней истории, многочисленных традициях, довольно разветвленной инфраструктуре (биографические институты, центры, общества, массив специализированных зданий и биографической литературы, преподавание специальных курсов в университетах, перманентно организуемые конференции и т. п.), солидной теоретико-методологической базе, «самоназваниях» и др. тем не менее не получило самоидентификацию: нет общепризнанного специального самонаименования для «биографоведов» – ученые, занимающиеся биографическими исследованиями, чаще всего идентифицируют себя по основной профессии / дисциплине.

ная тема, требующая специального анализа.

[1] Размежевание это недостаточно отрефлексировано, т.к. историки употребляют эти названия / наименования как синонимы, говоря о научной дисциплине: «Можно говорить о столетнем пути российской «*биографистики*» [курсив мой. – Т. П.]. См.: *Мягков Г. П., Иванова Т. Н.* Биографика: этапы дисциплинарного становления // «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С.30.

[2] *Голубович И. В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. С.7.

4. В качестве отправных моментов для последующего осмысления проблемы можно предложить, во-первых, конструирование конвенциональной модели научной дисциплины[1], во-вторых, анализ самосознания *научного сообщества* «биографоведов» (коллективного субъекта биографических исследований).

5. *Историческая биографистика*, на мой взгляд, это – рефлексивная дисциплина исторического профиля[2], объект которой – историческая биография как социокультурный феномен и тип исторического знания, предмет – история, теория и методология историко-биографических исследований / познания. Помимо более-менее установленного когнитивного единства в понимании основного содержания дисциплины среди украинских «биографистов», в стране активно действуют серьезные институциональные центры, сформировалась разветвленная инфраструктура. Ведущие биографические центры – Институт биографических исследований (на базе Национальной библиотеки имени В. И. Вернадского) и Украинское биографическое общество / товарищество, первым председателем которого был В. С. Чишко (мультидисциплинарная составляющая данного объединения постоянно расширяется: первоначально ориентированное на историческую биографистику, оно все в большей степени учитывает наработки философии, методологии науки, языкознания, литературоведения, педагогики, организации музейного дела и т. д.[3]), имеют значительный комплекс специализированных изданий, включая периодическую / повременную печать; в сфере деятельности этих центров – перманентное проведение конференций и т. п., подготовка специалистов и др. Достаточно широкую практику – преимущественно на социогуманитарных факультетах университетов – получило чтение специальных курсов по проблемам биографического жанра, в репертуаре квалификационных работ – от бакалаврских до докторских – биографическая тематика – одна из ведущих. Вспоминая Э. Ю. Соловьева, который сетовал на то, что история биографического жанра не получила (к рубежу 1970-1980-х гг.) монографического обобщения, можно отметить фундаментальные работы В. С. Чишко и других ученых[4]. Вместе с тем *дисциплинарная история*

---

[1] См. раздел «О дисциплинарных и институциональных моделях».

[2] Семейство исторических дисциплин можно разделить на два блока: *общеисторические* (по регионально-хронологическому критерию) и *специальные исторические дисциплины*, которые включают три группы, учитывая специфику каждой из этих групп: 1) *рефлексивные дисциплины*, объект которых – сама историческая наука и историческое познание: источниковедение (теоретическое), историография, методология истории, биографистика; 2) *дисциплины источниковедческого профиля,* объект которых – определенный вид исторического источника: нумизматика, геральдика, бонистика, сфрагистика, фалеристика и проч.; 3) *дисциплины,* объект которых – *конкретная сфера исторической реальности*: хронология, краеведение, генеалогия, археология, этнология, археография и проч. См. об этом: *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С.415.

[3] См. об этом: *Голубович И. В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса: ФЛП Фридман А.С., 2008. С.232.

[4] См.: *Чишко В. С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та ме-

биографистики еще ждет своего часа. Укрепление статуса биографистики как научной дисциплины – в вовлечении в свою орбиту новых эвристически значимых подходов, эпистемологических и категориальных образцов, в расширении содержательного диапазона, в ориентации на исследовательские приемы иных социогуманитарных сфер, в приобщении к новациям современного биографизма, не забывая одновременно традиционного наследия. Все приведенные факты свидетельствуют о том, что вопрос о завершении конституирования биографистики как полностью сформировавшейся социокогнитивной системы (см. предложенные варианты модели НД), остается проблематичным, хотя это дисциплинарное образование в мегасистеме исторической науки и в междисциплинарной плоскости социогуманистаристики наиболее совершенный дисциплинарный образец в культурной традиции в Украине.

6. К репертуару тиражируемых наименований – *биографика*, *биографоведение*. *биографистика*, *новая биографика, историческая биография* – можно добавить *биографизм.* Этот термин уже вошел в исследовательскую практику с различным смысловым наполнением. Пожалуй, среди тех, кто заложил традицию применения этого термина, был Д. С. Лихачев: его формула «идеализирующий биографизм», смысл которой – «своеобразное “количественное” увеличение интереса к человеку как составной части единого феодального государства», характеризовала специфику изобразительного искусства и литературы XVI в.[1]. В современной литературе термин «биографизм» чаще всего используют (по традиции, вероятно, от Д. С. Лихачева) филологи[2]. В литературоведческих исследованиях *биографизм* определяют как проблемную область, содержание которой – «отражение биографических обстоятельств и впечатлений в творчестве» писателей, «особого рода принцип поэтики, предполагающий художественное преобразование действительности, реальность “исходного” материала художественного образа»[3]. Одновременно биографизм интерпретируют как описательно-аналитический метод сбора и презентации информации о конкретной личности, как теоретико-методологическое основание современных гуманитарных исследований: в этом плане данное понятие выступает своеобразным аналогом биографического метода / подхода.

7. Биографизм в моем понимании – *научное биоисториописание* как междисциплинарная система многоформатного биографического знания, систе-

---

тодологія: Автореф. дис…. докт. іст. наук. Київ, 1997. 48 с.; *Он же.* Біографічна традиція і наукова біографія в історії та сучасності України. Київ: БМТ, 1996. 240 с. и др.

[1] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. С. 97-103.

[2] См.: *Бреева Т. Н.* «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С.14-17.

[3] См.: *Левина Е. Н.* Проблема биографизма в творчестве И. С. Тургенева 1840-1850-х годов: Автореф. дисс. … канд. филолог. наук. СПБ., 2008.

ма биографических научных исследований в горизонтальных (пространственных) и вертикальных (временных) координатах, социокогнитивная система, вписанная в определенный социокультурный ландшафт.

Образ современного *биографизма* можно представить в виде двухуровневой конструкции:

- нижний уровень – *биографическая составляющая каждой конкретной дисциплины* – истории, философии, социологии, филологии и т. п., – имеющая свой таксономический эквивалент (от проблемного поля / направления до научной дисциплины) с соответствующим самоназванием; при этом дисциплинарная специфика проявляется и на региональном уровне – в границах отдельных государств и научных ареалов;
- верхний уровень – *биографический подход* как фокусная ориентация, пронизывающая дисциплинарные поля наук, изменяющая свой теоретико-методологический аппарат в зависимости от инноваций в науке в целом, от конкретной модели биографического анализа, регионально-темпоральной специфики своего проявления, ситуационных запросов, багажа культурно-научных традиций и конкретно-дисциплинарных особенностей. Обращение к биографическому подходу – как к инструменту для прояснения идей / открытий / эпохи / социального контекста через личность – происходит в соответствии с особенностями каждой дисциплины[1].

[1] См. также: *Попова Т. Н.* Биографистика: к проблеме дисциплинарного статуса // «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос. науч. конф. С межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [идр.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С.8-11.

Историография

...изменения вещей далеко не всегда влекут за собой соответствующие изменения в их названиях.
Марк Блок[1]

Историография как *История истории* в качестве важнейшего раздела исторического знания представляет сегодня самостоятельное научное поле в мировой науке. Однако существуют различные версии ее восприятия, самоназвания и многообразные стратегии ее развития. Безусловно, проблемы *истории истории* нельзя рассматривать без учета новаций в научном мире, среди которых: формирование новой модели науки; трансформация дисциплинарного поля; столкновение и взаимопроникновение дисциплинарных традиций евроатлантического и восточноевропейского научных ареалов; вступление истории в «историографический этап» своего существования[2]; переключение «дисциплинарного типа» мышления на «рефлексивный», «монодисциплинарного» – на «междисциплинарный»; акцент на ретроспекцию дисциплинарной генеалогии.

Историография как *история истории* входит в рефлексивный блок исторического знания и составляет его историко-научную компоненту. «Расцвет и экспансия» *истории истории* во всем пространстве исторических знаний за последние десятилетия способствовали развитию более четкого самосознания историков, пониманию смысла историографической практики, объединению актуальных исторических проектов «западной», в частности, науки, созданию общей «карты» дисциплины истории в XX веке [3].

Тем не менее *историография* сегодня переживает своеобразный период в своем развитии. На фоне «историографического бума», начавшегося с рубежа 1980-1990-х годов в «постсоветском» пространстве, эта область исторического знания едва не приобрела маргинальную окраску.

Ремарка-штрих. Синдром маргинальности *истории истории*, по мнению Карлоса Антонио Агирре Рохаса, присущ и западной науке: во многих странах эта важнейшая «*область истории*», «*направление*» или «*ветвь актуальных исторических исследований*» [курсив мой. – Т. П.],

---

[1] *Блок Марк.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. Е. М. Лысенко. Примечания и статья А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. С.87.

[2] Это понятие созвучно понятию П. Нора «историографический возраст»: оно отражает тенденцию в современной историографии, в соответствии с которой «фактологические описания» сменяются «историографическим подходом» – проблемно ориентированным критическим анализом источников и концептуальных построений, но без негативной коннотации, характерной для оценки известным ученым историографической эволюции. «Проблемная историография» (как один из истоков *истории истории*) покидает территорию дисциплины историографии и переходит в собственно исторические исследования/тексты.

[3] См.: *Карлос Антонио Агирре Рохас.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. С.115-116.

цель которой – «повседневная практика исторической саморефлексии», еще играет «второстепенную или маргинальную роль» в иерархии исторических дисциплин.

Научный статус этой области исторического знания имеет разное определение в традициях евроатлантического и восточноевропейского научных ареалов.

В «западной» научной традиции в XX веке проблемное поле *истории истории* распределилось среди ряда дисциплин и дисциплинарных областей: интеллектуальной и социальной истории, философии, теории, эпистемологии истории, собственно истории/историографии и проч.; история исторических идей входила в единое исследовательское поле сначала истории идей, затем интеллектуальной истории.

Самонаименование *истории истории* – важнейший показатель ее институционализации. К середине XX века в научной практике в области истории оперировали терминами historiofraphie, Geschichtsschrei bung, historical writing в значении самой научной истории или историописания в целом. Термины histoire de l'historiographie, storia della storiografia, history of historical writing, Geschichte der Historiographie обозначали форму исторической рефлексии – *историю историографии*. Важную роль в институционализации истории историографии сыграл факт создания Комиссии по историографии на XV Международном конгрессе исторических наук (Бухарест, 1980). В 1995 г. Комиссия обрела новое название: Международная комиссия по истории и теории историографии. С 1982 г. Комиссия начала издавать журнал «Storia della storiografia», ставший ведущим журналом в области истории историографии. Публикация статей осуществлялась на английском, французском, немецком и итальянском языках, способствую тем самым распространению новых понятий в широком пространстве научного мира.

В то же время и в евроатлантической литературе присутствует лексическое разнообразие. Еще в 1970-е гг. американские ученые соотносили термин «историография» с изучением истории исторических сочинений, с анализом основных интерпретаций тех или иных исторических событий, методов, используемых конкретными историками, историей собственно историописания, а в качестве основных источников историографии определяли труды историков. Термин «историография» продолжают применять в широком смысле, охватывая все аспекты философии, теории, исследования в области истории и создание исторических трудов. Фокус «новой историографии», получившей свое развитие под влиянием критической философии истории, направлен на изучение «истории историописания», а ее объектом выступает собственно «историографическая традиция» (Ф. Р. Анкерсмит). В многочисленных руководствах по написанию историографических работ, заполнивших современный электронный ресурс, историографию определяют как *историю истории* – In a nutshell, historiography is the history of history.

Интенсивный процесс историографических исследований привел в конце XX в. к стабилизации данной области в качестве раздела интеллектуальной истории, «которую иногда называют» – Intellektual history of history. Хотя дисциплинарного оформления *истории истории* в западной науке не произошло[1], достаточно широкая исследовательская практика способствовала тому, что данная область обрела свой статус, что нашло отражение в энциклопедических изданиях, в частности в «Новой Британской энциклопедии» («The New Encyclopaedia Britannica», 1994. Volume 20) под самоназванием «History of Historiography»[2].

Подъем с конца XX в. интереса к *истории истории* в американской и европейской литературе во многом обусловлен переосмыслением постмодернистского наследия, стремлением к преодолению агностицизма в отношении научного познания истории, к новому прочтению опыта предшествующей историографии.

Специфика структуры восточноевропейской исторической науки по сравнению с евроатлантической научно-дисциплинарной традицией проявилась в дисциплинаризации таких рефлексивных областей исторического знания, как историография и источниковедение. Несмотря на первые подходы к осознанию этого феномена[3], его объяснение еще впереди, однако «…не считаться с ним в современную эпоху нельзя, как и невозможно отказаться от этого научного национального опыта»[4].

Каждая научная дисциплина как сложная система обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинаризации обретает собственную траекторию. Однако появление во второй половине XIX в. в исторической науке новых, по терминологии современников – *вспомогательных*, дисциплин имело некоторые общие черты:

1) *когнитивный аспект* этого явления заключался в том, что к рубежу XIX-XX вв. процесс институционализации исторической науки привел к ее

---

1 См.: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 393, 32-33.

2 См. подробнее: *Попова Т. Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI вв. / Отв.ред. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С.198-215.

3 См.: *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Атроприн, 2007. С.187; *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 169-170; *Румянцева М. Ф.* Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С. 97-107.

4 *Алеврас Н. Н.* История историографии, интеллектуальная история и историческая когнитивистика: к вопросу о взаимодействии, общности интересов и природе «историографического источника» // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С.114.

дисциплинарному оформлению, важнейшим показателем которого явилось складывание рефлексивного пространства (т.н. «внешней» рефлексии) исторического знания в форме относительно автономных областей – истории истории, источниковедения, методологии истории со своими предметными полями;

2) *инфраструктурно-дидактический* аспект нашел свое отражение в том, что дисциплинаризация новых областей исторического знания происходила в формировании единства двух ликов дисциплины – дидактического (учебного) и исследовательского (собственно научного): «университетская наука» XIX в., для которой было характерно то, что «научный лик» выступал в качестве эпифеномена преподавательской деятельности университетской профессуры, строилась по дисциплинарному принципу;

3) *региональный аспект* связан со спецификой российской университетской системы, в которую входили университеты в украинских землях, по сравнению с западной, с ее более регламентированным подходом к дисциплинарной системе обучения, с единой практикой университетской жизни в Российской империи, общими нормативами; в начале XX в. сложился университетский канон подготовки историков: курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, вспомогательным историческим дисциплинам и проч. вошли в повседневную практику «отечественников», «всеобщников» и представителей других разделов науки; исследовательская ипостась рефлексивных дисциплин одновременно получила новый импульс[1].

Нельзя оставить без внимания и следующие моменты.

Во-первых, восприятие историками XIX в. синтеза источниковедческо-историографических компонентов в историческом исследовании[2] отражало общую тенденцию начальных этапов формирования рефлексивного поля исторического знания – относительную нерасчлененность его составляющих (в едином процессе дифференциации научного знания в классическую эпоху). Лекционные курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, неразрывно связанные с исследовательской работой университетской профессуры, имели подвижные контуры, включая подчас одни и те же содержательные блоки. «Процесс вычленения» рефлексивных ветвей «из недр» исторического знания, «разделение функций» историографии, источниковедения, методологии истории, исторической библиографии – «определенная ступень» в их развитии, приведшая в итоге к формированию самостоятельных научных дисциплин «в полной мере – только в специфическом советском контексте»[3].

---

[1] См.: *Попова Т. Н.* К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Вып. 12. С. 174-187; *Кісельова Ю. А* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014.

[2] Не исключая библиографию (подчас зарождающееся историографическое направление в исторической науке называли «библиографическим направлением») и методологию.

[3] *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России

Во-вторых, «стимулирование» историографических и источниковедческих курсов в российском университетском ареале было связано с отсутствием отечественных учебников практически до конца XIX в. Профессиональный канон – начинать лекционный курс с характеристики источников и литературы по предмету - привел к выделению этих преамбул сначала в пропедевтические курсы: «Введение в изучение…», «Обзоры…», «Ознакомление…», а затем в специальные, которые в своей основе и стали первыми дидактически-исследовательскими изданиями по рефлексивным дисциплинам (работы К. Н. Бестужева-Рюмина, П. Н. Милюкова[1], В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского и др.).

В-третьих, авторами университетских курсов по рефлексивным дисциплинам обычно были одни и те же преподаватели. Например, В. Э. Крусман[2] в Новороссийском университете читал: «Систематическое источниковедение по новой истории», «Общий очерк вспомогательных наук истории (Курс методологический)», «Главнейшие направления историко-философской мысли в новое время», «Общая теория истории (Курс методологический)» «Вспомогательные науки истории», «Историография нового времени», «Методология истории» и др.

Обращение к историографии, источниковедению, методологии истории в учебной работе являлось выражением научно-педагогической деятельности того круга ученых-историков, для которых в большей степени был характерен научно-критический склад ума, высокий уровень личностной рефлексии, ориентация на новые направления исторических исследований, обусловленная как индивидуальными чертами творческого облика, так и влиянием учителей, научных школ и проч. Вместе с тем никто из первых «историографов» не идентифицировал себя с историографической областью исторических знаний.

В-четвертых, в качестве одного из факторов историографизации[3] учебного процесса можно выделить формирование новых подходов к пониманию

с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С.207; Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв.ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с. URL: http://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/148655046

[1] См.: *Трибунский П. А.* П. Н. Милюков как историк русской исторической науки: Дисс. … канд. ист. наук. Рязань, 2001; *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859-1904). Рязань, 2001. 439 с.; *Трибунский П. А.* История отечественной историографии в трудах П. Н. Милюкова // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Сборник статей. В двух томах. Том II. М.: РГГУ, 2013. С.178-223.

[2] См. о нем: *Попова Т. Н.* Владимир Эдуардович Крусман: фрагменты персональной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2017. С.69-91; *Она же.* В. Э. Крусман: эпоха и наука под скальпелем историка // Стародавне Причорномор'я. Випуск XII / Голов. ред. І. В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова. 2018. С. 446-453.

[3] В данном случае учитывается тот факт, что в лекционных курсах по источниковедению и методологии истории важнейшим компонентом были зарождающиеся *история источниковедения* и *история методологии*: эволюция источниковедческих приемов и развитие методов исторического исследования рассматривались лекторами в историографическом ключе.

задач университетского образования: новые ориентиры связывались не с простой «передачей» определенной суммы знаний, но с приобщением студенчества к самостоятельному научному мышлению, научной культуре. Эта задача могла быть решена, по мнению передовой профессуры, благодаря принципиальному изменению методики чтения лекций: вместо традиционного «повествования» преподаватели переходили к «научно-критическому» изложению «отдельной части предмета»[1]. Одновременно своеобразным «противовесом» увлечению фактографическим материалом рассматривались науки, имеющие «общий характер» и стоящие в непосредственной связи с историей – «методология истории, историография, социология и ряд других вспомогательных исторических дисциплин», развитие которых характеризовало «культурную работу конца XIX – начала XX в.»[2].

Ремарка-мнение. Уместно в этом контексте вспомнить точное наблюдение О. М. Медушевской: источниковедение возникало в качестве альтернативы событийной истории, в границах перехода «от событийной последовательности к выявлению механизмов функционирования целого», рождая при этом новый жанр исследований – «видовое источниковедение» (записки иностранцев, жития святых, писцовые книги, посольские книги и проч.) – в противовес «событийному подходу»[3]. В процессах дисциплинаризации источниковедения и историографии в российской науке много общего; «объединительным фактом» может быть и факт «ухода» в источниковедческо-историографическую проблематику многих советских ученых, составлявших так называемую «неявную оппозицию» официозу.

В-пятых, институционализация русской истории как научной дисциплины на протяжении XVIII - середины XIX вв. опережало процесс институционализации всеобщей истории. Темпы дисциплинаризации двух ведущих ветвей исторической науки – отечественной истории и всеобщей были неравнозначны: идея всеобщей истории в России по сравнению с отечественной – «довольно позднее приобретение»[4]. В российской науке рефлексивное поле *отечественной истории* как дисциплины получило более четкую конфигурацию; среди причин - потребности в систематизации *собственного* источниковедческого

---

[1] См.: Отчет о состоянии Императорского Новороссийского университета за 1902 год. Одесса, 1903. С. 2.

[2] См.: *Лаппо И. И.* Современное состояние науки русской истории и задачи ее университетского преподавания // Ученые записки Юрьевского университета. 1906. № 1. Отд. 2. С.11-12.

[3] См.: *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С.218, 242.

[4] *Репина Л. П.* Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под. ред. Л. П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С.202.

массива, в создании *собственных* процедурных средств[1] и проч. Одновременно *историография* как *история истории* стала необходимым «приемом» в осмыслении эволюции исследовательских методов и накопленного предшествующими поколениями ученых опыта.

> ***Ремарка-штрих.*** Разумеется, это лишь пунктирно обозначенные линии осмысления фрагментарно-ограниченной информации; думаю, что следует обратить внимание и на определенную изолированность *отечественников* от европейской / мировой науки на протяжении XIX в., и на быстрый «подъем» *всеобщников*, значительную роль в котором сыграли заграничные стажировки, научные командировки и проч., и на появление «объединяющих» инфраструктурных факторов – научной печати («Журнал Министерства Народного образования», «Историческое обозрение» и т. п.), Археологических съездов, участия в Международных конгрессах и проч., и на специфику советской науки с ее идеологемой методологического противостояния «буржуазной науке» и т. п.

В последнее тридцатилетие советской науки произошло конституирование *истории истории* как специальной исторической дисциплины под самоназванием *историография*. Однако более чем полувековой путь дисциплинарного воплощения *историографии* в восточноевропейском ареале был далек от линеарности и однозначности восприятия[2]. Ныне уже никто не сомневается в том, что историография – важнейшая историческая дисциплина, и тем не менее ситуация с историографией не вполне прояснена. Если об «упадке» историографических изысканий говорить на сегодняшний день не приходится, то маркеры институционального кризиса *дисциплины историографии* сохраняют свою жизнестойкость: это – практика разночтения дисциплинарного наименования, многовариантные актуализации предметных составляющих, восприятие многообразия различных дисциплинарных «ликов» – науковедческого (сциентистского), культурологического, лингвистического и проч.

Многочисленные «образы» историографии, сосуществующие сегодня, свидетельствуют в первую очередь о настойчивом стремлении представителей историографической корпорации выявить оптимальные тенденции ее дисциплинарного обновления, сохранить и упрочить дисциплинарный статус.

---

[1] См.: *Ключевский В. О.* Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1 // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т.УП. М.: Мысль, 1989. С.7. См. об этом подробнее: *Попова Т. Н.* Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С.485-486; *Она же.* Из истории Новороссийского университета: памяти А. Г. Брикнера // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского гос. университета, 2016. Вып.18. С.70-87; *Она же.* У истоков дисциплинарных традиций: А. Г. Брикнер // Стародавнє Причерномор'я. Випуск Х1. Одеса: ОНУ, 2016. С. 242-249 и др.

[2] См. подробнее: *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С.150-191.

Идеи многоликости и «многообразности» *историографии*, исходя из полисемантичности «имени», сложной структурированности объекта и стремительного расширения предмета, заслуживают особого внимания. Л. П. Репина определяет разные подходы к изучению истории историографии (*истории истории*) в зависимости от ее *образа.* Если рассматривать историографию как академическую дисциплину – *науку* о прошлом, то *историю исторической дисциплины – историю исторической науки* – можно описать «в трех измерениях, или тремя моделями», которые сосуществуют и постоянно взаимодействуют:

1) «модель упорядочения и непрерывной коррекции исторической памяти»;

2) «модель дисциплинарности»;

3) «модель междисциплинарности».

Если *историю историографии* представить как *историю исторического знания* - «неотъемлемую составляющую интеллектуальной истории», то формирование ее содержательного пространства будет подчинено задачам:

1) выявления исторических изменений фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания;

2) изучения процессов становления и развития исторического сознания и исторической культуры, стиля исторического мышления и историописания, средств и форм научного исследования.

Все эти линии должны рассматриваться «в общем контексте духовной культуры, социально-политических, организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи»[1].

С. И. Посохов, обосновывая идею *«многоликой» историографии*, выделяет ее *образы* – «*науковедческий», «литературоведческий», «культурологический*», которые, опосредованные собственной стратегией исследования при анализе историографических фактов и историографического процесса в целом, набором собственных принципов, методов и категорий (ограниченных конкретным «радиусом действия», не исключая возможности «обобщений»), выступают в качестве равноправных «ипостасей» историографии[2].

Данное понимание дисциплины соответствует принципам «многомерной методологии»: полифундаментальности, дополнительности и плюрализма. С позиций полифундаменталистского видения объекта речь идет о том, что каждая теория описывает именно целое (отдельную «ипостась»), а не его часть; но поскольку любая теоретическая система вырабатывает собственную модель целого, которая

---

[1] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С.5-22.

[2] См. подробнее: *Посохов С. И.* Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.243-245; *Пікалов В. Г., Посохов С. І.* Багатолика історіографія (Образи історіографії як наукової та навчальної дисципліни // Харківський історіографічний збірник. Вип.8. Харків: Вид-во НУА, 2006. С.156-159.

не в состоянии исчерпать всех сущностных характеристик объекта, постольку ни одна из альтернативных теорий не может претендовать на конечный результат – истину. С позиций принципа дополнительности эти альтернативные теории / модели следует рассматривать не в контексте конфронтационности, но как самодостаточные и взаимодополняющие – в контексте единства («сложная ипостась») – для целостного восприятия многосущностного объекта исследования; при таком типе моделирования в сами модели входят, казалось бы, взаимно несовместимые, «дополнительные образы» изучаемого явления[1]. Историографию сегодня действительно можно воспринимать как «сложно-ипостасное» явление, изучение которого требует сочетания взаимодополняющих моделей-образов[2].

Сегодня в решении проблемы дисциплинарного бытия историографии наметились две тенденции. Ведущая тенденция нацелена на перспективу дисциплинарной самостоятельности историографии, отражая стремление ученых к укреплению ее дисциплинарного статуса за счет переструктурирования предметного поля и расширения исследовательского инструментария на пути междисциплинарного синтеза. В этом плане «разрушения» дисциплины не происходит: центростремительные силы, сохраняя *свое* и привлекая на своем пути *чужое*, создают иной дисциплинарный мир, радикально обновляя «старую» дисциплину, глобально раздвигая ее дисциплинарные границы: академическая «дисциплина приобретает новый облик», находясь «на подъеме»[3], – это справедливо в отношении обеих традиций *истории истории*.

Этой тенденции созвучны взгляды тех западных ученых, которые определяют *историю историографии*, не фиксируя ее самостоятельный дисциплинарный статус, как:

- «область истории»
- «направление»
- «ветвь актуальных исторических исследований».

Ориентиры в ее развитии в качестве *исторической саморефлексии* связываются с принципиальным обновлением ее содержательного поля и повышением ее статуса в «историографической вселенной» [4].

---

[1] См.: *Алтухов В. Л.* Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С.88-100. Нельзя сказать (вопреки воодушевлению начала 90-х), что полифундаменталистское мышление стало *всеобщим* – его утверждение имеет скорее «точечный» характер (по закону индивидуальной восприимчивости) и плотно окутано покрывалом декларативности.

[2] С позиций «нового типа методологического сознания», в основе которого идеи «конструктивного альтернативизма», изучение историографии в разных «ипостасях» можно осуществлять «в соответствии с познавательным контекстом». См. подробнее: *Лубский А. В.* Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С.12-13.

[3] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.401, 388.

[4] См.: *Карлос Антонио Агирре Рохас.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. С. 10-13.

Вторая тенденция – линия на раздисциплинирование историографии, передачу ее функций иным областям, дифференциацию ее дисциплинарного поля и т. п. – имеет в большей мере дискуссионный или декларативный характер.

> ***Ремарка-мнение.*** Справедливо замечено, что одно из ярких проявлений кардинальной трансформации ландшафта знания к рубежу XX-XXI вв. – появление *субдисциплинарных направлений*, которые множатся с невероятной скоростью. Традиционные проблемы междисциплинарных «стыков», приграничных отраслей социогуманитарного знания быстро уступили место экспансии субдисциплинарных направлений. *Субдисциплинарность* распространена практически во всех сферах и предметных областях дисциплинарного знания – сегодня невозможно репрезентовать историю науки и научного познания вне междисциплинарных и субдисциплинарных измерений. Это касается и истории историографии, в широком смысле – истории историописания, на территории которых субдисциплинарность представлена десятками разнообразных направлений и их конфигураций. Суть проекта, предложенного украинскими учеными, в том, чтобы посмотреть на историю науки и социогуманитарного знания, историю историописания не в свете «генерализирующей интерналистской палитры» истории науки, а «изнутри», с перспективы создания, конституирования и институционализации *субдисциплины* в разных академических мирах – интеллектуальной истории, визуальной истории и региональной истории. Таким образом, история науки предстает как *субдисциплинарная история*, как «экспериментальный формат конструирования и представления истории историописания»[1].

Ведущая линия в осмыслении *истории историографии / историографии* – ее восприятие не только как интегративного сегмента исторического знания, но и как стержня истории исторической культуры и исторического сознания. Однако спецификой современной ситуации является факт разновекторной стратегии *истории истории* – ученые связывают будущее дисциплины с определенным тематическим полем:

- компаративистски ориентированной глобальной историей[2]
- интеллектуальной историей в широком культурном контексте[3]

---

[1] См.: Нариси з соціокультурної історії українського історієписання: субдисциплінарні напрями: колект. монографія / Удод Олександр, Верменич Ярослава, Ковалевська Ольга, Ясь Олексій; упоряд. текстів й наук. апарату С. Блащук, Н. Пазюра; за загал. ред. В. Смолія; НАН України; Ін-т історії України. Київ: Генеза, 2018. С.3-4.

[2] См. подробнее: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон ⁺» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 23-38.

[3] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С.5-22.

- историографическим процессом[1]
- историографическим бытом, профессорской культурой[2]
- концептуальной историей как новой методологией изучения теории и истории исторической науки[3]
- историей исторической памяти, историей «историзации прошлого»[4]
- источниковедением историографии[5]
- субдисциплинарной историей[6].

В этом «разновекторном движении» стоит обратить внимание на мысль о том, что предметное поле историографии следует воспринимать как органическое «многослойное целое», в качестве «ядра» которого – «профессиональная историческая культура», вписанная в контекстные «круги» разнообразных процессов жизни социума[7].

Процесс дисциплинаризации историографии в восточноевропейском научном поле концептуализируют по-разному.

---

[1] См.: *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 69-95; *Она же.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 25.

[2] См. подробнее: *Алеврас Н. Н.* Предмет историографии: версии современной науки // Imagines Mundy: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 171-190; *Она же.*. Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 79–85; *Корзун В. П.* Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. статей / под ред. Н. Н. Алеврас и др. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290–302; *Корзун В. П., Мамонтова М. А., Коновалова Н. А.* Выход за пределы личного измерения: модели и факторы динамики образа исторической науки // Вестник Омского университета. 2011. № 4 (62). С. 339–341 и др.

[3] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України., 2013. С. 21-32.

[4] См.: *Антощенко А. В.* Зачем изучать историографию? // МАВРОДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. д-ра ист. наук А. Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018. С.560-564; *Антощенко А. В.* К новому пониманию предмета историографии // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации: материалы международной конференции (Москва, 13–15 октября 1999 г.). М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 25–27; *Антощенко А. В., Жуковская Т. Н.* Об особенностях исторического познания в России во второй трети XIX века // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века). Хрестоматия, учебное пособие / под ред. А. Н. Цамутали. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2001. С. 6–24.

[5] *Маловичко С. И., Румянцева М. Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013.

[6] См. подробнее: Нариси з соціокультурної історії українського історієписання: субдисциплінарні напрями: колект. монографія / Удод Олександр, Верменич Ярослава, Ковалевська Ольга, Ясь Олексій; упоряд. текстів й наук. апарату С. Блащук, Н. Пазюра; за загал. ред. В. Смолія; НАН України; Ін-т історії України. Київ: Генеза, 2018. 288 с.

[7] См.: *Алеврас Н. Н.* И снова про…предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред.Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.238-240.

Ремарка-экскурс: Из истории историографии. Проблема генезиса историографических знаний, включающая проблему дисциплинаризации *истории истории* – как теоретическая и историко-историографическая – вошла в сферу исследовательских интересов ученых с тех пор, как стала формироваться рефлексивная составляющая самой истории исторической науки. Истоки обращения к этой проблеме в XIX – начале XX веков наиболее четко обозначились уже у А. Г. Брикнера (Новороссийский / Одесский университет) и А. С. Лаппо-Данилевского (Санкт-Петербургский университет). П. М. Бицилли одним из первых стал читать в Новороссийском (Одесском) университете специальный курс «История историографии», а в «Очерках теории исторической науки» (1925) сформулировал идеи, важные для осмысления сути новой дисциплины. Н. Л. Рубинштейн, бывший студент Новороссийского (Одесского) университета, затем один из крупнейших советских ученых – фигура знаковая в процессе институционализации историографии, – своим творчеством привнес в советскую науку лучшие традиции своей alma mater и университетской науки предшествующего периода и сумел создать ореол привлекательности историографии для критически-мыслящих советских историков[1]. Своими идеями он оказал значительное влияние на концептуальные подходы историографов 1960-1980-х годов.

В эпоху конституирования историографии как специальной исторической дисциплины проблема ее «истоков» и особенностей становления получила свое первоначальное концептуальное решение в работах Л. В. Черепнина, М. В. Нечкиной, В. Е. Иллерицкого, А. М. Сахарова (Москва), А. Л. Шапиро, С. Л. Пештича (Ленинград), Ф. П. Шевченко, А. В. Санцевича, В. Г. Сарбея (Киев), В. И. Астахова (Харьков) и др. Учеными были обозначены «истоки историографического знания» (XVIII в.), «начальные рубежи» появления новой области исторического знания (20-40-е годы XIX в.; 1850-е гг.; вторая половина XIX в. и проч.) и предложена соответствующая аргументация собственных научных позиций. Среди факторов, детерминирующих становление историографии (и «показателей» этого процесса), – утверждение историко-критического метода в исследовательской практике, полемика вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, расширение жанрового многообразия историко-научных трудов, начало чтения историографических курсов в университетах, кризис исторической науки и проч.

1. Первые «теоретические онтологии» – предметное исследование проблемы – принадлежат Р. А. Киреевой (Москва, рубеж 1970-1980-х гг.) и И. И. Колесник (Днепропетровск, рубеж 1980-1990-х гг.), при этом пробле-

[1] «Феномен Рубинштейна» по И. И. Колесник.

ма генезиса *истории истории* оказалась спроецированной в проблему дисциплинаризации, хотя теоретического обоснования концепта *дисциплинарности* в исторической литературе предложено еще не было.

Историографическую концепцию Р. А. Киреевой можно условно обозначить как *«дидактическую модель» историографии*: ее стержневая идея сфокусирована в положении о дидактической детерминированности дисциплинарного оформления историографической ветви исторических знаний: появление историографии связано с процессом преподавания, и сама дисциплина приобретала в первую очередь статус «университетской дисциплины». Вектор движения историографии у Р. А. Киреевой – от учебной дисциплины к научной дисциплине. Субъектом, «носителем» нового историографического знания, выступала университетская профессура – *профессиональные* ученые; их лекционные курсы становились и первыми историографическими публикациями. К началу XX в. историография приобрела собственное лицо, заняв определенное место в системе исторической науки и исторического образования.

Хронологически процесс дисциплинаризации историографии Р. А. Киреева определяет в границах – середина XIX в. (деятельность С. М. Соловьева) – 1960-1980-е гг. Создание специальных организационных структур, а главное, «внутренний рост» дисциплины – появление «теоретико-методологических обобщений», начало разработки *истории историографии* – выступают основными критериями завершения процесса дисциплинарности. Официальное утверждение дисциплинарного «имени» – *историография*, обретение нового статуса – *специальной исторической дисциплины* – свидетельствовали о получении «прав гражданства». Именно Р. А. Киреевой принадлежит введение в научный оборот новых категориальных формул – *проблемная историография и история историографии*[1] как «история в третьей степени», открывшая новое проблемное поле собственно историографической рефлексии.

Ремарка-штрих. Работа Р. А. Киреевой, выполненная в границах традиционного академического историописания, представляет собой глубокое по охвату проблем и их концептуальному решению новаторское исследование, вошедшее в историографическую классику. Однако с позиций современных науковедческих теорий дуэт научная дисциплина / учебная дисциплина («двуликий Янус») едва ли стоит радикально разделять – это две ипостаси научной области, дисциплинарно оформленной / оформляемой. Кроме этого, в XIX в., в эпоху т.н. «университетской науки», научные исследования выступали как эпифеномен учебного процесса – преподавательской деятельности. В связи с этим уместно говорить о факторах, стимулирующих дисциплинарный процесс в конкретный период, и меняющемся соотношении «ликов» в едином поле дисциплины.

---

[1] *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины Х1Х в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С. 3, 13.

2. Иная позиция у И. И. Колесник, которая, обратившись к междисциплинарному арсеналу, на материалах истории русской исторической мысли, предложила *«рефлексивную модель» историографии*[1]**.** И. И. Колесник принадлежит приоритет в применении науковедческого подхода к анализу генезиса истории исторической науки, а также в использовании категории «рефлексия» для объяснения природы историографии и механизмов ее возникновения. Историография, согласно ее модели, – это «рефлексивный компонент процесса исторического познания», который предстает в двух формах – «внутренней» (собственная рефлексия историка и проблемная историография) и «внешней» – дисциплинарной: история науки, методология истории и др. В системе исторической науки все формы рефлексии находятся в состоянии взаимосвязи и взаимодействия.

Впервые в историографической литературе используя категорию «образ науки», И. И. Колесник выстраивает стадиальную последовательность «образов историографии» по следующей схеме:

1) с XVIII в. складывается «эмпирический образ» «научной историографии»;

2) с 20-30-х годов XIX в. – «начало» трансформации «эмпирического образа» в «собственно научный»; это – время формирования историографии как «особой области изучения»;

3) с середины XIX в. (с трудов С. М. Соловьева) идет процесс формирования «дисциплинарного образа» историографии:

– в период 1917-1930-х гг. «процесс создания организационно-дисциплинарных структур» историографии был «приостановлен» и «возобновлен» с конца 1930-х – начала 1940-х годов;

– «завершение» приходится на 1950-1980-е годы – критерии:

- рост самосознания исторической науки;
- разработка проблем методологии и истории историографических исследований (появление истории историографии как формы историографической рефлексии);
- укрепление организационных основ.

Рефлексивная природа историографии, считает И. И. Колесник, определяет и ее особое место в системе научного знания, и ее функциональное предназначение: именно *историография* обеспечивает сферу управления, планирования и контроля за познавательной деятельностью историка. Ведущие функции – конструктивная, направленная на получение нового знания, и парадигмальная как «способ поддержания данной системы историописания» – выступают в качестве функций «самопознания науки» и являются «регуляторами

[1] См.: *Колесник И. И.* Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Дніпропетровськ: Вид-во ДДУ, 1993; *Она же.* Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. Київ: Генеза, 2000. С. 18-26; *Она же.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С. 120-131.

системы» исторической науки, вне которых эта система не может функционировать, воспроизводиться и развиваться.

> ***Ремарка-штрих.*** Рефлексивная модель историографии[1], впервые обоснованная И. И. Колесник в исторической науке, прочно вошла в современную хрестоматию историко-научного знания.

3. Среди новейших – концептуальная схема, предложенная М. Ф. Румянцевой и С. И. Маловичко[2], которую можно обозначить как *«функциональную модель» историографии.* «Исходная гипотеза», сформулированная М. Ф. Румянцевой, содержит идею о том, что дисциплинаризация историографии была детерминирована сменой «типов рациональности / моделей науки», в связи с чем «реперные точки» в процессе преобразования моделей исторической науки определяли/ют «моменты трансформации дисциплинарного статуса историографии».

> ***Ремарка-справка.*** Пользуясь «привычным термином *историография*», оба автора считают более предпочтительным «нейтральный» и одновременно «всеобъемлющий» термин *история истории*, поскольку традиционное дисциплинарное наименование в современной «теоретико-познавательной ситуации» (настоятельно требующей дифференцированного подхода к исторической науке и социально ориентированному историописанию и аналогично – к истории исторической науки и истории исторического знания, а также истории историописания) перестало соответствовать объекту исследования.

С. И. Маловичко акцентирует внимание на том факте, что конкретный тип рациональности «актуализировал» определенные *функции* истории истории, которые в конечном счете формировали отношение исследователей к этой области знаний, придавая ей характерный облик и определяя ее статус.

1. В эпоху классической рациональности история истории выполняла «*методическую функцию»*, превращаясь в «копилку» историографического опыта и ориентируя исследователя на «холистический эмпиризм» и «аннотируемую библиографию». Усиление *критической функции* с тенденцией к доминированию имело свою специфику в этот период: историография становилась

---

[1] Понятия *дидактическая модель* и *рефлексивная модель историографии* впервые были предложены Т. Н. Поповой. См.: *Попова Т. Н.* Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. Выпуск 1. Историография и специальные исторические дисциплины. Одесса: ОГУ, 1995. С. 3-45.

[2] См.: *Румянцева М. Ф.* Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С. 97-107; *Маловичко С. И.* Трансформация функций истории истории в системе исторической науки // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С.74-84.

исследованием ошибок предшественников.

2. В эпоху неклассической рациональности «история истории как рефлексия о процессе конструирования истории», оставаясь «*критической*», все более приобретает «*функцию деконструкции*». В это же время изменяется статус *истории истории*: в советской науке историография из вспомогательной становится специальной исторической дисциплиной, появляется новый объект ее исследования – собственная история: начинается конструирование *истории историографии* – возникает «новая функция *саморефлексии*».

3. Постнеклассическая модель исторической науки актуализировала новые проблемные поля; произошли радикальные изменения на гносеологическом уровне; в историографических исследованиях утвердились принципы методологического и культурного плюрализма, поли- и междисциплинарные подходы, моделирование форм исторического познания и социокультурная контекстуальность. В итоге предметные поля современного научного исторического знания «преодолевают классическую дисциплинарную модель науки». История истории, считает С. И. Маловичко, по-прежнему выполняет функцию *деконструкции*, но объектом анализа выступает не столько история исторической науки, сколько история исторического знания и историческая память, при этом акцентируется методологический прием *понимания*.

Обращая внимание на тот факт, что прежний подход к определению историографического источника как источника исторического, несущего информацию об историографическом процессе (М. В. Нечкина, Л. Н. Пушкарев, А. И. Зевелев и др.), соответствует «парадигмам классической науки, исчерпавшей свой эпистемологический потенциал в конце XIX в.», а «историографическая деконструкция», возникшая в эпоху неклассической модели науки, становится в эпоху неоклассической модели науки обязательным условием «осуществления феноменологической редукции», авторы отводят функции *системности, этической* и *экспертной* (составлявших ранее «парафию» историографии. – Т. П.) новому предметному полю – *источниковедению историографии*, предложившему «метод *источниковедения* для изучения *истории исторического знания* в междисциплинарном пространстве *интеллектуальной истории*»[1].

4. А. В. Ясь, рассматривая дисциплинаризацию *украинской историографии,* отмечает, что процесс интитуционализации историографии как дисциплины длился в Украине на протяжении XIX – начала XX вв. в интеллектуальном пространстве и социокультурной среде Российской империи и Австрийской империи, отражая общие тенденции формирования этой области знания в данных национально-государственных образованиях. На протяжении 1960-

[1] См.: *Маловичко С. И., Румянцева М. Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013; *Маловичко С. И., Румянцева М. Ф.* Источниковедение историографии // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С.203.

1980-х гг. формирование дисциплинарного статуса историографии в Украине происходило в границах официальной советской доктрины.

Общая схема дисциплинаризации включает следующие рубежи:

1) 2-я половина XIX в. – становление историографии как учебной дисциплины в университетах Российской империи, выделение из историографически-источниковедческих и историографически-библиографических работ собственно историографических студий; формирование проблемного поля (исторические взгляды ученых, жизнеописания, обзоры научного наследия и проч.);

2) рубеж XIX-XX вв. – определение содержательного наполнения понятия *историография* в контексте истории науки, истории идей, истории культуры; постепенное вытеснение из употребления термина *историография* как синонима термина *историческая наука*;

3) 1960-1980-х гг. формирование дисциплинарного статуса историографии с вариациями подходов: а/ специальная историческая дисциплина с более-менее широким проблемным полем; б/ специальная область исторической науки; в/ составная часть общественной мысли. Общепризнанным считалось разделение историографии на *донаучную* и *научного* (академического) периода; по типо-видовой характеристике историографию разделяли на: общую (развитие исторических знаний и науки в целом), предметную и проблемную.

Постсоветская украинская историография формировалась под влиянием нескольких интеллектуальных влияний:

1) на протяжении 1990-х гг. развитие происходило под лозунгом возвращения к национальному историографическому наследию;

2) в конце 1990-х - начале 2000-х гг. началась разработка теоретико-методологической проблематики, подготовка дидактических курсов по национальной историографии, освоение европейского и мирового опыта, переориентация на изучение традиционного проблемного поля историографии с перспективы интеллектуальной истории и проч.;

3) ныне украинская историография развивается под возрастающим влиянием интеллектуальной истории, науковедения, философии истории, культурологии и других дисциплин социогуманитарного профиля, что способствует расширению предметной области, обогащению методологического инструментария, формированию нового понятийного аппарата, расширению междисциплинарных подходов; одновременно влиятельными остаются традиционные подходы и концепции.

Дисциплинарный статус историографии, обозначенный в современной литературе:

1) специальная дисциплина или область исторической науки с сугубо утилитарными целями;

2) науковедческая дисциплина, изучающая историю исторической мысли и исторической науки как социального института;

3) наука, исследующая историю историографического процесса во всем его разнообразии;

4) важная составляющая интеллектуальной истории, неотъемлемая часть культурного мира идей[1].

«Реперные точки», определяющие рубежи дисциплинарного созревания историографии, более-менее идентичны во всех моделях; главные «эпохальные» периоды дисциплинаризации: 1) середина XIX – начало XX вв. с акцентом на «порубежье»; 2) 1950 / 1960 – 1980-е гг. – завершение процесса.

5. Особое мнение высказывают И. Л. Беленький, Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло, М. Ю. Парамонова. Согласно Г. Р. Наумовой и А. Е. Шикло *историография* становится *самостоятельной дисциплиной* с середины XIX в., когда четко определились ее предмет, задачи, значение, принципы изучения, а также классификация и периодизация исторических знаний [2]. В энциклопедической статье авторы определяют *историографию* как специальную научную дисциплину, трактующую «опыт познания истории», и констатируют: *дисциплинарное оформление историографии* происходит в границах – от полемики вокруг «Истории…» Н. М. Карамзина до 1890-1910-х гг.[3].

NOTA BENE:

I. ***О дисциплинарном образе историографии.***

«Модель дисциплинарности» – одно из «измерений», в границах которого может быть описана история исторической науки. В фокусе этой модели – проблемы самоидентификации, когнитивные и институциональные стратегии, применяемые дисциплиной в ответ на «вызовы» научного мира[4].

Дисциплинарный образ историографии – идеальная конструкция историографической области исторического знания, в основе которой представление о научной дисциплине и дисциплинарной организации науки.

История дисциплины историографии, или *дисциплинарная история историографии*, не получила самостоятельного научного статуса. Это проблемное поле / направление историографических исследований входит в дисциплинарный ландшафт историографии. Территория дисциплинарной истории историографии включает:

---

[1] См.: *Ясь О. В.* Історіографія, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. С.584-591.

[2] См.: *Наумова Г. Р., Шикло А. Е.* Историография истории России: учеб. пособие. М.:Дрофа, 2008. С. 6.

[3] См.: *Беленький И. Л., Наумова Г. Р., Парамонова М. Ю.* Историография // Энциклопедия. 2015-2016 гг. URL: http://knowledge.su/i/istoriografiya-

[4] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.390.

- додисциплинарную стадию развития историографических представлений
- процесс дисциплинаризации историографии – процесс формирования научной дисциплины историографии как социокогнитивной системы в контексте интеллектуального и социокультурного пространства
- историю дисциплинарной стадии историографии – историю функционирования и развития дисциплины историографии в социокультурной ситуации определенного регионально-темпорального измерения.

II. ***О дисциплинарном имени «истории истории».*** Культура «языкового поведения» историка напрямую связана с прояснением понятий, терминов и категорий, которыми он оперирует, поскольку историческое понятие, историографический концепт или теоретическая категория предстают не в качестве языковых единиц, но в качестве определенной модели организации и изучения фактов, событий и явлений[1]. Среди стержневых историографических понятий – само *дисциплинарное имя*.

> ***Ремарка-цитата*****:** «Вслед за зачинателями первых десятилетий XX в. (как А. С. Лаппо-Данилевский и, опираясь на опыт С. Н. Валка (в изучении биографии термина «археография»[2]) и других специалистов, изучавших развитие научной терминологии, небезынтересно проследить происхождение и бытование слова-термина «историография», его содержательную наполненность»[3].
>
> ***Ремарка-экскурс. Из истории имени: силуэт.*** Хрестоматийно признано, что в XIV в. во Франции появился термин «историограф»; его распространение и трансформация в европейских странах (от обозначения

---

[1] *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С. 27.

[2] См.: *Валк С. Н.* Судьбы «археографии» // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С.453-465.

[3] *Шмидт С. О.* Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки / РАН, Отд-ние историко-филол. наук. Вып. 8 (126) . М.: Наука, 2005. С. 302. О термине «историография» см.: *Попова Т. Н.* Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. Выпуск 1. Историография и специальные исторические дисциплины. Одесса: ОГУ, 1995. С.3-45; *Она же.* Историография сквозь призму дисциплинарных традиций // Записки Історичного факультету. Випуск 8. Одеса: ОДУ, 1999. С.166-172; *Она же.* Лики историографии: имена и смыслы // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики (Число 5) / Історіографічні дослідження в Україні (Вип.10): Збірка наукових праць на пошану академіка НАН України В. А.Смолія: У 2 ч. / Відп. ред. М. Ф. Дмитрієнко, Ю. А. Пінчук. Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2000. Ч. 2. Історіографія. С. 415-434; *Она же.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.; *Она же.* Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Історіографічні дослідження в Україні. Випуск 19. Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. С. 42-72; *Она же.* История исторической науки: проблемы самоназвания // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы 1У Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: Изд-во Московского университета, 2009. С. 227-236 и др.

художника, рисующего миниатюры на исторические темы сначала в рукописных, а позже в печатных трудах по истории / a la иллюстрации /, до официальных писателей «национальных историй» и, наконец, до широкого круга авторов разнообразных исторических сочинений) привели к возникновению и утверждению в XVIII в. понятия «историография» как комплекса работ на историческую тематику, создания исторических сочинений («историописание»), а затем – аналога самой исторической науки.

Логику возникновения дисциплинарного самоназвания можно представить следующим образом:

1) появление термина ***историограф***, обозначающего человека, занятого конкретной деятельностью – художника, рисующего миниатюры на историческую тематику (согласно А. С. Лаппо-Данилевскому), – связано со стремлением субъекта деятельности к самоидентификации / самоопределению, к обозначению себя *конкретным именем* в отличие от *других*, занятых *иной* сферой деятельности; при этом специфика имятворения в данном случае заключалась в том, что постепенно изменился сам субъект: *имя* «историограф» стало покрывать не художника, но писателя (тоже художника – *художника слова*), сфера деятельности которого – создание словесных картин истории – нарративов (европейская традиция);

2) появление термина ***историография*** (***историописание / історієписання*** – в восточноевропейском варианте[1]), обозначающего результат писательской деятельности в виде блока специальной многожанровой литературы по исторической тематике (XVIII в.);

3) расширение значения термина ***историография / историописание***, обозначающего уже саму сферу деятельности - создание разнообразных письменных работ исторической направленности (XVIII в.);

4) определенное «сужение» термина ***историография***, обозначающего уже не создание многожанровой исторической литературы, но только – *научной* литературы по истории, а также результат этой деятельности в виде блока научных трудов по истории (разведение понятий историография и историописание с XIX в.);

5) возникновение нового значения термина ***историография*** – как наименования конкретной науки – *истории* (XVIII – XIX вв.);

6) появление нового смыслового нюанса: термин ***историография*** начинает параллельно с предыдущим обозначать особое направление в исторической науке, сфокусированное на изучении истории самой исторической науки (вторая половина XIX в. – восточноевропейская традиция);

7) утверждение термина ***историография*** для обозначения вспомогательной / специальной исторической дисциплины, изучающей процесс познания

[1] См. полемику о термине «историописание» в: Терминология исторической науки. Историописание / Отв. ред. М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 8-133.

истории, развитие исторических знаний, историю исторической науки и т. п. (1950-1980-е гг. – советская традиция).

> ***Ремарка-info. Об понятии «историописание».*** Термин получает распространение в XVIII в., возможно, как «славянская калька» с термина «историография», которое проникает со времени основания российской Академии наук из западной Европы в значении собственно исторической науки. В украинских землях так же используют термин «історієписання». С XIX в., на волне дисциплинаризации исторического знания, этот термин уже считается архаичным, его употребление связывают преимущественно с непрофессиональным занятием истории. Возрожение термина происходит в 1990-е и особенно с 2000-х гг.: а) преимущественно в качестве метафоры; б) для обозначения процесса написания исторических работ; в) аналога исторической науки с добавлением эпитета «научное»; г) как калька с writing history – учебной дисциплины в университетах евроатлантического поля и др.

В современном исследовательском пространстве мирно сосуществуют две разновидности дисциплинарного имени: *историография*, отражая давнюю восточноевропейскую традицию, и *история историографии* – феномен преимущественно евроатлантической традиции[1]. Сохранение первого имени демонстрируют в первую очередь «отечественники», хотя многочисленные публикации (монографический, статейный, дидактический материал и проч.) подчас свидетельствуют о «блуждании» обоих наименований в текстах авторов – представителей не только разных научных традиций в области истории, но и различных дисциплинарных сфер.

Показателем «стойкости» традиционной формы наименования – *историография* – являются (помимо многочисленных энциклопедических статей) два последних издания «Терминологического словаря по теории и методологии исторической науки» (2014, 2016), в которых не только нет статьи по *истории историографии*, но и в статье *интеллектуальная история* перечисляются в качестве ее составляющих – история знания, история науки и дисциплинарная история; наименование *история историография* – отсутствует[2].

---

[1] См. подробнее: *Попова Т. Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI вв. / Отв.ред. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 198-215; *Она же.* Образ историографии в творчестве П. М. Бицилли (К 135-летию со дня рождения ученого) // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П. А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 234-247.

[2] См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М: Аквилон, 2014. С.161-164, 135-137; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.153, 130-131.

III. ***О проблемном поле: Территория историографии.***

Ситуация «разночтений» в отношении предмета, подходов и новых ракурсов историографического ландшафта свидетельствует в большей мере о «кризисе роста» – поисках укрепления дисциплинарного статуса: сегодня речь действительно идет не о простом «расширении» предмета, но о радикальном парадигмальном сдвиге в восприятии «старой-новой» дисциплины историографии, исследовательское поле которой «практически заново переопределяется и сама дисциплина приобретает новый облик»[1]. Предметное поле историографии действительно стоит воспринимать как органическое «многослойное целое», в качестве «ядра» которого - «профессиональная историческая культура», вписанная в контекстные «круги» разнообразных процессов жизни социума[2].

Формула *история исторической науки*, имеющая до сих пор широкое распространение, может сохранять свое значение в качестве содержательного стержня *дисциплины историографии*, поскольку *наука* – системное явление, включающее когнитивные и социокультурные сегменты целого. *Институциональный процесс исторического знания* (в неразрывности когнитивных и социальных аспектов институционализации) – понятие широкое, в котором *научное знание* представляет собой «институциональную единицу» – вид и уровень организации исторического знания. В темпорально-пространственном измерении существует множество форм когнитивной институционализации с разными уровнями социальной интегрированности - «институциональными единицами», *научная дисциплина* как сложившаяся социокогнитивная система – одна из них.

Изучение *научного* исторического знания, бесспорно, не будет оптимальным без исследования иных форм и уровней исторического познания (по вертикали и горизонтали), их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополняемости в культурном пространстве конкретных историографических ситуаций, однако закономерное расширение предмета *дисциплины историографии* – от *истории идей* к *истории исторической культуры* – с неизбежным появлением нового теоретико-методологического инструментария не должно тем не менее нивелировать приоритетную значимость исследования *научно-рациональной формы репрезентации истории* – историю *научной культуры* познания прошлого (разумеется, с учетом современных подходов к концепту «рациональность»).

Как рефлексивный компонент исторического знания, входящий в единое рефлексивное поле науки, как составная часть общей истории науки, как раз-

---

[1] *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XX1 вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.401.

[2] См.: *Алеврас Н. Н.* И снова про…предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XX1 век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С.238-240. См. также: *Попова Т. Н.* Пути и перепутья историографии, или как не заблудиться в «дорожных картах» // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. Вып. 11. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С.122-157.

новидность исторической культуры, как история исторических представлений в пространстве культуры, как часть истории гуманитарного знания, как составляющая интеллектуальной истории – *дисциплина историография* сегодня постоянно расширяет свою территорию, активно взаимодействуя с «общим рынком» наук (Ф. Бродель).

> ***Ремарка-цитата:*** «У каждой науки о человеке свой предмет, свой набор истолкований. И тем не менее каждая из них предполагает наличие целой системы социальных явлений, представляющей собою субстанцию всех без исключения наук о человеке. Каждая из них зависит не только от себя самой, но и от смежных дисциплин; область, на которую она проливает свет, соприкасается с соседними областями»[1].

Возможно, не стоит рассматривать дисциплину историографию, без которой «историк не историк» (Е. А. Косминский)[2], в плане ее трансформации в иной образ, в иную территориальную плоскость, но стоит использовать новые подходы и междисциплинарный инструментарий для ее постоянного обновления – при сохранении дисциплинарного и гражданского статуса историографии.

> ***Ремарка-комментарий.*** Относительно недавняя дискуссия о парадигмах историографии – *антропологической* и *концептуальной*[3] – высвечивает извечные болевые точки в процессе познания.

1. Любая систематизация (классификация, периодизация, типологизация и др.), облеченная в термины с многовариантной «начинкой», всегда весьма условна, и требует развернутого комментария, который сами авторы «в первом приближении» сделать в полном объеме не могут в силу того, что саморефлексия собственной идеи требует времени: в процессе ответов «понимающим» (которые, впрочем, могут понимать совсем не так, как понимают сами себя авторы) и особенно «непонимающим» – происходит уточнение, коррекция, углубление обоснования первоначальных тезисов.

2. В свое время П. М. Бицилли, рассматривая проблему соотношения диахронического и синхронического анализов в исторических исследованиях, пришел к выводу о том, что оба подхода присущи современному ему историческому мышлению, взаимно обусловлены и одновременно – полярны [хотя П. М. Б. был

---

[1] *Бродель Ф.* Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1. / Пер. С. Н. Зенкина, В. А. Мильчиной. URL: http://yakov.works/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

[2] Цит. по: *Шарова А. В.* Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е. А. Косминского // Одиссей: Человек в истории. Язык Библии в нарративе. 2003. М.: Наука, 2003. С.270.

[3] См.: *Крих С. Б., Метель О. В.* Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166; *Базанов М. А.* Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С. Б. Криху и О. В. Метель // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 55–63; *Исаев Д. П.* К вопросу о парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 92–104; *Крих С. Б., Метель О. В.* Парадигмы или подходы? Ответ Д. П. Исаеву // Новое прошлое. 2018. № 1. С.120-132 и др.

сторонником «исторической статики». – Т. П.], ибо генетико-реконструирующий подход в конечном счете – «телеологический», т. к. «идея движения как развития включает в себя идею остановки, последнего момента, цели». В какой-то мере, делал вывод П. М. Бицилли, эти подходы можно рассматривать как «пределы», границы, в рамках которых «обречена» двигаться историческая мысль, которая в своем развитии в зависимости от множества «привходящих», «посторонних условий» «задерживается» то на одном полюсе, то на другом.

Эту мысль можно экстраполировать на более широкий контекст познания – неизбежная закономерность своеобразного «метания» между полюсами подходов, идей, методов и т. п. Фокусные ориентиры исследовательских интересов постоянно смещаются или просто меняются местами (на новом витке познания) в зависимости от колебания маятника «открытий», что связано с суммой имманентных и «привходящих» условий, интериоризационных процессов и т. п. Не стоит исключать и фактор «историографической моды» – определенную зависимость от приоритетных «трендов» и «брендов», что «внесла» в *нашу* историографию *западная* наука.

3. Выделение двух векторов в современных историографических исследованиях – *антропологического*: *«мира людей»* (отнюдь не нового, истоки которого в неклассической парадигме акцентуализации субъекта познания, получившей новое «дыхание» на волне экстернализма и нормативной социологии Р. Мертона, а затем «расцветшей» в современной историографии в формате интерпретативной социологии, структурной и интерпретативной антропологии К. Гирца) и *концептуального / концептуалистского*: *«мира идей»* (традиционного, спроецированного на *результат* познавательной деятельности /идеи, концепции и т. п./, радикально обновленного новой интеллектуальной историей) – вполне правомерно и представляет одну из возможных моделей «движения» *дисциплины историографии* в условиях бесконечной череды «поворотов» эпистемологических поисков. В любом случае как бы искусственно не разделялись эти векторы в восприятии «понимающих» и «непонимающих» читателей-историографов, реальная практика всегда богаче и непредсказуемей, нежели попытки уложить ее в прокрустово ложе схем и моделей. При этом главной экспертизой творческого воспроизведения «преображенной сознанием действительности» всегда остается «изучение разнообразных модификаций исторической мысли в процессе ее развития», анализ исторических трудов, с которыми «историк историографии единственно и должен считаться» (П. М. Бицилли).

IV. ***О дефинициях и моделях.*** В репертуар определений *истории истории* как самостоятельной области знания и аффилированных с ней понятий можно включить следующие:

Историография – специальная рефлексивная историческая дисциплина, изучающая историографический процесс во всей его глобально-темпораль-

но-региональной конкретике единства многообразия.

Дисциплина историография – это социокогнитивная система, вписанная в интеллектуальное и социокультурное пространство.

Дисциплинарная модель историографии может быть представлена в следующих вариантах:

Первый вариант – система маркеров дисциплинарного образа историографии:

1) оформление научного сообщества специалистов-историографов, идентифицирующих себя со своей дисциплиной и признающих наименование «историограф» как собственное;

2) складывание в научном сообществе историографов:

– конвенциональных основ в понимании содержания своей научной специализированной деятельности

– общепризнанных канонов научных исследований (парадигмальных образцов)

– дисциплинарно-научных идеалов и норм;

3) формирование «массива» дисциплинарного историографического знания, имеющего подвижные контуры в связи с перманентным пересмотром т. н. «объективно-истинного» знания (конвенционального утвержденного), откладываемого в «дисциплинарную копилку»;

4) появление рефлексивного уровня дисциплинарного знания – истории и теории историографии, дисциплинарной истории самой дисциплины историографии;

5) обретение историографией т.н. «гражданского статуса»:

– утверждение «имени» данной научной дисциплины – *историография* - в научном сообществе и в социуме;

– признание дисциплины историографии как относительно автономного профессионального образования членами научного сообщества, культурными и политико-идеологическими структурами конкретного социума, устанавливающими собственные отношения с дисциплиной историографией (выражаемые в том числе – в финансировании историографических проектов и т. п.);

6) формирование системы специализированных научных учреждений с названиями, соответствующими наименованию дисциплины историографии со своей идеологией и этосом (кафедры, отделы, секторы и т.п.);

7) возникновение системы профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» дисциплины историографии в общих и специальных курсах, создаются нормативные компендиумы, осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов; утверждается номенклатура специализации, уровней и форм квалификации в нормативных документах Высшей Аттестационной Комиссии и Министерства науки и образования;

8) складывание специализированной информационной системы (библиотечные каталоги, информационные издания, для современного периода - тематические сайты в Интернете и др.);

9) создание коммуникационной системы - форм научного общения:
– конференций, съездов, симпозиумов, круглых столов и проч.;
– специализированных изданий, в том числе – научной периодики и др.;
– установление стабильных личных контактов между историографами;

10) способность научного сообщества историографов вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального/дисциплинарного статуса.

Комментарии. Формирование каждого из этих показателей имеет свою специфику, свой ритм, формы проявления на разных этапах дисциплинаризации и в разных научных традициях. Завершение процессов складывания всех составляющих (репертуар которых может быть расширен), будет свидетельствовать о завершении процесса дисциплинаризации и оформления/конституирования историографии как научной дисциплины. В восточно-европейском регионе завершение *дисциплинаризации историографии* пришлось приблизительно на 60-80-е гг. XX в. в рамках советской исторической науки. Последующий период – собственно *история дисциплины историографии* – характеризовался на протяжении 1990-х гг. и первых десятилетий нового тысячелетия непростой конфигурацией развития и функционирования: когерентность составляющих дисциплины ослабла, «фактор институционализации» свидетельствовал об элементах институционального кризиса[1] на фоне «историографического бума».

Второй вариант: модель *дисциплины историографии* может быть представлена в виде трехуровневой системы.

Первый уровень – *когнитивная система*, включающая:

- исследовательскую проблематику
- фактуальный блок (дисциплинарный фонд научного исторического знания – «генофонд» дисциплины)
- источниковый блок (дисциплинарный фонд исторических источников – источниковедческая база дисциплины)
- методы, методологии и теории исторического познания
- категориальный аппарат
- концептуальный аппарат – исторические концепции разного уровня концептуализации.

---

[1] См. об этом: *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 12-14; 150-174; *Она же.* Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Історіографічні дослідження в Україні. Випуск 19. К.: Інститут історії України НАН України. 2008. С.42-72; Інтерв'ю [с Т. Н. Поповой. Вопрос: Можно ли утверждать, что историография как научная дисциплина сегодня пребывает в кризисе? (Или: В чем Вы видите перспективы историографии как научной дисциплины?)] // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2010. Вип.10. С.286-301.

Второй уровень – *инфраструктура* – система обеспечения первого уровня – когнитивного:

- субъект науки – ученый (личностно-индивидуальный) и научное сообщество (коллективный)
- система специализированных исторических учреждений (институты, отделы, лаборатории, факультеты, кафедры и т. п.)
- система профессионального исторического образования (в первую очередь – высшего)
- система книго- и архивохранилищ
- система издательств/издания научной продукции
- коммуникационная система (специализированная литература; конференции, симпозиумы, съезды и т. п.; периодическая и повременная специализированная печать и т. п.)
- материально-финансовая база
- система вознаграждений и квалификационных нормативов профессиональной деятельности (ученые степени, научные звания и т.п.)

Третий уровень *социокультурный* – это фактически *условия,* в которых происходит функционирование и «движение» научной дисциплины историографии как социокогнитивной системы, – включающий (и «пронизывающий») первые два уровня – когнитивную систему и инфраструктуру науки. Социокультурная система – это политическо-идеологические, социальные, информационные, ментальные структуры, духовная и интеллектуальная культура социума в конкретном регионально-темпоральном режиме.

Комментарии. *Институционализация историографии* – это процесс формирования ее когнитивной системы и инфраструктуры в конкретном социокультурном конктексте, что в своей совокупности приобретает завершенные формы на дисциплинарной стадии развития этой ветви исторических знаний. В процессе *когнитивной институционализации* складывается единство в понимании основных сегментов историографического знания, которые предстают как компоненты когнитивной системы историографии: определенность проблемного поля, корпуса источниковедческого/фактуального знания, теоретико-методологического аппарата, концептуально-парадигмальных основ и т. п. Стержневым параметром, влияющим на «степень когерентности» на уровне когнитивной институционализации историографии, будет выступать «структурированность значений терминов», принятых в сообществе историографов. *Социальная институционализация* в большей степени проявляет себя на уровне инфраструктуры (системы обеспечения функционирования когнитивной системы), в которой организация историографической науки предстает как в аспектах «физически-материализованных» (научное сообщество специалистов-историографов, система историографических структур в академических и образовательных центрах, система профессиональной подготовки; информационная

и коммуникационная системы; система издательской деятельности; корпус материальных носителей информации и система их хранения и проч.), так и «идеальных» – формирование канонов и нормативов, определяющих исследовательскую практику историографов, характер и формы их коммуникации и др.[1].

Стержневым параметром, влияющим на «степень когерентности» на уровне социальной институционализации (впрочем, и всей системы в целом) выступает «субъект науки», репрезентирующий историографическую научную область, – дисциплинарное сообщество историографов, объединенных конвенциональным пониманием своей профессиональной деятельности и этосом дисциплины.

Социокультурный контекст предполагает рассмотрение научной дисциплины как социокогнитивной системы в качестве неотъемлемой составляющей единого социокультурного организма.

Третий вариант: модель дисциплины – *Антропо-социо-когнитивная система*, вписанная в социокультурный контекст:

- субъект познания в личностном и коллективном измерениях
- когнитивная система
- инфраструктура

Комментарии. Антропологический поворот (вслед за социальным поворотом) актуализировал значение *субъекта* научной деятельности, в связи с чем понятие научная дисциплина стало ассоциироваться в первую очередь не с когнитивными параметрами (парадигма, дисциплинарная матрица), но с человеческим измерением, поэтому в данной модели *сообщество историографов* получает самостоятельный и приоритетный статус и ориентирует на первостепенный анализ этого явления. Когнитивная система и инфраструктура по основным параметрам созвучна с предыдущей моделью.

Четвертый вариант: Триадная система, функционирующая в социокультурном пространстве.

I. Дисциплинарное научное сообщество

II. Дисциплинарная матрица

III. Инфраструктура

Комментарии. Исходная идея – предыдущая модель. Вместо когнитивной системы предложена дисциплинарная матрица (схема Т. Куна), которая в интерпретации, приемлемой для гуманитариев, может в общих чертах соответствовать когнитивным параметрам дисциплины историографии.

Дисциплинарная матрица историографии:

- «символические обобщения» – формальный аппарат, служащий для выражения основных обобщений, принятых в научном сообществе историографов; категориальный аппарат науки, выраженный в понятийных сим-

[1] Компоненты когнитивной системы и инфраструктуры могут быть уточнены и значительно расширены.

волах, а также «аксиоматические положения», облеченные в логическую форму; система символических обобщений «подвижна» и трансформируется в процессе историографического познания и исследования, а также в результате «интервенции» со стороны дисциплинарного мира;

- «метафизические парадигмы» – «эвристические» и «онтологические» модели, «общепризнанные предписания», «концептуальные модели», система теоретико-методологических и философских принципов, используемых членами научного сообщества историографов; система метафизических установок, задающих определенную онтологию универсума: «картины мира», «стиль мышления» и т. п., траектория которых неразрывна с траекторией исторической /историографической рефлексии;
- идеалы и ценности научного сообщества историографов – эталонные предписания, «детерминанты поведения» с аксиологическими, этическими и эстетическими основаниями;
- система «образцов» – система конкретных общепризнанных примеров решения научных историографических проблем: на уровне обучения – «образцы» для студентов; на уровне научной работы – «образцы» для ученых-исследователей; «образцы» опираются на «символические обобщения» и едины в фундаментальных основаниях, однако в границах исследовательской территории могут иметь значительный диапазон вариантных решений.

Пятый вариант: **НД** как социогнитивная система, вписанная в социокультурный «организм»:

- когнитивная система (система когнитивных параметров дисцилины/науки);
- социальная система (инфраструктура как система *обеспечения* когнитивной системы, включающая в первую очередь субъекта познания, а также систему социального института (как учреждений, так и нормативов).

Комментарии. Каждая из систем может рассматриваться в соответствии с параметрами предыдущих моделей.

Ремарка-тезис-post. Институционализация научной области знания – процесс длительный, с разнообразными модуляциями. Формирование социокогнитивных компонентов имеет свою стадиальность, характеризующуюся различной степенью оформленности этих компонентов и степенью их «сцепления» – когерентности. В связи с этим каждая стадия в институциональном процессе представляет собой институциональную единицу – таксон. Научная дисциплина – социокогнитивная система высшего уровня оформленности своих компонентов и максимальной степени их когерентности.

Любая модель – самодостаточна в своей ограниченности, и предложенные выше модели можно рассматривать в качестве рабочего инструментария

для пунктирного описания дисциплинаризации и функционирования *истории истории и истории историографии.* «Маршрутизация» и дисциплинарное развитие любой научной области – процесс сложный, с различными конфигурациями, далекий от линеарности.

Рассмаривать его по конкретной схеме можно лишь условно, т. к. реальная история дисциплины потребует неизбежных корректив и сама предложит оптимальный вариант своего моделирования.

V. ***Об истории историографии.*** Многие историографы-«отечественники» констатируют наличие *истории историографии* как направления (и даже дисциплины) собственно историографических исследований – *истории истории истории*, – получившего свое развитие в украинском и российском научном поле[1]. В современной научной ситуации разработка этой проблемной области историографических знаний представляется особенно значимой, поскольку формирование нового блока историко-научного знания является важнейшим показателем дисциплинаризации самой историографии.

> ***Ремарка-цитата:*** «Принципиально важным в осмыслении… процессов историографии представляется такое направление историографической мысли, как “историография второй степени”, набирающее силу с середины 1960-х гг.»[2].

История истории истории, или *история историографии* (в восточноевропейском варианте), предстает как форма собственно *историографической рефлексии* – «история в третьей степени», объектом которой выступает (по аналогии) *историко-историографический процесс* (ИИП).

В свое время М. А. Барг, размышляя о категории «ментальность», писал: «Менталитет – это… совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т. е. путем *повторения*.

---

[1] См.: *Колесник И. И.* Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Дніпропетровськ: Вид-во ДДУ, 1993; *Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000; *Трибунский П. А.* П. Н. Милюков как историк русской исторической мысли: Автореф. дисс. … канд. ист. М., 2001; *Посохов С.* Історіографія // Історіографічний словник. Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітних ініціатив, 2004. С.97-101; *Ясь О. В.* Історіографія, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. С.584-591; *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007; *Кісельова Ю. А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків: ХНУ імені В .Н. Каразіна, 2014 и др.

[2] *Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже X1X-XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. С.12.

Эти символы (понятия, образы, идеи) служат в повседневном обиходе *онтологическим* (ответ на вопрос: что это?) и *функциональным* (ответ на вопрос: как и зачем это?) *объяснением*, способом выражения знаний о мире и человеке в нем. *Идентичность* менталитета среди его носителей обусловливается в конечном счете общностью исторических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и те же явления объективного и субъективного мира, т. е. тождественным образом их интерпретировать и *выражать в одних и тех же символах*»[1].

Среди таких символов-понятий – *имя/самоназвание*, которое выражает осознание определенной частью профессионалов существования специального знания в системе знания вообще, принимаемое ими в качестве маркера самоидентификации, что является показателем ментальной общности, скрепляет и объединяет членов дисциплинарного научного сообщества.

Поиски имени нового проблемного поля историографии – *истории историографии* - имеют свою историю, которая еще не написана. Вероятно, истоки этого понятия стоит искать во второй половине XIX в., когда в университетской науке шел интенсивный процесс дисциплинаризации самой *истории истории*. Однако формула *история историографии*, которую, возможно, ввел в европейскую научную литературу Б. Кроче («Теория и история историографии», 1915), а вслед за ним повторил П. М. Бицилли в названии своего курса «История историографии» (1916) и позже – в «Очерках теории исторической науки» (1925)[2], имела содержанием именно *историю истории*, т. е. историю исторической науки.

В новом звучании эта формула появилась, по мнению Р. А. Киреевой, у А. С. Лаппо-Данилевского в названии раздела рукописи, посвященной анализу историографических трудов: «Обозрение развития *истории* русской историографии» [курсив Р. А. Киреевой. - Т. П.].

> ***Ремарка-штрих: Из воспоминаний.*** В начале 1980-х гг. мне довелось встретиться с крупнейшим советским ученым Ю. А. Поляковым, ведущим специалистом по истории новой экономической политики. В разговоре он поинтересовался о моих научных «пристрастиях», и я, как могла, попыталась объяснить. Юрий Александрович внимательно слушал, а потом уточнил: «Это то, чем занимается Киреева!». Привожу его слова как историографический факт: в начале восьмидесятых формула «история историография» еще не вошла в лексикон даже элиты ученых-историков.

Р. А. Киреева начинает свой классический труд словами: «Все научные

---

[1] *Барг М. А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль , 1987. С.4.

[2] См.: *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 376-379.

дисциплины имеют свою историю – свое прошлое имеет и историография»[1]. Понятие *история историографии*, по мнению Р. А. Киреевой, к 1980-м гг. получило «права гражданства», т.к. за многие предшествующие десятилетия был накоплен огромный опыт историографических исследований [2], что «вызывает интерес к истории самой историографии как специальной дисциплины», проблематизирует предметное изучение *истории дисциплины*.

Р. А. Киреева – против тезиса о том, что «историография – молодая наука, а история историографии – совсем новая область знания, привлекшая к себе внимание лишь в последние десятилетия»: своим анализом различных «обозрений» историографической литературы в XIX - начале XX в. и историко-историографического опыта в советское время, она доказывает длительность существования «истории в третьей степени».

В литературе предлагалась и иная специальная терминология: М. В. Нечкина, наставница Р. А. Киреевой, уже в середине 1960-х гг. обращала внимание на то, что «в историю исторической науки входит прежде всего историография ее собственной истории»[3]. Формула «историография историографии» использовалась С. О. Шмидтом и И. Д. Ковальченко[4]. Объектом *историографии историографии,* согласно И. Д. Ковальченко, являются работы по истории исторической науки, т.е. в данном случае выделяется проблемно-тематический ракурс этой области историографического знания. С. О. Шмидт делает акцент на *источниковедение историографии историографии*, в которое включает:

- источниковую база историографических исследований
- источниковедческий аспект историографических суждений
- источниковедческие сюжеты как темы историографических штудий
- использование источниковедческой методики в преподавании историографии[5].

По Киреевой, историографы – это *биографы* своей исторической науки, следовательно, представители истории историографии – это биографы историографии как истории исторической науки.

Среди первых биографов дисциплины историографии Р. А. Киреева по

---

[1] *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины X1X в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С.3.

[2] См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М.: Наука, 1965; *Иллерицкий В. Е.* Историография // Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. С. 548-574. Здесь же об истории субдисциплин исторического профиля: с. 575-692.

[3] *Нечкина М. В.* История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР: сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории; отв. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1965. С.8.

[4] См.: *Шмидт С. О.* Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки / РАН, Отд-ние историко-филол. наук. Вып. 8 (126). М.: Наука, 2005. С. 296-363; *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования / Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.223.

[5] См.: *Шмидт С. О.* Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки / РАН, Отд-ние историко-филол. наук. Вып. 8 (126). М.: Наука, 2005. С. 299.

праву называет В. И. Шевцова (Днепропетровск), из школы которого вышла И. И. Колесник[1] (Днепропетровск / Киев). Если после выхода книги Р. А. Киреевой (1983) понятие *история историографии* вошло в лексикон историографов, то после монографии И. И. Колесник (1993)[2] эта формула стала утверждаться в более широком круге историков. Однако не исчезла и другая традиция: формулу «историография историографии» применяют и современные авторы: «… мы сейчас занимаемся *историографией историографии*…», – констатируют С. Б. Крих и О. В. Метель [курсив мой. – Т. П.] [3].

В контексте рассматриваемой проблемы важно понимание Р. А. Киреевой статуса *истории историографии*: для нее это – *история дисциплины историографии.*

Экскурс. К истории истории знаний: об именах и смыслах

К историографии науки. История исторической науки как видовая составляющая родовой – исторической науки, выступает и как отраслевой компонент истории науки в целом (историко-научного знания), поэтому обращение к лексической практике в науковедческой литературе представляется важным. Термин «история науки» науковедами употребляется в двух смыслах: как реальный процесс развития науки и как отрасль знаний, изучающая этот процесс. Во избежание терминологической неясности обычно историю науки во втором смысле называют «историография науки» (традиция давняя, выделяющая онтологический и гносеологический аспекты в явлении, достаточно хорошо знакома историкам).

В советской литературе 1980-х гг. *историография науки* рассматривалась как память науки, ее архив, средство ее активного освоения и развития. Констатировалось, что *историография науки* имеет собственную историю (*историю истории науки*), которую предлагали называть *историография истории науки*.

Ремарка-штрих. Т. Кун употреблял понятие *историография науки*, акцентируя внимание на важной роли истории при изучении науки, и в контексте поиска новых подходов к изучению истории науки в противовес утвердившейся к середине XX в. кумулятивной модели развития науки[4].

---

[1] См.: *Шевцов В. И.* Развитие прогрессивного направления в русской историографии 1-й половины Х1Х в.: Учебное пособие по курсу «Историография истории СССР». Днепропетровск: ДГУ, 1980; *Колесник И. И.* Исследование отечественной историографии в трудах В. И. Шевцова // Актуальные историографические проблемы отечественной истории ХУП – Х1Х вв. Днепропетровск: ДГУ, 1982.

[2] См.: *Колесник И. И.* Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Дніпропетровськ: Вид-во ДДУ, 1993.

[3] *Крих С. Б., Метель О. В.* Парадигмы или подходы? Ответ Д. П. Исаеву // Новое прошлое. 2018. № 1. С.128.

[4] *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 25.

Актуальность проблемы этой новой области историко-научного знания в советском науковедении была уже очевидной в 1980-е гг.: подчеркивалось, что существует общая закономерность, которая заключается в том, что «любая развитая наука имеет свою историю – если историография науки – наука, она должна иметь свою историю», однако недостаточная разработка историографии истории науки – «является одной из причин трудностей в развитии теоретических основ историографии науки»[1].

Имели место и другие трактовки: «история науки» рассматривалась как «самостоятельная научная дисциплина», а «историография науки» – как «специальная вспомогательная дисциплина в рамках истории науки», задача которой в «фиксации различных жанров историко-научной литературы» и процесса изменения этих жанров[2].

Впрочем, один из крупнейших советских специалистов в области истории науки С. Р. Микулинский признавался, что «в разработке историографии своей науки историки науки могут многое почерпнуть у гражданских историков», которые «давно оценили значение историографии» как истории исторической науки[3].

В новом тысячелетии в науковедческой практике имеет место определенное смешение понятий, хотя многие авторы уже разделяют понятия *историография науки* и *историография истории науки* как наименования двух рефлексивных уровней историко-научного знания.

По определению Л. А. Марковой[4], *историография науки* – это различные формы историко-научных реконструкций, изображающих реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий. При этом в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (2009) статья по истории науки «в третьей степени» вообще отсутствует.

Формула *историография истории науки и техники* покрывает самостоятельную научную дисциплину, предмет которой – развитие историко-научных и историко-технических исследований, взятое во всей его исторической конкретности, включая истоки, предпосылки, условия и результаты; непосредственным объектом изучения в историографии истории науки и техники выступает историко-научная и историко-техническая мысль. Историограф истории науки и техники – анализирует характерные черты и ведущие тенденции в развитии самих историко-научно-технических исследований[5].

---

[1] См.: *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 7-10.

[2] См.: *Кузнецова Н. И.* Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982. С. 3, 81.

[3] *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С.11.

[4] См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Ин-т философии РАН. Гл. ред. И. Т. Касавин. М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009. С. 333-334.

[5] См.: Историография истории науки и техники. URL: http://history.minot.ru/history/

В. И. Оноприенко, один из ведущих специалистов-науковедов в Украине, считает, что обращение к проблемам историографии и источниковедения в истории науки и техники – показатель дисциплинарной зрелости истории науки. *Историография истории науки и техники* имеет широкое проблемное поле, в которое входят «проблемы генезиса и последующего развития нарративной истории естествознания и техники, их отраслей и подотраслей в связи с потребностями науки и техники; анализ исторических условий, внешних и внутренних факторов и закономерностей этого процесса; взаимодействие истории естествознания и техники с другими отраслями науки, включая гражданскую историю, историю философии, историю экологических и социологических учений, науковедение и т. д.; формирование и смену историко-научных и историко-технических концепций, школ и направлений; анализ методов и конкретных методик историко-научных и историко-технических исследований; эволюцию структуры и изменение функций истории естествознания и техники как научных дисциплин»[1].

Ремарка-info. Курс «Историография истории науки и техники»[2] читается с 1995/1996 учебного года в Российском государственном гуманитарном университете для аспирантов. Задача курса – дать системное знание об основных этапах, особенностях и тенденциях развития истории науки и техники как области исторических знаний и вида деятельности; цель курса – углубление знаний в области актуальных методологических проблем исторического познания, ознакомление с процессом развития историко-научной мысли и осознание социальной и когнитивной значимости деятельности историка науки и техники. Курс – междисциплинарного характера, его предмет и содержание находится на пересечении истории и культурологии, историографии и методологии науки, документоведения и информатики. Автор этого курса – известный российский историк науки С. С. Илизаров издал, пожалуй, одну из первых монографий, выполненных на уровне истории «в третьей степени»[3].

---

html/t1/t1-04-11.htm

[1] *Оноприенко В. И.* Проблемы историографии и источниковедения истории науки и техники. [Рец.:] Архив истории науки и техники /Под ред. С. С. Илизарова. – Вып. Ш. – М.: Наука, 2007. – 479 с. // Science and Science of Science. 2009. № 3. С. 120. URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/48965/17-Onoprienko.pdf?sequence=1

[2] См.: Историография истории науки и техники: Программа курса для аспирантов: Специальность 07.00.10 – История науки и техники / РГГУ. Управление аспирантурой и докторантурой; Автор С. С. Илизаров М., 2004. 12 с. Программа разработана впервые, в ее основе лежит авторский научно-исследовательский и педагогический опыт, базирующийся на фундаменте школы Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета и Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук. См. также: URL: https://studopedia.com.ua/1_12654_Istoriografiya-istorii-nauki-y-tehniki.html

[3] См.: *Илизаров С. С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901-2011 гг. М.: Янус-К, 2012. 488 с.

К историографии философии. История философии, пожалуй, имеет более древнюю историю, нежели *история истории*. В советский период уже сложился (хотя и не получил всеобщего признания) дифференцированный подход к понятиям «история философии» и «историография философии»: если *история философии* «воссоздает ход становления и развития философского знания», то *историография философии*, основываясь на историко-философских работах, «исследует развитие истории философии как науки, методы историко-философского анализа, место истории философии в идейной жизни общества»[1]. В историко-философской литературе предлагалось следующее проблемное поле *историографии философии*:

- проблемы накопления эмпирического материала в истории философии;
- проблемы источниковедения истории философии;
- проблемы теории, методики и методологии историко-философского анализа;
- проблематика историко-философских работ[2].

Выделяя четыре основных значения термина *историография* (1/ историописание – аналог историографии, исторической науки; 2/ совокупность работ по конкретной проблеме; 3/ совокупность работ, созданных в определенный период; 4/ отрасль исторической науки, изучающая ее собственную историю), авторы предлагали их проекцию в область историко-философского знания:

- историография философии как историография вопроса, или функциональная историография соотносилась со вторым и третьем значениями термина историографии;
- историография философии, созвучная с историографией в последнем значении, рассматривалась как область историко-философского знания, как его история. При этом подчеркивалось, что это эта область историко-философского знания «еще не утвердила в полной мере свой статус самостоятельной научной дисциплины»[3].

Были сделаны предложения по определению предмета *историографии философии*: «…отличие предмета историографии от предмета истории философии заключается в том, что история философии изучает весь комплекс истории философских идей, а историография – лишь часть его, то есть историю лишь самих историко-философских концепций и исследований»[4].

---

[1] *Новиков А. И.* О структуре историко-философского знания // Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М.: Наука, 1970. С.68-69.

[2] См.: *Емельянов Б. В., Любутин К. Н.* Введение в историю философии: Учеб. пособие для ун-ов. М.: Высшая школа, 1987. С. 60. Не правда ли, эта схема нечто напоминает историографу/историку. Следует отметить и тот факт, что данная публикация – учебно-методического характера, т.е. отражение «учебного лика» не только истории философии, но и историографии философии.

[3] См.: *Емельянов Б. В., Любутин К. Н.* Введение в историю философии: Учеб. пособие для ун-ов. М.: Высшая школа, 1987. С.81-82.

[4] *Новиков А. И.* Предмет и задачи историографии философии // Вопросы философии. 1964. № 3. С. 130.

Иная точка зрения – дополнить данное определение двумя блоками проблем:

1) проблемами инфраструктуры – условий, в которых происходило развитие историко-философских знаний;

2) проблемами организации историко-философского образования.

Среди задач историографии философии были обозначены:

- выяснение содержания и характера историко-философских воззрений
- раскрытие истории формирования и развития истории философии как самостоятельной философской науки
- выявление места и роли историко-философской науки в духовной жизни общества
- рассмотрение истории историко-философского образования, печатания и распространения историко-философской литературы.

Особо подчеркивалось, что хотя историография философии развивается в границах истории философии, она имеет относительно самостоятельный статус, поскольку: *во-первых*, решает свои специфические задачи; *во-вторых*, имеет собственную историю, которая не совпадает с историей философии, отставая от нее; *в-третьих,* может иметь различия с историко-философскими взглядами представителей истории философии[1].

В фундаментальном энциклопедическом издании (1983) среди 2000 статей – статьи об *историографии философии* места не нашлось, что свидетельствует о том, что это понятие в «генофонд философского знания» советской науки еще не вошло[2].

В 1984 г. вышла работа известного американского философа Ричарда Рорти «Историография философии: четыре жанра». Историография в данном контексте – аналог литературы, философских произведений. Автор на основе анализа философской литературы выделил четыре «жанра», четыре методологических канона историко-научных реконструкций, получивших широкую практику: рациональная реконструкция, историческая, история духа, доксография. Последнее название, данное этому жанру самим Р. Рорти, означает систематизацию, хронографию философских трудов, построенную на дескриптивном (описательном) подходе, наиболее распространенному среди авторов «историй философии» и наиболее, по категорическому заключению Р. Рорти, бесперспективному.

Ремарка-штрих. Выражение «историки, рассказывающие историю» (historiens historisants) принадлежит французскому историку Анри Берру, который критиковал «историзирующую историографию» за фактографичность и отстаивал идею необходимости широкого синтеза в нау-

[1] См.: *Емельянов Б. В., Любутин К. Н.* Введение в историю философии: Учеб. пособие для ун-ов. М.: Высшая школа, 1987. С.82-84.

[2] См.: Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: (Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

ках об обществе. Эту критику продолжили М. Блок и Л. Февр[1].

Остальные три жанра, имеющие свою специфику в зависимости от задач исследователя, могут «сосуществовать, не конкурируя друг с другом». Однако наиболее оптимальным вариантом для современной истории философии Р. Рорти считал новый, пятый жанр/канон – *интеллектуальную историю* (intellectual history) как *историю интеллектулов*, причем не только «великих» (Р. Рорти – против утвердившегося норматива отбора исключительно «крупных» фигур в философии), в контексте «описаний их взаимодействия с остальным обществом».

Ремарка-info. «Возрождение» интеллектуальной истории на рубеже 1980-1990-х гг. было связано с «лингвистическим поворотом», который в свою очередь во многом способствовал начавшемуся процессу переосмысления всего историографического опыта «истории идей» в том виде, в каком в «западной» традиции «история идей» сложилась как «биография идей» - с изъятием собственно «носителя» идей и социокультурного контекста. Одновременно под влиянием «новой социальной истории» появилась «история интеллектуалов», институциональное оформление которой во Франции, в частности, началось с создания (по инициативе Ж.-Ф.Сиринелли) специальной междисциплинарной Группы (1985). В эти же годы научная деятельность П. Нора и Ф. Ариеса приводит к появлению в контексте нарратологии «ego-histoires», нового направления в историописании, цель которого - анализ взаимосвязи личностной истории ученых с их «научной лабораторией», конструкций их «жизненных нарративов» и способов конструирования ими «исторических (мета) нарративов». «Расцвет» исторической антропологии в 1980-е гг. («антропологический поворот») актуализировал интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории[2].

В отношении понятия «историография» Р. Рорти делает несколько парадоксальный вывод: «…у нас есть искушение пойти дальше и предположить, что "историография философии" сама является понятием, пережившим свою полезность, потому что, грубо говоря, почетное использование философии изжило себя. Если мы имеем сложную и богатую интеллектуальную историю, которая осторожна с канонами (философскими, литературными, научными

---

[1] См.: *Блок Марк.* Апология истории, или ремесло историка / Перевод Е. М. Лысенко. Примечания А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. С.209.

[2] См.: Intellectual News. 1997. № 2. P.55-59; *Репина Л. П.* Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. Вип. 4. С.450; *Ващенко В.* Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Там же. С.482.

и другими), не достаточно ли этого? Имеется ли необходимость истории чего-то еще, специального, называемого "философией", сверх дисциплины под этим названием?»[1].

> ***Ремарка-вопрос:*** Можно ли в этой сентенции увидеть мысль автора о том, что традиционную историографию философии должна заменить интеллектуальная история?..

В современной российской литературе статус *историографии истории философии* - вспомогательная историко-философская дисциплина. В предмет этой дисциплины входят вопросы о смене парадигм историко-философского исследования, о специфике концепций историков философии, о методологии и технике, теоретико-философских основах их воззрений, а также анализ используемых ими источников и приемов критики. Историография истории философии изучает истоки и процесс развития самого историко-философского знания, историю историко-философской науки (историю философии)[2].

Историографию русской философии определяют как научную дисциплину, истоки которой во второй четверти XIX в., а также как историографическую рефлексию русской философии. Значимость этой области историко-философского знания – в «необходимости сохранения традиций историографических исследований по истории русской философии, а также в создании нового знания в этой научной дисциплине, поскольку оно влияет на формирование механизмов культурной самоидентификации в процессе социализации»[3].

Предпринимаются попытки дифференциации понятий:

1. Согласно Е. И. Фокину[4], *история философии*:

- объективный/реальный процесс исторического движения философской мысли – предмет познания истории философии как историографии;
- историография философии – описание и объяснение реального историко-философского процесса, эмпирическая, по преимуществу, наука о законах-тенденциях становления, функционирования и развития индивидуальных философий, философских школ, течений, направлений;
- философская теория – философия истории философии – самосознание философией себя и своей истории.

Философия истории философии (ФИФ): цель исследования – поиск принципов и законов историко-философского процесса. ФИФ – не просто

---

[1] См.: *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.178-200.

[2] См.: *Звиревич В. Т.* Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина: лекция // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 166-175.

[3] См. подробнее: *Черноскутова Л. Б.* Основные идеи и направления современной историографии русской философии: Автореф. дис…канд. философ. наук. СПб., 2010. С.3-4, 14.

[4] См.: *Фокин Е. И.* Введение в философию и ее историю: Учебное пособие. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2003. 288 с. URL: https://studfiles.net/preview/2956450/

историография и установление эмпирических закономерностей историко-философского процесса и его социальной детерминации, это поиск и формирование единой системы принципов и законов исторического развития философии, создание учения об объективной логике историко-философского познания и о тенденциях собственно философского познания; это – учение о формах и методах историко-философского познания об универсальной методологии – единой системе методологических принципов и законов; это – единая концептуальная система метафилософских знаний о диалектическом единстве, целостности и теоретической определенности философии и ее истории. Принцип историзма фактически используется даже теми, кто открыто выступает против его методологической значимости: философия истории философии явно или неявно участвуют в историографическом процессе, т.к. «чистой» (философско-теоретически неосмысленной) историографии не существует. Любые историографические философские исследования (эпохальные, национальные, проблемные, личностные, методологические и др.) опираются на концептуальные предпосылки той или иной философии истории философии, поэтому последняя предстает как сущностная составляющая (т. е. метафилософия) единой теории историографии философии. Современные концепции историографии философии являются результатом длительного исторического развития многообразия самой философии и концептуальных осмыслений ее истории.

2. *Историю философии* (как науку) определяют как *концептуализированную рефлексию* о двух других разновидностях истории философии: о «первой» и «второй» историях философии, т. е. об историко-философском процессе и историографии. В первом случае – рефлексия об историко-философском процессе – это учение о его закономерностях; во втором – *рефлексия об историографии* – это учение о целях, формах и методах историко-философского исследования. Именно в таком виде структура истории философии как науки представляется в завершенной и систематизированной версии ее интерпретации[1].

3. С. И. Бажов[2] рассматривает *историю философии* как философскую дисциплину, которой соответствуют все конституитивные принципы научного дисциплинарного знания: предметность, проблемность, обоснованность, непротиворечивость, верифицируемость и опровержимость, интерсубъективная проверяемость, системность и др., в которой выделяются два уровня: 1) частно-дисциплинарный научно-философский – комплекс философских наук и 2) общефилософский – построение философско-мировоззренческих систем (систематик) для которого дисциплины первого уровня служат материалом. Структура историко-философского исследования должна включать в сбалансированном виде две стороны / этапа изысканий – эмпирическую и аналитическую реконструкции. В первой преобладают эмпирические методы историче-

[1] См.: URL: https://studopedia.org/14-12745.html

[2] См.: *Бажов С. И.* Проблемы методологии историко-философского исследования // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 10. URL: http://human.snauka.ru/2012/10/1648

ских и архивных разысканий, источниковедческого анализа, биографических исследований и т. д., при этом структура эмпирической фазы историко-философского исследования включает две составляющие – собственно источниковедческие разыскания и обзорное изложение основных учений мыслителя. Во второй – целостная схема аналитической реконструкции историко-философского феномена соответствует понятию полного аналитического описания историко-философского феномена. На обоих этапах исследования – эмпирическом и аналитическом – «учитывается» исследовательская историко-философская литература по предмету и рассматриваются все дискуссионные вопросы реконструкции и интерпретации творческого наследия того или иного философа. *Историографическую часть* [курсив мой. – Т. П.] историко-философской работы можно не «дробить по фазам полного цикла» историко-философского исследования, но выделить в особый подраздел работы наряду с источниковедческим, биографическим, библиографическим и др. подразделами.

4. В. А. Куренной определяет *историографию философии* как философскую литературу, а *историю философии* как «неотъемлемую часть философии и философствования в нашем современном понимании», одним из «главных прибежищ философии как специализированной научной дисциплины, как полноценную историческую науку, изучение в рамках котором должно идти в соответствии с вопросником: «каково реальное состояние философского знания в обществе, кем и под влиянием каких факторов производятся и усваиваются доминирующие философские концепты, как и по каким каналам они распространяются в обществе». *Историческая история философии* [sic! – Т. П.] должна учитывать всю социальную и культурную комплексность изучаемого предмета, используя инструменты, которые предлагают политические науки, разнообразные социологические и экономические теории, теория медиа, дискурсивный анализ, история идей и понятий: при такой постановке вопроса история философии действует как «нормальная» эмпирическая историческая наука. Вместе с тем самоизоляция истории философии от методов, которые используются в настоящее время историческими и общественными науками, «замыкание ее в стерилизованном мире идей» [возможно, «намек» на «интеллектуальную историю», предложенную Р. Рорти. – Т. П.], свидетельствует о принижении интеллектуальных возможностей самой философии, об отказе ей в «способности последовательно эмпирическим, рациональным и интеллектуально-увлекательным образом работать со своим прошлым»[1].

В работах украинских философов понятия: *историография философии* используется авторами как историко-философская литература по конкретной проблеме (анализ историко-философских работ)[2], *философская историогра-*

[1] См.: *Куренной В.* Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. 2004. № 3-4 (43). https://www.ruthenia.ru/logos/number/43/01.pdf

[2] См.: *Менжулін В. І.* Історіографія філософії в контексті філософії досвіду // Наукові записки НаУКМА. Філософія та релігієзнавство. 2013. Т. 141. С.32-38.

фия как рефлексия об истории мысли[1], как историографическая рефлексия – «философия в третьей степени» (по аналогии: «история в третьей степени»).

К. В. Райхерт, одесский философ, употребляет понятия:

- «история философии» как философской дисциплины, нацеленной на анализ процесса историко-философских знаний,
- «историология философии», задача которой – выяснение того, как были получены основания истории философии как дисциплины, анализ периодизационных схем истории философии и др.,
- «философская историография», «историография античной философии» как преимущественно – философская литература и ее анализ.

Ремарка-info. С 1979 по 2004 год Институтом истории философии и Цетром изучения средневековой философии Университета Падуи под руководством Джованни Сантинелло был реализован проект «История общей истории философии»: под таким названием было выпущено пять томов в семи книгах; с 1993 г. осуществляется английский перевод этого проекта под общим названием «Модели истории философии»[2].

Таким образом, в интерпретации К. В. Райхерта *историология философии* по сути – третий уровень философских размышлений, или второй уровень рефлексии (если сопоставлять с историко-научным знанием). В европейской практике понятие *история общей истории философии* также сопоставимо с *историей историографии* у историков, в проблемное поле которой входит анализ *моделей истории истории*, так же, как и в *историю общей истории философии* входит анализ *моделей истории философии*.

История философии для авторов одного из наиболее солидных трудов по истории философии в Украине выступает «матрицей мудрости или метафилософией («после», «за пределами»)[3]. Идея, согласно которой «Філософія – це історія філософії», принадлежащая патриарху современной украинской философии В. И. Шинкаруку[4], получила наибольшее число приверженцев в философском поле в Украине: история философии воспринимается как «форма существова-

---

[1] См.: *Юлина Н. С.* Ричард Рорти: разговор «через эпохи», «в эпохе» и историография философии // История философии. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 1997. С. 138.

[2] См.: *Райхерт К. В.* Анти-апологетизм и начало современной историографии философии // Актуальні проблеми духовності: зб. наук. праць / Ред.: Я. В. Шрамко. Вип. 14. Кривий Ріг. 2013. С.4; *Он же.* [Рец.] Андрэ Лакс: «Доксократики» как термин историографии античной философии // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2013. С.374-384. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/andre-laks-dosokratiki-kak-termin-istoriografii-antichnoy-filosofii

[3] См. подробнее: Генезис і шляхи розвитку російської та української філософської думки: монография / Аляев Г. Е., Возняк В. С., Громов М. Н. и др. Под общ. ред. Г. Е. Аляева, Н. А. Куценко, Т. Д. Суходуб. Полтава: ООО «АСМИ», 2013. 562 с

[4] См. о нем: *Йолон П. Ф.* Шинкарук Володимир Іларіонович // Енциклопедія історії України: у 10 т. Київ: Наукова думка, 2013. Т. 10 : Т -Я. С. 638.

ния, способ бытия философского знания»[1]. В. И. Шинкарук, в сущности, «открыл» своей позицией «историографический этап» в украинской философии.

> ***Ремарка-info.*** Известный французский историк П. Нора[2], с именем которого связаны новые направления в исторической науке – история интеллектуалов, история памяти и т.п., стал и автором тезиса: «…вся история целиком вступает в свой историографический возраст…».

Среди категорий, которые используют философы в Украине и России, – *историографический процесс*, *историографические исследования, историографическая рефлексия* и т. п., однако без должной экспликации. Одновременно понятия философии «во второй» и «в третьей степени» часто употребляются недифференцированно – как синонимы и имеют одновременно разные наименования.

Наряду с этими разработками подчеркивается, что «…неудовлетворительное состояние в области историографии у философов заметно, если сравнивать историографическую работу историков философии с историографической работой историков, у которых данная дисциплина уже давно конституировалась <…> должного внимания историография истории философии у нас пока не получила»[3].

К историографии литературоведения. В литературоведческих работах *история литературы* определяется как филологическая наука, входящая в состав литературоведения и изучающая историю всемирной литературы, отдельных национальных литератур, это – наиболее динамично развивающаяся часть литературоведения. К началу XXI в. *история литературы* обладает основными признаками науки: определен предмет изучения – мировой литературный процесс; сформировались научные методы исследования (сравнительно-исторический, типологический, системно-структурный, мифологический, психоаналитический, историко-функциональный, историко-теоретический, тезаурусный и др.); выработаны ключевые категории анализа литературного процесса[4]. *Историография литературоведения / литературоведческая историография* – это история литературоведения и его основных разделов, т.е. история теории литературы, история истории литературы, история литературной критики, наука о путях развития литературы и литературоведения; это – не история лите-

---

[1] Історія філософії. Словник / За заг. ред. В. І. Ярошовця. Київ: Знання України, 2006. С.20. Причем, термин *историография* в этом издании отсутствует.

[2] *Нора Пьер.* Проблематика мест памяти // Франция-память: сб. / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С.22.

[3] См.: *Звиревич В. Т.* Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина: лекция // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 174-175.

[4] См.: *Луков Вл. А.* История литературы // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, 2009. № 4. С.243-245. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2009/4/Lukov_VlA/39_2009_4.pdf

ратуры, не история литературного творчества, но история исследовательской мысли, посвященной литературе; в поле зрения историографа литературы – труды ученых / литературоведов. По сложившейся традиции статус *историографии литературоведения* – вспомогательная дисциплина наряду с библиографией и текстологией.

В контексте проблемы представляют большой интерес рассуждения Д. С. Лихачева[1]. Для него литературоведение – комплекс различных дисциплин, специальных и общих, «целый куст» различных наук, сочетание «жестких» и «нежестких» дисциплин, объединяемых единым материалом, единым объектом изучения – литературой. Поскольку в целом к литературе возможны различные подходы: биографический, историко-текстуальный, источниковедческий, библиографический, археографический, историографический и многие иные, постольку «жесткие» литературоведческие дисциплины – специальные – требуют от специалиста большой подготовки. Литературная наука, занимающаяся осмыслением литературных произведений, творчества, целых эпох в истории литературы, как бы окружена своеобразной жесткой скорлупой – зоной точности. Эта «зона точности» оформляет и удерживает центральную, менее точную, сферу общих суждений. Все специальные литературоведческие дисциплины связаны между собой, и эта связь усиливает точность выводов каждой из них: например, текстология – изучение истории текста произведения - связана с изучением биографических данных, с палеографией, с историей эстетических представлений, с изучением исторических фактов и т.д., поэтому текстология не может обойтись без языковедения, без истории, без искусствоведения, без языкознания и др. Степень точности в литературоведческих дисциплинах возрастает по мере отдаления их от центральных тем, оценок и осмысления, по мере углубления в историю, или этнографию, или текстологию и т. д. Именно эти специальные дисциплины служат соединению литературоведения с другими науками и восстанавливают первоначальную цельность филологического изучения – то, от чего литературоведение отделилось после эпохи Ренессанса (филология), оно возвращается через специальные дисциплины. Изучая и применяя специальные дисциплины в своей работе, литературовед с гордостью может сказать: «я филолог».

Несмотря на достаточно длительную традицию разработки историографии литературоведения, в современной литературе в большинстве работ под историографией литературоведения понимают не столько науку о развитии литературоведческого процесса, сколько историю изучения литературы – «историю вопроса»[2]. Одновременно, как и философы, литературоведы отмечают,

---

[1] См.: *Лихачев Д. С.* Еше раз о точности литературоведения (заметки и соображения) // Русская литература. 1981. №1. С.84-88. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/LIKHACHEV.HTM

[2] См.: *Николаев А. И.* Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС, 2011 и др.

что *историография литературоведения* пока недостаточно разработана, хотя в любой диссертации есть обязательный раздел, посвященный анализу критической литературы по теме[1].

Ремарка 1. Историографические курсы – философские и литературоведческие – заняли прочное место в системы университетского образования в XIX - начале XX вв. Например, в Новороссийском (Одесском) и Харьковском университетах чтение лекций по историографии русской/всемирной литературы, историографии философских идей и течений и т.п. стало нормой и подчас опережало появление историографических курсов именно исторического профиля. Развитие историко-научного знания как области естественных наук, так и в первую очередь области гуманитаристики во многом способствовало становлению *истории истории* и первым шагам в осмыслении этого процесса [2].

Ремарка 2: Из истории. А. Г. Брикнер, профессор Новороссийского цниверситета, рассуждая о состоянии историко-научной ветви исторического знания, пришел к выводу о том, что к середине X1X в. «история многих других наук гораздо более разработана, чем история исторической науки», ибо историки еще не пришли к осознанию важности знания истории собственной науки как условия ее дальнейшего развития. История отдельных наук, по мнению А. Г. Брикнера, представляет собой различные области собственно истории, предмет которой имеет широчайшее пространство. История наук, в которую должна входить и история исторической науки, «составляет важную часть истории умственного развития…историю идей в вековом развитии человечества вообще…» [3].

Ремарка 3. Фернан Бродель определил изменения в рамках гражданской истории, которые назвал революционными: «Эта революция в исторической науке» вызвана «вторжением в открытое пространство истории многочисленных наук о человеке»: географии, политической экономии, демографии, политологии, социологии и исследований культуры – «все они бросают на историю свой отблеск, все задают прошлому новые во-

---

[1] *Луков Вл. А.* История литературы // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, 2009. № 4. С.245. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2009/4/Lukov_VlA/39_2009_4.pdf

[2] См.: *Кісельова Ю. А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. С.38-55; Одеський національний університет імені І. І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І. М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса: ОНУ, 2015. С. 107-162 и др.

[3] *Брикнер А. Г.* О главных задачах исторической науки: Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Новороссийского университета ординарным профессором всеобщей истории А. Брикнером 30-го августа 1868 года // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.15.

просы»[1]. Революция, вызванная вторжением в сферу гражданской истории других научных дисциплин, способствовала резкому расширению проблематики, а методологической основой происходящей революции был «взрыв исторического самосознания», «вспышка критической рефлексии по поводу целей и методов исторического следования»[2]. Эта «критическая рефлексия» получила одну из своих («внешних») форм в виде историографических составляющих всех наук[3].

* * *

Л. П. Репина на примере в основном западной историографии справедливо пришла к выводу о том, что в отношении *истории исторической науки / истории истории* вопрос об изучении ее *дисциплинарной истории* вообще не ставится, поскольку историография этой древнейшей области знания никогда не ограничивалась «дисциплинарными» рамками, захватывая обширные территории «интеллектуального ландшафта» разных эпох[4]. Однако целесообразно обратить внимание на разные дисциплинарные традиции евроатлантического и восточноевропейского (по крайней мере) научных ареалов.

Ремарка-цитата: «Понятие "источниковедение" и "историография" как ключевые слова в контексте языка интернациональной науки создают значительные трудности. В рамках различных концепций истории и теории науки они предполагают неоднозначный смысл, не имеют адекватного перевода. Немецкое *Quellenkunde*, как известно, не совпадает с русским пониманием этой дисциплины. Весьма различные значения имеет и термин "историография". Естественно, что объем понятий меняется в динамике развития знания и в культурных контекстах. Гораздо важнее поэтому не столько отслеживать функционирование тех или иных понятий, сколько пытаться понять, какую реальность в состоянии исторической науки отражает способ его употребления» [5].

---

[1] *Бродель Ф.* Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1 / Пер. С. Н. Зенкина, В. А. Мильчиной. URL: http://yakov.works/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

[2] *Кузнецова Н. И.* Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 103.

[3] См., например: *Постников А. В.* К историографии истории географии (материалы к учебному пособию) // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 2; *Лебедев Д. В.* Очерки по ботанической историографии (XIX — начало XX в.): [арх. 15 марта 2016] / Отв. ред. М. Э. Кирпичников. Л.: Наука, 1986. 165 с. и др.

[4] См.: *Репина Л. П.* Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск. 15. М., 2005. С.5-14; История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. С.273.

[5] *Медушевская О. М.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Источниковедение: теория, история, метод /под общ. ред. А. Н. Медушевского. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С.73-74.

Комментарии. 1. Лапидарно-выборочный обзор историко-научной литературы в области науковедения, философии и литературоведения показывает, что, несмотря на значительную длительность в развитии историко-научных составляющих этих областей знания, на сегодняшний день нет четкости: 1) ни в определении наименований; 2) ни в понимания диапазона предметных полей; 3) ни в структурировании рефлексивного поля и соотношении рефлексивных ветвей[1].

2. Статус собственно историографического проблемного поля (как историко-научного уровня, так и истории историко-научных знаний) определяется по-разному. Вместе с тем во всех рассмотренных областях гуманитаристики, во-первых, процесс историзации / историографизации идет достаточно интенсивно, во-вторых, все специалисты (в области истории науки, философии и литературоведения) не только признают приоритет историков в разработке рефлексивного пространства своей науки, в частности его конституирования / дисциплинарного определения, но и во многом заимствуют разработки историографов – специалистов по *истории истории* и *истории историографии.*

3. Собственно *историографическое пространство* можно рассмотреть вариативно:

(1) по аналогии с *биографизмом*, т. е. выделить в общем историографическом поле два уровня: *первый* (низший) сопоставим с историко-научной составляющей каждой конкретной дисциплины со своим таксономическим эквивалентом (от проблемного поля / направления до дисциплины – вспомогательной / специальной / самостоятельной науки) с соответствующим самоназванием; *второй* (верхний уровень) – *историографический подход* как фокусная ориентация, *историзация / историографизация* конкретной научной / историко-научной области, пронизывающая дисциплинарные поля наук, изменяющая свои эпистемологические контуры в зависимости от инновационных «поворотов» в науке в целом, от конкретной модели историографического анализа, пространственно-временной и социокультурной специфики своего проявления, ситуационных запросов, багажа традиций и конкретно-дисциплинарных особенностей рефлексивного уровня;

(2) как аналог собственно *рефлексивного пространства*, в котором все ветви, формы, типы рефлексивного знания переплетены (взаимосвязаны и взаимообусловлены) на когнитивном уровне и одновременно имеют собственное институциональное «выражение», демаркационно оформленное и ментально разъединенное.

VI. ***Об историографическом процессе.***

---

[1] См. подробнее: *Попова Т. Н.* Образ *истории истории* в современном историографическом пространстве // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник научных работ в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А. А. Пригарин. Одесса: Ирбис, 2017. С.375-402.

Историографический процесс как онтологически-реальное явление – объект познания дисциплины историографии – включает в себя все многообразие сюжетов, сторон, аспектов, феноменов и т. п., связанных с существованием и «движением» (отнюдь не в одновекторном варианте) *исторического познания/знания/науки/дисциплины*.

> ***Ремарка-тезис.*** Перманентные попытки достичь прошлого «*как такового*»[1] детерминируют конструирование модели историографического процесса, нацеленной на максимальный охват различных процессов и явлений, что не исключает, но предполагает наличие разнообразных модельных модификаций.

Варианты **ИП** зависят от «содержательного наполнения» этого понятия.

1. ***Историографический процесс как История исторического познания*** включает:

- историю исторических знаний
- историю историков – субъектов познавательного процесса
- историю познавательной деятельности историков
- историю центров познавательной деятельности
- историю коммуникаций субъектов познавательного процесса
- историю исторического сознания
- историю исторической памяти
- историю историописания
- историю культуры познания прошлого
- историю историзации культуры
- историю исторической рефлексии
- т. п.

Это – самое логически широкое понятие ИП, «движение» которого осуществляется на всех *уровнях познания истории*:

- профессиональном
- непрофессиональном (аматорском)
- фольк-истории
- художественно-изобразительном
- художественно-литературном
- публицистическом
- политико-идеологическом
- СМИ-формате
- Интернет-формате
- т. п.

---

[1] См.: *Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007. С.5

2. ***Историографический процесс как История исторической науки*** включает:

> ***Ремарка-штрих.*** Блоку и Февру виделась история, которая не числилась бы по разряду «изящной словесности» (belles lettres), а могла бы по праву называться наукой (science). Продолжатель дела Февра и Блока – Фернан Бродель – повторил по существу ту же мысль: «Я настаиваю: могут быть различные истории, но лишь одна-единственная – научная история»[1].

- историю исторических научных знаний (становление и развитие самостоятельной когнитивной системы с присущим ей теоретико-методологическим, научно-методическим и историографически - источниковедческим арсеналом)
- историю ученых в личностном и коллективном измерениях: историю профессиональных историков и историю научного сообщества историков
- историю научных исторических учреждений
- историю исторического образования (в первую очередь – высшего)
- историю научных коммуникаций в профессиональном сообществе
- историю профессионального быта
- историю системы научно-познавательной деятельности в области изучения прошлого
- институциональную историю:
  а/ историю когнитивной институционализации
  б/ историю социальной институционализации
- историю «переднего края» исторической науки
- дисциплинарную историю – историю дисциплины истории
- историю рефлексивных дисциплин истории
- историю взаимосвязей и взаимоотношений исторической науки и политико-социо-культурных и научных структур
- т. п.

Это – второе логически емкое понятие ИП, «движение» которого осуществляется на *профессиональном уровне познания истории* и входит в *ИП – историю исторического познания*. При этом важным аспектом является проблема коммуникации между профессиональным уровнем и остальными уровнями познавательной деятельности.

3. ***Историографический процесс как история дисциплины истории – дисциплинарная история,*** включает:

- историю дисциплинарного научного сообщества

[1] *Гуревич А. Я.* Марк Блок и «Апология истории» // Блок Марк. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. Е. М. Лысенко. Примечания и статья А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. С.200.

- историю формирования дисциплинарного блока исторического знания (знаниевый «генофонд» дисциплины)
- историю дисциплинарной идентификации представителей научного сообщества
- историю дисциплинарных учреждений
- историю (формирования, эволюции, утверждения и трансформации) дисциплинарных нормативов (на когнитивном, профессионально-этическом и социокультурном уровнях)
- историю дисциплинарного быта
- историю дисциплинарной ментальности
- историю организации дисциплинарных исследований
- историю «учебного лика» дисциплины
- историю модификаций дисциплинарной стадии историографии
- т. п.

Это – третье логически емкое понятие ИП, «движение» которого осуществляется на *профессиональном уровне познания истории* и входит в *ИП – историю исторической науки* и, соответственно, в *ИП – историю исторического познания.*

4. ***Историографический процесс как социокогнитивная система*** включает:

- когнитивную систему
- инфраструктуру
- социокультурную систему

Комментарии. Эта модель **ИП,** соответствующая модели научной дисциплины, была представлена автором в предыдущих публикациях[1].

[1] См.: первый вариант модели историографического процесса: *Попова Т. Н.* Развитие исторической науки как историографический процесс // Советская историческая наука и новое политическое мышление. Одесса: ОГУ, 1991. С. 48-52; *Она же.* О понятии «историографический процесс» // Історія і теорія історичної науки та освіти: Харківський історіографічний збірник. Випуск 1. Харків: Авеста, 1995. С. 47-59; *Она же.* Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. Выпуск 1. Историография и специальные исторические дисциплины. Одесса: ОГУ, 1995. С.3-45; *Она же.* Об институционализации историографии // Історична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 15-17 листопада 1995р.). Харків: Авеста, 1995. С.77-82; *Она же.* Об институционализации историографии // Проблеми історії та методології історичної науки: Харківський історіографічний збірник. Випуск 3. (Матеріали наукового семінару «Категоріальний апарат і методи сучасної історичної науки»: Ш Астаховські читання, Харків, 29-30 травня 1997 р.). Харків: Авеста, 1998. С. 5-14; *Она же.* Об институционализации историографии // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Число 3. Пам'яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Анатолія Васильовича Санцевича. Київ: Ін-т Історії України НАН України, 1999. С.54-68; *Она же.* Историографический процесс: к экспликации понятия // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики: Збірка наукових праць та спогадів пам'яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Володимира Олександровича Замлинського. Число 6 (7). У двох част. / Відп. ред. М. Ф. Дмитрієнко. Київ: НАН України. Інститут історії України,

5. По аналогии с **ИП** можно сконструировать ***Историко-историографический процесс как историю дисциплины историографии***.

Ремарка-info. Первые историко-историографические изыскания (после исследований В. И. Шевцова, фундаментальных работ Р. А. Киреевой и И. И. Колесник) были предприняты Т. Н. Поповой на материалах Новороссийского (Одесского) университета. Дисциплинарная модель историографии и модель историографического процесса, предложенные Т. Н. Поповой, были творчески применены Ю. А. Киселевой, которая использовала категорию *историографическая ситуация* для анализа определенных стадий в развитии *историко-историографического процесса* (включающего системные комплексы – когнитивный, инфраструктурный и социокультурный) на материалах Харьковского университета[1].

Ремарка-тезис. «Движение» **ИП** происходит в результате смены *историографических ситуаций.*

* * *

Ремарка-экскурс. Из истории понятий. Пожалуй, Л. Е. Кертман первым стал оперировать формулой ИП в качестве синонима «единого процесса развития исторической науки»[2], но для обоснования иных, с его точки зрения, методологически значимых понятий: «историографическая ситуация» и «частные (частичные) историографические процессы». В его схеме последние представляют собой «различные стороны» единого ИП и относятся к разряду «внутренних» процессов, изучение взаимодействия которых является задачей историографического исследования. *Частные историографические процессы* включают: накопление знаний о прошлом, расширение проблематики, рост источниковой базы, обогащение методики и техники исследования, развитие методологии, накопление, уточнение и пересмотр концепций; изменение в кадровом составе, научных учреждениях, принципах организации науки и т. д.

Помимо этих «внутренних» процессов на развитие исторической науки сказываются «внешние» обстоятельства – «внешние процессы» – та «среда, в которой развивается наука, условия ее существования»: социально-экономические и поли-

---

2001. Ч. 2. С. 323-343; *Она же.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С.69-95.

[1] См.: *Кісельова Ю. А.* Становлення та розвиток історіографії як навчальної та наукової дисципліни в Імператорському Харківському університеті: Дис. … канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2014; *Она же.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків: ХНУ імені В .Н. Каразіна, 2014. 252 с.

[2] См.: *Кертман Л. Е.* Историографическая ситуация // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1980. С.25-26; *Он же.* Понятие «Историографическая ситуация» и его методологическое значение // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения: Сборник статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. С. 106-108.

тические процессы, происходящие в данном обществе, определяемый ими «социальный заказ» исторической науке со стороны общества в целом (или класса), характер идеологической борьбы в данной стране и в глобальном масштабе; политика государства в области культуры, науки (исторической науки, в частности), состояние и интенсивность развития других наук, в особенности смежных, а также общей методологии научного познания; степень «престижности» исторической науки в данном обществе, в отдельных классах и социальных слоях.

Понятие *историографическая ситуация* Л. Е. Кертман использует для определения «первичной "единицы отсчета" движения исторической науки» и по аналогии с применяемым в науковедческих исследованиях понятием – «ситуация в науке»[1]. «Историографическая ситуация» – это «состояние историографической науки, сложившееся в результате синхронизации определенных стадий (или уровней) развития частных (относительно самостоятельных) историографических процессов, а также внешних процессов, влияющих на развитие исторической науки». Но поскольку каждый из частных историографических процессов развивается под влиянием множества «собственно научных» и «внешних» обстоятельств и обладает своими собственными закономерностями – познанными и непознанными (чем и обусловлена неравномерность развития различных сторон – т. е. частных историографических процессов единого ИП), постольку историографическая ситуация – это «не мгновенный срез». Ее тип определяется основным противоречием между уровнями развития частных историографических процессов. Типология историографических ситуаций – «путь к установлению закономерностей, свойственных различным типам». Дифференциация историографических ситуаций, согласно Л. Е. Кертману, должна учитывать ее уровни: о какой ситуации идет речь – глобальной, в одной стране, в рамках одного направления, школы, исследования проблемы и др.

* * *

Ремарка-resume. Категория *историографическая ситуация* (**ИС**) может быть определена как состояние исторической науки / познания / дисциплины, сложившееся в результате синхронизации определенной стадиальности развития компонентов *историографического процесса* (в соответствии с его конкретными моделями).

«Движение» **ИП** (в различных конфигурациях) происходит в результате «смены» **ИС**, при этом следует учитывать:

1) регионально-темпоральное измерение **ИС**;

2) культурно-интеллектуально-научное пространство **ИС**;

3) политико-идеологическое пространство **ИС;**

---

[1] См.: *Волобуев О. В.* К вопросу о понятии «историографическая ситуация» // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения: Сборник статей. Томск: Изд-во томского ун-та, 1987. С. 109-110.

4) «уровни» **ИС**:
- глобальный
- государственно-национальный
- национально-региональный
- общенаучный
- историко-научный
- в пространстве исторических наук
- в границах историографических классов
- проблемно-исследовательский и т.п.

5) тип **ИС –** в соответствии:
- с «уровнями» ИС
- соотношением (противоречиями) компонентов ИП
- спецификой «среза» ИП – конфигурациями ИС

Ремарка-постулат. Все линии во всех моделях должны рассматриваться «в общем контексте духовной культуры, социально-политических, организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи»[1].

VII. ***О перспективах изучения.***

Обращение к конкретной *истории историографии – истории истории исторической науки* должно опираться как на конвенционально признанную базовую теоретическую модель научной дисциплины, так и на анализ конкретной фактографии дисциплинарного процесса с учетом его «региональных ликов».

Лапидарно суммируя смысловые новации, высказанные в современной литературе как евроатлантического, так и восточноевропейского научных пространств, можно выделить общие – пересекающиеся – линии стратегических ориентиров *историографии*:

1) не порывая с традиционным предметным полем, историография все более превращается в теоретическую дисциплину, направленную на осмысление основных тенденций развития и трансформации исторических знаний, на конструирование объяснительных моделей интеллектуальных процессов в области изучения истории;

2) предметное пространство историографии будет постоянно стремиться к появлению новых проблемных полей по мере усложнения самого комплексного объекта своего изучения – исторической науки / исторической мысли / исторических знаний / историописания / исторической памяти / исторической культуры – всего комплекса интеллектуальной жизни, нацеленной на познание прошлого;

3) изучение историографии должно иметь контекстуальный характер, без

[1] См.: *Репина Л. П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С.5-22.

элиминации обширного спектра культурных, социально-политических, информационно-идеологических и прочих условий (контекстов) при анализе когнитивных процессов;

4) «репрезентирование прошлого» историописания все более устремляется в пространство культурно-интеллектуальной истории, «межкультурной истории исторической мысли», к анализу «кросскультурного обмена»;

5) историография должна быть нацелена на изучение взаимовлияний «западных» и «*не*западных» историографических миров как гетерогенных феноменов;

6) постоянное расширение собственного теоретико-методологического инструментария с включением достижений «общего рынка» наук - аксиома исследовательского арсенала историографии;

7) переход от традиционной методологии истории к «эпистемологии историков» как практике (дескриптивной эпистемологии), цель которой – в описании того, «как на самом деле функционирует наука», «как думают и работают историки»; как происходит «понимание историографического дискурса», как осуществляется «производство» исторического знания, каковы формы и способы «его бытования»;

8) «рефлексивный поворот», или «историографический поворот», обратил внимания на проблемы профессиональной идентичности историков, на диалог «когнитивных практик», на исследование взаимодействия между познанием, идеологиями, письмом и т. п. – на различные «дисгармоничные аспекты работы историка»; на переосмысление историографии и ее истории как способов самопознания историков / историографов;

9) образ истории исторической науки со всей «мемориальной слоистостью» объекта ее изучения все более воспринимается в качестве «символической формы», понимание которой предполагает включенность этого феномена рефлексивного знания в историю культуры;

10) базовая эпистемологическая платформа должна быть ориентирована на процедуры рационального исследования при всем осознании пределов исторического познания[1].

---

[1] См.: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон ⁺» РООИ «Реабилитация», 2012; *Карлос Антонио Агирре Рохас.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XX1 вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011; *Микешина Л. А.* «Философия Просвещения» Э. Кассирера в свете культурно-исторической эпистемологии // Вопросы философии. 2014. № 12; *Копосов Н. Е.* Философия от истории или Филология от социальной хабитуалогии? «Науки о человеке», типы «письма» историков, гуманитарная среда Санкт-Петербурга и представительство Западного академизма. URL: https://www.netslova.ru/ioffe/koposov.html; *Воробьева О. В.* От методологии истории – к эпистемологии историка // Преподаватель XXI век. Исторические науки. 2018. № 3; *Чеканцева З. А.* Мир историка и антропологизация историографии в XXI веке // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019 и др.

Комментарии-post

1. Восточноевропейская версия *историографии* – с ее давней традицией (с XIX в.), с конституированием в советскую эпоху, с бурным развитием в 1990-е и 2000-е годы – отвечает всем дисциплинарным параметрам (всех пяти моделей НД); *история истории* прошла все стадии: додисциплинарную (условно до середины XIX в.), период дисциплинаризации (сер. XIX в. – 60-80-е гг. XX в.), дисциплинарное бытие. Несмотря на определенные когерентные колебания (самоназвание, векторы предметного поля, «многоликость» дисциплинарного восприятия и т. п.) *историография / история истории* и в Украине, и в России[1] сохранила свой дисциплинарный статус, а ее дисциплинарная матрица обнаружила способность не просто к «восстановлению»[2], но к «историографическому ренессансу». Это факт подтверждается не только самоидентификацией историографов, но отражением дисциплинарного восприятия историографии в официальной плоскости (словарно-энциклопедической литературе, номенклатуре специальности по шкале министерств и аттестационных комиссий, многообразии дидактической литературы, специализированных изданий и разделов в солидных журналах и сборниках, перманентных конференциях и т. п. и т. п.) и в восприятии достаточно широкого круга «общественности» (см, например, сайты в Интернете и др.). Фактическое утверждение нового уровня рефлексии – собственно историографической рефлексии – *истории историографии* подкрепляется диссертационными исследованиями, многочисленными многоформатными изданиями, специальными курсами в университетах и проч. и выступает как важнейший критерий дисциплинарного конституирования *историографической науки*.

2. В многообразии самоназваний *истории истории* (реально существующих и предлагаемых), в попытке их систематизации для принятия конкретных консенсусных нормативов следует учитывать ряд позиций:

во-первых, не стоит забывать о собственных, длительных по временной протяженности, историографических традициях, в соответствие с которыми в системе отечественной и российской исторической науки уже давно сложилась самостоятельная специальная дисциплина (как социокогнитивная система), изучающая историю исторической науки, которая имеет собственную «территорию», включающую широкое проблемное поле, выражающее комплекс когнитивные и социокультурных аспектов бытия историко-научного

Этими линиями, конечно, не ограничивается весь спектр инновационных предложений.

[1] Вопрос о статусе дисциплины историографии в других регионах «постсоветского пространства» требует своего специального рассмотрения.

[2] *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX-XX1 вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 550.

знания; самостоятельный исследовательский инструментарий; достаточно автономную инфраструктуру и свое имя – *историография*;

во-вторых, в границах этой дисциплины, сложно структурированной, сформировалось отчетливо выраженное направление, представляющее собой форму рефлексии нового уровня («история в третьей степени») и получившее свое теоретико-концептуальное (монографическое) обоснование, в то время как в западной традиции самоосмысление и, соответственно, самоназвания исторического знания ограничиваются двумя уровнями – «историография» и «история историографии»[1];

в-третьих, следует помнить основные требования науки – простота и функциональность применяемых понятий. И, наконец, не стоит забывать о том, что процесс дисциплинарного оформления научных областей знания, его институционализация – естественно-исторический, в котором неповторимо-своеобразное переплетение разнообразных факторов рождает свой собственный лик науки вместе с его «именем». Время и активная роль субъектов науки (отдельного ученого и научного сообщества в целом) неизбежно приведут к созданию нового «образа» *истории истории* – с ее самоназваниями, структурными составляющими, научным полем, которую будущие историографы, возможно, по традиции назовут «новой историографической наукой».

3. История дисциплины историографии – это «непрекращающийся диалог», предлагающий «не одно единственное изложение», но многообразие подчас конфликтующих между собой «интерпретаций», которые «обогащают нашу картину прошлого, но тем не менее остаются объектом критической проверки на предмет соответствия таким принятым в научном сообществе стандартам, как опора на эмпирику и логическая связность»[2].

P. S. Проблемы дисциплинаризации историографии и истории ее дисциплинарной стадии в регионально-пространственном измерении настоятельно требуют предметных монографических изысканий.

[1] См.: Время мира. Альманах. Выпуск 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под редакцией Н. С. Розова. Новосибирск, 1998. С.326.

[2] *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон $^{+}$» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 38.

Бициллиеведение

…говорить о появлении дисциплинарной науки о П. М. Бицилли
пока рано, но она неуклонно движется к своему становлению
от углубленного текстуального знания до аналитического осмысления…
М. А. Васильева[1]

Размах бициллиеведческих изысканий в последние годы, значительная темпоральная длительность «приближения к Бицилли» позволяют констатировать факт институционализации *бициллиеведения*, которое предстает как относительно автономное, полидисциплинарное по структуре и многонациональное по составу репрезентантов научное пространство в области гуманитаристики.

Феномен *бициллиеведения* (как и любое научное образование) требует своего инструментария, в первую очередь – категориального аппарата.

О категориях

Выделение новой области гуманитаристики – *бициллиеведения* – характеризуется не только постоянно увеличивающейся фактуальной (эмпирической) базой, но и рефлексией относительно самого исследовательского процесса, категориальным синтезом, итогом которого является формирование понятий и категорий, требующих своей предварительной экспликации.

1. «Институционализация»: Традиционно под «*институционализацией науки*» понимали процесс формирования науки как социального института. Длительное существование двух классических типов анализа науки – когнитивного и социального в рамках их альтернативности – обусловило разделение предметных областей при изучении истории науки: как системы знания (стадиально более ранняя традиция) и как социального института. Это в свою очередь привело (в традициях западной науки) к формированию двух дисциплинарных полей: интеллектуальной истории науки и социальной истории науки. При этом институционализацию обычно связывали исключительно с социальными формами организации научного знания. С 1970-х гг. обозначился четкий переход от изучения отдельных параметров развития научного знания к анализу их совокупности. Основываясь на «параметрическом образе» науки и «социокогнитивном подходе» к ее исследованию, институциональный процесс следует рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях. *Когнитивная институционализация* проявляется в формирова-

[1] *Васильева М.* [Рец.:] Анненкова И. В. Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли / Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 148 с. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012 / [отв. ред. Н. Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 594.

нии когнитивных параметров нового научного направления (исследовательская проблематика, фактуальная база, теоретико-методологический аппарат, концептуально-парадигмальные основы и т. п.), отражая процесс установления взаимопонимания между учеными в отношении основных «сегментов» научного знания и способствуя тем самым их объединению на исследовательском уровне. *Социальная институционализация* (складывание научного сообщества, идентифицирующего себя с новой исследовательской областью; формирование системы специализированных учреждений, включая «дидактический компонент»; появление информационно-коммуникативных форм: специализированных изданий, тематических конференций и т. п., интернет-ресурса и проч.) показывает степень интегрированности «интеллектуального движения» в социальных структурах. Когнитивные и социальные аспекты институционализации взаимосвязаны, однако развитие конкретных социальных и когнитивных компонентов институционального процесса чаще всего неравномерно, что определяется не только спецификой имманентного развития нового исследовательского направления, но и зависит во многом от различных социокультурных факторов, механизмов интериоризации и проч. «Фактор институционализации» (понятие, введенное Ричардом Уитли, Манчестерский университет) означает степень когерентности – «сцепления» – когнитивных и социальных компонентов в процессе формирования нового научного направления [1].

2. «Бициллиеведение»: Масштаб публикаций трудов П. М. Бицилли и разнообразных печатных работ о его творческом пути позволяет говорить о том, что в рамках современного научного процесса интенсивно идет формирование новой области гуманитарного знания, институционализация нового научного поля, сложноструктурированным объектом которого выступает сам Петр Михайлович Бицилли, его личность, жизнь, судьба, творческое наследие – «он в мире» и «мир в нем».

По традиции подобные персонологические направления историко-биографического плана называют по имени «героя» – «грушевськознавство», «франкознавство», «костомаровознавство», «гоголезнавство» (в украинской историографии), «пушкиноведение», «макиавеллистика» и проч.[2].

Каждое новое научное поле формируется «по свои правилам», каждая

---

[1] См. подробнее: *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 135-191 («Экскурс: Об институционализации историографии»).

[2] См.: *Смолій В. А., Пінчук Ю. А., Ясь О. В.* Микола Костомаров. Віхи життя і творчості: Енциклопедичний довідник. Київ, Вища школа, 2005. С.9; *Дорошенко В.* Радянське франкознавство // Збірник «Української літературної газети». Мюнхен, 1957. С.29-47; *Колесник І.* Гоголь. Мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С.17-57; *Ковач В.* Силуэты в романтическом ореоле. Одесса: «Оптимум», 2000. С.226, 228; *Гребенник Г. П.* Проблема отношений политики и морали (Опыт конструирования макиавеллианско-кантианского метадискурса). Одесса: Астропринт, 2007. С.51 и др.

дисциплина имеет свой «персональный маршрут» дисциплинаризации, при этом ряд параметров повторяется. С введением понятий «бициллиевед» и «бициллиеведение» происходит нечто подобное тому, что в свое время происходило с понятиями «историограф» и «историография». Возникнув в XIV в. во Франции, этот термин получил распространение и трансформацию в европейских странах: от обозначения художника, рисующего миниатюры на исторические темы до официальных писателей «национальных историй» и, наконец, до широкого круга авторов разнообразных исторических сочинений; в итоге к XVIII в. эти процессы привели к возникновению и утверждению понятия «историография» как комплекса работ на историческую тематику, создания исторических сочинений («историописание»), а затем – аналога самой исторической науки.

Схему институционализации бициллиеведения по «именному» параметру можно условно представить по следующей схеме:

1. Поскольку возникновение новой «идеи» – новой проблематики исследований (изучение жизни и творчества П. М. Бицилли) – связано с ее «носителем» – субъектом-исследователем, научная деятельность которого имеет результатом появление «блока» публикаций по данной проблематике, постольку саморефлексия исследователей наследия П. М. Бицилли требует самоидентификации, выражающейся в первую очередь в «социализации» своего «особого» места в научном поле в форме «самоназвания», т. е. в появлении собственного «*имени*» – ***«бициллиевед».***

2. Расширение диапазона результатов исследовательской деятельности «бициллиеведов» рождает и новые «названия-имена» для самой научной продукции – ***«бициллиеведческие труды и публикации».***

3. Возникновение терминов «бициллиевед», «бициллиеведческие труды», «бициллиеведческие публикации» приводит к рождению понятий «бициллиеведение», «бициллиеведческий процесс», «институционализация бициллиеведения», когда речь идет уже не только об анализе бициллиеведческой литературы, но о формировании сложной социокогнитивной системы, представляющей собой относительно самостоятельное структурное подразделение гуманитарных исследований.

4. Качественно новый этап – осмысление всего процесса «изучения Бицилли» в регионально-хронологических и дисциплинарных координатах с учетом когнитивных и социальных параметров *нового научно-исследовательского явления* – детерминирует в свою очередь закрепление его самоназвания: ***«бициллиеведение»***[1].

---

[1] См.: *Попова Т. Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи». X международна научна конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії НАН України, 2008. Вип. 3. С.389-423 и др.

Ремарк-ainfo. Понятия *бицилиевед, бициллиеведческие труды, бициллиеведение* впервые вводит Михаил Абрамович Бирман, которого по праву можно назвать «патриархом бициллиеведения»[1].

Именно в «имени» сконцентрирована социальность нового когнитивного образования, и появление «самоназвания» – принципиальный показатель институционализации нового исследовательского направления.

3. «Бициллиеведческий процесс» – реальный процесс изучения исследовательского объекта – личности, жизни, творчества и научного наследия П. М. Бицилли. Это аналог категории «историографический процесс» (ИП), включающий когнитивную систему, инфраструктуру (как систему, обеспечивающую функционирование когнитивных параметров) и социокультурную систему (систему взаимоотношений научного направления /дисциплины с обществом – социокультурным полем). Бициллиеведческий процесс одновременно предстает составляющей единого историографического процесса (и его регионально-национальных ветвей). Истоки «бициллиеведческого процесса» – во втором десятилетии XX века, когда появились первые когнитивные сегменты нового знания, а его последующее развертывание сопровождалось институционализацией на когнитивном и социальном уровнях. На протяжении 1990-2000-х годов произошла качественная трансформация процесса: бициллиеведение «заявило» о себе как об относительно автономном, полидисциплинарном по структуре и многонациональном по составу репрезентантов научном направлении. Формирующееся научное сообщество бициллиеведов представлено специалистами в области самостоятельных разделов гуманитаристики из разных стран, которыми, по сути, уже создана в своих основных чертах когнитивная система бициллиеведения с отчетливым рефлексивным компонентом. Одновременно идет процесс складывания инфраструктуры нового направления в формах социальных аспектов институционализации: формируется круг ученых, идентифицирующих себя с бициллиеведческими исследованиями; расширяется система изданий – публикаций трудов П. М. Бицилли и о П. М. Бицилли; появляются компоненты информационно-коммуникативной системы – библиографии, бициллиеведческие сайты в Интернете, проводятся специализированные персонологические конференции, сюжеты о творчестве П. М. Бицилли вводяться в общие и специальные курсы в университетах в границах различных дисциплин – истории, философии, филологии и т. п. Процесс институционализации бициллиеведения (бициллиеведческий процесс) занимает значительный хронологический диапазон, в границах которого – на том

[1] См.: *Бирман М. А.* А. П. Мещерский (1915 – 1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70 - летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Издательство "Индрик", 1998. С. 800, 803; П. М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф. Б. Успенский; Отв. ред. М. А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.636.

или ином отрезке «освоения Бицилли» – на первый план выступают разные стороны когнитивных и социальных аспектов институционализации.

4. «Историографические ландшафты» бициллиеведения **–** относительно автономные национально-региональные составляющие единого бициллиеведческого процесса, которые одновременно входят в национальную историографию/научное поле соответствующих стран (государственных пространств). В узком смысле – это исследования специалистов-историков (историографов как историков исторической науки), в широком – блок литературы полидисциплинарной по структуре исследовательского диапазона.

5. «Параметрический образ бициллиеведения»: Бициллиеведческая литература, появившаяся за последнее тридцатилетие, – объемна, многосюжетна и многожанрова. Анализ бициллиеведческой историографии в качестве относительно компактного блока исследований позволяет (с известной долей условности) выделить:

1) *по географическому параметру* – принадлежности бициллиеведов к конкретным национальным историографиям – три ведущих структурных раздела («историографические ландшафты»): болгарское, российское и украинское бициллиеведение с различной степенью когерентности; представители иных историографических пространств (среди них – такие крупные фигуры, как Марк Раев /США/ и М. А. Бирман /Израиль/) в большей мере выступают в рамках «персональных маршрутов»;

2) *по хронологическому параметру*: работы, посвященные творчеству П. М. Бицилли и вышедшие при его жизни; с 1953 по конец 1980-х гг.; с рубежа 1980-1990-х и на протяжении 1990-х гг.; с рубежа 1990-2000-х гг. по наши дни;

3) *по дисциплинарному параметру*: археографическое (выявление и публикация работ ученого, эго-документов и т.п.); библиографическое (создание сводных библиографий); биографическое/биоисториографическое (реконструкция жизни и творчества П. М. Бицилли, анализ трудов и оценка его вклада в науку: историческую, филологическую и проч.); филологическое – литературоведческие и лингвистические исследования; культурологическое, социологическое, политологическое и проч.;

4) *по видам публикаций* (жанру), специфике информации о П. М. Бицилли: статьи (в том числе в словарно-энциклопедических изданиях), тезисы докладов и сообщений; заметки; комментарии к публикациям трудов П. М. Бицилли; комментарии к публикациям ego-источников; преамбулы и послесловия в изданиях работ Петра Михайловича; библиографии; дидактическая литература; газетные публикации; Интернет-сайты; очерки; диссертационные исследования, монографические издания и т.п.;

5) *по проблемно ориентированным направлениям*: в контексте изучения истории научной эмиграции; в контексте истории исторической науки и университетского исторического образования; в контексте дисциплинарной исто-

рии историографии; истории медиевистики, истории идей (интеллектуальной истории), истории евразийства, истории культуры и литературы и т.д.

6. Периодизация бициллиеведческого процесса обусловлена в первую очередь спецификой историографической ситуации в глобальном, регионально-национальном и темпоральном измерениях в контексте трансформации геополитического и социокультурного пространства, при этом фактор институционализации выступает как маркер взаимосвязи основных компонентов институционального процесса на всех его стадиях. Одной из «версий» данного процесса может быть представленная ниже схема:

1. *Первый период* - **1913-1953 гг**. – от выхода первых «откликов» на печатные труды П. М. Бицилли до года кончины ученого и публикации единственного «Некролога» («Исторически преглед», 1953). Это – время рецензий (преимущественно) на работы ученого (одесского периода и годов эмиграции), кратких информационных сведений биографического и библиографического характера в научной повременной и периодической печати (Болгарии, «Запада» и СССР), в изданиях Софийского университета и проч.

2. *Второй период* – **1953 г. – конец 1980-х гг.:** в рамках этого периода, стадиально неоднородного, обращение к личности и творчеству П. М. Бицилли было фрагментарным и характеризовалось значительным изоляционизмом не только в координатах «восток-запад» (символически), но и в границах болгарской и советской науки. Несмотря на это, можно наблюдать постепенное (по десятилетиям) нарастание интереса к П. М. Бицилли и его творчеству.

3. *Третий период* – **конец 1980-х - 1990-е гг.** В этот период под воздействием геополитических трансформаций, повлиявших на историографическую ситуацию, ученые стран Восточной Европы, а также представители научных кругов «диаспорных пространств» резко изменили фокус своего исследовательского интереса: фигура П. М. Бицилли оказалась в эпицентре различных историографических мотиваций. Кризис идентичности и поиски социокультурной, политико-идеологической и историографической самоидентификации во многом детерминировали «Ренессанс» бициллиеведческой тематики в болгарском, российском и украинском научном поле. 1990-е годы не только сформировали главный объект анализа (появился массив разнообразных переизданий трудов П. М. Бицилли, были активно включены в исследовательскую работу сохранившиеся в библиотечных фондах разных стран оригинальные издания), но и определили основные направления бициллиеведческих исследований; с этого времени можно говорить о начале саморефлексии среди бициллиеведов, о первых подходах к анализу бициллиеведческой историографии; значительно расширилась география исследователей творчества П. М. Бицилли: Болгария, Европа, Израиль, Россия, США, Украина.

4. *Четвертый период:* **2000-е годы.** Новое тысячелетие в развитии бициллиеведения было ознаменовано новыми качественными чертами: выходом обобщающих трудов, посвящанных биографии и творчеству П. М. Бицилли, фундаментальных библиографий; расширением диапазона диссертационных исследований и различных публикаций – проблемно-тематических, археографического и источниковедческого характера; включением трудов П. М. Бицилли в дидактический процесс; организацией персонологических конференций, установлением личных контактов между ведущими бициллиеведами и т. п.[1]

Ко концу второго десятилетия нового тысячелетия можно, пожалуй, говорить о переходе к новому – *пятому периоду* в институционализации бициллиеведения: интенсификация и экстенсификация бициллиеведческих изысканий выразилась в издании научной продукции достаточно высокого (по сравнению с предшествующими годами) качества, значительной «массовости» и привлекательности для широкого круга читателей; в создании коммуникативной сети не только на уровне личных контактов, но и в плоскости «взаимоузнаваемости» бициллиеведов; в появлении первого сводного монографического исследования о «герое» (М. А. Бирман); в организации персонологических конференций в трех основных «бициллиеведческих ландшафтах» – Украине, Болгарии, России и проч.

7. «Социализация» творчества П. М. Бицилли включает две взаимосвязанные стороны. Первая – это процесс преобразования его идей и концептуальных построений в достояние интеллектуального сообщества в разнообразных формах: публикации его работ, восприятии его мыслей на уровне общения – эпистолярного, непосредственно личностных контактов, публичных выступлений, дидактической деятельности и проч. Вторая сторона – это процесс создания эмпирической базы бициллиеведческих исследований и формирования историографии бициллиеведения: постепенного складывания блока многопрофильной и полижанровой литературы о жизни и наследии Петра Михайловича.

Социализация творчества органично связана с ***рецепцией творчества***: проблема освоения наследия П. М. Бицилли в конкретных интеллектуальных ландшафтах (болгарском, российском, украинском, европейском и проч.) ориентирует на выявление специфики «приближения к Бицилли» как отдельных исследователей, так и конкретных сообществ (дисциплинарных, национальных и др.), на создание компаративистских схем и определение конфигурации всех составляющих единого бициллиеведческого процесса.

---

[1] См. подробно: *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 277-327. [Раздел «Приближение к Бицилли. Часть первая. Бициллиеведение: историографический контур»].

Ремарка. Изучение персональной истории П. М. Бицилли с позиций теории «социальных сетей» (Р. Коллинз)[1] – это выявление и анализ форм связей ученого на уровне научно-корпоративных объединений (университетских кафедр, научных учреждений, научных обществ и т.п.), в границах которых происходило складывание определенных сетей взаимодействия П. М. Бицилли и конкретных ученых, на уровне информационно-коммуникативных структур (редакций газет и журналов и др.), а также неформальных отношений (дружеских, семейных, личностных контактов); «вертикальных» (на уровне поколений) и «горизонтальных» (на уровне современников); в различные периоды его жизни (одесский, югославский /сербский, македонский/ и болгарский), что поможет сконструировать, исходя из фрагментарных биографических данных, разбросанных в необъятной еще *эмпирии бициллиеведения*, сетевую схему, которая в свою очередь даст картину многомерного процесса общения П. М. Бицилли с представителями микро- и макро- его окружения с целью осмысления процессов трансформации «прежнего культурного капитала» в новую культуру. В целом, место интеллектуала определяется его «сетевой позицией» в интеллектуальном сообществе, интенсивностью его интеллектуальных связей и контактов[2]. На первый план в этом случае выходит проблема взаимопроникновения и взаимопересечения разнообразных интеллектуальных влияний с учетом перманентной реорганизации сетевой структуры коммуникаций.

Новое направление исследования интеллектуальной биографии историков, в частности, в Украине эпохи модерна значительно расширяет методологический потенциал биоисториографических исследований, ориентирует на выработку конкретных методик историографического анализа структуры ком-

---

[1] Общий абрис историографии бициллиеведения (см. об этом выше) был предложен с акцентом на сетевую модель контактов П. М. Бицилли, способствующих «социализации» его творчества, а также пунктирную траекторию взаимосвязей на уровне исследователей его творчества.

[2] Впервые вопрос о возможности изучения интеллектуальной биографии П. М. Бицилли с позиций «сетевого анализа» поставила И. И. Колесник (Киев). По ее мнению, «сетевые технологии, модели интеллектуальных сетей дают новые возможности, активизируют значительный ресурс, который вписывается в привычные схемы интеллектуальной и культурной историографии. На практике метод коммуникационных сетей коррелируется с техниками микроисторического анализа, сетевые технологии служат определенной альтернативой таким неизменным атрибутам традиционного историописания, как процессуальность и линейность». См. подробнее: *Попова Т. Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи». X международна научна конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 3. Київ, 2008. С.410. [Доклад И. И. Колесник: «Интеллектуальная биография в историографическом дискурсе: ad modum П. М. Бицилли»]

муникационных форм представителей интеллектуальных сообществ (ИС), поиск нового фактографического материала или новый ракурс переосмысления уже введеного в научный обиход; постановку *иных* вопросов к источникам. Авторская типология ИС в Украине (шире – в украинских землях на территории двух империй) позволяет не только понять сложную структуру взаимосвязей отдельных ученых-историков, их принадлежность к конкретному типу (типам) объединений, их роль в формировании и трансформации этих объединений, но и выявить прямое и опосредованное, «линейное» и «нелинейное» влияние различных факторов на творческий процесс отдельного интеллектуала через систему коммуникаций в многопрофильной конфигурации «сетевых» взаимоотношений. Проблема «Бицилли в системе интеллектуального сообщества в Украине» (России, Сербии, Македонии, Болгарии, Европе и проч.) еще ждет своей исследовательской постановки, ее источниковая основа представлена лишь отдельными фрагментарными сюжетами, предметно не сфокусированными. Предложенные «сетевые технологии» открывают новые возможности для осмысления истории конкретной интеллектуальной индивидуальности в культурном пространстве. В контексте «сетевых коммуникаций» актуализируется проблема механизма «социализации» идей и текстов П. М. Бицилли, выявление факторов, способствующих этой социализации.

P. S. Разумеется, на данном этапе можно говорить скорее о гипотетических построениях, опираясь на фрагменты подчас косвенных доказательств, однако данная (весьма предварительная и далеко не полная) схема, надеюсь, станет стимулом для расширения бициллиеведческой эмпирики и насыщения этой схемы «живым» материалом. Особую роль, на мой взгляд, в получении новых биографических фактов должны играть ego-документы, в первую очередь - многочисленное эпистолярное наследие П. М. Бицилли, его «домашняя письменность» [термин П. М. Б. – Т. П.] – блокноты, записи на память, стихотворные посвящения, поздравления, семейные книжки, девизы, шутки на случай – все, что так или иначе отражает жизнь близкого дружеского круга. Сравнительный анализ текстов бициллиеведческой литературы (в том числе – индекса цитирования, включая Интернет-сайты) поможет определить линии взаимосвязей и взаимовлияний на уровне исследователей, а автобиоисториографические эссе ведущих бициллиеведов дополнят и уточнят эту картину.

Бициллиеведение сегодня: статус и перспективы

Бициллиеведению сегодня вряд ли можно придать статус научной дисциплины: социокогнитивные параметры институционализации / дисциплинаризации не приобрели системную завершенность, когерентность компонентнов дисциплинарности – относительна, репрезентанты бициллиеведческих исследований в своем большинстве не осознали еще себя «бициллиеведами», инфраструктура не сформирована.

И, тем не менее, можно выделить ряд показателей, которые свидетельствуют о том, что институциональный процесс набирает темпы.

Во-первых, когнитивная институционализация в своих основных чертах обрела более-менее отчетливый силуэт системности:

- определилось предметное поле новой области знания с четкой тенденцией к расширению;
- сформировался совокупный объект исследований – за 1912-2000-е годы труды П. М. Бицилли, опубликованные ранее, реопубликованные и новые, неизвестные доныне, работы стали достоянием исследователей;
- материалы личных / семейных архивов, архивные документы, эго-материалы, мемуаристика и проч. составили значительную источниковую базу персональной истории / интеллектуальной биографии П. М. Бицилли, которая с каждым годом становится все более масштабной;
- подходы к оценке личности, творчества Петра Михайловича, его роли и места в мировой науке в своих принципиальных чертах получили универсальное понимание в сообществе «бициллиеведов»[1];
- сложился полидисциплинарный исследовательский инструментарий в научной деятельности «бициллиеведов» различной дисциплинарной принадлежности и т. п.

Во-вторых, социальная институционализация (инфраструктурные компоненты) проявляется по ряду параметров:

- в основных «ландшафтах» бициллиеведения – в Болгарии, России и Украине – более-менее скомпоновались сообщества «почитателей Бицилли», между многими из которых установлены достаточно прочные личные контакты: происходит обмен информацией, мыслями, публикациями и проч., что способствует консолидации «бициллиеведов» не только в государственных границах внутринаучного поля, но и в межгосударственном пространстве;
- неоценимая роль в процессе консолидации принадлежит «лидерам» и «инициаторам» институционального процесса; в этом плане нужно отдать должное Михаилу Абрамовичу Бирману (Израиль), который выступает в качестве своеобразного связующего центра между различными

[1] Персональная история П. М. Бицилли представлена в своих первых версиях. См.: *Бирман М. А.* Штрихи к портрету ученого // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф. Б. Успенский; Отв. ред. М. А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.633-718; *Он же.* П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018; *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 327-452. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: «Исход» и возвращение»]; *Галчева Т. Н., Голубович И. В.* «Понемногу приспособляюсь к „независящим обстоятельствам”». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции / Научн. ред. В. В. Янцен. София: Солнце, 2015; *Попова Т. Н., Левченко В. В.* П. М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Вып. 20. С.126-147 и др.

регионами бициллиеведения; в последние годы очень многое в установлении личных творческих контактов между бициллиеведами Болгарии, Украины, России и Европы сделала Таня Галчева (Болгария);

- информационно-коммукационным «сетевым» координатором явился блок библиографических трудов, расширяющийся и уточняющийся с каждым очередным изданием[1];
- накоплен значительный массив исследовательской литературы – созданы фундаментальные работы в широком проблемно ориентированном диапазоне[2];

---

[1] Среди них особо следует выделить: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе / Вступ. ст. Е. А. Мельниковой; Отв. ред. Б. В. Левшин. М.: Наука, 1992 [список трудов П. М. Бицилли – с.119]; Русское зарубежье. 1917 – 1991: Каталог изданий из фонда библиотеки архивов / Сост. Толстых Г. А. М.: Дом Марины Цветаевой, 1992; *Грановская Л. М.* Русская эмиграция о русском языке: Аннотированный библиографический указатель (1918-1992) / Российская академия наук. М.: АЗЪ, 1993; Библиография трудов П. М. Бицилли // *Бицилли П. М.* Избранные труды по филологии / Отв. ред. и авт. предисл. В. Н. Ярцева; сост., подгот. текста и коммент. В. П. Вомперского и И. В. Анненковой; вступ. ст. В. П. Вомперского. М.: Наследие, 1996. С.673-692; *Чолов П.* П. М. Бицилли // Български историци. Биографично – библиографски справочник. София, 1999; *Бирман М. А.* Бицилли-пушкинист: (Заметки к библиографии ученого) // После юбилея. Jerusalem, 2000. С. 5-28; *Велева М.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.157-162; *Горяинов А. Н., Бирман М. А.* Библиография опубликованных работ П. М. Бицилли и литература о нем. 1912-2003 // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф. Б. Успенский; Отв. ред. М. А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.733-778; *Герашко Л. В., Кудрявцев В. Б.* Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57–222; первая библиография трудов П. М. Бицилли, составленная А. П. Мещерским (1915 – 1992), полностью опубликована Т. Галчевой на Интернет-сайте «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакти» (2012); *Бирман М. А.* П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С.334-421 и др. См. также о публикациях П. М. Бицилли: *Бирман М. А.* Проф. П. М. Бицилли и «Современные записки» //«Современные записки» (Париж, 1920-1940): Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. *Олега Коростелева* и *Манфреда Шрубы*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2 и др.

[2] «Рубежные вехи» в этом процессе: *Гандев Хр.* Петър Михайлович Бицилли (По случай 100 години от рождениетому) // Векове. 1980. № 2; *Каганович Б. С.* П. М. Бицилли как литературовед: (К постановке вопроса) // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest. 1988. Т. 34. P. 205-222; *Бицилли П. М.* Статьи: История. Культура. Литература (Вступительная статья *В. А. Туниманова*) // Русская литература. 1990. № 2. С. 134-138; *Анненкова И. В.* Вступ. ст. к публ.: Бицилли П. М. Нация и язык // Известия Российской АН. Серия: Лит и яз. М., 1992. Т. 51. С. 68-70; *Галчева Т.* Проф. П. М. Бицилли (Не)забравеният. Век 21. 1991. 10-16 април; *Она же*. Бицилли – опыт возвращения // П. М. Бицилли. Избранное: Историко-культурологические работы: В 2-х т. / Сост., подг. текстов и коммент. Т. Н. Галчевой, Г. П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т. Н. Галчевой. Том первый. София, 1993; *Велева М.* П. М. Бицили и историческата наука // Бицилли П. Очерци върху теорията на историческата наука. София: Изд. БАН, 1994; *Дочев Д.* Пьотр Михайлович Бицили // Бицили П. М. Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии. София, 1994. С. 9 - 46; *Манолакев Хр.* Из историята на руската емиграция в България (Проф. Петър М. Бицили и Чудомир) // Летописи. София. 1994. № 11 – 12; *Бирман М. А.* П. М. Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. 1997. № 4. С. 49-63; *Васильева М*. Бицилли Петр Михайлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997; *Попова Т. Н.* Возвращение Бицилли // Вестник региона [Одесса]. 1999. 10, 17 дек., № № 48-49; *Левченко В. А.* Культура как духовный контекст эпохи в работах П. М. Бицилли // Труды семинара по герменевтики. Одесса, 1999. Вып.1. С.209-220; *П. М. Бицилли*. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. *М. А. Васильевой*. М.: Русский путь, 2000; *Попова Т. Н.* К биографии П. М. Бицилли: Из истории одесского перио-

- один из важнейших среди коммуникативно-информационных маркеров в институционализации – организация и проведение персонологических (преимущественно юбилейных) конференций; рубежными вехами в этом плане стали:
  1) *Историографические чтения*, посвященные 120-летию со дня рождения П. М. Бицилли и состоявшиеся в Одессе на базе исторического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова – первая региональная персонологическая конференция[1];
  2) в сентябре 2007 г. в рамках международной украино-болгарской конференции «Болгары в Северном Причерноморье» был проведен Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы», участниками которого стали представители болгарского (М. Велева, Д. Григорова), украинского (Киев, Харьков, Одесса) бициллиеведения, а также профессор М. А. Бирман (Израиль)[2];
  3) 1-2 октября 2009 г. в Одесском национальном университете имени И. И. Мечникова состоялись международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П. М. Бицилли. Инициатором чтений стал Научно-исследовательский и образовательный центр имени Г. Флоровского (философский факультет ОНУ). Со-

да жизни ученого // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Вып. 5. Воронеж: Изд-во Воронежского гос.ун-та, 2000. С.34-45; *Она же.* Из истории историографии: П. М. Бицилли. К 120-летию со дня рождения // Российские университеты в XVIII – XX веках. Сб. научных статей. Вып. 5. Воронеж: Изд-во Воронежского гос.ун-та, 2000. С.200-216; *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004; Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф. Б. Успенский; Отв. ред. М. А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006; *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 327-452. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: «Исход» и возвращение»]; *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: ГИПЕРИОН, 2007; *Петкова Г.* Металитературный проект П. М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным // Rossica (Прага), 2007. С. 115-122; *Попова Т. Н.* Бициллиеведение: состояние, проблемы, перспективы // «Погасло дневное светило…» Руската литературна емиграция в България 1919-1944 / Българска Академия на науките. Институт за литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2010. С.334-348; *Она же.. «*Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С.276-409. [Раздел: «Приближение к Бицилли»]; *Бирман М. А.* П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с. и др.

[1] См. об этом: *Зленко Г.* Историографические чтения // Вечерняя Одесса. 1999. 25 декабря; *І. В. Максименко, В. М. Хмарський.* Історіографічні читання // Записки історичного факультету / Одеській національний університет імені І. І. Мечникова. Одеса, 1999. Вип. 9; *Бачинська О.* Історіографічні читання // Там же. Одеса, 2000. Вип. 10 и др.

[2] См. об этом: Український історичний журнал. 2008. №.1; Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України. Вип. 3. Част. 1. Київ, 2008; Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.279-344.

став участников приобрел новые географические контуры: Одесса, Киев, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Пермь, Ашдод (Израиль), София (Болгария), Кишинев (Молдова) и др.[1];

4) следующий этап – международные научно-образовательные семинары «ESCHATOS (организаторы: структуры ОНУ имени Мечникова - кафедры философии, истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории; Научная библиотека университета, Пермский государственный университет, Одесское отделение Российского Философского Общества; география участников: Украина, Россия, Болгария (Т. Галчева), Израиль[2];

5) в 2013 г. в Одесском национальном университете имени И. И. Мечникова состоялся семинар памяти П. М. Бицилли и Г. В. Флоровского, на котором присутствовала внучка П. М. Бицилли – Н. А. Галь (Швейцария), а также бициллиеведы из Болгарии (Т. Галчева) и России (Л. А. Сыченкова);

6) в 2018 г. в Софии по инициативе Т. Галчевой была проведена международная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Возвращенное наследие»; участники - исследователи из Ашдода, Брянска, Казани, Минска, Москвы, Одессы, Омска, Перми, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Саратова, Софии, Ташкента, представлявших Институт болгарской философской культуры, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербургский институт истории РАН, РГГУ, Ташкентскую православную духовную семинарию, Петрозаводский государственный университет, Пермский филиал НИУ ВШЭ, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Белорусский государственный университет и Казанский федеральный университет. От Дома русского зарубежья им. А. Солженицына выступила ученый секретарь М. А. Васильева[3];

7) в ноябре 2019 г. планируется проведение международной конференции на базе Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук (г. Москва): «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П. М. Бицилли»[4].

---

[1] См. об этом: *Довгополова О. А*. Вступительное слово // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып.2: Творчество П. М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса: ФОП Фридман О.С., 2010. С.3-13.

[2] См.: ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории / Отв. редактор О. А. Довгополова. Одесса: ФОП Фридман О. С., 2011. 366 с.; ESCHATOS-II: философия истории в контексте идеи «предела»: сб. статей / Отв. редактор О. А. Довгополова. Одесса: ФОП Фридман О. С., 2012. 280 с.

[3] См. об этом: *Васильева М.* Международная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Возвращенное наследие» в Софии. URL: http://www.domrz.ru/press/news/250818_mezhdunarodnaya_nauchnaya_konferentsiya_sofia/

[4] См.: [Анонс и информационное письмо] URL: http://imli.ru/index.php/konferentsii/

Особо следует отметить роль созданного в 2012 г. болгарской исследовательницей Т. Н. Галчевой и внучкой П. М. Бицилли Н. А. Галь при участии Г. Петковой (Софийский университет) Интернет-сайта «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакти», который за короткий срок предоставил заинтересованному читателю важнейшие бициллиеведческие материалы.

Установление с 2012 г. тесных творческих контактов между Одессой и Болгарией стало важной вехой в институционализации бициллиеведения; плодотворным результатом совместной работы двух бициллиеведческих центров стала публикация в соавторстве статей Т. Н. Галчевой (София) и И. В. Голубович (Одесса), весьма ценных для освоения персональной истории П. М. Бицилли[1], но главным достижением этих глубоких исследовательниц «мира Бицилли» явилось фундаментальное издание: переписка П. М. Бицилли с представителями семьи Флоровских – «Понемногу приспособляюсь к ‘‘независящим обстоятельствам’’». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции» (1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. 320 с.: ил.)[2].

Значительным рубежным событием следует назвать выход первого монографического исследования, посвященного жизни и творчеству П. М. Бицилли – итог двадцатилетних трудов М. А. Бирмана[3].

Вместе с тем современному бициллиеведению по-прежнему свойственна неконсолидированность его представителей на межгосударственном, междисциплинарном уровнях, а также в границах национально-региональных исследовательских пространств. Обращение к наследию П. М. Бицилли во многих случаях имеет «точечный», дискретный характер. «Бициллиеведческое сообщество» включает не только исследователей, предметно фокусирующих свой научный интерес на творчестве ученого, но и тех, кто только открывает для

---

konferentsii-2019/3761-mezhdunarodnaya-konferentsiya-gumanitarnaya-nauka-russkogo-zarubezhya-k-140-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-p-m-bitsilli

[1] См.: *Галчева Т. Н., Голубович И. В.* Письма П. М. Бицилли к Н.А. Астрову о В.А. Мякотине // Славяноведение. 2014. № 4. С. 48-56; *Голубович И. В. Галчева Т. Н.* Забота о себе в опыте русской эмиграции (по материалам эпистолярного наследия П.М. Бицилли) // Мы все в заботе постоянной… Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г. В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М. А. Козловой и В. Г. Безрогова. Часть 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. С. 83-98.

[2] См.: *Каганович Б. С.* Рецензия на: Галчева Т. Н., Голубович И. В. «Понемногу приспособляюсь к „независящим обстоятельствам”». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции / Научн. ред. В. В. Янцен. София: Солнце, 2015. 320 с. // Средние века, 2016. №77 (1-2). С. 371-374.

[3] См. об этом: *Косик В. И.* М. А. Бирман. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество // Славяноведение 2019. № 2. С. 111-114; *Голубович И. В., Попова Т. Н.* Размышления на два голоса: Читаем книгу: Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с. // ПЕРЕ-ПОСТ: Электронный флософский журнал / Под ред.: Л. Богатая. Одесса, 2019. № 5. URL: http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/component/content/article?id=325

себя имя Бицилли, обратившись к магистральным направлениями в гуманитаристике эпохи пост/пост/постмодерна. Интернет-сайты сегодня насчитывают сотни повторяющихся материалов, тиражирующих одни и те же ошибки, относящиеся в первую очередь к биографии П. М. Бицилли. Имя ученого достаточно некорректно используется в прениях по проблемам евразийства, национальных отношений, «украинскому вопросу», современной политической ситуации и проч. Во многом это способствует «отторжению Бицилли», в частности, в украинском научном поле. В украинских и российских публикациях, материалах Интернет-ресурса имеет место открытый плагиат, различного рода компилятивные построения, игнорирование исследований коллег из иных национальных ландшафтов бициллиеведения и т. п. Неформальные, межличностные контакты, играющие всегда важную роль в коммуникационной системе любого уровня институционализации науки, остаются и сегодня преобладающими в отношениях между специалистами-бициллиеведами.

Перспективы развития социальных аспектов институционализации бициллиеведения ориентируют на создание достаточно гибкой и оперативной информационной системы, специализированных междисциплинарных научных центров (с представительным по дисциплинарной и региональной принадлежности авторским составом) по исследованию творчества ученого и подготовке к публикации его трудов и бициллиеведческих изданий; организацию постоянно действующих научных бициллиеведческих конференций международного уровня и проч.; расширение и качественное обновление Интернет-сайтов; включение бициллиеведческой тематики в разделы общих и специальных курсов в системе университетского образования в Болгарии, России, Украине и др.

В то же время период т. н. «невидимого колледжа», для которого характерно интеллектуальное взаимопризнание участников бициллиеведческого процесса и установление первых форм общения между ними, уступает место новому качественному этапу. С 2000-х гг. выход новых библиографий с разделом бициллиеведческой литературы – М. Н. Велевой (2004)[1], М. А. Бирмана и А. Н. Горяинова (2006), М. А. Бирмана (2018), появление историографической аналитики способствовали расширению информационного поля для всех исследователей творчества П. М. Бицилли[2].

[1] *Велева М.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София: Изд-во «Гуттенберг», 2004. С.157-162; Профессора Софийского университета ***Марию Николаевну Велеву*** следует отнести к фундаторам бициллиеведения. См.: *Попова Т. Н.* Фундаторы бициллиеведения: М. Н. Велева, М. А. Бирман // Проблемы слвяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2008. Вып. 10. С.159-172. Вместе с М. Н. Велевой значительную роль в моем «приближении к Бицилли» сыграла *Е. П. Иванова-Аначкова*, внучка П. М. Бицилли; благодарственную память об этих людях я сохраню навсегда.

[2] *Бирман М.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.279-290; *Он же.* П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 7-16; *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007.

Комментарии-post. Бициллиеведение сегодня можно рассматривать в качестве:

- относительно самостоятельных направлений исследований в границах отдельных дисциплин – истории / историографии[1], философии, филологических наук, социологии, политологии и проч.,
- полидисциплинарного проблемного поля, рассекающего дисциплинарные и государственные демаркации,
- самостоятельного раздела гуманитаристики с междисциплинарным инструментарием и т. п.

Последующие институционально-дисциплинарные модуляции бициллиеведческого процесса неизбежно приведут к новым форматам этого *интеллектуально-научного пространства в современной культуре*.

С.327-339; *Она же.* К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т.12. Одесса: Симекс-принт. 2013. С.27-76; *Она же.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 277-327 и др.

[1] См., например: *Попова Т. Н.* Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (К 130-летию со дня рождения П.М.Бицилли // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В. А. Смолій; відп. ред. О. А. Удод. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010**.** Вип. 20. С.155-169.

V.
Глоссарий[1]

Язык историка - это единственная форма связи
с коллегами и читателями-единомышленниками.
М. П. Лаптева[2]

Дефиниции и экспликации

Употребление разнообразной терминологии при подходах к определению *поворотов* (и не только!)[3], требует уточнения понятийного аппарата. В первую очередь это касается основополагающих лексических единиц: ***термина*** и ***понятия***. «Специфические свойства понятия, зафиксированного в термине, – замечает М. С. Бобкова, – определяются…тем, что оно должно выступать в качестве медиатора в процессе профессионально-научной коммуникации»[4], т. е. обеспечивать однозначность смысла. Считается, что в научном познании термины, как правило, отличаются однозначностью[5], однако практика свидетельствует об ином, что выдвигает необходимость анализа (в данном случае – обзора) предлагаемых интерпретаций / дефиниций, на основе которого должен формироваться авторский глоссарий.

1. Считается, что понятие ***термин*** (от лат. *terminus* – пограничный камень, межевой знак, предел, граница) перешло в русский язык из польского – *termin* – в начале XVIII века[6]. Для П. А. Флоренского термин – «это вариант обычного слова или культивированная специально созданная единица, обладающая как свойствами своей первоосновы, так и новыми, специфическими

---

[1] Формулировки без ссылок представляют собой авторскую компиляцию из определений, представленных в различных словарно-энциклопедических изданиях.

[2] *Лаптева М. П.* Язык историка и проблема понимания // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2005. С. 66-71. URL: http://ec-dejavu.ru/l/Language.html

[3] В первую очередь обращение к понятийному аппарату связано с содержательными интерпретациями «поворотов».

[4] *Бобкова М. С.* Терминологический инструментарий исторической науки: к постановке проблемы // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13 (84). Вып. 15. С.103.

[5] См.: *Новосёлов М. М., Воробьёва С. В.* Термин. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/7192

[6] См.: *Киселева Н. И.* Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2014. № 2 (58). С.306-312. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-podhody-k-rassmotreniyu-nauchnogo-ponyatiya-i-harakteristike-termina

качествами»[1]. В создании и определении термина есть две стороны: структурно-языковая и понятийная, семантическая, обусловленная развитием системы понятий той или иной науки[2], поэтому главной характеристикой термина является *понятийность его значения*[3]: термин, обозначая слово / словосочетание, связывается с понятием посредством определения, но слово не может называться термином, пока не определено понятие[4].

Значение термина раскрывается в ***дефиниции*** (лат. definitio – определение) – т. е. в формулировании в сжатой форме сущности терминируемого – обозначаемого термином, понятия: определить термин, значит – дать дефиницию научному понятию, установить его значение[5]. Однако базовые лексические единицы – термин / понятие – так же, как и многие иные приобрели в современном научном языке разнообразные вариации определений.

Термин:

- словесное, естественно-языковое выражение понятий в форме отдельных слов и словосочетаний[6];
- это слово / словосочетание предстает как знак научного понятия и играет роль интеллектуального инструмента, с помощью которого обозначаются специальные научные понятия, формулируются научные теории, концепции, положения, принципы, законы, т.е. создается понятийно-категориальный аппарат науки/дисциплины;
- выражение естественного или искусственного языка, обозначающее предмет (реальный или абстрактный) или множество предметов, фиксирующее определённое понятие какой-либо области знания и отождествляемое в этом смысле часто с именем; лексическое значение термина равно научному понятию[7].

Понятие:

- выражение языка, которое фиксирует в мышлении отражение эмпирического или абстрактного объекта посредством выделения его существен-

---

[1] *Флоренский П. А.* Термин // Татаринов В. А. История отечественного терминоведения. В 3-х т. Т. 1. Классика терминоведения: Очерк и хрестоматия. М.: Московский Лицей, 1994. С.360.

[2] См.: *Виноградов В. В.* Вступительное слово // Вопросы терминологии. Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: Академия Наук СССР, 1961. С.7.

[3] См.: *Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. С.277; *Киселева Н. И.* Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2014. № 2 (58). С.308.

[4] См.: *Киселева Н. И.* Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2014. № 2 (58). С.310.

[5] Смысловые значения терминов следует устанавливать по определениям, имеющим практическое использование в конкретной области знания/дисциплине, поскольку довольно нередко эти значения/дефиниции терминов не совпадают с их словарным значением.

[6] См.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.209.

[7] См.: *Новосёлов М. М., Воробьёва С. В.* Термин. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/7192

ных свойств или отличительных признаков; каждое понятие имеет своё смысловое содержание, которое составляет концепт[1];

- идеальные сущности, продукты мыслительной деятельности человека; мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности, связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними.

Научное понятие:

- форма мышления, которая целостно и обобщенно раскрывает существенные отличительные признаки исследуемых объектов и явлений реального мира; итог категориального синтеза, научная форма знания, отражающая внутреннюю сущность объекта познания[2];
- результат теоретического обобщения, выражение определенной научной теории, научной системы знаний, факт научной концепции;
- основной инструмент мышления, фиксирующий общие и специфические признаки явлений, позволяющий выделять классы явлений и принципы их смыслового конструирования, выполняющий познавательную и коммуникационную функции;
- один из маркеров процесса развития знания, которое осуществляется в развитии понятий (переходе от одних понятий к другим, фиксирующим более глубокую сущность предметов);
- одна из логических форм мышления; образ реальности ее замещающий.

Исходные лексические единицы позволяют обратиться к терминологии, связанной с понятием *поворот*.

2. Термином *концепт* определяют *поворот*[3]:

Концепт [4] ***:***

- (от лат. conceptus – понятие, понимание, замысел) – содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения (термина), единица хранения и передачи информации, структурно отражающая знание и опыт человека[5];

---

[1] См.: *Маркин В. И., Курбатов В. И., Александров А. В.* Понятие. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/7191

[2] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.208, 214.

[3] См.: *Беззубова О. В.* Понятие «поворота» в современных исследованиях визуальной культуры // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (106). С.14-17. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2016_4_02.pdf

[4] Не менее многозначное понятие: см. в словарях. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4425/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A6%D0%95%D0%9F%D0%A2

[5] См.: *Неретина С. С., Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Концепт. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6888

- (от лат. conceptus – собрание, восприятие) – идея, общее представление, «сгусток культуры», формируется речью; сохраняет индивидуальные особенности; не только мыслится, но и переживается[1];
- (от лат. conceptus – собрание, восприятие, зачатие) термин введен в философию Абеляром как акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания; выражающий полноту смыслового выражения в целостном процессе произнесения; это смысл слова, «сгусток культуры в сознании человека»[2];
- (от лат. conceptus-схватка, замысел, зачатие) – единица речевого высказывания, логически смысловой компонент его семантической структуры; характеризует акт понимания и его результат, полученный в коммуникации, тем самым предполагая направленность на другого; акт схватывания смыслов[3];
- концепт (исторический / историографический) – это не просто единица языка, но – теоретическая категория, определенная модель организации и изучения фактов, событий, явлений[4].

3. Аналитическая категория:

Этот термин использует Дорис Бахманн-Медик, определяя смысл понятия *поворот* как «переход» с предметного уровня новых областей исследования на уровень аналитических категорий и концепций: в этом случае *поворот* превращается из фиксатора новых объектов познания в *познавательное средство – аналитическую категорию*[5].

В литературе это словосочетание определяют как:

- абстрактный инструмент сравнения, обобщающий (классифицирующий и моделирующий) идеальные типы;
- идеальный тип – более общий и абстрактный инструмент сравнения, чем понятие, обобщающий (классификация и моделирование) собственно понятия; введенное М. Вебером, это понятие представляет собой заведомое упрощение и идеализацию сложности и многообразия социальных явле-

---

[1] См.: Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки. Кемерово: Кузбас. гос. техн. ун-т, 2007. С.375.

[2] «Смысл – это путь, которым люди приходят к имени» – слова Фридриха Людвига Готлоба Фреге, немецкого логика и математика (1848—1925). См.: *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42-67. URL: http://ec-dejavu.ru/c/Concept.html

[3] *Неретина С. С.* Концепт // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С.387-389.

[4] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України., 2013. С.27.

[5] См.: *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html

ний, осуществляемое исследователем в целях систематизации данного ему эмпирического материала и дальнейшего его сопоставления и изучения[1].

4. Предмет / предметное поле / проблемное поле:

Понятия *предмет / предметное поле* в качестве самого *поворота* или связанное с действием *поворотов* используют представители разных дисциплин[2].

Категории предмет / объект познания / исследования – основополагающие в науке. В литературе определились два подхода к соотношению этих понятий.

1. Представители первого подхода разделяют понятия *объект* и *предмет*.

Объект познания:

- это совокупность качественно определенных явлений и процессов реальности, существенно отличных по своей внутренней природе, основным чертам и законом функционирования и развития от других объектов этой реальности; это вся объективная реальность или определенная объективная реальность.

Поскольку практически познание на любом историческом этапе своего развития охватывает лишь часть реальности, то понятием, адекватным части объекта, вовлеченной в познавательный процесс, выступает *предмет* познания.

Предмет познания:

- это то содержание объекта познания, которое вовлечено в познавательный процесс, те черты и аспекты объекта, которые охвачены изучением; это выделенная субъектом часть реальности[3];
- это та сторона, тот аспект, та точка зрения, «проекция», с которой исследователь познает целостный объект, выделяя при этом главные, наиболее существенные (с точки зрения исследователя) признаки объекта.

Один и тот же объект может быть предметом разных исследований или даже целых научных направлений/дисциплин.

2. Представители второго подхода объединяют понятия *объект* и *предмет* и используют лишь один из них, исходя из синонимичности этих понятий, поскольку считают, что объект – это не вся реальность, существующая независимо от субъекта познания, а только та ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом, т.е. вовлечена в познавательный процесс, в этом случае объект и предмет познания сливаются[4].

---

[1] См.: *Швырев В. С.* Идеальный тип. URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0c181709923b7e0d63380c

[2] См.: *Лубский А. В.* Повороты методологические в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.370; *Полонников А.* «Иконический поворот»: образовательные стратегии и альтернативы; *Савчук В. В.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С.106-108 и др.

[3] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.53-54, 56.

[4] См.: *Петров Ю. В.* Практика и историческая наука: Проблемы субъекта и объекта в исторической науке. Томск: Издательство Томского университета, 1981. С.231-234.

Первая позиция демонстрирует процессуальность познавательной деятельность, поскольку отражает факт расширения предмета познания по мере углубления знаний об изучаемом объекте[1].

Если *предмет исследования – англ.* subject of research; *нем.* Forschungsgegenstand) – это главные наиболее существенные (с точки зрения исследователя) свойства и признаки объекта, то -

Предметная область:

- – англ. subject sphere; нем. Gegenstandsbereich) – это область множества объектов, рассматриваемых в пределах данного контекста;
- множество всех предметов, свойства которых и отношения между которыми рассматриваются в научной теории.

Достаточно широко вошла в лексикон гуманитариев формулы *предметное поле / проблемное поле*, употребление которых, как и их содержательное наполнение, неоднозначны[2].

Ремарка-справка. Понятие *поле* было введено в научный лексикон П. Бурдье, а также связано с *пространственным поворотом.* По П. Бурдье, социум – это многомерный ансамбль автономных полей (культурных, экономических, политических, научных и т. п.), образующих сложную структуру из разнообразного сочетания субполей, в которой агенты/индивиды своей позицией в поле и борьбой за ресурсы («капитал») способствуют функционированию всей совокупности полей как сложной саморазвивающейся системы. *Научное поле* – это система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями, представляющая собой «игровое пространство» конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый в качестве монополии на научную компетенцию, понимаемую как социально закрепленная за определенным индивидом способность легитимно – полномочно и авторитетно – говорить и действовать от имени науки[3].

Предметное поле:

- «составляющая структуры современного научного исторического знания», в котором происходит конструирование исторического объекта, выступающего как конструкт «в качестве самостоятельного предмета исследования»; преодолевая «классическую дисциплинарную модель

---

[1] По определению В. С. Степина, там, где наука не может сконструировать предмет, определяемый его сущностными связями, там кончаются притязания науки (см.: *Степин В. С.* Философская антропологня и философия науки. М.: Высшая школа, 1992).

[2] Понятия предметное/проблемное поле в современной литературе часто подменяют понятие предмет науки/дисциплины. См., например: *Костина А. В.* Предмет и проблемное поле глобалистики // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С.100-111 и др.

[3] См.: *Бурдьё П.* Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко./ М.: Socio-Logos, 1993; *Он же.* Поле науки. URL: http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki

науки», предметное поле «имманентно предполагает полидисциплинарность» (конструирование своего предмета/проблемы средствами разных научных дисциплин, а так же «междисциплинарность» (использование исследовательских практик различных социогуманитарных наук)[1].

Проблемное поле науки:

- тематическое поле науки, совокупность всех тем и проблем, изучаемых текущей, существующей в данный момент, наукой;
- источник научных инноваций;
- часть предметной области теоретического или практического знания, в которой имеются не решенные исследовательские задачи.

Проблема научная:

- (от гр. – преграда, трудность, задача) – это теоретическое или эмпирическое суждение, отражающее противоречие, несоответствие имеющего уровня научного знания с потребностями науки или практики; знание о незнании; научная проблема «задает целый ряд элементов научного исследования: цель и задачи, а также предмет и объект», которые взаимосвязаны и образуют «единое целое»[2].
- это – выражение субъект-объектных отношений, существенный вопрос относительно конкретного предмета научного исследования, его структуры, способов познания, практического использования и преобразования;
- начальный пункт научного исследования, от постановки которого во многом зависит когнитивный результат; этап научного познания, механизм познавательного процесса, функция которого заключается в выявлении временной неопределенности наличного научного знания и дальнейшей ее элиминации[3];
- результат сложной исследовательской процедуры, включающей выявление антиномий и парадоксов в существующем знании для обозначения нерешенных вопросов в исследуемых объектах[4].

Проблемная ситуация (в науке):

- совокупность обстоятельств, связанных с состоянием предмета исследования – стороны, свойства, характеристики объекта исследования, которые выбраны для изучения;

---

[1] См.: *Румянцева М. Ф.* Предметное поле // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С.409.

[2] См.: *Мазур Л. Н., Мельникова О. М.* Проблема научная // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 414-415.

[3] См.: *Ардашкин И. Б.* Научная проблема как один из ключевых феноменов неклассической эпистемологии // Вестник Томского го. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С.5-13.

[4] См.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.41-42.

- (от греч. problema – задача, задание и лат. situatio – положение) – ситуация перед началом поиска решения в сфере эмпирического, теоретического или методологического исследования, когда решение в момент постановки задачи потенциально не известно; осознание какого-либо противоречия в процессе познавательной деятельности (например, невозможность решения задачи с помощью известных знаний)[1];
- психологическая модель условий порождения мышления на основе ситуативно возникающей познавательной потребности, форма связи субъекта с объектом познания;
- это познавательная задача, которая характеризуется противоречием между имеющимися знаниями, умениями, отношениями и предъявляемым требованием;
- одна из закономерностей процессов мышления, его начальный момент: «процесс мышления берет свое начало в проблемной ситуации»[2].
- это закономерность познавательной творческой деятельности, интеллектуальное затруднение, возникающее в случае невозможности достичь цели (объяснить явление, факт, процесс и т. п.), известным способом действия, что побуждает к поиску новых способов объяснения.

5. Подход / методологический подход:

Эти понятия наиболее часто используются при определении термина *поворот*[3].

---

[1] См.: Проблемная ситуация. URL: https://www.inventech.ru/lib/glossary/problemsit/

[2] *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С.142.

[3] См.: *Колесник Ірина.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інституту історії України НАН України, 2013. С.111-113; *Зверева Г. И.* Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сб науч. статей / Сост. и отв. ред. Г .И. Зверева. М.: РГГУ, 2001; «Грядущее поколение философов устроит настоящую бурю»: Джесси Принц об эмпирическом повороте в философии. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/10078-prinz-interview; *Дорис Бахманн-Медик.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре/ Пер. с немецкого С. Ташкенов. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Серия «Интеллектуальная история»). URL: https://bookz.ru/authors/doris-bahmann-medik/kul_turn_890/page-2-kul_turn_890.html; *Лубский А. В.* Повороты методологические в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.370; *Лаптева М. П.* Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX XX1 веков // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры ХУШ-XX1 веков: сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.12; *Кравченко С. А.* Сложный социум: востребованность поворотов в социологии. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/11/1265232945/Kravchenko.pdf ; *Голубович И. В.* П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. С.62-80 *Менжулін В. І.* Біографічний підхід у західній історико-філософській традиції: віхі становлення. Дисс…докт. філософ. наук. Київ, 2010 и др.

Базовая категория – *методология* (термин, введенный в философию И. Кантом в значении логики), подходы к определению которой неоднозначны.

Методология:

1. В «широком» значении:
   - теория научно-познавательной деятельности, направленная на изучение и разработку методов научного познания[1];
   - учение об организации теоретической и практической деятельности человека[2];
   - совокупность общих установок и философских принципов, самосознание исторической науки, интегральная область знания[3].
2. В «узком» значении:
   - это совокупность методов исследования и принципов пояснения/описания; аппарат прикладной работы исследователя, определяющий границы научности и задающий пространство исторического познания [4];
   - специальная дисциплина, задача которой – теоретическое исследование, реконструкция, оправдание и обоснование методов деятельности ученого[5].
3. С позиций многоуровневого подхода к содержанию понятия *методология*:
   - выделяют четыре уровня методологии, исходя из уровня «теоретического знания о действительности»: общефилософский, философско-социологический, специально-научный и конкретно-проблемный, которые выступают как взаимодополняющие и взаимосвязанные[6];
   - высший уровень – философская методология, второй уровень – общенаучная методология, третий – конкретно-научная, четвертый (технологический) – методика и техника исследования[7].

С понятие методология тесно связаны понятия *метод* и *методика* – все три понятия в XIX столетии употребляли как синонимы. В современной литературе:

Метод:

- форма теоретического освоения действительности, научно обоснованное познавательное средство; теоретически обоснованное нормативное

---

[1] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.45.

[2] *Розин В. М., Швырёв В. С., Голдберг Ф. И., Бернштейн В. С.* Методология. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6870

[3] *Лаптева М. П.* Теория и методология истории: курс лекций. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. С.14-15.

[4] См.: *Яковенко Н.* Вступ до історії. Київ: Критика, 2007. С.32.

[5] *Лаптева М. П.* Теория и методология истории: курс лекций. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. С.15-16.

[6] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.46.

[7] См.: *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С.68-69.

познавательное средство; с учетом диапазона реальности, охваченной применением методов, выделяют уровни (или категории) научно-исследовательских методов – философский / общенаучные / специально-научные / конкретно-проблемные[1].

Методика:

- совокупность правил и процедур, приемов и операций, позволяющая на практике реализовать идеи и принципы, на которых основан метод.

Техника исследования:

- совокупность определенных орудий и инструментов, технических средств.

Метод представляет собой систему определенных компонентов и имеет собственную структуру. Основные элементы структуры научного метода – теория, методика и техника взаимосвязаны. Формирование новых методов идет двумя путями: 1) ведущий: проблема–теория-методика-техника; 2) обращение к новым техническим средствами может способствовать выработке новых методов. Одновременно в качестве посылок, которые образуют основу метода и характеризуют его сущность, выступают *подход* и *принцип.*

Подход:

- основной путь решения поставленной исследовательской проблемы, раскрывающий стратегию этого решения;
- совокупность приемов, способов, исходный принцип, исходная позиция исследователя; средство реализации методологических оснований познания[2];
- принципиальная методологическая ориентация исследования, точка зрения, с позиций которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), понятие/принцип, руководящий общей стратегией исследования[3];
- исходный принцип, исходная позиция, составляющие основу исследовательской деятельности; направление изучения объекта (предмета) исследования[4];
- совокупность идей, определяющих общую научную мировоззренческую позицию ученого, принципов, составляющих стратегии исследовательской деятельности, способов, приемов, процедур, обеспечивающих реализацию избранной стратегии в практической деятельности[5].

---

[1] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.39-40, 49-51.

[2] См.: *Ипполитова Н. В.* Взаимосвязь понятий «методология» и «методологический подход» // Вестник ЮУрГУ (Южно-Уральский государственный университет). 2009. № 13. С.13,15.

[3] См.: *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С.74.

[4] См.: *Петров А.* Основные концепции компетентностного подхода как методологической категории // Alma mater. 2005. № 2. С.54-58.

[5] *Ипполитова Н. В.* Взаимосвязь понятий «методология» и «методологический под-

Две трактовки *подхода* предполагают:

- рассматривать подход как основной ракурс исследования объекта в свете поставленной задачи, определяющий самую общую особенность того или иного метода;
- подход фиксирует определенную направленность, ориентацию научного исследования, но выносится за пределы метода, ограничивая его содержание «технологией» исследования[1].

С позиций уровней методологии выделяют три уровня в содержании *подхода*:

1) философско-прескриптивный – совокупность идей, определяющих общую научную мировоззренческую позицию ученого при осуществлении исследования (философский уровень методологии);

2) концептуально-дескриптивный – совокупность принципов, составляющих основу стратегии исследовательской деятельности (общенаучный и конкретно-научный уровни методологии);

3) процессуально-праксеологический – совокупность способов, приемов, процедур, обеспечивающих реализацию избранной стратегии деятельности (уровень методики и техники исследования)[2].

Среди классических подходов, имеющих общенаучный характер: абстрактный и конкретный, логический и исторический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический, генетический, сравнительный, типологический и проч. Среди подходов, определившихся к 1980-м гг.: системный, структурный, функциональный, информационный, вероятностный, модельный и др.[3].

С понятием *подход* тесно связано понятие *принцип*, который рассматривают как средство, метод, суждение, закон, правило, основание, исходное положение, идея и др.

Принцип:

- по своему функциональному месту в методе это - гносеологически-методологическое средство реализации соответствующего подхода;
- исходная идея решения научной проблемы; его содержание выражается в определенных требованиях, имеющих нормативно-регулятивный характер, соблюдение которых – условие успешного применения соответствующего метод.

Исследовательский подход и принцип взаимосвязаны: так, *генетический*

ход» // Вестник ЮУрГУ (Южно-Уральский государственный университет). 2009. № 13. С.13.

[1] См.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.42-45; *Готт В. С., Семенюк Э. Л., Урсул А. Д.* Категории современной науки (становление и развитие). М.: Мысль, 1984. С.148.

[2] См.: *Ипполитова Н. В.* Взаимосвязь понятий «методология» и «методологический подход» // Вестник ЮУрГУ (Южно-Уральский государственный университет). 2009. № 13. С.13.

[3] См.: *Готт В. С., Семенюк Э. Л., Урсул А. Д.* Категории современной науки (становление и развитие). М.: Мысль, 1984 и др.

подход основан на принципе *историзма*, *исторический подход* требует *генетического принципа* рассмотрения явлений. При всей сходности понятий, они различны, т.к. *история предмета* и его *генезис* – не идентичны. Тесная взаимосвязь *подхода* и *принципа* позволяет на практике часто называть их *методом*. Это обусловлено тем, что в подходе и принципе существующее онтологическое и гносеологическое знание приобретает практически-познавательный исследовательский характер в форме абстрактного теоретического знания, которое представляет собой основу метода и является его теорией – *теорией метода*, в которой обосновывается постановка проблемы, основной подход (путь) ее решения и принципиальные нормативные условия и требования реализации подхода для адекватного реальной действительности раскрытия исследовательской задачи[1].

Теория:

- высшая форма/уровень научного знания; совокупность идей и взглядов, объясняющих явления материального и духовного мира; раздел науки, специализирующийся на решении тех или иных общих проблем (например, теоретическое источниковедение); знание об объекте, подтвержденное научными фактами или проверенное практикой; системное, обобщенное, объясняющее, номологическое знание, основанное на исходной эмпирической основе, которая охватывает совокупность фактов, выступающих в форме системы понятий и категорий;
- это конкретное сущностно-содержательное знание об объекте познания, которое может быть использовано в предметно-практической и познавательной деятельности;
- этот система понятий и категорий, имеющая многоуровневую структуру в соответствии со степенью общности тех законов/закономерностей, которые составляют фундамент теории: общефилософский, философско-социологический, специально-научный и конкретно-проблемный[2];
- наиболее развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях изучаемой области действительности; теория, дающая не только описание, но и объяснение изучаемых явлений, считается высшей формой науки, показателем (признаком) зрелости науки, условием обретения дисциплиной подлинно научного статуса[3]

Теория как системное знание имеет синтезирующие компоненты – идеи и принципы. *Исходная идея /научная идея* – интегративна по характеру и наиболее широко отражает фундаментальные свойства исследуемых явлений.

---

[1] См.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.43-44.

[2] Там же. С.25-29.

[3] См.: Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки. Кемерово: Кузбас. гос. техн. ун-т, 2007. С.400-401.

Принцип в отличие от идеи (хотя в литературе эти понятия воспринимают или как синонимичные, либо как альтернативные[1]) выступает не как основа объединения элементов теории (понятий/фактов, законов, самих теорий и т. п.), а как средство объединения; это тоже идея, но не в структуре самой теории, а в методе ее построения. *Собственно идея* выступает в роли теоретического понятия, а *идея-принцип* как методологический инструмент.

6. Концепция / концептуальная модель / концептуальная схема:

- (от лат. conceptio «система понимания»): комплекс взглядов чего-либо, связанных между собой и вытекающих один из другого; определённый способ понимания, трактовки каких-либо явлений; основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; система взглядов на явления – в мире, природе, обществе; ведущий замысел, конструктивный принцип – в научной, художественной, технической, политической и других видах деятельности; система путей решения задачи; способ понимания, различения и трактовки каких-либо явлений, порождающий присущие только ему соображения и выводы[2];
- определенный способ понимания, точка зрения на предмет или явление, система взглядов, теоретических положений[3];
- система взглядов на предмет, основанная на собственном терминологическом аппарате и определяющая стратегию исследовательского действия;
- система доказательств определенного положения, ведущий замысел, определенный способ понимания и интерпретации какого-либо явления; совокупность историографических фактов[4].

Концептуальная модель:

- комплекс понятий и связей между ними, составляющих смысловую структуру какой-либо предметной области[5]; если предмет философии *науки* – «общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их развитии и рассматриваемых в исторически изменяющемся социокульурном

---

[1] См.: *Копнин П. В.* Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974. С.506; *Андреев И. Д.* О методах научного познания. М.: Наука, 1964. С.10; *Он же*. Теория как форма организации научного знания. М.: Наука, 1979; *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С.27.

[2] Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: (Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.**:** Сов. Энциклопедия, 1983.

[3] См.: Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки. Кемерово: Кузбас. гос. техн. ун-т, 2007. С. 375.

[4] См.: *Куделко С.* Концепція // Історіографічний словник: навч. посіб. Для студентів історичних факультетів університетів / С. І. Посохов, С. М. Куделко, Ю. Л. Зайцева та ін..; За ред.. С. І. Посохов. Харків: Східно-регінальний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. С.121-123.

[5] См.: *Куликов С. Б.* Концептуальная модель трансформации философских образов науки // Вестник ТГПУ / Томского гос. педагогического ун-та/. 2011. № 13 (115). С.169.

контексте»[1], то *концептуальная модель философии науки* представлена вариативными подходами: КМ включает а) методологию науки, историю науки и социологию науки[2]; б) логику и методологию науки, историю науки, социологию науки (когнитивную социологию), когнитивную психологию, философию техники в качестве системной целостности аспектов знания, при этом, методологические, социологические, аксиологические и антропологические дискурсы выступают как взаимодополнительные и взаимопроникающие[3]; в) аспекты философской экологии и глобальных проблем современности.

КМ призвана способствовать решению проблем научной идентичности (наука и псевдонаука), формированию новой научной рациональности[4].

Концептуа́льная схе́ма:

- семантическая сеть из взаимосвязанных по определенным правилам понятий и концепций [5].

7. Парадигма:

Приоритет введения этого понятия в науку принадлежит, как известно, американскому философу и историку науки Томасу Куну. Сам ученый употреблял этот термин в многочисленных значениях[6], поскольку, по его же словам, «понятие парадигмы» заменяет «целый ряд знакомых терминов»[7]. Среди основных определений, данных автором, следующие:

1) это «достижения» в науке, обладающие двумя характеристиками: во-первых, созданием «беспрецедентных достижений», привлекших «на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований», и, во-вторых, эти достижения должны быть достаточно открытыми для того, «чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для

---

[1] *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996. С.9.

[2] См.: Философия и наука в XX веке. URL: https://studfiles.net/preview/4278226/page:2/

[3] Томская философская школа.

[4] См.: *Черникова И. В.* Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т.307. № 4. С.146.

[5] См.: *Дэвидсон Д.* Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия. Избранные тексты. / Сост. А. Ф. Грязнов; Пер. А. Л. Золкина. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 144-159.

[6] «…этот термин используется по крайней мере двадцатью двумя различными способами». См.: *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.233; Маргарет Мастерман удалось установить 21 значение понятия «парадигма. См.: *Masterman M.* The Nature of a Paradigm. // Criticism and the Growth of Knowledge. Edited by I. Lakatos and A. Musgrave. Cambridge, MA: Harvard Press, 1970. P. 61-65.

[7] См.: *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.35. Введение в научных лексикон понятия парадигмы Томас Кун считал своим «вкладом в разработку проблем развития науки» (С.267).

себя нерешенные проблемы любого вида»[1];

2) это – «общепринятые примеры фактической практики научных исследований», которые включают: «закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование», – все это «в совокупности» – «модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования»[2];

3) это – «правила и стандарты научной практики», «общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, это – предпосылки для нормальной науки», т. е. «для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследований»[3];

4) это – «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»; «основная единица измерения для изучения процесса развития науки»[4];

5) этот термин тесно связан с понятием «нормальная наука», что «означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений – достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности»[5];

6) термин парадигма используется «в двух различных смыслах»: первый – «социологический» – это вся «совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т. д., которая характерна для членов данного сообщества»; второй – «образцовые достижения прошлого» – это «один вид элемента в этой совокупности – конкретное решение головоломок, которые, когда они используются в качестве моделей или примеров, могут заменять эксплицитные правила как основу для решения не разгаданных еще головоломок нормальной науки»[6];

7) это – «то, что объединяет членов научного сообщества, *и*, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» как элемент/компонент дисциплинарной матрицы, «общепризнанный образец», «конкретное достижение», «конкретное решение проблемы», «признанные примеры»[7].

Ремарка-info: К истории термина. Парадигма – слово древнее, в течение не одной тысячи лет происходило видоизменение значения этого термина, его понятийная модификация. Истоки использования этого слова усматри-

---

[1] *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.34.

[2] Там же. С.35.

[3] Там же. С.35.

[4] Там же. С. 17, 35.

[5] Там же. С. 34.

[6] Там же. С. 225.

[7] Там же. С. 226, 240, 241, 267.

вают в ведической традиции – древний санскритский термин *парадайгма* (высший образ) фонетически и морфологически близок к греческому *paradeigma* в сократовской философии и в платонизме[1]. От античности до Нового времени термин парадигма применялся преимущественно как некая всеобщая идея системного представления мира, бытия, совокупность эйдосов-прообразов, образ конкретного идеала и т. п.[2]. В XX в. термин *парадигма* использовал американский неопозитивист Густав Бергман в значении стандартов исследования в философии науки[3]. Еще ранее (1949 г.) Людвиг Витгенштейн, австрийский философ, основоположник лингвистической философии и «теории языковых игр», хотя и не сделал этот термин стержневым понятием (как у Т. Куна), но трижды обратился к нему в значении – «набор правил»[4]. С конца 1960-х гг. термин «парадигма» получил широчайшее распространение, войдя не только в общенаучный лексикон, но и в обыденную словесную практику.

В дидактической и словарно-энциклопедической литературе термин парадигма приобрел достаточно широкий спектр определений[5]. Некоторые из них, отражающие историю термина и варианты, близкие к трактовке Т. Куна, приведены ниже:

1) (от греч. «пример») – в грамматике слово, служащее образцом склонения или спряжения; в риторике – пример, взятый из истории и приведенный с целью сравнения[6];

2) (гр. paradeigma пример, образец) – 1) грам. образец склонения или спряжения, система форм одно и того же слова; 2) пример из истории, взятый

---

[1] Древнегреческое слово paradeigma дословно значит «то, что определяет характер проявления, оставаясь вне его» (para – это «сверх», «над», «через», «около», а deigma – «проявление», «манифестация».

[2] См.: *Платон.* Собрание сочинений в 3 т. Т.1. М.: Мысль, 1968. С.501-509 (Примечания А. А. Тахо-Годи); *Верещагина Т. Н.* Парадигматический феномен в философии. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МПГУ, 2000; *Павлова А. Б.* Понятие парадигмальности в пифагорейской космогонической традиции. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2005; *Войниканис Е.А*. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права: Сборник научных работ. М.: Изд. Воробьев А. В., 2010, Вып. 1. С. 138-161; *Тетерин В. В.* Парадигма: от наивысшей идеи Сократа к дисциплинарной матрице Т. Куна // Вестник ИрГТУ. 2013. № 3 (74). С.222-226.

[3] Считается, что в философию науки Г. Бергман первым ввел этот термин. См.: Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Под ред. В. С. Степина. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С.230. [*Бергман Г.* Философия науки. Мадисон: Университет Wisconsin Press, 1957].

[4] См. подробнее: *Шепетяк О.* Порівняння понять «стиль мислення» Людвіка Флєка і «парадигма» Людвіга Вітгенштайна та Томаса Куна // Сучасні проблеми германістики в Україні. Матеріали міжнародної наукової конференції. Дрогобич: Видавець Сурма, 2008. С.92-101.

[5] См., например: Понятия и категории. Вспомогательный проект портала ХРОНОС. URL: http://ponjatija.ru/

[6] Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С.-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. Кн. 44. Т. XII. С.758.

для доказательства, сравнения[1];

3) совокупность теоретических и методологических предпосылок, определяющих конкретное научное исследование на данном этапе; модель, образец для решения исследовательских задач[2];

4) признанное всеми научное достижение, которое в течение определенного времени дает научному сообществу модель постановки проблем и их решений [3];

5) совокупность устойчивых и общезначимых норм, теорий, методов, схем научной деятельности, предполагающая единство в толковании теорий, в организации эмпирических исследований и интерпретации научных исследований[4];

6) модель, принятая научным сообществом в качестве образца постановки и решения исследовательских задач [5];

7) в расширенном варианте это – концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, которая господствует на протяжении определенного исторического периода; понятие «парадигма» имеет значительные познавательные возможности при реконструкции теоретического поля – выявлении конкурирующих взглядов, в определении основных тенденций в развитии науки[6];

8) образец, пример, признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу; термин парадигма используется для обозначения научного взгляда на мир, любого свода законов и принципов, которые формируют в целом когерентные представления конкретной науки; модель, образец решения исследовательских задач [7];

9) «концептуальный модуль науки», «совокупность теорий, составляющих некоторое метатеоретическое единство – парадигму, которая базируется на особых онтологических и гносеологических идеализациях и установках,

---

[1] Словарь иностранных слов / Под редакцией И. В. Лехина и проф. Ф. И. Петрова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. С.473.

[2] См.: Философский словарь / Под редакцией И. Т. Фролова. Изд. пятое. М.: Изд-во политической литературы, 1987. С.354.

[3] См.: Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. С.254.

[4] См.: Современный философский словарь / Под общей редакцией проф. В. Е. Кемерова. Москва – Бишкек – Екатеринбург: Изд-во «Одиссей», 1996. С.357.

[5] См.: История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / Е. Ю. Бельская [и др.]; под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб и доп. М.: Альфа-М: ИНФА-М, 2011. С. 400.

[6] См.: *Зайцева Ю., Посохов С.* Парадигма // Історіографічний словник: навч. посіб. Для студентів історичних факультетів університетів / С. І. Посохов, С. М. Куделко, Ю. Л. Зайцева та ін..; За ред.. С. І. Посохов. Харків: Східно-регінальний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. С.185-191.

[7] См.: Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки. Кемерово: Кузбас. гос. техн. ун-т, 2007. С.384.

распространенных в определенном научном сообществе»[1];

10) совокупность общенаучных и общемировоззренческих представлений; стойкая система теоретических представлений, господствующая в научном сообществе на протяжении более-менее длительного времени; совокупность доминирующих в научном сообществе представлений о своей дисциплине и ее месте в обществе[2];

11) какая-либо научно-концептуальная схема, системно представленная в форме четырёхкомпонентной дисциплинарной матрицы, выступающая в качестве нормативно-методологической основы для теоретической и практической деятельности организованной группы людей (учёных, философов, политиков, идеологов и др.) и эвристически действующая в исторически ограниченный период времени[3];

12) система фундаментальной научной идеи, научной теории, эмпирических данных и категориальных структур (обладающих общекультурным смыслом, выражающих эпохальные стереотипы восприятия, осознания и практического освоения реальности) – категориального строя мышления в единстве его мировоззренческих и логико-гносеологических функций[4];

13) парадигма (сверхобобщающая / метапарадигма / фундаментальные парадигмы) – широкий теоретический концепт, отражающий базовые установки человеческого мировидения; высшие интегральные духовно-исторические константы, детерминирирующие все другие культурно-цивилизационные процессы[5].

Факт многообразия использование этого термина практически во всех сферах науки с сохранением ядра куновских определений (*совокупность, система, теория, концепция, модель, схема, метод, образец* и т.п.) обусловило ряд попыток систематизировать всю массу значений по проблемно-дисциплинарному принципу.

I. Парадигма включает две составляющие ее содержания: а) «эпистемическую» – совокупность фундаментальных знаний, ценностей, убеждений, технических приемов как образцов научной деятельности, б) «социальную» [терминология Т. Куна. – Т. П]. – как фактор, определяющий целостность и границы конкретного научного сообщества[6];

---

[1] *Кузнецов В.* Понять науку в контексте культуры // См.: Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 5.

[2] См.: *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып.1: Кризис историзма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С.8-9.

[3] См.: *Ермолаева О. А.* Основные принципы, методы и уровни современного парадигмального подхода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2008, № 1 (9). С.167.

[4] См.: *Храмова В. Л.* Целостность духовной культуры. Киев: Феникс, 1995. С.6; *Перевязко Н. В.* Парадигмальный анализ феномена науки // Наука та наукознавство. 2010. № 3. С.109-120.

[5] См. подробнее: *Дугин А.* Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-Центр, 2002.

[6] См.: Новейший философский словарь /сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во

II. Вся совокупность определений данного феномена условно разделяется на три группы:

1) *морфологическое представление*: парадигма как некий морфологический или грамматический образ в лингвистике, филологии и риторике (Ф. де Соссюр использовал термин в качестве обозначения целого класса лингвистических элементов, имеющих схожие свойства);

2) *аксиологически-мировоззренческое представление*: парадигма как образ, прообраз, ценность, общая картина мира («пример», «модель», «образец» – в риторике – пример из мифологии или истории);

3) *методологическое представление:* парадигма как некая совокупность теорий, взглядов, концепций и механизмов научного знания[1].

Ремарка-info. В литературе указывают на связь идей Т. Куна с его предшественниками, в частности, отмечается факт заимствования категории парадигма у Л. Флека. Сам Томас Сэмюэл Кун признавался[2], что в период написания им работы «Структура научных революций» (рубеж 1950-1960-х гг.), он «очень слабо был знаком с философией <…> я читал не слишком много», и тем более сразу же переставал читать работы тех авторов, которые по своим взглядам были слишком ему близки (например, Г. Башляр: «Новый рационализм», 1953) [3]. Однако в *Предисловии* к своей книге (1962) Т. Кун четко называет имена тех ученых, которые оказали на него «особое влияние»: А. Койре, Э. Мейерсон, Е. Мецгер, А. Майер, А. Лавджой, Б. Л. Уолрф, Ж. Пиаже, А. Куайн, Ф. Х. Саттон[4]. О книге Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта» (1935) Т. Кун говорит совершенно определенно: эта книга «предвосхитила многие мои собственные идеи», в частности в области «социологии научного сообщества»[5]. Введенные Л. Флеком понятия *стиль мышления* («Denkstil»)

В. М. Скакун, 1998. С.504.

[1] См. подробнее: *Тетерин В. В.* Парадигма: от наивысшей идеи Сократа к дисциплинарной матрице Т. Куна // Вестник ИрГТУ. 2013. № 3 (74). С.222-226.

[2] Вызывает сомнение, насколько искренним было это признание, похожее на своеобразное кокетство, тем более что эти слова относятся к более позднему времени, нежели написание книги. См.: *Боррадори Джованна.* Американский философ: Беседы с Куайном, Дональдом Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвалом, МакИнтайром, Куном / Перев. с англ., изд. 2-е, перераб. М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1999. С.184-188 [Парадигмы научной эволюции: Томас С. Кун].

[3] Цит по: *Лешкевич Т. Г.* Философия науки: традиции и новации. М.: Изд-во «ПРИОР», 2001. С.327-328.

[4] «…я обязан им очень многим, – пишет Т. Кун, – хотя сейчас нередко уже не могу полностью осознать их влияние». См.: *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.14-15. Стоит заметить, что среди перечисленных – нет имен М. Полани и Р. Мертона. О М. Полани Т. Кун упоминул в связи с «блестяще» (по его определению) развитой им темой о «скрытом знании», которое «определяется практикой и которое не может быть разработано эксплицитно». См.: Там же. С.75.

[5] См.: *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.15.

и *коллектив мыслительный/мышления* («Denkkollektiv»), которые он понимал довольно широко, получили свою оригинальную творческую трансформацию в куновском дуэте *парадигма-научное сообщество* применительно сугубо к научной сфере.

Комментарии-post. Сложный поиск подходов Томаса Куна к содержательному наполнению terminus novus (древнего термина в новом значении), обусловивший многозначную неопределенность дефиниций в первоисточнике, способствовали утверждению в научной литературе разнообразных толкований понятия *парадигма*. Вместе с тем можно, учитывая многочисленные авторские варианты определения феномена *парадигма*, предложить следующую конструкцию:

1. Т. Кун в *Дополнениях* к книге 1969 г. [в ответах на критику с разъяснением непонятых, по его мнению, положений. – Т. П.] писал: «Парадигма как общепризнанный образец составляет центральный элемент того, что я считаю самым новым и в наименьшей степени понятым аспектом данной книги <…> именно этот компонент общепринятых групповых предписаний в первую очередь привел меня к выбору данного слова. Тем не менее, поскольку этот термин [парадигма. – Т. П.] получил свою собственную жизнь, я буду заменять здесь его словом “образцы”»[6].

Таким образом, значение *парадигмы* сужается – это лишь четвертый компонент[7] «дисциплинарной матрицы» – «общепризнанный образец», «конкретное достижение», «конкретное решение проблемы», «признанные примеры», которому, однако, Т. Кун придавал первостепенное значение в научной практике.

2. «Парадигма» в многозначно расширительном смысле – это более распространенное понятие, которое интерпретируется в диапазоне от – модели, служащей эталоном мышления, модели любого вида человеческой деятельности, научного взгляда на жизнь/мир, принятого за образец, метатеоретических оснований науки, концептуального модуля науки, эталона научной деятельности до – объединяющей научное сообщество на этапе «нормальной науки» совокупности общезначимых теорий, методов, норм, стандартов и схем исследовательской деятельности и определенного набора предписаний (регулятивов), образцов и примеров конкретного исследования.

Парадигмальный сдвиг:

- изменение во взглядах, полное изменение мировоззрения, изменение парадигмы;
- осмысление и обоснование новой парадигмы, предусматривающей обобщение предшествующего опыта и осмысление нового цивилизаци-

[6] *Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 240-241.

[7] Т. Кун использует термины *компонент* и *элемент* как синонимы.

онного опыта на основе междисциплинарности; выстраивание нового смыслового ряда; эпистемологическая смена парадигмы.

8. Научное направление:

Понятие *научное направление* – «одно из самых дискутируемых понятий, по поводу которого нет единства мнений в историографии и науковедении»[1]. Основные подходы к определению можно скомпоновать в ряд позиций:

1) «способ самоорганизации исторического сообщества и форма научной коммуникации в исторической науке, признаваемое таковым научным сообществом»[2];

2) «область научного исторического знания, предполагающая особый ракурс рассмотрения исторической реальности (*историческая антропология, социальная история, культурная история* и др.)»; появление направлений связано «с расширением предметного пространства исторического знания, модификацией исследовательских проблем, диверсификацией исследовательских стратегий»; научное направление отлично от направления в исторической науке: последнее обусловлено «мировоззренческими, политическими и т.п. факторами» (консервативная историография, либеральная, вигская и др.)[3];

3) в соответствии с принципом иерархической соподчиненности «историографических классов» *направление – течение – школа* эти понятия рассматриваются по степени содержательного объема (проблематика, методология, методы исследования, концептуальные подходы и т.п.), при этом существуют противоречия в распределении «ролей»: для Е. В. Гутновой наиболее «объемным» является *течение* («аморфные группы историков, объединенные, самыми общими методологическими принципами», в которые входят школы и *направления* – второе по «объему» научное «образование» с общей методологией, единством интерпретации методологических принципов, общей тематикой исследований)[4]; для «русистов» (И. Д. Ковальченко, А. Л. Шапиро, Р. А. Киреева и др.) критерии *направления* в историографии включают «общественно-политическую направленность», тогда как *течения* – прежде всего методологическая общность; одновременно эти понятия употребляются как синонимы с акцентом на «объективно-классовое содержание» концепций их

---

[1] *Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф.* Научное направление // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь /Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.311.

[2] *Мельникова О. М.* Направление в исторической науке // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С.315.

[3] *Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф.* Научное направление // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь /Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С.311.

[4] См.: *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М.: Высшая школа, 1974. С.10.

представителей[1];

4) сохраняется традиция употребления триады *направление-течение-школа* как составляющих синонимического ряда;

5) в украинской историографии *течение* – объединение ученых на основе единых общественно-политических взглядов; *направление* – объединение ученых (реальное или умозрительное), имеющее своих лидеров, организационное оформление (необязательно) на основе общих методологических принципов, в рамках которого существуют научные школы, обычно возникает при смене парадигм научных исследований и репрезентует не только внутренние научные процессы, но и коллизии эпохи; при этом отмечается относительность и аморфность дефиниций «без четких контуров и архитектоники»[2];

В противовес наследию советской историографии, в которой утвердилась (хотя и с нюансировкой) триада *направление-течение-школа*, в новую эпоху, не выработав единых подходов к определению этих понятий, ученые попытались заменить категории *направление-течение* одним – *школа*[3]. При этом понятие *течение* практически вышло из употребления, а понятие *направление* в свою очередь приобрело достаточно широкое звучание, хотя его характеристики по-прежнему весьма относительны и подвижны.

9. Дисциплина:

Термин ***дисциплина*** – давнего происхождения: этимологически (лат. disciplina, от discere учить) он означает учение. Традиционное употребление этого термина имеет два основных смысла: 1) обязательное для членов определенного сообщества подчинение установленному порядку; 2) отдельная отрасль знания.

Полисемантичность этого термина в современном обиходе дает много-

---

[1] См.: *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С.131; *Шапиро А. Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. С.236. *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отд., 1977; *Он же.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки /Отв. ред. Б. В. Ананьич; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986.

[2] См.: *Колесник Ірина.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С.61; *Колесник І. І.* Українська історіографія (XVIII – початок XX століття). Київ: Генеза, 2000. С.38-39; Історіографічний словник: навч. посіб. Для студентів історичних факультетів університетів / С. І. Посохов, С. М. Куделко, Ю. Л. Зайцева та ін..; За ред.. С. І. Посохов. Харків: Східно-регінальний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. С.144-145, 278-279 (*Куделко С. М.*).

[3] См. подробнее: *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000; *Оноприенко В. И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008; *Мирская Е. З.* Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М.: Логос, 2005. С.244-265; *Она же.* Научные школы как форма организации науки (социологический анализ проблемы) // Науковедение. 2002. № 3. С.8-24 и др.

численные варианты содержания понятия.

В первом значении – *порядок, повиновение, поведенческая модель*:

- дисциплина – подчинение правилам и порядкам, которые установлены кем-либо; совокупность твердо установленных правил, которым должна подчиняться известная группа людей, связанных общими обязанностями (воинская дисциплина, спортивная[1], трудовая, финансовая, партийная, школьная, учебная; «железная» дисциплина; строгое повиновение младших членов старшим);
- дисциплина – поведенческая модель человека, направленная на следование порядку, закону или установленным правилам поведения людей, отвечающим сложившимся в обществе нормам права и морали или требованиям какой-либо организации; необходимое условие нормального существования общества; выдержанность, строгость правил поведения личности; соответствующие принятым в обществе нормам или требованиям правила распорядка внутри компании или фирмы; определенный порядок поведения людей, отвечающий сложившимся в обществе нормам права и морали, а также требованиям той или иной организации и т. п.;
- дисциплина – обязательное подчинения «всех» (социум, социальные общности и группы, индивиды) установленному порядку (нормам, правилам и т. д.), обеспечивающему организованность, структурированность, согласованность и ожидаемость взаимодействий внутри социальной целостности (как в ее статике, так и в ее динамике, процессуальности), что обеспечивается как «внешними» (принуждение), так и «внутренними» (интериоризация норм и т. д.) механизмами поддержания дисциплины в обществе[2];
- дисциплина – (психологическая характеристика) привычка к строгому порядку.

Во втором значении – *отрасль знания*:

дисциплина – особая область изучения, учебный предмет в школе, университете и т. п.

Разновидностью последнего значения выступает –

Научная дисциплина – самостоятельная отрасль какой-либо науки.

Последняя формула так же многозначна. Словарно-энциклопедическая и научная литература последних десятилетий позволяет суммировать ряд определений *научной дисциплины*.

1. *Научная дисциплина* (от лат. disciplina – учение), базовая форма организации профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, сообщество, занятое его производ-

---

[1] *Дисциплина* – богиня в римской мифологии, персонифицирующая воинскую дисциплину. Культ получил распространение при императоре Адриане.

[2] См.: *Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Дисциплинарность // Новейший философский словарь. Минск, 2003. URL: http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost'

ством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии; представление о научной дисциплине как максимальной аналитической единице исследования науки используется в работах по науковедению, истории, философии, социологии, экономике науки и научно-технического прогресса[1].

2. В социологии науки новый вектор направленности современных дебатов о дисциплинарности, нашел свое выражение в идее размежевания т. н. релятивистского и практического подходов к определению понятия научная дисциплина:

1) *Релятивистские интерпретации* определяют дисциплины как социальные конструкты, выступающие инструментами реализации определенных социальных задач:

- Дисциплины – это интеллектуальные структуры, в которых происходит трансляция знания от одного поколения к другому. Они оказывают значительное влияние на структуру занятости – мир практик.
- Дисциплины – не только интеллектуальные, но и социальные структуры, организации, образованные людьми, с интересами, основанными на временных инвестициях, репутациях и социальных сетях, создающие и определяющие представления о значимости производимого ими знания.
- Дисциплины – это картели, организующие рынки по «производству» и «сбыту» (трудоустройству) студентов, и вытесняющие за пределы рынка труда всех тех, кто не произведен картелем.

2) В отличие от релятивистского *практический подход*:

а) соединяет микро- и макроуровни анализа, при этом акцент делается на процесс создания и трансформации дисциплинарных структур действиями ученых;

б) признает значимыми некоторые «реальные» характеристики дисциплинарности – определенный уровень дисциплинарной согласованности практик, дискурсов, процедур, что является результатом механизмов унификации, действующих в пределах дисциплин.

- *Д*исциплины – это резервуары познавательных ресурсов, формирующие поведение, особые дискурсы, стили мышления, процедуры, эмоциональные ответы и мотивации [2].

3. *Дисциплина* – «передний край» науки с «универсальными междисциплинарными составляющими» («дисциплинарный инвариант», «черты дисциплинарных интерьеров», «универсалии дисциплинарности»), среди них: дисциплинарная общность (действующие и потенциальные творцы-субъекты; массив наличных результатов-вкладов, накопленных деятельностью членов

---

[1] См.: *Мирский Э. М.* Определение ключевых понятий // Социология науки. URL: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/0.htm http://courier-edu.ru/pril/posobie/opred.htm#up

[2] См.: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.619-620**.**

дисциплинарной общности; механизм социализации-признания вкладов; механизм подготовки дисциплинарных кадров для воспроизводства дисциплинарной общности (университет); дисциплинарная деятельность по накоплению результатов и воспроизводства дисциплины; правила дисциплинарной деятельности; сеть цитирования; предмет дисциплины – поле поиска, определенное действующей дисциплинарной парадигмой[1].

4. *Дисциплина* (лат. disciplina – учение) – совокупность процессов и результатов организации, структурации, социализации, институционализации теоретических знаниевых практик как предустанавливающих нормированный, санкционированный и легитимный порядок мышления и вытекающих из этого порядка действий (деятельности) в конкретных предметно-проблемных областях (отраслях) познания[2].

5. *Дисциплина* – некая система, в рамках которой зафиксированы основные представления об образцах, стандартах или нормативах познания, специфичных для науки, которая не сводится только к процессам поиска нового – исследовательской работе, но это еще и предметно организованное, систематизированное знание – учебные руководства и монографические обзоры, статьи, по которым можно судить о степени развитости науки/научной дисциплины, о видоизменениях, происходящих в ней[3].

6. *Дисциплина* – явление множественное: в отличие от мудрости, знания или науки вообще, каждая дисциплина не тотальна, но – партикулярна; охватывая собственную, выделенную по особым характеристикам сферу, она всегда существует только в ряду прочих дисциплин»[4].

7. *Дисциплина* «реализует (воплощает в себе) универсально-понятийный социокультурный код работы со знаковой реальностью (через воплощение знания в тексты или акты речи как конечные фрагменты, формализующие смысл), теоретически «сжимая» информацию-знание благодаря его облечению в абстрактные формы (понятия, категории и т. д.) и обоснованию его отсылкой ко всеобщему, абсолютному (генерирующему, порождающему) началу-принципу (в качестве которого могут выступать Бог, природа, гипер- или интертекст, истина или догма, авторитет и т. д.)»[5].

---

[1] *Петров М. К.* Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.234-235; *Неретина С. С.* Творчество как сущность (О концепции культуры М. К. Петрова) // Петров М. К. Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.16.

[2] См.: *Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Дисциплинарность // Новейший философский словарь. Минск, 2003. URL: http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost'

[3] *Сычева Л. С.* Современные процессы формирования науки. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск: Наука, 1984. С.12.

[4] *Дмитриев А*. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.5.

[5] *Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Дисциплинарность // Новейший философский сло-

8. *Дисциплина* – это «практики “вычленения” идеального и его редукции к мышлению, оформляемому определенным образом в языке, логике, предметности, парадигмальности [наиболее хорошо эти процессы прослежены в стратегиях оформления науки в виде генерализируемых в мере своей абстрактности (универсальности) теорий]»[1].

9. *Дисциплина* – это группа ученых со взаимозаменяемыми профессиональными компетенциями (“exchangeable credentials”), собранных в устойчивые профессиональные объединения; специализированная форма организации, объединяющая специалистов – химиков с химиками, историков с историками, которая определяется предметом, т. е. областью знания (Эн. Эббот)[2].

10. *Дисциплина* – «это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил»[3].

11. *Дисциплина* – это блок знаний о той или иной сфере действительности, форма совместной деятельности научных работников (как форма упорядочения, организации уже полученных знаний), форма сотрудничества и коммуникации ученых, подготовки научных кадров; форма организации научной деятельности, обладающая существенными возможностями и специальными механизмами самоорганизации, которые вырабатываются спонтанным путем, независимо от осознаваемых целей, мотивов или намерений того или иного исследователя (напротив, именно в рамках дисциплины его цели, намерения и мотивы в значительной мере формируются, и эти рамки позволяют реализовать их). Каждая научная дисциплина складывается естественно-исторически – она не изобретается и не учреждается единым актом некоторого основоположника, а создается под воздействием целого ряда факторов и условий, как интеллектуальных, так и социальных, как внутринаучных, так и проистекающих из взаимосвязи науки и общества[4].

10. Дисциплинарность:

1. *Дисциплинарность* – это характерная и устойчивая взаимосвязь определенной области знания (той или иной науки в ряду прочих), специфической образовательной ячейки (особого института, факультета или кафедры

варь. Минск, 2003. URL: http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost'

[1] *Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Дисциплинарность // Новейший философский словарь. Минск, 2003. URL: http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost'

[2] Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.622.

[3] *Фуко Мишель*. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С.69.

[4] *Юдин Б. Г.* Методологический анализ как направления изучение науки. М: Наука, 1986 и др.

/департамента) и отдельной сферы занятий (определенной академической профессии, специальности); *принцип* указанного соединения компонентов, определенный исторический и социальный *феномен*, характерный для модерных обществ [1].

2. *Дисциплинарность* – «…социально необходимая, преемственно воспроизводимая форма теоретической деятельности, по генезису связанная с трансляционно-трансмутационным интерьером навыков всеобщего распределения, прежде всего гражданских», которая «не знает и не приемлет привычного для интерьеров профессиональной деятельности факультативного статуса новаторства, когда новатором можно быть или не быть, оставаясь в любом случае профессионалом»[2] .

11. Субдисциплина:

Понятие субдисциплина в последнее время, особенно в контексте «поворотов», начинает приобретать повышенное внимание. «Феномен субдисциплинарности» получает даже один их первых экспериментальных проектов в украинской историографии[3]. Обычно субдисциплину определяют как подотрасль науки, раздел науки, частную дисциплину. В этом случает можно говорить (применительно, в частности, к области истории как мегадисциплинарном семействе) об исторической науке как *родовой* дисциплине и об остальных многочисленных исторических дисциплинах как *видовых*, которые могут получать статус субдисциплин. Однако на практике все сложнее, т. к. до сих пор нет универсальной классификации исторических дисциплин, понятие «субдисциплина» имеет преимущественно «плавающий характер», не узаконенный в общепризнанных классификационных систематиках. В российском «Терминологическом словаре…» (М., 2014, 2016) статьи «субдисциплина» нет.

М. Ф. Румянцева отмечает, что «термин субдисциплина практически не

---

[1] «Под ***дисциплинарностью*** мы понимаем характерную и устойчивую взаимосвязь определенной области знания (той или иной науки в ряду прочих), специфической образовательной ячейки (особого института, факультета или кафедры /департамента) и отдельной сферы занятий (определенной академической профессии, специальности). Дисциплинарность может выступать и как *принцип* указанного соединения компонентов, и как определенный исторический и социальный *феномен*, характерный именно для модерных обществ. Дисциплина при этом осознается как явление множественное: в отличие от мудрости, знания или науки вообще, каждая дисциплина никогда не тотальна, она партикулярна. Охватывая собственную, выделенную по особым характеристикам сферу, она всегда существует только в ряду прочих дисциплин». См.: *Дмитриев А*. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.5.

[2] *Петров М. К.* Язык, знак, культура / Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 233, 291.

[3] Нариси з соціокультурної історії українського історієписання: субдисциплінарні напрями: колект. монографія / Удод Олександр, Верменич Ярослава, Ковалевська Ольга, Ясь Олексій; упоряд. текстів й наук. апарату С. Блащук, Н. Пазюра; за загал. ред. В. Смолія; НАН України; Ін-т історії України. Київ: Генеза, 2018. С.4.

встречается при описании структуры исторического знания… однако в общей системе науки мы вынуждены рассматривать в качестве научной дисциплины историю и соответственно ее дисциплины – в качестве субдисциплин»[1]. Изменение моделей исторической науки влечет за собой и изменение в соотношении ее составляющих: если направления и предметные поля современного исторического знания оформляются в рамках неклассической и постнеклассической моделей науки, то дисциплинарная структура *истории* складывается в рамках классической модели, при этом разрушение «классического» исторического нарратива (в рамках неклассической и постнеклассической моделей) привело к тому, что «высвобождение» ряда т. н. «вспомогательных» привело к обретению ими самостоятельного дисциплинарного статуса. *Дисциплина исторической науки* (в отличие от понятия научной дисциплины / науки как таксона научного знания – в классификационной системе наук) – историографически сложившаяся область научного исторического знания, имеющая собственный объект исследования. Все дисциплины исторической науки по сути представляют собой *субдисциплины*, т. е. подчиненные (вспомогательные или дополняющие по отношению к исторической науке) области знания. Среди них обычно выделяют: вспомогательные (источниковедческой направленности) и дисциплины, имеющие объектом «специальную область человеческой деятельности»). М. Ф. Румянцева предлагает разделение дисциплинарного поля *истории* на:

- *дисциплины* (антиковедение, археология, историография, история исторической науки, источниковедение и проч.),
- *вспомогательные исторические дисциплины* (археография, историческая библиография, биографика, просопография и проч.),
- *направления* (гендерная история, дискурсивная история, институциональная история, глобальная история, локальная история, культурная история, региональная история, микроистория, визуальная история и проч.)
- *предметные поля* (интеллектуальная история, история идей, история ментальности, новая биографика, история повседневности и проч.).

[1] *Румянцева М. Ф.* Вспомогательные исторические дисциплины в системе субдисциплин современной исторической науки: приглашение к дискуссии: Тезисы доклада на Научно-исследовательском семинаре по вспомогательным историческим дисциплинам ИРИ РАН. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/obsuzhdenija/rumianceva2012/12-1-0-126

Авторский словарь[1]

Ремарка-цитата: «…всякая дефиниция, т. е. краткое определение понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления, условна и в какой-то мере неполна <…> Тем не менее указание на то, какой дефиниции ты придерживаешься, – признаваемое издавна обязательное предварительное условие дальнейшего взаимопонимания»[2].

- ***Концепт*** – синоним понятия, смысл слова, содержание понятия как выражение социокультурной конвенции.
- ***Концепция (историческая / историографическая)*** – эмпирически и теоретически обоснованная система взглядов на конкретную исследовательскую проблему, представляющая логически стройное и эвристически продуктивное решение этой проблемы.
- ***Концептуальное поле*** – содержательное пространство, включенное в конкретную *концепцию*.
- ***Концептуальная модель*** – синоним концепции с акцентом на методологический потенциал концепции.
- ***Концептуальная схема*** – в отличие от концепции это – незавершенная с точки зрения эмпирического и теоретического обоснования совокупность взглядов на исследовательскую проблему, гипотетический макет-модель объекта изучения.
- ***Научное понятие*** – форма мышления, раскрывающая существенные признаки объектов познания; результат научного теоретического обобщения, выражение определенной научной теории, факт научной концепции; интеллектуальный инструмент, с помощью которого происходит смысловое конструирование явлений и процессов; маркер процесса развития знания, выполняющий познавательную и коммуникационную функции.
- ***Направление*** – институциональный таксон, «историографический класс», сообщество исследователей, объединенных определенным уровнем социокогнитивных параметров; образ проблемно и методологически ориентированных исследований в историографической традиции.
- ***Парадигма*** *в широком смысле слова* – ведущий критерий процесса развития науки – концептуальная модель науки, объединяющая в целом (принципиальных чертах) научное сообщество в определенном регионально-темпоральном пространстве.
- ***Парадигма*** *в узком смысле слова* – система общепризнанных правил

[1] Поскольку эта терминология достаточно часто используется в тексте, привожу авторский вариант значений употребляемых терминов.

[2] *Шмидт С. О.* Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки / РАН, Отд-ние историко-филол. наук. Вып. 8 (126) . М.: Наука, 2005. С. 298.

и стандартов научной практики, модель конкретной традиции научного исследования, признанная определенным научным сообществом (видом/типом) в качестве образца.

- ***Полипарадигмальность*** – ситуация в науке / дисциплине, характеризующаяся наличием нескольких *парадигм*, объединяющих различные слои научного сообщества, в частности – дисциплинарного.
- ***Парадигмальный сдвиг*** – смена господствующей парадигмы как концептуальной модели науки; период в науке/дисциплине, характеризующийся обострением «межпарадигмальной» борьбы за лидерство/приоритетный статус.
- ***Предметное поле*** – содержательное пространство предмета познания/исследования/дисциплины/направления.
- ***Проблемное поле*** – состоит из двух пластов: 1) «жесткое ядро» проблемного поля, включающее проблемы, постановка и решение которых может осуществляться на основе одной или нескольких парадигм, общепризнанных в качестве образцов исследовательской практики в науке/дисциплине и др. в конкретном регионально-темпоральном режиме; 2) «авангард» проблемного поля – проблемно-организованная сфера науки, «передний край» исследований, «выходящий» за дисциплинарные границы и включающий проблемы, постановка и решение которых требует инновационных подходов на основе «парадигмальных сдвигов», чаще всего на междисциплинарной основе; при этом «расширение» предмета/предметного поля познания/исследования/науки/дисциплины/направления может происходить в результате «расширения» (качественной трансформации) обоих пластов проблемного поля.
- ***Проблемная ситуация*** – интеллектуальная ситуация в пространстве предметного/проблемного поля, вызванная эвристическим затруднением, в основе которого – невозможность решения поставленной задачи/проблемы известным набором исследовательского инструментария, что побуждает к поиску «новых» / переосмыслению «старых» познавательных средств и подходов, при этом возникновение проблемной ситуации возможно в границах *всего* предметного/проблемного поля.
- ***Подход*** – интеллектуальный инструмент, фиксирующий конкретную ориентацию/направленность научного исследования, определяющий (и составляющий) специфику ракурса / фокуса исследования – общую стратегию исследовательской деятельности.
- ***Подход методологический как поворот*** – в «широком» значении – как синоним *подхода* вообще, т. е. показателя каких-либо изменений в методологической сфере в целом, в «узком» – как разновидность первого варианта, означающая конкретно-тематическую/предметную направленность исследования, ее новый ракурс в различных дисциплинах.

- ***Термин*** – словесное, естественно-языковое выражение понятий в форме отдельных слов и словосочетаний; знак научного понятия; интеллектуальный инструмент для обозначения специальных научных понятий.
- ***Теория*** – система понятий и категорий о сущностных процессах возникновения, развития, трансформации и взаимосвязи определенных явлений в природе, обществе и человеческом мышлении; многоуровневый характер теории (философский/философско-социологический/специально-научный/конкретно-проблемный) выражает глубину теоретических обобщений.
- ***Дисциплина научная*** – таксономическая единица науки, институциональный таксон, форма организации научного знания и научной деятельности, конкретно-исторический этап в развитии научной деятельности, органическая составляющая Науки; социокогнитивная система, вписанная в определенное социокультурное пространство.
- ***Дисциплинарность*** – организационная система научного знания и научной деятельности, основанная на дисциплинарном делении науки, принцип организации научного знания, культурно-исторический феномен**.**
- ***Дисциплинаризация*** – процесс формирования научных дисциплин, составляющая институционального процесса.
- ***Субдисциплина (историческая)*** – институциональный таксон научного исторического знания, имеющий видовой статус по отношении к своей родовой исторической науке и предстающий в социокогнитивном формате с определенной степенью когерентности когнитивных и социальных аспектов.
- ***Субдисциплинарный конгломерат*** – метафора, содержательно объединяющая различные таксономические единицы, составляющие многообразие социокогнитивных образований в Науке с определенным фактором институционализации.

Заметки завершающие

Вопрос: А какую религию исповедуешь ты?
Ответ: Я всегда скептик.
Акутагава Рюноскэ[1]

У Рэндалла Коллинза есть ключевой термин – «глубокие затруднения» – это проблемы, решения которых приводят не только к многообещающим результатам, но провоцируют новый «слой» проблем. Фактически эта метафора отражает сам процесс познания, который, по свидетельству Платона, отобразил еще Сократ в своем известном изречении – Scio te nihil scire; его содержание (при всех вариациях перевода[2]) можно определить следующим образом: знание, порождая знание, порождает и *не*знание, массив которого увеличивается по мере увеличения знания.

Современное интеллектуальное пространство – хаотично, многослойно, многообразно и пронизано бесконечно возникающими все новыми «вызовами» и «поворотами»; это – просто «мир поворотов», общепризнанных или гипотетически предлагаемых, «больших и «малых». Если первые оказали влияние на фундаментальные преобразования социогуманитарного знания (идеалистический, натуралистический, неокантианский, феноменологический, социологический, антропологический, социоисторический, аналитический, культурный, лингвистический), то со вторыми (для которых характерна путанная и размытая палитра) связаны «сдвиги» локального масштаба при их легитимации определенной дисциплинарной сферой, научным направлением, авторским инсайтом и т. п. В метафорическом понимании каждый «поворот» – это новый воображаемый горизонт возможностей и перспектив, который производит как волну интеллектуальных и креативных экспериментов, так и очевидных познавательных вызовов, угроз для определенного профессионального «цеха» ученых. Каждый из «поворотов» имеет свое индивидуальное лицо и особенности развертывания в границах научных ареалов и государственного историописания, собственные темпоральные измерения, способы адаптации и рецепции, поскольку детерминирован такими факторами, как – специфика интеллектуального пространства, культурных и историографических традиций, научного сообщества и т. п. При этом бывшие апологеты и даже «основоположники» конкретного поворота часто переходят на новые «поворотные территории»,

---

[1] *Акутагава Рюноскэ.* Новеллы / Вступительная статья А. Стругацкого. М.: Изд-во «Художественная литература», 1974. С.578.

[2] «Я знаю только то, что ничего не знаю», «Я знаю, что я ничего не знаю» и т.п. Эта фраза (если верить Платону) была сказана в определенном контексте и не имела столь расширительного толкования, но со временем приобрела аксиоматичный характер для обозначения *процесса познания* – т. н. «круг Сократа»: «Чем больше я знаю, тем больше пониманию, что не знаю ничего».

почти отрекаясь от прежних (Р. Рорти, Ф. Р. Анкерсмит и др.)[1].

Следствием «поворотов» в большинстве случаев становится дальнейшая дифференциация знания: появляются новые дисциплины, направления, предметные / проблемные поля и т. п. – весь «субдисциплинарный конгломерат». А поскольку «повороты» чаще всего имеют междисциплинарную платформу, то такие феномены, как дисциплинарность / междисциплинарность / субдисциплинарность, оказываются в единой связке понятий, обозначающих современное интеллектуально-научное пространство.

Исходное понятие ***Дисциплина*** – явление реальное и одновременно фантом: ее образы варьируются в темпоральной и региональной плоскости, подчинены социокультурым обстоятельствам, ментальной «зашоренности», политико-идеологическим мотивам, модуляциям институционального процесса, интеллектуальным традициям, неповторимому лику ветвей единого научного поля и т.п.

Как и любой «образ» – образ научной дисциплины – это определенная «модель реальности» (Л. Витгенштейн), редукционная схема, вобравшая в свой контурный силуэт лишь отдельные, фокусно вычлененные элементы/линии. От *теории* (как стержневого когнитивного параметра) образ дисциплины эволюционировал к социальным/организационным параметрам – сообществам и коммуникационным сетям. Трудно сказать, какой новый поворот предложит «эпистемология историка», заявившая о себе как об очередной панацее в ситуации «глубоких затруднений».

> ***Ремарка-образ.*** «Дисциплинаризация» – «раздисциплинирование» и новая «дисциплинарность» – это взаимосвязь «“Порядок” – “Хаос”». Ученые на переднем – проблемном – крае науки напоминают ребенка, играющего в кубики, который сначала строит нечто – фигуру, создает некий «порядок» из элементов (кубиков), подчиняя этот процесс законам «равновесия», эстетики, функциональности и т.п. (на детском языке – «красиво»); затем – этап разочарования (в основе – стремление к новому, к обновлению) – разрушает созданный «порядок», превращая его в «хаос» кубической массы, и начинает новое построение – новое «упорядочение».

Если еще недавно многим представлялось, что Дисциплина – феномен прошлого, устаревшая со времен классики интеллектуальная практика, для которой характерны стабильность и фиксированность форм организации знания, то после постмодернистского «натиска» культурных исследований, спровоцировавшего обратную реакцию у научного сообщества, можно констатировать рост интереса к феномену дисциплинарности в самых разных академических

[1] См.: *Ясь Олексій*. «Великі повороти» социогуманітарного знання в історії істоієписання ХХ ст.: Українська проекція // Український історичний журнал. 2018. № 5. С.107-135. Эта статья – результат первого серьезного исследования феномена «поворотов» на материалах украинского историописания.

сообществах: журнал «Critical Inquiry» (с участием Джудит Батлер, Марио Бьяджоли и других признанных авторов), французский сборник «Qu'est-ce qu'une discipline?», компаративный труд антиковеда Джеффри Эрнеста Ричарда Ллойда с анализом китайского материала и т. п. Дисциплины сегодня предстают не как уходящий жанр классификации знания, застывшая, ретроградная форма организации академической работы и учебного процесса, но как динамичная система автономных и взаимосвязанных исследовательских кластеров, меняющаяся в зависимости от времени и контекста[1].

Дисциплинарность науки заложена в самой системе ее *идеалов и норм*, основные формы которых – объяснение и описание / доказательность и обоснованность знания / построение и организация научного знания – образуют своеобразную схему, обеспечивающую научную практику, сохраняющую при всей конкретно-исторической вариативности интерпретаций исходные принципы. Каждая из этих форм структурно включает в себя три взаимосвязанных уровня:

первый определяет принципиальную специфику науки – поиск истины, раскрытие сущности изучаемых объектов;

второй представлен стилем мышления, доминирующим на определённом историческом этапе развития науки;

третий включает «установки» соответствующего стиля мышления, которые конкретизируются в соответствии со спецификой предметной области каждой науки/дисциплины.

Все это в совокупности предстает как единая система *регулятивов познания*, основанная на неких эталонных формах, выработанных в процессе научно-практической деятельности, на которые ориентируются исследователи. Процесс научного познания характеризуется постоянным усложнением своей организации и углублением дифференциации знания: к новому тысячелетию в науке насчитывали более пятнадцати тысяч дисциплин. В современной науковедческой литературе одной из признанных схем дисциплинарной организации науки считают схему, включающую четыре блока научных дисциплин, это – математика, естествознание, технические науки и гуманитарные. Последний блок чаще всего обозначают как социогуманитарные науки (науки о человеке). Каждая из научных дисциплина, входящих в эти блоки, при всей относительной интегрированности в общее научное пространство, имеет свойственные именно ей философско-мировоззренческие основания, включая представления о картине исследуемой реальности, собственную систему идеалов и норм познавательной/исследовательской деятельности и обладает присущей ей системой дифференциационных процессов во внутридисциплинарном поле. Фактор взаимодействия наук детерминирует проблемно ориентирован-

[1] См.: Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.623-634.

ные исследования, в которых междисциплинарность приобретает все большую значимость[1].

Одновременно разнообразные формы *междисциплинарности* вырабатывают собственный механизм регулятивов, создавая таким образом новый образ дисциплинарности в междисциплинарности.

Дисциплинарность неразрывна с университетским образованием: в академическом сообществе дисциплины создают идеалы, модели обучения и практической деятельности, способствуют формированию профессиональной идентичности; формируют дисциплинарный канон должного знания и связанные с ним процедуры легитимации; обеспечивают синхронное и диахронное единство академических сообществ.

Научная дисциплина как транс-дисциплинарное явление обладает весьма подвижными контурами своего силуэта, т.к. на национально-государственном / региональном уровне одна и та же область знания (например, история исторической науки / познания) выступает в собственном облике в соответствии с культурными традициями ее институционализации и восприятия. Специфика проявляет себя в дисциплинарном / *не*дисциплинарном статусе, в самонаименовании, в проблемно-предметном поле, в структуре и ментальности дисциплинарного сообщества и т. п.

Каждая дисциплина имеет свой «персональный маршрут», а ее возникновение и развитие – процесс многофакторный и далекий от линеарности: рассматривать его в проекции, которая задается одной системой координат – заведомо обрекать себя на искаженную картину этого процесса, поэтому и дисциплинарная история с необходимостью требует разнообразия путей к своему осмыслению.

Подходы к изучению научной дисциплины, детерминированные ее образами, – онтологическим, гносеологическим, методологическим, организационно-коммуникационным, деятельностным, когнитивно-мировоззренческим и т. п. («линейка инструментария») – должны сегодня восприниматься не в линейно-временной плоскости, а в различных вариациях синтеза либо избирательно в зависимости от исследовательской стратегии.

Дисциплинарный поворот обусловлен целым комплексом факторов, среди них:

Во-первых, *интеллектуально-научные*: кардинальная смена научно-мировоззренческих платформ, трансформация дисциплинарных полей, размах междисциплинарных исследований наряду с обозначившимися проблемами собственно междисциплинарности, углубляющаяся дифференциация научного знания, вступление в «историографический этап / возраст» научной мысли, интенсивные поиски новых эпистемологических идеалов, которые

[1] См.: *Стёпин В. С., Юдин Б. Г., Филатов В. П., Симонов А. Н., Голдберг Ф. И.* Наука. / Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6860

чаще всего (закономерно) происходят на позициях «отрицания» всего предшествующего опыта, «ветшание» классической академической системы знания, расслоение научных сообществ, теряющих базовые основы профессиональных принципов и т. п.

Во-вторых, *социокультурные*: наметившийся кризис либеральной идеи и мультикультурализма; толерантность «без берегов»; утверждение «общества потребления» с его мозаично-фрагментарным мышлением, с амбициозностью и агрессивностью невежд, с аффирмацией тезиса «вы этого достойны», с масс-культурой и информационными «фейками», подменой и смещением основополагающих культурных понятий/ценностей; с тенденцией трансформации демократии в охлократию и т. п.

В-третьих, *геополитические*: «конец знакомого мира» (И. Валлерстайн) ознаменовался перманентными гибридными войнами, разрушением межгосударственной «договорной системы» и игнорированием международных норм во взаимоотношениях стран и народов, практическим санкционированием системы «двойных-тройных- и т. п.» стандартов общения, расцветом политического «закулисья» и т. п.

В основе этих «тектонических сдвигов» – разрушение (среди прочих) *идеи дисциплинарности* – цивилизационного феномена, фактического постулата теорий «общественного договора», конституционного стержня существования государств, – которая медленно исчезает из «обихода» сообществ, превращая их из собственно со-обществ – структур, объединенных некой «общностью» взглядов, норм «общежития» и правил деятельности, – в аморфные, не поддающиеся когнитивной интерпретации, явления. Не потому ли и категория «научная дисциплина» набивает оскомину у эпистемологически «продвинутых» представителей *самого* переднего края науки?..

Подобные сентенции, разумеется, могут восприниматься как «махровый анахронизм» и «реакционный консерватизм». «Сдержим же слезы»[1]!

Проект «Общества знания» – очередной идеал цивилизационной стратегии – поиск преодоления разрушительных, угрожающих всему человечеству, явлений.

Дисциплину можно рассматривать как:

- общецивилизационный принцип «людского общежития» (В. О. Ключевский)
- норму бытия
- маркер культурного «порядка»
- форму функционирования науки
- средство управления, базовую основу власти
- «Порядок» из «Хаоса»
- способность и вид самоконтроля и т. п.

[1] См.: *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С.43.

Слово «норма» [читай: дисциплина. – Т. П.], заметил Артуро Перес-Реверте, – «двусмысленно и обоюдоостро», так и *Дисциплина* – двуликий Янус: утверждая порядок и стабильность, комфортность существования во всех сферах жизни, она одновременно может привести к «тоталитарному синдрому».

Для историографической ситуации сегодня характерно радикальное переосмысление базовых исходных аксиом историописания, таких как исторический факт, исторический источник, место историка, значение текста и языка в историческом исследовании, содержание историзма и причинности и т. п. Одновременно «проблематизированы вопросы *об основаниях исторической дисциплины* [курсив мой. – Т. П.], о содержании исследовательского процесса, достоверности получаемого знания, способах его репрезентации и восприятия читателем»[1]. Все эти линии так или иначе связаны с проблемой Дисциплины и организации исследовательского процесса в области науки в целом и в пространстве исторической науки, в частности.

На этом общем фоне происходит реактуализация дисциплинарных практик и ресемантизация самих понятий *дисциплины / дисциплинарности*. При этом, учитывая современный научный «хаос» (эпистемологический, терминологический, концептуальный и проч.), только одна «установка» имеет «смыслообразующую» перспективу – установка на *саморефлексию личностную* – осмысление траектории собственного «исторического опыта» и, соответственно, профессионального опыта, и *саморефлексию дисциплинарную* – осмысление, анализ своей профессии, ее истории, ее дисциплинарного бытия, механизмов функционирования дисциплинарных сообществ. В этом плане действительно следует говорить о необходимости смены «дисциплинарного» (догматического) типа мышления – «рефлексивным» (критическим). Но и эта «установка» неизбежно потребует новых «стандартов», конкретных методик, подходов, экспликацию категорий («генеалогию» идей и понятий) и т. п. – всего арсенала профессионального инструментария. Приведет ли изучение этих направлений к выводу о возможности профессии без предписаний и институциональной паутины, или эпифеномен новых открытий окажется непредсказуемым для тех, кто находится в постоянном поиске освобождения от «интеллектуальной бюрократии» или «эпистемологического воздержания»? Откроет ли нам история профессии и профессионалов новые возможности в понимании горизонтов собственных возможностей – возможностей познающего субъекта, или новое направление станет разворачиваться по привычным тропам «предписаний»? Возможно, конституирование самой «дисциплинарной истории» потребует ее трансформации в социокогнитивную систему, интегрированную в конкретный социокультурный контекст, и новое сообщество задумается о параметрах собственной когерентности и дисциплинарной идентичности…

---

[1] ИСТОРИКИ В ПОИСКАХ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ. Коллективная монография / Под общей редакцией З. А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С.19.

Ремарка-штрих. Определяя эту проблемно-риторическую перспективу, не стоит забывать об одном – о постоянно действующем законе гипертрофии *эпистемологической акцентуализации*.

Дисциплинарный поворот не может ограничиваться одной стороной, и маятник не должен качнуться к возрождению «триумфальности» идеи дисциплины. Дисциплина как многоуровневый и многослойных объект анализа потребует коллективных усилий представителей всего дисциплинарного научного мира. И, хотя Нильс Бор предостерегал, что «истина обитает в бездне»[1], дорогу, как известно, осилит идущий.

На этом пути не стоит умалять богатейший опыт дисциплинарных исследований наших предшественников – «вестернизация науки» во многом обусловила забвение (принижение, отрицание и т. п.) отечественных традиций. Устремленность в сторону «переднего края» западной науки привела не только к «смешению понятий», но и к неспособности определиться с историографическим контекстом.

Одновременно настоятельно выполняемая программа «вхождения в мировое историографическое пространство» по сути сняла с повестки дня такие насущные в этих условиях проблемы, как изучение механизма «столкновения» различных научных традиций и его результатов; анализ собственного опыта историописания, выявление его реальных достижений; конструирование компаративистских схем «западных» и «восточных» научных традиций (в том числе – традиций в области «дисциплинарных миров») с целью определения общих тенденций развития и национально-региональной специфики; выявление «общего достояния» «западной» и «восточной» науки с целью преодоления синдромов «противостояния», «ассимиляции», «провинциальности», «научной фанаберии» и проч.; исследование истории дисциплинарных сообществ и т. п. Эти вопросы должны составить новое поле исследований *глобальной историографии – глобальной истории исторической науки*.

История науки / дисциплины «…восстанавливается из прошлых, оставленных или забытых опытов, о чем специалисты почти забыли и снова открыли…»[2]. *Забвение* (естественное или целенаправленное) всегда присутствует в научной жизни, и «возвращение к истоку» включает в себя «переоткрытие» т. н. «устаревших» и даже «исчезнувших» идей, что приводит к реактуализации и перемещению акцентов (М. Фуко).

С XX века, по мнению многих ученых, история вступила в *«историографический этап / возраст»* своего существования, предусматривающий историографический / критический анализ в качестве императива профессиональной

---

[1] Цит. по: *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое: Пер. с нем. М.: Наука, 1989. С. 325.

[2] *Эмар М.* Профессия и призвание историка (современные подходы) // Философская и социологическая мысль. 1995. № 5-6. С. 77.

деятельности историка, а трансформация информационного общества в «манипуляционное» породила новую проблемную ситуацию, которая потребовала переключения «дисциплинарного типа» мышления на «рефлексивный» – «критический». Это, собственно, перманентная стратегия осмысления человеком результатов своей деятельности, попытка подняться в «над-рефлексивную» позицию – категорический императив «эпистемологических прорывов».

Ремарка-вопрос. Но каким будет эпифеномен этих «игрищ с рефлексией»?..

«Дисциплина» в широком значении этого слова – неотъемлемая форма социального бытия. Пронизывая все сферы социума, устанавливая правила общественных связей и отношений, поддерживая и сохраняя (в том числе – в передаче традиций) некий «порядок вещей», дисциплина способствует нормальному функционированию и воспроизводству социума. Институционально-дисциплинарные процессы в науке как компоненте социокультурного организма в целом имеют относительную автономию, но неразрывно связаны с единым «регламентационным» цивилизационным процессом. В основе «движения» (необязательно – «вперед» и «вверх») – не только «рефлексивные размышления» интеллектуалов, представителей научного сообщества, но и много иных, отнюдь «не-научных», факторов, которые влияют на «реактуализацию правил» (М. Фуко) и трансформацию «институциональной среды».

«Дисциплинарность», регламентирующая мир науки, продолжает свое бытие, но, безусловно, каждая новая эпоха со своими социокультурными катаклизмами вносит свои коррективы в систему «дисциплинарных миров».

А напоследок я повторю мудрые слова одного из моих любимых писателей: «Мои сегодняшние глаза – это всего лишь сегодняшние глаза, отнюдь не мои завтрашние»[1]…

[1] *Акутагава Рюноскэ.* Новеллы / Вступительная статья А. Стругацкого. М.: Изд-во «Художественная литература», 1974. С.544.

Парад имён

А

Абеляр П. 91
Абрамова Н. Т. 44
Абушенко В. Л. 91, 101, 243, 340, 360, 362, 363
Автономов В. С. 19
Агамова Н. М. 124, 126
Агацци Э. 167
Аксер Е. 6
Акутагавэ Рюноскэ 369, 376
Алеврас Н. Н. 7, 55, 56, 70, 74, 76, 80, 81, 107, 187, 268, 276, 287, 319, 345
Александр Дж. 69
Александров А. В. 340
Алексеев И. С. 19, 50
Аллахвердян А. Г. 124, 125, 126, 217, 222
Алтухов В. Л. 44, 45, 274
Альбуханова-Славская К. А. 50
Аляев Г. Е. 307
Аммосов М. К. 76
Анаников В. П. (Ananikov V. P.) 125
Андреев А. И. 155
Андреев И. Д. 350
Андриан 360
Андрофагин Д. Ю. 201
Анкерсмит Ф. Р. 26, 103, 104, 238, 267, 313, 370
Ананьич Б. В. 359
Анненкова И. В. 125, 322, 332
Антипов Г. А. 93, 197
Антощенко А. В. 276
Арапов М. В. 14
Ардашкин И. Б. 344
Ариес Ф. 303
Аристотель 46
Артамонова Ю. Д. 54, 84, 85
Артемьева О. А. 174
Аршинов В. И. 40, 165, 178
Астров Н. А. 335
Астахов В. И. 277
Ассизский Ф. 257
Ахтямов А. М. 125
Ахтямова В. А. 125

Б

Бажов С. И. 305
Бажанов В. А. 51
Базанов М. А. 288
Балабушевич Т. А. 213
Баньковская С. П. 105
Барг М. А. 87, 296
Барт Р. 67
Батлер Дж. 371
Бауман З. 16
Бахман-Медик Д. 55, 57, 66, 67, 68, 73, 79, 82, 88, 340, 345
Бахтин М. М. 48
Бачинська О. 333
Башляр Г. 356
Бевзюк Е. (Бевзюк О.) 9, 392
Беззубова О. В. 80, 340
Безрогов В. Г. 335
Безуглова Н. П. 73
Бек У. 170
Беленький И. Л. 255, 260, 261, 283
Белл Д. 14
Белоконь С. И. 213
Бельская Е. Ю. 354
Беляева М. М. 7, 66
Бер Анри 302
Бергер П. Л. 168, 169, 200
Бергман Г. 353
Бержель Ж. Л. 199
Березин Ф. М. 339
Березовский И. П. 213
Берк П. 48
Беркли Дж. 23
Бернал Дж. Д. (Bernal J. D.) 17, 21,
Бернштейн В. С. 56, 87, 346

Бесков И. А. 28
Бестужев-Рюмин К. Н. 270
Бибихин В. В. 76
Бивер Д. де Б. 183
Биглан Эн. 98
Бирман М. А. 325, 326, 328, 331, 332, 333, 335, 336
Бицилли П. М. 8, 59, 60, 61, 80, 86, 87, 154, 179, 257, 277, 286, 288, 289, 296, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336
Бичер Т. 107
Бланке Х. В. 244
Блауберг И. В. 346, 347
Блащук С. 275, 276, 364
Блинников Л. В. 21, 93, 97, 109, 134, 176, 183, 184, 195, 196, 204, 205, 208, 210
Блок Марк 6, 54, 266, 303, 314
Блур Д. 101
Бобкова М. С. 285, 338
Богатая Л. 335
Богдашина О. М. 214
Бодрийяр Ж. 37
Болдырь С. П. 230
Больцано Б. 93
Бом Д. 45
Бондаренко М. А. 2, 5, 179, 193, 229, 261, 263, 276, 296, 328, 333, 337, 392
Бор Н. 45, 46, 47, 75, 374
Боррадори Дж. 356
Бордюгов Г. А. 55, 70
Борн М. 46
Бородкин Л. И. 56
Боряк Е. А. 213
Бреева Т. Н. 61, 264
Брикнер А. Г. 259, 260, 272, 277, 310
Бродель Ф. 6, 8, 61, 226, 288, 310, 314
Брокгауз Ф. А. 353
Брук-Роуз К. 60
Буданов В. Г. 40
Бузескул В. П. 56
Буланин Д. 332
Булыгина Т. А. 10
Бурганова Л. А. 55, 164, 167, 170, 172, 174, 181
Бурдьё П. 69, 82, 104, 105, 136, 152, 171, 208, 343
Быков Г. В. 218, 237
Бычков С. П. 187, 287, 319
Бьяджоли М. 371
Бэкон Ф. 23, 57, 79, 92, 134

В

Вавилов С. И. 300
Вайнштейн О. Л. 59
Валевский А. Л. 254, 258
Валлерстайн И. 11, 17, 18, 19, 33, 35, 36, 42, 54, 82, 132, 133, 146
Валк С. Н. 284
Ван Э. 227, 319, 321
Вандерберг Ф. 69
Васильев А. 53, 189
Васильева М. А. 322, 332, 334
Варакин Л. Е. 14
Вахштайн В. 201
Ващенко В. 193, 303
Вебер М. 198
Велева М. Н. (Велева М.) 332, 333, 336
Вельш В. 26
Верещагина Т. Н. 353
Вернадский В. И. (Вернадський В. І.) 22, 94, 213, 258, 263
Верменич Я. В. 214, 275, 276, 364
Вертгейм Ю. Б. 172, 180
Вершинина Н. А. 124
Вильямс И. Д. 14, 19
Вико Дж. 75
Винер Н. 226, 227, 236
Виноградов В. В. 339
Винок М. 4, 27, 213, 308
Винокур Г. О. 256
Виндельбанд В. 62, 87
Виппер Р. Ю. 238
Витгенштейн Л. 69, 229, 238, 353
Вінквіст Ч. Е. 26
Виноградов В. В.

Возняк В. С. 307
Войниканис Е. А. 353
Войцехівська І. Н. 213
Волков Ю. Г. 43
Волобуев О. В. 317
Вомперский В. П. 332
Воробьев А. В. 353
Воробьева О. В. 11, 40, 42, 55, 56, 179, 219, 227, 229, 268, 275, 286, 319, 321
Воробьева С. В. 338, 339
Вульф К. 65, 85
Выготский Л. С. 50
Вязьмина А. М. 17

Г

Гавриленко С. 52
Гайденко П. П. 19, 24, 109, 205
Галисон П. 139
Галчева Т. Н. (Галчева Т.) 331, 332, 334, 335
Гандев Хр. 332
Галь Н. А. 334, 335
Гейзенберг В. 47, 75, 162, 375
Гегель Г. В. Ф. 93
Генисаретский О. И. 120
Герашко Л. В. 332
Герхард Э. О. 10
Гиббонс М. 106
Гидденс Э. 69, 120
Гирц К. 83
Гладкий Ю. Н. 159
Глебова А. Н. 218, 219, 222, 236, 237
Глушаков Б. Л. 14
Гмелин И. Г. 217
Гнатюк В. 49
Гнедовский М. Б. 101, 165, 178
Гоголь Н. В. 323
Голдберг Ф. И. 15, 56, 124, 202, 346, 372
Головин Б. Н. 339
Голофаст В. Б. 254
Голубович И. В. (Голубович І. В.) 9, 54, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 80, 81, 86, 136, 138, 254, 259, 260, 262, 331, 335, 345
Гольцов В. И. 55
Гордеев Е. Г. (Gordeev E.G.) 125
Гордон Дж. 98
Горохов В. Г. 177, 224, 351
Горький А. М. 334
Горяинов А. Н. 332, 336
Готт В. С. 348
Грановская Л. М. 332
Гребенник Г. П. 323
Григорова Д. 333
Гринин Л. Е. 14
Гришина Н. В. 7, 55, 56, 70, 73, 76, 80, 81, 345
Грицанов А. А. 355
Гриценко Н. Ф. 322
Громов М. Н. 307
Гроф С. 45
Грушевский М. 193
Грязнов В. Ф. 351
Гудин Р. 174, 186
Гумбольдт В. фон 203
Гумилев Л. Н. 8
Гуревич А. Я. 10, 54, 266, 303, 314
Гуссерль Э. 58
Гутнова Е. В. 358

Д

Данилевский И. Н. 270
Данто А. 356
Дворниченко А. Ю. 276
Деррида Ж. 83
Дебор Г. 48
Девятко И. Ф. 120
Декарт Р. 23
Денисов Ю. 234
Джохадзе И. Д. 304
Дзюба І. М. 258
Дильтей В. 60, 62, 255
Дмитриев А. Н. 4, 5, 82, 96, 98, 100, 107, 108, 109, 146, 148, 361, 362, 363, 364, 371
Дмитриенко М. Ф. (Дмитрієнко М. Ф.) 28, 213, 284, 315

Добров Г. М. 21, 126, 175
Добровольский Д. А. 270
Добрякова М. С. 171
Довгополова О. А. 334
Доманска Э. 48, 56, 83
Достоевский Ф. М. 22, 334
Дорофеев Д. Ю. 64
Дорошенко В. 323
Дочев Д. 332
Дринов М. 333
Дротянко Л. Г. 26
Друкер П. (Дракер П.) 14, 19
Дрюк М. А. 45
Дугин А. 355
Дунаева Ю. В. 179
Дэвидсон Д. 351
Дюверже М. 199
Дюркгейм Э. 173
Дюфо Г. 51

Е

Егоров И. Ю. 20, 50
Егорова К. С. (Egorova K.S.) 125
Емельянов Б. В. 301, 302
Ермолаева О. А. 355
Ефанова Э. А. 125
Ефрон И. А. 353

Ж

Железняк М. Г. 258
Жилінська О. І. 50
Жоль К. К. 184, 207
Жук С. І. 197
Жуковская Т. Н. 276
Жуковський А. І. 258
Журба О. І. 213

З

Загороднюк В. 25
Зазнаев О. И. 200
Зайцева Ю. Л. 174, 229, 230, 350, 354
Замлинский В. А. (Замлинський В. О.) 28, 213, 315
Заремба С. З. 124, 213
Зарецкий Ю. П. 54, 59, 61, 80, 86, 259, 345
Зарецкая А. Ю. 54, 59, 61, 80, 86, 259, 345
Захарченко М. В. 177
Зверева Г. И. 55, 69, 78, 79, 345
Зверева В. В. 77, 311
Звиревич В. Т. 304, 308
Зевелев А. И. 281
Зелинский С. А. 14
Зенкин С. Н. 8, 226, 288, 311
Зинченко В. 118,
Зленко Г. 333
Золкин А. Л. 351
Зотов А. Ф. 7, 66

И

Иванова Т. Н. 107, 256, 257, 262
Иванова-Аначкова Е. П. 336
Иванцов Н. А. 103
Иванченко Г. В. 335
Іващенко В. 229
Иггерс Г. 227, 275, 319, 321
Игнатьев А. А. 184, 204,
Иллерицкий В. Е. 277, 297
Илизаров С. С. 213, 300
Ильин В. В. 25, 109, 119
Ильин И. В. 155
Ильин И. П. 170
Ильичев Л. Ф. 302, 350
Иноземцев В. Л. 14, 19, 42, 54, 133, 146
Иншаков О. В. 200
Ионин Л. Г. 25
Ипполитова Н. В. 88, 347, 348
Исаев Д. П. 288, 298
Ицковиц Г. 107

Й

Йолон П. Ф. 307

К

Каганович Б. С. 332, 333, 335
Казаков Р. Б. 270, 358
Калакура Я. 214
Кант И. 23
Капустин Б. Г. 96, 135, 136, 138, 144, 145, 146, 220
Кара-Мурза С. Г. 14
Каразін В. Н. 243, 268, 269, 280, 291, 295, 310, 316, 317
Карамзин Н. М. 277, 283, 295, 298
Кармазіна М. 199, 201
Карсавин Л. П. 61
Касавин И. Т. 133, 134, 135, 140, 143, 181, 214, 217, 299
Кастельс М. 13, 15, 172
Катаев В. 26
Кацук Н. Л. 91, 101, 243, 340, 360, 362, 363
Кашаев В. 11, 27, 40
Кедров Б. М. 17, 59, 95, 109, 115, 119, 126, 132, 205, 250
Кейвал 356
Келле В. Ж. 29, 109, 175, 204
Кемеров В. Е. 354
Кертман Л. Е. 316
Кизима В. В. 25
Киреева Р. А. 269, 277, 278, 296, 297, 298, 316, 358, 359
Кириченко Е. И. 9
Киселева Н. И. 338, 339
Киселева Ю. А. (Кісельова Ю. А.) 56, 269, 295, 310, 316
Кларк Б. Р. 108
Ключевский В. О. 149, 159, 270, 272
Клингеманн Х. Д. 174, 186
Кнорр-Цетина К. Д. (Karin D. Knorr-Cetina) 22
Кныш Н. А. 234
Князева Е. Н. 28, 143
Кобылин И. 56
Ковач В. 323
Ковалевська О. 275, 276, 364
Коваль И. Н. (Коваль І. М.) 310
Ковалев С. М. 302, 350
Ковальский М. П. 59,
Ковальченко И. Д. 58, 87, 159, 218, 231, 237, 253, 284, 297, 339, 340, 342, 346, 347, 348, 349, 350, 358
Ковальчук Л. В. 234
Ковач В. 323
Кодан С. В. 180
Козлов Б. И. 125
Козлова М. А. 335
Козловски П. 26
Койре А. 20, 163, 356
Коллинз Р. 33, 36, 172, 180, 329, 369
Колесник И. И. (Колесник І.) 2, 25, 56, 78, 131, 132, 145, 173, 187, 213, 234, 235, 276, 277, 279, 280, 284, 295, 298, 316, 323, 329, 333, 340, 345, 359
Коломоец Е. 26
Кон И. С. 6, 254
Коновалов И. 9
Коновалова Н. А. 276
Конт О. 198
Копнин П. В. 350
Копосов Н. Е. 55, 319
Корзун В. П. 107, 179, 184, 187, 234, 276, 287, 295
Корнфорт С. 197
Королев Г. И. 124
Коростелев О. 332
Косик В. И. 335
Косиков Г. К. 255
Косминский Е. А. 288
Кособуко М. Э. 174
Костина А. В. 343
Костомаров М. 323
Кочергин А. Н. 225
Кравченко С. А. 69, 80, 345
Краснова Ю. В. 7, 55, 56, 70, 73, 76, 80, 81, 345
Кремень В. Г. 196
Кримський С. Б. 25
Крих С. Б. 288, 298
Кроче Б. 296
Крусман В. Э. 270
Круткин В. Л. 70

Крылов Г. Г. 56
Крянев Ю. В. 354
Куайн А. 163, 356
Куделко С. М. 174, 229, 230, 350, 354, 359
Кудрявцев В. Б. 332
Кузнецов Б. С. 233
Кузнецов В. Ю. 163, 164, 166, 215, 239, 240, 298, 351, 352, 355, 356, 357
Кузнецов И. В. 17
Кузнецова Н. И. 13, 21, 28, 167, 215, 216, 217, 221, 222, 223, 224, 225, 299, 311
Кукарцева М. А. 11, 27, 40, 48, 56, 83, 227, 275, 319, 321
Куликов С. Б. 17, 350
Кульчицкий С. В. (Кульчицький С.) 2, 4
Кун Т. 29, 66, 97, 98, 101, 116, 163, 164, 166, 167, 183, 204, 215, 239, 240, 244, 298, 351, 352, 353, 355, 356, 357
Купцов В. И. 224
Курбатов В. И. 340
Куренной В. 306
Куряев А. В. 19
Куценко Н. А. 307
Кушнерев И. Н. 238

Л

Лавджой А. 163, 356
Лазарев Ф. В. 45
Лакатос И. 30, 101, 204
Лакс А. 307
Лаппо И. И. 271
Лаппо-Данилевский А. С. 213, 234, 270, 277, 284, 285, 296
Лаптева М. П. 7, 55, 56, 80, 81, 87, 338, 345, 346
Латур Б. (Latour B.) 48, 52, 69
Лаудан Л. 184
Лауэ М. фон 13, 22
Лебедев Г. С. 124
Лебедев Д. В. 311
Лебедев С. А. 19, 163, 174, 175, 186, 194
Левина Е. Н. 264
Левченко В. А. 332
Левченко В. В. 9, 50, 331
Левчук В. В. 9
Левшин Б. В. 332
Леденева А. В. 120,
Лекторский В. А. 19, 40, 120, 165, 178
Ленин В. И. 259
Леонтьев А. Н. 50
Леонтьева О. Б. 219
Лехин И. В. 354
Лехциер В. Л. 56, 80
Лешкевич Т. Г. 175, 240, 356
Лиотар Ж.- Ф. 26, 31
Липпман У. 178
Лихачев В. П. 54, 59, 80, 86, 259, 345
Лихачев Д. С. 59, 264, 309
Ллойд Дж. Э. 371
Лобачевский Н. И. 355
Лодал Дж. 98
Ломоносов М. В. 322
Лубский А. В. 11, 40, 43, 71, 79, 173, 191, 274, 342, 345
Лукьянова Т. А. 136, 187
Лукъянец В. С. (Лук’янец В.) 25, 26
Лукман Т. 168, 169
Луков Вл. А. 232, 233, 308, 310
Луман Н. 69
Лысак И. В. 135, 139, 144
Лысенко Е. М. 54, 266, 314
Любутин К. Н. 301, 302
Ляшко С. М. 258

М

Маврин О. П. 139, 143
Мавродин В. В. 276
Магидов В. М. 70
Мазур Л. Н. 55, 344
Мазюрель Э. 51
Майер А. 163, 356
Макинтайр А. 356
Маковецький А. М. 50

Максименко І. В. 133
Макушин А. В. 270
Малкей М. Дж. (Michael Mulkay) 22, 29, 95
Маллинз Н. 245, 247
Маліцький Б. А. 21
Маловичко С. И. 10, 219, 276, 280, 281
Мальковская И. А. 40
Малыхина Н. В. 14
Мамардашвили М. К. 25, 84, 120
Мамзин А. С. 225
Мамонтова М. А. 276
Мамчур Е. А. 28, 55, 109, 154
Мандель Б. Р. 125
Манолакев Хр. П. 332
Маньковская Н. Б. 39
Маргулис А. В. 119
Маркевич А. И. 223
Маркин В. И. 340
Марков А. 108
Маркова Л. А. 204, 299
Маркова Ю. В. 105
Маркс К. 198
Марчук М. Г. 20, 50
Мастерман М. (Masterman M.) 351
Маттеус Б. (B. Matthews) 57
Матяш І. 124, 213
Мегил А. 11, 27, 40
Медведева Р. К. 7, 66
Медушевская О. М. 4, 268, 271, 311
Медушевский А. Н. 311
Мейерсон Э. 163, 356
Мельник В. В. 56
Мельникова Е. А. 332
Мельникова О. М. 344, 358
Менжулин В. И. (Менжулін В.) 54, 57, 62, 63, 66, 81, 86, 259, 306, 345
Мереминский С. Г. 285
Меркулов И. П. 28
Мертон Р. К. 20, 97, 98, 162, 163, 164, 165, 203, 356
Метель О. В. 288, 298
Мецгер Е. 163, 356
Мечников И. И. (Мечников І. І.) 63, 258, 270, 310, 333
Мещерский А. П. 325, 332
Мещеряков Б. 118
Мизес Л. фон 19, 49
Микешина Л. А. 319
Микулинский С. Р. 28, 184, 215, 216, 226, 299
Мильчина В. А. 8, 226, 288, 311
Миляева С. 52
Милюков П. Н. 234, 270, 295
Мирский Э. М. 21, 93, 97, 109, 116, 133, 134, 163, 174, 175, 176, 183, 184, 186, 194, 195, 196, 204, 205, 207, 208, 210, 239, 361
Мирская Е. З. 162, 184, 359
Михайлов Б. В. 125
Михайлов В. А. 159
Мишле Ж. 226
Могильницкий Б. Г. 39, 70, 83, 355
Моисеев В. Б. 118
Мокий В. С. 136, 187
Монтюкл Ж. Э. 217
Москалев И. Е. 242
Моторина Л. Е. 354
Мотрошилова Н. В. 122
Мукерджи С. 227, 275, 319, 321
Муравьев В. А. 4, 270
Мягков Г. П. 164, 167, 170, 172, 174, 179, 181, 256, 257, 262, 359
Мякотин В. А. 335

Н

Нарский И. В. 55, 69, 70, 73
Наумова Г. Р. 283
Некрасов Н. В. 256
Неуймин Я. Г. 218, 227, 236, 237
Немченко И. В. 270
Неретина С. С. 91, 109, 116, 192, 241, 340, 362, 364
Нечкина М. В. 28, 277, 281, 297
Никифорова С. В. 73, 73, 76
Николаев А. И. 234, 309
Николаева И. Ю. 39, 83
Николаи Ф. В. 56
Ницше Ф. 62

Новиков А. И. 301
Новиков А. М. 133
Новіков Б. В. 20, 50
Новоселов М. М. 338, 339
Нозик Р. 356
Нора П. 4, 27, 213, 214, 266, 303, 308
Норт Д. 200
Ньютон-Смит В. 17

О

Овчинников Н. Ф. 23, 44, 45
Огурцов А. П. 21, 26, 29, 90, 91, 93, 95, 97, 109, 122, 133, 134, 155, 158, 176, 178, 184, 195, 196, 204, 207, 208, 210, 246
Озуф М. 4, 27, 213, 308
Окуджава Б. Ш. 90
Ольденбург С. Ф. 213
Оноприенко В. И. (Онопрієнко В. І.) 15, 16, 20, 124, 126, 127, 175, 177, 178, 184, 192, 201, 202, 203, 213, 219, 222, 225, 226, 300, 359
Оноприенко Ю. И. 178
Ортега-и-Гассет Х. 45
Осин В. 175
Оссовская М. (Оссовска М.) 20
Оссовский С. 20
Офертас С. 48,
Оффенштадт Н. 51

П

Павлова А. Б. 353
Пазюра Н. 275, 276, 364
Панкратова Е. А. 115, 116, 117
Панов В. Г. 302, 350
Парамонова М. Ю. 77, 283, 311
Патнэм Д. 356
Патон Б. Є. 213
Парсонс Т. 93, 97, 134, 163, 184, 203, 207
Пархоменко В. Д. 50
Пашуто В. Т. 332
Пелс Д. 69
Перевязко Н. В. 355
Перес-Реверте А. 254, 374
Петкова Г. П. 332, 333, 335
Петр I 199
Петриковская Е. С. 63, 64, 65, 66, 81, 86
Петров А. 347
Петров М. К. 21, 24, 91, 92, 93, 97, 109, 115, 116, 133, 134, 176, 183, 184, 188, 192, 195, 196, 204, 205, 207, 208, 210, 241, 362, 364
Петров Ю. В. 342
Петров Ф. И. 354
Петровская И. Ф. 255
Петровский И. Г. 334
Печенкин А. А. 158, 217, 221, 224
Пештич С. Л. 277
Пиаже Ж. В. Ф. 141, 163, 356
Пикалов В. Г. (Пікалов В. Г.) 273
Пименова Л. А. 51
Пирс Ч.-С. 62
Пископпель А. А. 118, 119, 120, 123
Пінчук Ю. А. 284, 323
Платон 46, 353, 369
Платонов С. Ф. 234,
Подгаецкий В. В. (Підгаєцький В. В.) 25, 231, 232
Полани М. 101, 163, 164, 165, 167, 178, 356
Полетаев А. В. 72, 145, 151
Полонская И. 52
Полонников А. А. 10, 69, 79, 342
Поляков Ю. А. 296
Полякова А. П. 7, 66
Попик В. 258
Попов С. В. 9
Попова Т. Н. (Попова Т. М., Tatiana N. POPOVA) 2, 5, 28, 36, 38, 104, 179, 193, 197, 229, 260, 261, 263, 265, 268, 269, 272, 276, 280, 284, 286, 287, 291, 295, 312, 315, 316, 323, 324, 328, 329, 331, 332, 333, 335, 336, 337, 389-392
Поппер К. Р. 17, 20, 204

Посохов С. И. (Посохов С. І.) 41, 42, 174, 183, 229, 230, 273, 295, 350, 354, 359
Постников А. В. 311
Порус В. Н. 217
Прайс Д. Дж. де С. 97, 109, 165, 183
Пригарин А. А. 312
Пригожин И. 18, 45
Принц Дж. 12, 59, 79, 345
Пружинин Б. И. 11, 40
Пруст М. 259
Пушкарев Л. Н. 281
Пэнто Л. 170
Пюимеж Ж. де 4, 27, 213, 308

Р

Рабле Ф. 48
Радаев В. В. 171
Радищев А. Н. 10
Раев М. 326
Райхерт К. В. 125, 307
Ранке Л. фон 259
Репина Л. П. 4, 10, 17, 36, 39, 40, 42, 43, 48, 53, 55, 56, 57, 60, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 79, 83, 86, 134, 136, 138, 145, 149, 177, 179, 180, 181, 219, 220, 242, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 268, 271, 273, 274, 275, 276, 283, 286, 287, 303, 311, 318, 319, 320, 342, 345, 358
Рижко В. А. 25
Риккерт Г. 7, 66
Рикер П. (Рікер П.) 200
Рогозин Д. М. 254
Розенблют А. 226, 227, 236
Розин В. М. 56, 87, 346
Розов М. А. 20, 28, 40, 51, 149, 167, 177, 184, 224, 225, 226, 351
Розов Н. С. 33, 172, 180, 321
Роллан Р. 259
Романов П. В. 70
Рорти Р. (R. Rorty) 4, 26, 62, 76, 302, 303, 304, 306, 356, 370
Рохас К. А. 266, 274, 319
Рубинштейн Н. Л. 277
Рубинштейн С. Л. 19, 49, 50, 345
Руда С. П. 124, 213, 225
Руденко А. 9
Румянцева М. Ф. 14, 27, 145, 195, 219, 243, 268, 270, 276, 280, 281, 344, 358, 364, 365
Рыбников Н. А. 256
Рыжакова С. И. 48
Рюзен Й. 244
Рюноскэ А. 369, 376

С

Сабашниковы 226, 288, 310
Савельева И. М. 4, 5, 6, 41, 55, 72, 82, 96, 98, 100, 107, 108, 109, 145, 146, 148, 151, 361, 362, 363, 364, 371
Савельева М. Ю. 73
Савицкий Е. Е. 77
Савкова Л. С. 234
Савчук В. В. 54, 57, 58, 59, 66, 72, 73, 76, 79, 82, 89, 342
Сагатовский В. Н. 119
Садовский В. Н. 109, 183
Сайд 83
Сальникова А. А. 56
Сантинелло Дж. 307
Санцевич А. В. 277, 315
Сарбей В. Г. 277
Саттон Ф. Х. 163, 356
Сахаров А. М. 28, 277
Сачкова Ю. В. 109
Седов Л. А. 21, 93, 97, 109, 133, 134, 176, 184, 195, 196, 204, 205, 207, 208, 210
Селунская Н. Б. 55
Семегин Г. Ю. 199
Семенов Ю. И. 58, 59
Семенова Н. Н. 124, 125, 126, 217, 222
Семенюк Э. Л. 348
Сиверцев Е. Ю. 225
Сиволоб Ю. В. 184, 207
Сильвестров Д. В. 48
Симонов А. Н. 15, 93, 124, 133, 202, 372

Сиринелли Ж.- Ф. 303
Сироткина И. Е. 48
Скакун В. М. 356
Скальковский А. А. 213
Смирнов С. А. 64
Смирнова Н. М. 165, 178
Смолий В. А. (Смолій Валерій) 21, 56, 197, 198, 213, 214, 219, 220, 258, 275, 276, 283, 284, 295, 323, 329, 333, 337, 364
Соколов А. Б. 55
Сократ 353, 356, 369
Солженицын А. 322, 334
Соловьев С. М. 159
Соловьев Э. Г. 14
Соловьев Э. Ю. 84, 85, 113, 256, 257, 263
Спенсер Г. 199
Спиноза Б. 103
Станко В. Н. 312
Старостин Б. А. 94, 165, 178, 203, 214, 215, 216
Старовойтенко І. 213
Стельмах С. П. (Стельмах С. І.) 4, 35, 197, 198, 213, 243, 244, 247
Стенгерс И. 45
Степанов Ю. С. 340
Степин В. С. 14, 15, 19, 25, 40, 55, 93, 122, 124, 132, 133, 154, 184, 202, 224, 343, 351, 353, 372
Стилл А. Т. (A. T. Still) 57
Сторер Н. 93, 97, 98, 133, 134, 163, 184, 196, 207
Стругацкий А. 369
Студенников И. В. 9
Стус Д. В. 258
Субботин А. Л. 57
Суходуб Т. Д. 307
Сычева Л. С. 109, 362
Сыченкова Л. А. 334

Т

Татаринов В. А. 339
Татищев В.Н. 295, 298
Тахо-Годи А. А. 353
Ташкенов С. 55, 57, 66, 68, 79, 82, 340, 345
Тейлор Е. І. 26
Тетерин В. В. 353, 356
Тернер В. 48
Тикнор К. (C. Ticknor) 57
Тимонин В. 11, 26, 40
Тимофеев И. С. 218, 237
Тихомирова Ф. А. 63, 81, 86
Ткач А. А. 201
Толстых Г. А. 332
Томазов В. В. 213
Топоров В. Н. 325
Тоштендаль Р. 40
Траулер П. 108
Тредиаковский В. К. 10
Трибунский П. А. 270, 286, 295
Трофимова В. С. 247
Трубина Е. Г. 229
Трыков В. П. 259
Тулмин Ст. 101, 158
Туниманов В. А. 332
Тургенев И. С. 264
Турен А. 51, 200
Тьерри О. 33
Тынянова О. Н. 169

У

Уайт Х. 83, 229,
Удод О. А. 275, 276, 337, 364
Уемов А. И. 237
Уитли Р. (R. Whitley) 29, 95, 106, 184, 205, 207, 208, 246, 247
Уокер Д. 236
Уолгар С. 176, 195
Уолрф Б. Л. 356
Урсул А. Д. 155, 348
Урсул Т. А. 155
Усманова А. 70
Успенский Ф. Б. 325, 331, 332, 333
Ушаков Е. В. 175, 197, 206
Уэбстер Р. 14

Ф

Фахрутдинова А. З. 209
Февр Л. 303
Фейерабенд П. 22, 23, 204
Федорова К. 52
Федосеев П. Н. 302, 350
Филатов В. П. 15, 93, 124, 133, 202, 372
Филиппов И. Т. 255, 256
Фихте И. Г. 93
Фишер К. 62
Флек Л. (Флєк Л.) 164, 353, 356
Флоренский П. А. 338, 339
Флоровский Г. В. 333, 334
Фокин Е. И. 304
Форман П. 28
Фофанов В. П. 119
Фреге Ф. Л. Г. 340
Фрейд З. 62
Фридман А. С. (Фрідман О. С.) 54, 59, 254, 260, 262, 263, 334
Фролов А. А. 118
Фролов И. Т. 354
Фролова Ю. Н. 118
Фукидид 259
Фуко М. 37, 38, 69, 83, 84, 85, 101, 169, 170, 189, 363, 373

Х

Хабермас Ю. 26, 84, 85, 120
Хазина А. В. 56
Хайдарова Г. 65
Хайдеггер М. 60, 62, 69, 76
Хапаева Д. 27
Хапитонов В. В. 229
Харре Р. 40
Хархордин О. В. 43
Хаусман Г. 4
Хахлвег К. 158
Хейзинга Й. 48
Хезерингтон К. 69,
Хмарский В. М. (Хмарський В. М.) 213, 333
Хмелевская Ю. Ю. 56, 70
Холтон Дж. 101
Храмов Ю. А (Храмов Ю. О.) 20, 21, 125, 219
Храмова В. Л. 355
Хромченко М. С. 56
Хукер К. 158

Ц

Цамутали А. Н. 276, 359
Цветаева М. И. (Цветаева М.) 332
Цехмистро И. З. 45

Ч

Чайковский Ю. В. 125
Чала О. 174
Чеканцева З. А. 11, 43, 55, 56, 187, 229, 268, 286, 319, 374
Черепнин Л. В. 28, 277
Черникова И. В. 351
Чернов Е. А. 230
Черноскутова Л. Б. 304
Чистобаев А. И. 159
Чишко В. С. 124, 213, 254, 258, 263
Чолов П. 332
Чубарьян А. О. 71, 75, 77, 79, 199, 255, 256, 281, 286, 342, 344, 345, 358
Чугунов В. В. 125
Чухно А. А. 50

Ш

Шапиро А. Л. 277, 358, 359
Шарова А. В. 288
Шацкий Е. 16, 38, 53, 189
Шведова Н. Я. 223
Швырев В. С. 20, 24, 40, 50, 56, 84, 85, 87, 120, 342, 346
Шевцов В. И. 298
Шевченко Ф. П. 277

Шевченко Т. 258
Шелер М. 64
Шендрик А. И. 14
Шепетяк О. 353
Шикло А. Е. 283
Шилков Ю. М. 90, 91, 92, 127
Шинкарук В. И. 307, 308
Шипунова О. Д. 225
Широков О. Н. 257, 258, 262, 265
Шиян Т. А. 139, 143, 167, 209
Шкаратан О. И. 14
Шлоссер А. 259
Шматко Н. А. 26, 31, 105, 171, 342
Шмидт С. О. 13, 255, 284, 297, 366
Шпигель-Резинг И. 20, 100, 204, 207, 245, 246
Шрамко Я. В. 307
Шруба М. 332
Штихвей Р. (Stichweh R.) 242
Шумпетер Й. А. 19
Шурбована О. 199, 201

Щ

Щедрина Т. 40
Щедровицкий Г. П. 50, 119, 120
Щербакова Е. И. 55, 70

Э

Эйдельман Н. 10
Эйнштейн А. 217
Эмар М. 152, 375
Эпштейн М. 39
Эш М. 108

Ю

Юдин Б. Г. 15, 21, 24, 59, 93, 95, 96, 97, 109, 109, 115, 116, 118, 119, 124, 133, 134, 176, 183, 184, 184, 194, 195, 196, 202, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 250, 363, 372
Юдин К. А. 56
Юдин Э. Г. 20, 50, 119, 120, 346, 347
Юлина Н. С. 307
Юм Д. 23
Юревич А. В. 28, 124, 125, 126, 127, 192, 217, 222, 244, 245, 247
Юсим М. А. 325, 331, 332, 333
Юэ А. (A. Ure) 57

Я

Яковенко Н. 39, 346
Яковлев А. И. 262, 265
Якубович М. 48
Янцен В. В. 331, 335
Яремко Ю. 200
Ясперс К. Т. 17, 42, 94
Ястребицкая А. Л. 33
Ясь А. В. (Ясь О. В.) 2, 193, 198, 220, 258, 275, 276, 281, 295, 323, 364, 370
Ярошовець В. І. 308
Ярская-Смирнова Е. Р. 70

РЕЗЮМЕ

Т. Н. ПОПОВА

Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия

Книга посвящена проблемам дисциплинарной организации науки. Автор поднимает широкий круг вопросов, связанных с осмыслением в современной социогуманитарной научной литературе явления «дисциплинарности» как социокультурного феномена. Проанализированы основные подходы, заявленные в историографии, а также позиции ученых, объектом исследований которых выступает наука и научная деятельность, к интерпретации понятий «дисциплина», «дисциплинарное сообщество», «дисциплинарная история», «дисциплинарный и проблемный образы науки», «дисциплинаризация» и «институционализация» и др. Акцентуализирована проблема категориального аппарата современных дисциплинарных / междисциплинарных исследований; рассмотрены вопросы о соотношении «дисциплинарности» и «междисциплинарности», их содержании, видовом, типовом и функциональном статусе. Приведены разнообразные точки зрения на проблему «поворотов» как маркеров эпистемологических поисков в современной науке, обозначены подходы к смысловым интерпретациям этого явления представителями различных социогуманитарных дисциплин (философов, социологов, психологов, историков / историографов, науковедов и т. п.), к взаимосвязи «поворотов» и новых проблемных полей и дисциплинарных образований. Многообразие моделей научной дисциплины, предложенных в литературе за последние годы, дополнены авторскими вариантами инструментальных моделей дисциплины, дисциплинарности, историографического процесса, а также моделей институционального анализа. Концептуализированы «персональные маршруты» таких областей знания, как *биографистика*, *историография, бициллиеведение*; проанализированы процессы их «дисциплинарного движения», специфика этих процессов и итоговый формат – научный статус, который получили эти «науки о человеке» в современном научном мире. Обозначена эволюция дисциплинарных образов науки – от онтологического, через гносеологический и методологический к организационному и коммуникативному; особо акцентирован подход к дисциплинарности / междисциплинарности как «техникам мышления» и мировоззренческим установкам.

«Дисциплинарный поворот» рассматривается как очередной в плеяде многочисленных «поворотов» последней трети XX в. – первых десятилетий 2000-х гг. Обращено внимание на комплекс факторов, обусловивших появление этого «поворота» ко второму десятилетию нового века, на перемещение фокуса исследовательского интереса от дисциплинарности к междисциплинарности и далее – к восприятию этих форм бытия науки как взаимодополняющих.

Глоссарий представлен в контексте дефиниций и экспликаций основной терминологии и дополнен авторским рабочим словарем.

РЕЗЮМЕ

Т. М. ПОПОВА

Дисциплінарний образ науки: підходи та поняття

Книга присвячена проблемам дисциплінарної організації науки. Автор піднімає широке коло питань, пов'язаних з осмисленням в сучасній соціогуманітарній науковій літературі «дисциплінарності» як соціокультурного феномену. Проаналізовано основні підходи, заявлені в історіографії, а також позиції вчених, об'єктом досліджень яких виступає наука і наукова діяльність. Представлено розмаїття варіантів інтерпретації понять «дисципліна», «дисциплінарне співтовариство», «дисциплінарна історія», «дисциплінарний і проблемний образи науки», «дисциплінарізація» і «інституціоналізація» та ін. Акцентуалізована проблема категоріального апарату сучасних дисциплінарних / міждисциплінарних досліджень; розглянуті питання про співвідношення «дисциплінарності» і «міждисциплінарності», їх зміст, видовий, типовий і функціональний статуси. Наведено різноманітні точки зору на проблему «поворотів» як маркерів епістемологічних пошуків в сучасній науці, позначені підходи до смислових інтерпретацій цього явища представниками різних соціогуманітарних дисциплін (філософів, соціологів, психологів, істориків / історіографів, наукознавців і т. п.) до взаємозв'язку «поворотів», нових проблемних полів і дисциплінарних утворень.

Різноманіття моделей наукової дисципліни, запропонованих в літературі за останні роки, доповнені авторськими варіантами інструментальних моделей дисципліни, дисциплінарності, історіографічного процесу, а також моделей інституціонального аналізу. Концептуалізовані «персональні маршрути» таких областей знання як біографістика, історіографія, біциллієзнавство; проаналізовано процеси їх «дисциплінарного руху», специфіка цих процесів і підсумковий формат – науковий статус, який отримали ці «науки про людину» в сучасному науковому світі. Позначена еволюція дисциплінарних образів науки – від онтологічного, через гносеологічний і методологічний до організаційного і комунікативного; особливо акцентований підхід до дисциплінарності / міждисциплінарності як до «технік мислення» або світоглядних настанов.

«Дисциплінарний поворот» розглядається як черговий у плеяді численних «поворотів» останній третини XX ст. – перших десятиліть 2000-х рр. Звернуто увагу на комплекс чинників, що зумовили появу цього «повороту» до другого десятиліття нового століття, на переміщення фокусу дослідницького інтересу від дисциплінарності до міждисциплінарності і далі – до сприйняття цих форм буття науки як взаємодоповнюючих.

Глосарій представлений в контексті дефініцій і експлікацій основної термінології і доповнений авторським робочим словником.

SUMMARY

Tatiana N. POPOVA

Disciplinary image of science: approaches and concepts

The book is devoted to the problems of disciplinary organization of science. The author raises a wide range of issues related to the understanding of the phenomenon of "disciplinary" in modern socio-humanitarian scientific literature. It is analyzed the basic approaches presented in historiography, as well as the positions of scientists whose object of research are science and scientific activity. The diversity of interpretations of the concepts “discipline”, “disciplinary community”, “disciplinary history”, “disciplinary and problematic images of science”, “disciplinarization” and “institutionalization” are demonstrated.

The problem of the categorical apparatus of modern disciplinary / interdisciplinary research is emphasized. The issues of the relationship between “disciplinarity” and “interdisciplinarity”, their content, specific, typical and functional status were considered.Various points of view on the problem of "turns" as markers of epistemological searches in modern science are presented. It is defined approaches to interpretations of the meanings of this phenomenon by representatives of various social and humanities disciplines (philosophers, sociologists, psychologists, historians / historiographers, theorists of science, etc.), to the relationship of “turns” and new problematic fields and disciplinary entities. The variety of models of scientific discipline proposed in the literature in recent years is supplemented by the author's versions of instrumental models of discipline, disciplinarity, historiographic process, as well as models of institutional analysis.

The “personal routes” of such areas of knowledge as theory of biography, historiography, Bitsilli studies are conceptualized. The processes of their “disciplinary movement”, specificity of these processes and the final format – the scientific status in the modern scientific world has been introduced. The evolution of disciplinary images of science – from ontological, through epistemological and methodological to organizational and communicative – is demonstrated. The approach to disciplinarity / interdisciplinarity as “thinking techniques” or worldview attitudes are especially emphasized.

"Disciplinary turn" is considered as the next trend in the galaxy of numerous "turns" of the last third of the twentieth century – the first decades of the 2000s. Attention is drawn to the complex of factors that led to the emergence of this “turn” to the second decade of the new century, to the shift of the focus of research interest from disciplinarity to interdisciplinarity and further to the perception of these forms of science being as complementary. The glossary is presented in the context of the definitions and explications of the basic terminology/ It is supplemented by the author's working vocabulary.

Наукове видання

Попова *Тетяна Миколаївна*

ДИСЦИПЛІНАРНИЙ ОБРАЗ НАУКИ

підходи та поняття

(російською мовою)

Худ. оформлення:
Ідея – *Т. М. Попова*
Дизайн та комп'ютерне верстання – *О. В. Бевзюк*

Здано у виробництво 02.07.2019 р. Підписано до друку 11.07.2019 р.
Формат 70×100/16. Папір офсетний. Гарнітура TimesNewRoman.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 22,78. Наклад 300 прим.
Зам. № 1207/3.

Надруковано у друкарні «Апрель»
ФОП Бондаренко М. О.
65045, м. Одеса, вул. В. Арнаутська, 60
тел.: +38 0482 35 79 76
www.aprel.od.ua

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців ДК № 4684 від 13.02.2014 р.